

ВЕЙРА НАНКЕШТА ЛЮБРОФТ

Александра

Сергеева

“
ОТДАМ ВСЁ, ЧТО СМОГУ”

Чутьё не обмануло Юлькиных мужчин: погибнуть им было не суждено. А судьба им начать новую жизнь в ином мире. И в иной ипостаси. Приготовиться к которой невозможно, предугадать немислимо. Возможно лишь бороться за выживание. Но сначала найти друг друга.

Потому что в любом мире всё начинается и всё заканчивается твоей семьёй.

Глава 1

Прыг-скок. Прыг-скок. Разнесчастный колобок

— Следуя заветам предков своих, мудрый создаёт себя знаниями. Не стоит мудрый на месте. Ибо остановившись, на ногах не устоять. Ибо остановившись, скатишься ты обратно в мрак неведения предсущего. Не ограничивает себя мудрый словами сказанными, а доискивается слов записанных. Ибо записанное не искажается. А, стало быть, обучает премудрости.

— Короче, нужно больше читать, — проворчала под нос Юлька, борясь с желанием раззеваться во всю пасть.

Дедуля поднял на неё чёрные волоокие — как пишут в романах — преисполненные вселенской кротости очи. А ещё преисполненные укоризны. Укоризну имеет смысл предназначать человеку, от которого ожидаешь правильной реакции: устыдиться и прекратить.

В принципе, Юлька сей посыл понимала. С «устыдиться» у неё всё в порядке: дедулю обижать не хотелось, ибо грешно. Проблема была с «прекратить».

Так и зудело окрыситься на старого сухаря. Послать подальше с его нудными проповедями. А вот чувствовать себя свиньёй категорически и всеобъемлюще не хотелось. Раз уж тебя воспитали в уважении к старости, мучайся и не ропщи.

— Тот, кто следует путём постижения записанной премудрости, станет искусным, — продолжал дедуля бубнить, как заведённый.

Мучайся и не ропщи — уговаривала себя Юлька. Но оказалось, что уговаривать поздно. Встав на тропу войны, она уже преисполнилась дерзости, которой требовался выход. Желательно с минимальным ущербом для совести. И выход таки нашёлся: пассивный бунт. Она зевнула: широко, до хруста. С наслаждением и брызнувшими из глаз слезами. Прелесть, что за удовольствие.

А дедуля хитрец: на неё не смотрел, но всё подмечал. Уловил её настроение и тут же съехал с темы предыдущей лекции. Без предупреждения завёл новую шарманку:

— Не преуспеет злой, но преуспеет доброжелательный. Ибо...

Юлька уже облегчила «зуд протеста» и не стала ему мешать. Предпочла заняться собственными мыслями. Собственно, мысль одна: что делать? Нет, две. И вторая точила с остервенением термитов, замурованных в стальном сейфе: где Севка?

С Даяном и Кириллом они, понятно, разминулись. Виновата — кругом виновата! Затупила и замешкалась: ребята ушли «на эту сторону» раньше. Сомнений, что они где-то здесь, в этом мире, ни малейших. Куда они денутся? Нужно просто хорошенько поискать. Да и мужики не станут сидеть, сложа руки. Особенно Даян: у него не только жена потерялась — сын!

Но Севка-то, Севка! И Дэма. С ними она была рядом до самого конца. До самой

последней секундошки. Они просто обязаны оказаться ТУТ. Пускай и не прямо за стеной, так хотя бы в обозримом пространстве.

Кстати, а почему, собственно, не за стеной — обернулась Юлька и воззрилась на каменную кладку за спиной. Солидную такую непрошибаемую. Из каменных блоков высотой по самую её макушку — как только пупки не надорвали, втаскивая один на другой?

Главное: зачем? Понятно, что для непрошибаемости, но кем конкретно? Кровожадным врагом? Кровожадными монстрами? Она вовсе не удивится, если в мире, куда её закинуло, эволюционировали и такие. Но это, кажется, уместно для наружных укреплений вроде крепостных стен. На кой ляд такие стены в помещении? Последний оплот? Вопросы-вопросы-вопросы.

А в голове пустота. Новое тело не из яйца вылупилось. Оно жило, оно думало, оно изучало. У него есть память, а в памяти инфа. Но делиться ею тело не торопилось. В смысле, ценной инфой. Как бы нелепо это ни звучало, тело отгородилось от сознания-вторженца из другого мира. А может, из прошлого на собственной планете — чем чёрт не шутит? Тело заняло круговую оборону и не шло на переговоры — хоть руки-ноги работали, и то хлеб.

Жаль, что в своих снах Юлька так и не добралась до зеркала. Не увидала себя ту: девчонку-подростка. Руки, ноги и наволочка на теле один в один. Однако существует ещё и такой подлый феномен: если женщина хочет во что-то поверить, на пути у неё не стой. Хочет она верить, что переселилась именно в ту девочку, и верит — хоть кол на голове тещи.

— И твори это с любящим сердцем, — без запинки чесал дедушка, создавая необременительный фон для раздумий. — Для Бога твоего. Посвящённый в таинства егс начала начал.

Так, что же оно такое — место её заключения? Которое ничем иным быть не может. На древность здешнего исторического периода прямо указывала надетая на неё наволочка. И лёгкая льняная юбочка дедульки над мосластыми коленками — точь-в-точь, как во сне.

Уверенности добавляли её сланцы-танкетки на деревянной подошве. И его унылые сандалетки отнюдь не фабричного производства. Образ довершали каменная резная чеплашка с чернилами и палочка для письма. Сны обещали древние времена и не обманули: преданья старины глубокой.

Да и бумага у них тут ужасна: такой разок подотрёшься — месяц чесаться будет. Не говоря уж о том, чтобы конспектировать дедулькины лекции. А конспектировать-то ей как раз и предлагалось. Ибо подразумевалось, что её нынешнее девчоночье вместилище грамотно. К тому же остро нуждается в продолжении образования после некоторого перерыва.

Намерение, несомненно, благое и полезное — покосилась Юлька на стопку бумаг перед носом. Затем снова оглядела место её содержания: на школу оно походило так же, как хомяк на бетономешалку. К тому же ученицу сюда замуровали явно силком и явно надолго. Лишь бы не пожизненно — поёжилась она.

— Земная жизнь недолга и несовершенна! — чуть наддал дедуля громкости. — Процветает тот, кто способен оставить по себе добрую память!

— В виде банковских счетов и недвижимости, — пробухтела под нос Юлька, прикидывая, как бы сократить урок за счёт актов неповиновения и саботажа.

— Ты опять говоришь на неведомом языке, — оживился дедок, позабыв о лекции, предписанной к прочтению кем-то свыше. — Это не язык аргатанов. Тот мне известен. И не

язык диких чмонов...

Юлька прыснула. Учитель удивлённо повёл неприлично мохнатыми седыми бровями. На тёмно-коричневом морщинистом лице те выглядели снежными сугробами. Козырный ровный загар указывал на «курортные» условия проживания.

— А что говорит твоя Всесильная и Разрушающая? В смысле, Повелительница смерти, — иронично осведомилась Юлька.

— Думай, что говоришь, — втянул дедуля голову в костлявые плечи.

— Вроде ничего не перепутала, — вытаращилась малолетняя охальница на пугливого наставника. — Всё перечислила.

Впрочем, не такая уж малолетняя: пятнадцать годочков. По местным меркам вполне созревшая невеста: ещё годик-другой, и превратится в старую деву. Хотя к этому ещё нужно привыкнуть: мозг-то всё равно воспринимает девочку подростком.

С одной стороны, вселение в юное тело воодушевляло подброшенным шансом пожить подольше. Если, конечно, у окружающих столь же трепетное отношение к твоей жизни, как и у тебя. С другой, какое-то внутреннее бессилие девчонки лишало иллюзий: то ли тебе реально шанс дали, то ли кукиш под нос сунули, дабы излишне не обольщалась.

— Так не бывает, — вздохнув, пробормотал дедуля, старательно избегая смотреть на воспитанницу.

— Как так?

— Чтобы человек в одиночасье себя потерял, а после нашёл себя другим. Абсолютно другим, — вопросительно зыркнул осторожный абориген в сторону той, кого непритворно боялся.

Расстояние, что их разделяло, не позволяло распознавать нюансы взоров: десяток метров для задушевной беседы чересчур. Если бы не всепоглощающая тишина да отличная акустика, им бы вообще пришлось орать.

Что же касается дедулиных страхов, тут Юлька недоумевала: она уже сейчас представляет собой нечто кошмарное, или когда-то в будущем? Помнится, загубленный ящерицей дядечка из сна упоминал, что она пока не обрела какой-то УАТ. А вот уж обретёт — всем мало не покажется. Пока всё указывало на обещанную им перспективу. Меры предосторожности по её содержанию архи возможные в данных архаичных условиях. В них что-то постановочное — не сказать, цирковое. Смертельный номер с тигром в клетке.

Только в её случае со змеями. Которые кишмя кишели под ногами на всём пространстве меж двух деревянных помостов метра три высотой.

Первый торчал под входной дверью в «светлицу» — причём сама дверь красовалась в середине стены. На узкой площадке этого деревянного насеста и сидел дедулька: в паре шагов от лазейки на волю. Намёк на любую опасность, и нырнёт в неё, спасая шкуру.

На той же площадке для Юльки оставляли еду с предметами туалета. И отнюдь не мамки-няньки, а мускулистые мужики в кожаных юбках. В толстых проклёпанных замысловатых перевязях и во всеоружии. Те самые воины из снов. Один к одному: богатыри, насторожённые, как собаки.

Насест Юльки — помост для сожжения ведьмы два на два метра — прилеплен к противоположной стене. И, в отличие от дедушкиного, её прибежище было в несколько слоёв покрыто коврами. В которых ни блох, ни клопов, ни особой пушистости: жёсткие и колются так, что лучше бы клопы кусали.

Половину жизненного пространства занимала кипа перин с подушками. И

пёстренькими пушистыми удивительно лёгкими покрывалами. Познакомиться бы с мамашей, стянувшей с плеч эти «оренбургские платки» — заглянуть бы родимой в глаза. Спросить ласково: а не слишком ли строгое содержание для родной дочери? Может, хоть обои наклеишь?

Помост дедули до самой верхней площадки был оплетён какими-то ворсистыми верёвками. Змеям, что шныряли по полу, те верёвки явно не по вкусу. Ни разу не пытались штурмовать эту высоту, дабы покинуть осточертевшие чертоги. Или хотя бы кого-нибудь покусать — отвести душеньку.

Стащить наставника с его «кафедры» на пол невозможно. Даже обещанием открыть тайну перерождения девятисущей дочери Повелительницы смерти — судя по условиям её содержания, весьма многообещающей заразы.

Хотя, ничего уголовного в доступной части девчоночьей памяти не сохранилось. Сколько Юлька там не пыталась копаться. Разве что всеобъемлющая ненависть к матери. Да жгучая детская мечта её прихлопнуть. Ничего конкретного — одни пылкие непроработанные фантазии.

— Ты, кстати, обещал рассказать о девяти составляющих сущности, — предложила Юлька другую тему беседы. — Или о девяти сущностях в составе личности? Я так и не поняла, что на что мажут: масло на хлеб или хлеб на масло.

— Ты и этого не помнишь? — нисколько не удивился дедулька.

— Не помню, — охотно подтвердила Юлька, делая честные глаза. — И твоего имени не помню. Даже своего. А ты вместо того, чтобы всё это напомнить, морочишь мне голову выдохшимися проповедями.

Дедок отважился слегка выглянуть из-за маски учёного сухаря — с узкими полномочиями толкователя прописных истин. Хитренько так зыркнул на неё и не без ехидства переспросил:

— Ребёнка? Ты уже давно не ребёнок. А говоришь так и вовсе, как человек умудрённый. И знаниями, и годами. Восуществовавшая из создателя Хуша Владычица жизни Вейра может лишит человека памяти. Да и всего разума. Но..., — замялся сверх бдительный и осторожный наставник.

— Но я не выгляжу полной лишенкой, — помогла ему Юлька. — С ума не сошла. Наоборот прибавила. Может, Владычица жизни решила сделать мне подарок? Вдруг я подвернулась Вейре в доброе время под лёгкую руку? Бывает.

— Не кощунствуй! — как-то не слишком убедительно рявкнул дедулька, в глазах которого разгоралось неудержимое любопытство исследователя.

— Не буду, — легко согласилась Юлька. — Как только научусь различать: где кощунство, а где свобода мысли.

И вновь заслужила полный волоокости и укоризны взор. Телячий взгляд того, кто не может ответить могущественной хамке тем, чего та заслуживает.

— Прости, досточтимый, — почти искренно повинилась Юлька. — Содержание в таком могильнике не может привить юной душе благообразие. И попутно приличные манеры.

— Юной, говоришь? — вновь позволил себе наставник чутка лишнего сверх «утверждённой программы посещений».

— Хочешь знать правду? — подло подначила Юлька беззащитного старца.

Тот замахал на неё руками, нервно оглядываясь на дверь за спиной. Вытянул к ней

худую морщинистую шею, прислушиваясь. Боялся дедуля на совесть: до дрожи, заметной даже с насеста ученицы.

— Как скажешь, — пожалала плечами злыдня. — Тогда вернёмся к нашим баранам.

— Каким баранам? — обалдело заморгал наставник.

— К богам с их деяниями. Ну, и заслугами перед человечеством.

Дедок снова изобразил пантомиму «поражённый её богохульством фанатик». Фанатиком он явно не был — скорей, каким-нибудь местным Пифагором. Оттого и пантомима получилась третьесортными кривляньями, не внушающими доверия.

— С чего начать? — утомонившись, задался он глубокомысленным вопросом, закатив очи к потолку.

— С начала, — нехотя выдавила Юлька, устраиваясь поудобней.

Выслушивать очередную порцию бредятины не тянуло. А надо. Практицизм цивилизованного человека подсказывал: лучше ознакомиться со всем, что они тут насочиняли за века. Если уж сама не в состоянии вспомнить. В прологе зачастую содержится полезная информация, без которой дальнейшее плохо увязывается.

А что является прологом ко всему божественному? Правильно, скучнейшая часть любой мифологии: космогония. Юлька не была горячим поклонником истории. Но любила время от времени посмотреть документалку о разных эпохах с цивилизациями. Оттуда и нахваталась по верхам о различных версиях сотворения мира. Иногда бредовых, иногда занятных.

Местная версия была из числа последних — хвала всем тутошним богам. И начало всему положил некий бог Хуш — верней, до существования всего сущего этакое НЕЧТО. Некая неопишуемая никем не сотворённая божественная сущность. Что ползала в НИГДЕ среди НИЧЕГО.

Ползала она там безвременно и бессмысленно, ибо мозгов сущность не имела — ещё не изобрели. Оттого, видимо, и прореагировала весьма неадекватно, когда наткнулась на ещё более туманную сущность. Описать которую даже у людей образованных не хватало слов.

Сам Хуш, надо сказать, с виду напоминал дракона с острова Комодо. Дедуля покопался в стопке своих листовок и поднял перед собой изображение местного верховного божества: пузатый, хвостатый, гребнистый и морда чемоданом.

Итак, встреченная в НИГДЕ туманная сущность была необозримо гигантской — в миллионы раз крупней Хуша. И тоже ящероподобной. В связи с отсутствием мозгов, Хушу не пришло в голову ничего умней, как забраться в разверстую пасть этого бескрайнего НИКТО. Он там поплутал внутри гиганта — опять-таки безвременно и бесцельно. А затем вылез наружу: обратно в НИЧТО.

Однако вылез не один. Ибо внутри гигантского НИКТО Хуш самопроизвольно раздвоился. То есть — как поняла бывшая троичница по биологии — размножился делением на манер простейшей клетки. Был один — стало два.

Вылез Хуш, присмотрелся и определил, что дубликат получился самкой. Не понятно, на базе каких знаний, при отсутствии знаний в принципе. Понятно, что не просто самкой, а его женой — как же иначе? Но дубликат получился не точной копией первоисточника, а чем-то более изящным и водянистым. Впрочем, божественное начало в дубликате тоже имелось — а чего ещё нужно для семейной жизни?

Возбуждённый полученным результатом Хуш снова полез внутрь необъятного НИКТО. Интересно же: как там у него всё работает? Работало, как часы, и наружу Хуш вытащил ещё

один свой дубликат: нечто почти воздушное. Что так же оказалось его женой.

Поскольку события развивались явно в его пользу, Хуш не преминул слазить в НИКТО третий раз. И приобретение третьей жены его почти не удивило. На этот раз огненной особы, принявшей предложение руки и сердца любвеобильного исследователя чужого брюха. И, кстати сказать, уже мужчины — о чём лектор упомянул, но в подробности процесса не вдавался.

Итак, Хуш снова отправился бесцельно блуждать. Так сказать, безвременно влачить свой божественный табор туманными тропами НИГДЕ. Пока однажды этот первопроходчик не наткнулся на нужное место — Юлька даже не пыталась представлять, как он его опознал без наличия в башке интуиции, а в руках карты. Однако опознал и решил: быть здесь новому миру. Настоящему, а не этому барахлу вокруг, где ничего и никого.

А с чего начинается Родина? Правильно: с чего-то осязаемого под ногами. Вот сам Хуш и стал «чем-то осязаемым» под ногами будущих народов этого мира. То ли прилёт в избранной точке НИГДЕ, то ли присел — тайна, покрытая мраком. Как всегда и бывает в измышлениях всяческих космогоний. Да и неважно. Главное, он сделал дело: сотворил из себя земную твердь.

Дальше всё пошло, как по маслу. Водянистая супруга Хуша залила твердь морями да реками. Воздушная надула атмосферу, а огненная... тоже чего-то натворила в разрезе сотворения мира. И зажили они в любви да согласии.

Однако вскоре — надо думать, через десяток миллионов лет — супруги местного демиурга заскучали. Ну, что за бытовуха: всё вчетвером да вчетвером. Налицо отсутствие в гармонии мира какого-то элемента. У нормальных людей это дети. У богов — человечество.

Его обленившиеся боги слепили не с первой попытки. В первый раз — как и следовало ожидать — у них получились боги. Глупо искать в кошачьем помёте кенгуру, сколько бедных кошек не скрещивай. Детки папаше с мамашами понравились. В принципе. Но осталось ощущение чего-то... не в ту степь.

Неудовлетворённые родители вернулись к экспериментам и нарожали не божественные сущности, а вполне приземлённые. Только какие-то уродливые — видимо поленились обзавестись проектно-сметной документацией. Куда там слепленному из глины Адаму — этих вообще сляпали из грязи да каменных валунов.

Третьей попыткой стали твари наподобие греческих кентавров: полулюди, полу всякая хрень. Затем ещё невнятные карлики с тупиковыми эволюционными перспективами. И, наконец, получилось то, что получилось. Двуногие, двурукие, двуглазые, голопопые создания — шумные и жадные до жизни. Впрочем, жадные до всего, созданного Хушем.

После этого произведения, видать, у родителей и вовсе руки опустились. Они забросили экспериментаторство и удалились на покой. Кстати, вовсе не на небо, а куда-то вглубь земли.

Вот на сотворении людей Юлька и заснула беспробудным сном вечно недосыпающего студента.

Проснувшись, долго не могла отойти от тяжёлых видений, переполненных муторными незапоминающимися кошмарами. Лежала с закрытыми глазами и занималась тягостной ерундой: вспоминала свою жизнь ТАМ. Вразброс, как попало — будто калейдоскоп памяти крутила чья-то чужая рука.

Как же здорово, что у неё такой разумный, такой непрошибаемый муж. А у него такой разумный, такой похожий на отца сын. Без них свихнулась бы от кувырков судьбы: и

любовные страсти обманули, перегорев в считанные месяцы, и ящерица эта нудная.

Юлька открыла глаза и уставилась в осточертевший потолок.

— Прыг-скок. Прыг-скок, — забубнила, чтобы хоть как-то разбавить жутковатую тишину своего склепа. — Разудалый колобок. Я качусь, не разбирая, под какой ударит бок. Сверху солнце. Там речушка. И лесочек где-то тут. Даже думать неохота, где в судьбу наподдадут.

Севка в детстве был смешным — просто умора. Зеленоглазый нахрапистый татарчонок — не признавал никаких игрушек, кроме стреляющих и колюще-режущих. Даян — бестолочь — однажды припугнул сына бабайкой, пытаясь предотвратить очередную разрушительную шалость. Так Севка несколько месяцев искал обещанную нечисть по всем углам. С саблей в руках и недобрыми намерениями степного бандита. По-волчьи скалился в предвкушении — неистребимый потомок грозных кыпчаков.

Хоть бы что-то взял от матери. Хоть капелюшечку — глаза не в счёт. Даяша гордится им, но жутко шифруется: то ли избаловать боится, то ли стесняется. «Обмен мнениями» у них с наследником проходит подальше от глаз матери. Женщина! Что она может понимать?

И Севка рад ему поддакивать: яблочко от яблоньки было не отодрать. Так же по-волчьи скалится, любуясь, как нервничает мать. Подзуживает своей напускной безалаберностью.

А как ей, скажите на милость, не нервничать? На кону его будущее — привычно возопила Юлька и мысленно осеклась: какое будущее? Где? Здесь? А что она знает про «здесь», чтобы рассуждать о завтрашнем дне сына? О том, что его ждёт за ближайшим поворотом — не говоря о ближайших перспективах.

Она закрыла глаза, забубнив громче:

— Прыг-скок. Прыг-скок. Разнесчастный колобок. Чёрствой коркой не давился — от сиротства занемог.

Даяша просто сволочь. Кобель неугомонный. Три любовницы! За каких-то три вшивых месяца. А она-то ещё себя казнила за необдуманый порыв уйти. От нормальных мужей жёны сбегать не торопятся!

Ой, а какой шикарный Новый год он устроил им, когда Севке было четыре. Мадам Пёти разрешила поставить в их конуре ёлку. Ёлочку — росточком с локоток. Зато натуральную — Даянчик угробил на неё кучу денег. Влетел им тот Новый год в копеечку — но до смерти не забудется.

— Севка! — не вытерпев, Юлька громогласным шёпотом взывала к беспощадному сводчатому каменному потолку, за которым где-то есть небо. — Где тебя носит?! Ты должен быть здесь! Я же здесь! И жива, — демонстративно ущипнула она себя за руку.

За свою новую руку: загорелую и гладкую, как зеркало. Ни волоска на ней, ни родинки, ни пупырышек. Что, честно говоря, немного пугало. Меньше всего хотелось вляпаться в шкуру какой-нибудь нежити.

— Севка, ты не поверишь: я теперь какая-то недотёпа-малолетка. Ты не можешь такое пропустить. Севка, отзовись! Не третируй маму. Ты клялся обо мне заботиться. А когда мы с тобой...

Когда они упали — голова к голове — Юлька ещё успела почувствовать, как сын стиснул её руки своими мокрыми холодными лапищами. Сразу после чудовищного удара в спину, который не опознала, как свершившийся факт. Ждала-ждала смерти, и не узнала её.

А потом очнулась в этой камере предварительного заключения.

— Меня же могут убить, — попыталась она разжалобить сына. — И я не чувствую,

будто тебя больше нет. Совсем нет. Нигде. Мать же должна как-то чувствовать такое?

Она прислушалась. Мёртвая тишина — не считая змеиного шебаршения на полу.

Как все нормальные люди, Юлька иногда почитывала про попаданцев. Из всего прочитанного сделала вывод, что попаданцы бывают двух видов: те, которые всё могут, и те, которые всё умеют. Первые, ничегошеньки не умея, тем не менее, очертя голову бросаются преодолевать. И всего достигают — потому, что умеют бросаться.

Что уж говорить о вторых? Умеючи, тебе вообще прямая дорога в Бонапарты. Куда её, честно говоря, не тянуло. Наоборот: идея выпятить себя и тем самым подставиться пугала.

Всё указывало на то, что попала она именно в ту девчонку из сна. Правда, лица ей и здесь не показали: не выдали зеркала. Но не зря же ей с таким упорством транслировали последовательную непрерывную историю чужих приключений. Будто понуждали узнать про их героиню, как можно, больше.

Хотелось надеяться, что ящерка всё-таки не была врагом. И пыталась подготовить свою жертву к грядущим событиям. Конечно, было бы лучше вообще не втягивать Юльку в эти их «потусторонние» дела. Но тут уж ничего не поделаешь: вляпалась, так вляпалась.

Сколько дней провалялась без памяти — точно не знала. То приходила в себя, то проваливалась в небытие снова. В минуты просветления, естественно, все мысли о Севке с Даяном. Когда очнулась окончательно и осознала, что перенос свершился, своих мальчиков рядом не обнаружила. Отчего так же естественно ударилась в спонтанную истерику.

Но покончила с этой бодягой в два счёта. Убегая, беги — настырно талдычил ей Даян. Оглянешься — пропадёшь: у страха глаза велики. Спасение только впереди. И она хваталась за эту науку всеми цепкими своими фибрами души.

Её так просто не взять! Она будет биться и разыскивать Севку до конца. Либо до своего, либо до конца тех сволочей, что вздумают ей помешать в поисках. К примеру, этих — вновь прислушалась Юлька и села.

Глава 2

Да не дерзнёт простой смертный

В толстенную, на архаичный манер бронированную дверь знакомо тыркнулись. Пошуровали, позвенели, полязгали, и, наконец, со скрипом потянули. В полумрак склепа — разгоняемый лишь двумя парами гигантских факелов у двери — ворвался пляшущий свет. Освещавший лишь своего факелоносца.

Ну, и снежную макушку дедули за его спиной — что-то он сегодня рановато. Или её внутренние часы сбились? Знать бы ещё, что за стенами: утро, день, ночь? Мир, война, постапокалипсис?

Юлька переползла на край помоста и прислушалась к себе. Зловредное желание кому-нибудь насолить после кратких кровопролитных боёв нанесло поражение лени. Голые худые девчоночьи ноги — она их уже почти ненавидела — свесились с края помоста. Прежде в голову бы не пришло спрыгнуть босой с трёхметровой высоты на каменный пол. Переломы обеспечены — это, не считая змей.

Впрочем, этих бедолаг Юлька не брала в расчёт с того момента, как смогла встать на дрожащие ноги. И тут же навернулась с помоста, ухнув башкой вниз. Приземлилась на пузо, рефлекторно выставив перед собой руки. Фееричный первый шаг в новой жизни — нарочно не придумаешь.

Краткая обжигающая боль и ни единого даже плёвого перелома. А потом ничего — словно осторожно сошла вниз по ступенькам. Ободралась — это уж, как водится. Но пока

приходила в себя, распластавшись на полу, ранки оперативно затянулись.

Однако поразила не эта нечеловеческая живучесть — в шок ввергли прыснувшие от неё змеи. Бедолаги так удирали, что пыль столбом. Вокруг мигом образовалось пустое пространство. А в башке объявилась первая трезвая мысль: это, что же она ТАКОЕ, если от неё шарахаются даже безмозглые твари?

Насколько поняла из туманного лепета наставника, тутошняя Повелительница смерти заперла дочь после её побега. Дескать, они с мамашей что-то не поделили. Всесильная Нанка — случайно проболтался старик — хотела использовать девочку в каких-то корыстных целях. В некорыстных-то кому она нужна?

Поведение змей в эту версию дедули не особо укладывалось: Юльку гады не удержат. После ознакомительного падения с помоста она долго бродила из угла в угол склепа: любовалась змеиными инфарктами. А вот её сторожам пресмыкающиеся работу затруднят: тут даже воины щеголяют в обуви «пальцами наружу».

С другой стороны, мама-то повелевает не таким-то деревом, ручьём или даже атмосферным явлением. Самой смертью — это вам не цирковые фокусы. Понятно, что титул могли пристегнуть и ради красного словца. Тогда как объяснить сумасшедшую регенерацию дочурки? А нечеловеческие анти змеиные функции её организма?

Животные — народ умственный. Они ради спорта не станут шарахаться от беззубого теплокровного — с такими-то зубищами, как у них. Вопросов всё больше, ответчиков же пока не прибавлялось.

Да и те, что имелись, разговорчивы, как «бронзулетки» в их ножнах. Припрутся, притащат очередной столик, уставленный яствами, и смоятся. На неё аборигены старались не смотреть. Хотя окинуть пытливым взором узилище не забывали. И чего нового надеялись увидеть?

— Что вытаращился?! — нарочито капризно выкрикнула Юлька, решив, что пора от теории перейти к «экспериментам на крысах».

Воин — на которого она вызверилась — вздрогнул и невольно покосился на крикунью. Взрослый мужик явно не робкого десятка — он тотчас отвёл глаза и поджал пухлые губы. Его коллеги опустили на преддверный помост резной столик с коротенькими ножками.

Затем распечатали и опрокинули высокий пузатый кувшин. Из него на пол вывалилась гора насекомых и мышинной дряни для змей. Покончив с угощением для всех тутошних сидельцев, воины поспешили покинуть помещение. Не позабыв на прощание вторично обшарить узилище придирчивыми взглядами сторожей.

Тяжёлая дверь осторожно затворилась — понапрасну Юльку старались не раздражать. Очевидно, несмотря на малолетство, заключённую здесь держали за внушительную силу, достойную уважительного обращения.

Знать бы ещё: в чём она? И как включается — подосадовала Юлька, приветливо кивнув оставшемуся с ней наставнику. Дедуля отклеился от стены, куда прилип, дабы не мешать воинам в исполнении их долга. С облегчением выдохнул и выжидающе посмотрел на воспитанницу.

— Я сейчас к тебе присоединюсь! — махнула она рукой. — Не бойся! Я ничего тебе не сделаю, — на всякий случай предупредила Юлька и пробормотала под нос: — Мне это невыгодно.

Это был его шестой визит. Прежде старик всем своим видом показывал нежелание близких контактов. А тут вдруг решился: одобрительно кивнул — возможно, не без

душевных усилий.

Она скомкала одно из покрывал, сунула его под мышку. Под другую прихватила подушку. Наставник улыбнулся, но к двери чуток попятился.

— Бред какой-то, — буркнула Юлька и спрыгнула на пол.

Верней, мягко спланировала. Босые ноги почти не чувствовали шершавой пыльной тверди камня. И абсолютно не реагировали на его температуру. Змеи спешили убраться с пути — их расползающаяся еда тоже.

Подойдя к помосту дедули, Юлька задрала голову, примериваясь, как бы половчей закинуть наверх барахлишко.

— Эй! — окликнула она невидимого снизу дедулю. — Где ты там?

С края насеста свесилась его борода:

— Тебе помочь?

— Ну, летать я пока не умею, — проворчала Юлька.

— Скоро будешь, — внезапно на полном серьёзе утешил наставник и улёгся, опасно свесившись почти по пояс: — Бросай.

Юлька примерилась и швырнула вверх подушку — дедуля на диво ловко её поймал. Покрывало подбрасываться не желало — по причине лёгкости и склонности разворачиваться. Пришлось сделать из него солдатскую скрутку и ползти наверх, вспоминая русских героев Шипки. Заодно с переходом Суворова через Альпы.

Дедулю с края помоста, как ветром сдуло. Он вновь стоял у стены, прикрывая подушкой свои жалкие кости. Его седая голова с лысеющей макушкой на вытянутой вперёд шее навевала мысли о птицах-падальщиках. И о всяком там... вечном.

— Не будь дураком, — вырвалось у Юльки, когда она уже втягивала тело на «вершину покорённой горы». — Прости за грубость, но это смешно. А ещё мудрец. Детей учить берёшься, — сделала она нелицеприятный для наставника вывод, поднимаясь на ноги.

— Я... не хотел тебе мешать, — неуверенно солгал дедуля, сделав решительный шаг к воспитаннице.

— И врать не умеешь, — с нарочитой печалью в голосе констатировала та, расстилая свёрнутое вчетверо одеяло у столика. — Какой из тебя учитель? Ну, что встал? Клади сюда подушку. И садись сверху. Просто безобразие, что тебе не позволяют приносить с собой циновку.

— Ты... это для меня? — опешил бедный старик.

Не зная, чему верить: тому, что видит, или тому нелицеприятному, что, несомненно, знает об этой девчонке.

— Для кого же ещё? — проворчала Юлька. — В твоём возрасте сидеть на камнях вредно. Думаешь, мне приятно смотреть, как ты зарабатываешь тут... всякие болячки?

Аналога слову «радикулит» в доставшейся по наследству памяти не было. Как и многим другим понятиям из прошлой жизни. Она всё прекрасно понимала и без переводчика, а вот говорить пока было сложновато. Богатство мыслей русского человека никак не укладывалось в прокрустово ложе более примитивного языка аборигенов.

— А ты? — нерешительно помялся дедуля, не сводя взгляда с такой прельстительной вещи, как подушка под худосочной задницей.

— А я холода не чувствую. Забыл что ли?

— Ах да! — смешно всплеснул он руками и решился: — Я присяду. Благодарю, ты

добрая девушка.

— Если я такая добрая, — усаживаясь у стола в позе лотоса, язвительно осведомилась Юлька, — чего ж я такая запертая?

— Я уже объяснял причины твоего заточения, — искренно удивился наставник, мостясь у противоположного края столика.

— И твои объяснения меня не убедили, — категорично заявила воспитанница о намерении «углубиться и разобраться». — Но ты можешь всё исправить. Ты угощайся, досточтимый. Окажи мне честь.

— Я... мне..., — спрятав глаза, заблеял дедулька.

— Может, хватит? — досадливо поморщилась Юлька. — Кто тебе в рот заглядывать будет? — демонстративно кивнула на дверь. — Тем более в распоротое брюхо. Так на меня никаких учителей не напасёшься.

Он вздрогнул, но признал её правоту:

— Да-да.

Затем покосился на дверь и, окончательно сдавшись, протянул руку над столом.

Они замечательно позавтракали — а, может, пообедали или даже поужинали. Поболтали о всяком разном — если так можно выразиться. Границы обсуждаемых с Юлькой тем наставнику обозначили жёстко. Скорей всего, с угрозами для жизни. Поэтому беседа свелась к продолжению лекции о сотворении мира.

В частности, к первой и главной группе детишек Несотворённого Хуша, ибо до его воссуществования иных богов не было. Зато в результате его стараний целая куча. Некоторые даже в результате инцеста — что «несотворённого» и не обременённого моральными принципами Бога отнюдь не красило.

Сразу после Хуша в местной божественной иерархии главенствовали его жёны — олицетворения традиционных стихий воды, воздуха и огня. А вот ступенькой ниже, как ни странно, стояли не старшие детки, а младшие: один сыночек и две лапочки дочки. Так называемая Нерушимая троица: Вейра, Нанкэшта, Любрóфт — Юлька чуть не прыснула, уловив созвучие памятных имён: Вера, Надежда, Любовь. Однако лишь созвучием всё и ограничивалось.

Всю эту крайне почитаемую людьми троицу родила Хушу не одна из его жён, а любимая дочурка: Богиня женского плодородия Бдежет. То есть священная троица считалась ещё и его внучатами. Весьма, надо сказать, преинтересными.

Ибо ребятки олицетворяли не какие-то виды человеческой деятельности: ремесло, искусство, война и так далее. И не те же стихии с природными объектами вроде рек. Вся их божественная деятельность была направлена на человека. И во имя человека.

Вейра была Владычицей человеческой жизни. Во всех её проявлениях: рождение, лечение, умиротворение. Что может быть дороже для простого люда, чем его шкурные интересы выживания? Немудрено, что Вейра котировалась лишь слегка менее значимой силой, нежели стихии: своя рубаха ближе к телу.

Вторым в эпической троице был некий Любрóфт — Владыка силы. Этот в буквальном смысле отвечал за физическую силу и воинственность людей. Местный Геракл, набедокуривший над и под небесами от всей широты души. Поднявший культ сильного тела на недосягаемые высоты — которые могли быть и поскромней.

В отличие от этой пары симпотяг, их сестрица Нанкэшта являла собой фигуру неоднозначную. С одной стороны эта Владычица смерти была личностью одиозной: никто в

здравом уме не станет испытывать приязнь к собственной кончине. С другой, Нанкешта слыла верхом справедливости и мудрости — что так же являлось её ипостасями. Даже божественная родня обращалась к ней с исковыми заявлениями, веря, что эта уж рассудит, так рассудит.

В принципе логично: у смерти любимчиков нет и быть не может. Вот уж кто демократичен до самого доньшка натуры, так это она. А народ любит, когда хоть что-то, но всем поровну. И от души злорадствует, когда владельцы «мировых богатств»дохнут, как простые работяги.

— Всё это интересно и здорово, — оценила Юлька качество лекции, когда дедуля её огорошил продолжением.

До сей поры все эти «Повелительница» да «Владычица» воспринимались, как синонимы одного и того же — украшения речи. На этом фоне титулование её мамыши Повелительницей смерти и казалось льстивой чрезмерностью. Однако, как оказалось, эта мадам действительно Повелительница смерти.

— Не вижу разницы между титулами Владычицы и Повелительницы, — задала она дедуле каверзный вопрос. — Разве Владычица не повелевает? А та, кто может повелевать, не имеет власти над теми, кем она повелевает?

— Твоя Несравненная мать не властна над смертью, — ничуть не смутился наставник, задумчиво обмусоливая беззубым ртом какой-то финик. — Всеблагая Владычица смерти Нанкешта дала ей право призывать смерть, а не повелевать ею. Ибо не может рождённый предстать над родившим его.

— Ты хочешь сказать, — озадаченно покрутила Юлька пучком сладкого укропа, — что моя мать рождена самой Нанкештой?

— Не может простой смертный быть рождён... — встрепенувшись, завёлся дедуля.

— А я что, простая смертная? — подловил его матёрый менеджер-снабженец.

Наставник вылупил на неё, как на говорящего таракана — из тех, кого сейчас ловили змеи по всей тюряге. Пожевал губами, борясь с какими-то одному ему известными противоречиями. И, наконец, соизволил признать:

— Ты не простая смертная. Ты будущая Нанка. Дитя Всеблагой Владычицы смерти Нанкешты. Однако, — не преминул старый хрыч испортить женщине триумф. — Творите почтение Богу своему во всей полноте его. Ибо сотворены вы, как памятник, принадлежащий величию его.

— Да-да-да, — покладисто протараторила Юлька и вежливо попросила: — Может, продолжишь вливать в мои уши благоуханную воду мудрости своей?

Дедуля хмыкнул, хитренько прищурившись. Но комментировать не стал, продолжив напоминать бойкой на язык девчонке забытое в результате амнезии.

Богов младшего поколения в какой-то момент также пробило на созидательный труд. Однако плодить равных себе Богов — по примеру Хуша — им слабо: то ли с биологией процесса проблемы, то ли с идеологией. Поэтому они и насозидали, кто во что горазд. Одни каких-то примитивных существ — преимущественно из глины. Другие нечто из плоти и с более сложным функционалом, но тоже так себе.

Лишь Нерушимой троице удалось сотворить нечто среднее между себе подобными и человеком. Эти-то Бого-человеческие творения и прозвали Повелителями. Что в них выдающегося? Выслушав пространный ответ дедули, Юлька в прямом смысле слова охренела. И было от чего.

Когда, исполнив долг, наставник удалился, она — против сложившейся в застенках привычки — не погрузилась в размышления о сыне. Размышлять хорошо, когда у тебя всё пучком. И все дома. Ей же предстояло за это побороться. Ибо всякое упадничество вызывало презрение у жизнелюбивой ценительницы своей роли в истории человечества.

Каждый поклонник приключенческих сериалов знает, с чего начинаются поиски пути на свободу. И тут просвещённый представитель высокоразвитой цивилизации даст сто очков вперёд всяким голоногим воителям в юбках на босу ногу.

Так Юлька подбадривала себя, спустившись в отведённый ей санузел под помостом. Где в полу зияла дырка для одних нужд и трубка в стене, перекрытая краном-задвижкой — откуда поступала вода — для других.

Дырка в полу не представляла интереса: в неё даже голову не просунуть. К тому же под ней вместо сточных вод — как в романах с побегами — кромешная тьма. А вот сама стена оказалась перспективной. В ней у самого пола имелись два прямоугольных отверстия, куда такая дистрофичка, как Юлька, пролезет и не почешется.

Проблемы две. Во-первых, выход на свободу был забран решёткой. Во-вторых, по ту сторону находилось что-то вроде тоннеля диаметром примерно в её рост. Метрополитен, по которому с утра до утра шмыгали гибриды собак с крысами. Как раз с подходящей высотой в холке.

Кровожадных — судя по клыкам и манерам — тварей опасаться не приходилось. От неё те шарахались не хуже змей. Опасаться приходилось их возможных дрессировщиков, которых добросовестные крысы вполне могли притащить на место преступления. Как Юлька не напрягалась, не вращала глазами и не внушала «сдохни», крысы продолжали носиться и сеять тревожную неопределённость.

Зато первая проблема устранялась трудом и терпением. Жаль, что дедуля так и не объяснил, как ей получить мамкино наследство: обрести силу Повелительницы смерти. В ответ на закономерный вопрос он как-то вдруг поник. Ушёл в себя и свернул дружескую беседу, вернувшись к религиозной долбёжке.

Альтернативой недоступной пока божественной силе мог послужить любой тонкий, острый и крепкий инструмент. Однако ножей Юльке не давали — бедная девочка, которой принадлежало тело, воспользовалась таким для сведения счётов с жизнью. Мамаша Повелительница чуть-чуть не успела, заживляя раны дочери: душа девочки проскользнула сквозь её пальцы и унеслась в лучший мир. Освободившуюся «жилплощадь» — наверняка не без помощи белой ящерицы — заняла некая залётная душа нахальной инопланетянки.

— Хоть бы мир попримечней предоставила, — брюзжала под нос Юлька, ковыряясь двузубой вилкой меж блоков по соседству с решёткой.

Вилка была так себе: не заточенная сталь, а медь сомнительной прочности с закруглёнными концами. Но крошащийся раствор выковыривала успешно — и то дело.

Кладка между решётками была какой-то неродной: совершенно не похожа на все остальные стены. И камни гораздо меньше, и цвет другой. Видимо, когда-то здесь было одно большое отверстие. Потом его частично заткнули решётками. А остальное заложили тем, что подвернулось под руку — цеплялась Юлька за всякую мысленную шелуху, лишь бы не думать о Севке.

К борьбе за обретение свободы она приступила почти сразу, как её перестало штормить. А коленки достаточно окрепли, чтобы самостоятельно доползти до туалетной дырки в полу. С того дня воин, выносящий из-под неё горшки, больше не пересекал узилище со змеями. И

вообще куда-то пропал — остальных сторожей тоже поменяли.

Невероятным везением был распорядок их службы: притащили пожрать, и больше к заключённой ни ногой. Ни под каким предлогом.

— Все провокации под дверью ничем полезным не закончились, — пожаловалась Юлька сопящему где-то в темноте тоннеля крыпсу. — Сколько не оскорбляла дебилов в юбках, дверь не открыли. Даже ради того, чтоб настучать хамке в бубен.

Крыпс возмущённо взвизгнул: её возня с решёткой мешала патрулю пронестись мимо в соответствии с режимом несения охраны. Просто проигнорировать торчащую у решётки тощую страхолюдину в наволочке на голое тело бедное животное не могло.

— Если этот гад не продолжит движение, — задумчиво сообщила Юлька чуток погнувшейся вилке, — следующий патруль воткнётся в его задницу.

На этот раз крыпс визгливо поддакнул: мол, обязательно воткнётся. И пара наших лужёных глоток завизжит вдвое громче.

— Арифметика первого класса, — согласилась Юлька, отползая от решётки. — Два больше, чем один. А уж трио и вовсе устроит концерт на всё подземелье. Возможно, даже насторожит тех, кто отправляет этих тварей в туннель. Эй, ты! Кто вас сюда отправляет?!

В ответ из просунутой сквозь прутья острой длинной морды на неё выплеснулась визгливая матерная тирада.

— Чтоб ты сдох! — послала она вслед умчавшемуся крыпсу очередное бесполезное пожелание.

И вернулась к работе. Наконец, вилка начала тонуть в углубившейся щели. И больше не выцарапывала оттуда крошки раствора. Юлька прильнула к решётке и просунула руку с вилкой в туннель. Нащупала край камня, который выковыривала из стены, и принялась аккуратно крошить раствор с другой стороны.

Тут уж и вовсе не до раздумий: она страшно боялась уронить свой единственный рабочий инструмент. К тому же реактивные крыпсы могли выбить его из рук — новаявленная графиня Монте-Кристо наострила уши, ловя каждый шорох в тоннеле.

Настроилась на долгую работу, но клятый камень вдруг шевельнулся. Она отпрянула от решётки и села напротив. Примерилась и долбанула его пятками. Паршивец выпал в туннель после восьмого удара. А на его месте показалась узкая оскаленная морда крыпса. Её пнуть Юлька не успела: унюхав, кто тут безобразничает, животина шарахнулась прочь.

Дальше дело пошло веселей. До лязга отпираемых на двери запоров она успела расшатать и вытащить ещё два камня. Правда, в голову стукнуло запоздалое опасение насчёт крыпсов: не просочатся ли неугомонные придурки в камеру? Тогда сторожа непременно услышат, что она теперь не одна.

Не побег, а сплошная морока.

— Чего вылупился? — проворчала Юлька, вылезая из-под помоста.

Отважный воин-официант с подозрением оглядел подопечную. Юлька придиричливо проинспектировала своё пузо: то носило следы строительных работ. Впрочем, грязи на полу было достаточно, дабы похоронить всяческие подозрения.

— Засунули в свинарник! — прошипела узница, пронзив слишком дотошного надзирателя максимально злым взглядом. — Хоть бы полы мне помыли.

Ответа не последовало. Впрочем, как всегда. Все переговоры с высокопоставленной политзаключённой под запретом. Она не удивится, если под страхом смертной казни — с этих язычников станется. Так что стол ей официанты в юбках накрывали в мёртвом

молчании.

Зато после программу посещений разнообразили. Воины смылись, оставив после себя живого человека. Поскольку бесцельно режим содержания заключённого ещё ни разу не нарушался, Юлька присмотрелась к визитёру повнимательней. И почти не удивилась.

Мужику по меркам её мира было лет тридцать — а здесь наверняка не больше двадцати. Одет не в юбку, а в полноценную тунику вроде её собственной: только длиной по щиколотки. На плечах лежало широченное круглое ожерелье, сплетённое, кажется, из мелких разноцветных бусин. Плечи оно покрывало целиком, закрывая ещё пол груди и пол спины: внушительно, учитывая всеобщий примитивизм в одежде.

Вот сланцы почти не отличались от Юлькиных — только украшены теми же бусинами. Наверняка натирают кожу — поморщилась она, занявшись физиономией гостя.

В принципе ничего особенного: смазливый большеглазый пухлогубый абориген с неподражаемо высокомерным взглядом. Который, впрочем, почти тут же улетучился, стоило дочери Всесильной и Разрушающей Повелительницы смерти досадливо поморщиться. Её глаза изобразили лучезарную приязнь с оттенками соблазнительных намёков на что-то прельстительное.

— Даже страшно представить, — проурчала Юлька под нос раздражённой кошкой.

Она узнала этого типа из её сна. И не только потому, что видела его, но и в результате первого мощного отклика собственной памяти. Которая буквально выплеснула из себя поток ненависти, замешанной на презрении. А ещё на реакции девочки по поводу какого-то кощунства, совершённого гостем. Или тот лишь намеревался его совершить — не совсем понятно.

— Прости, Всесильная, я не расслышал, — ожидаемо сексуально промурлыкал этот явно высокопоставленный перец. — Если позволишь, я хотел бы провести с тобой немного времени.

— Чего ж немного? — не удержавшись, съязвила она. — Оставайся, живи.

В ответ можно было ожидать всякого: непонимания, усмешки человека умного или насмешки высокомерного. Обиды, в конце концов. Но гость её реально удивил. Присев на корточки, ещё больше «умаслил» глаза и многозначительно проурчал:

— Я бы хотел оставаться с тобой наедине всю мою жизнь. Но только не здесь, — обвёл он замечательную Юлькину камеру презрительным взглядом. — А в моём дворце. В его лучших покоях, приготовленных для высокородной девятисущей. Где собраны все богатства юга и севера, запада и востока.

— Для меня? — начисто офонарев, брякнула Юлька.

— Для тебя одной, душа моя, — получила она воистину сногсшибательный ответ.

Вот тебе, бабушка, и новый дедушка — машинально съязвила Юлька и призадумалась. Память девушки сделала новый вброс: этот негодяй осмелился её желать. Сделать своей супругой дочь Всесильной Нанки, что имела все шансы продолжить династию Повелительниц смерти. А мамаша не только не воспротивилась этому безобразию, но и толкала дочь в объятия простого смертного.

Впрочем, дело не только в его природе. Девочка считала своего навязанного жениха человеком крайне жестоким и непорядочным. Можно сказать, кровожадным. Но умным, хитрым и оттого весьма опасным.

И вообще невеста замужем — иронично напомнила себе Юлька. К тому же недавно её уже простили за один загул на сторону. За второй точно не помилуют. А терять такого

восхитительного мужа, как Даян, из-за какого-то...

Она ещё раз внимательно оглядела претендента. Может, чего недоглядела? Или передёрнула под влиянием негативных бурлений в собственной башке. Да нет, не передёрнула: всё так и есть. Покойная девочка была права: не вариант.

Глава 3

Результат твоей жизнедеятельности

Каждый поклонник сериалов знает, что обольстители всегда смазливы, речисты и напичканы корыстными намерениями. Что их нужно гнать поганой метлой пока не поздно. Юлька огляделась в поисках соответствующего предмета — предметов было хоть отбавляй.

Она хмыкнула и прыгнула вслед замешкавшейся змеюке: не успела удрать зараза! Цапнула пойманную бедолагу за хвост и объявила:

— Ты будешь Белкой!

Раскрученная пращей Белка улетела недалеко. Шмякнулась под помостом для гостей и заелозила на отбитом брюхе.

— Недолёт! — голосом диктора центрального телевидения объявила «пускательница ракет».

И помчалась за Стрелкой, игнорируя выпученные зенки вскочившего на ноги женишка. Когда догнала и разогнулась, чтобы запустить космонавта на орбиту, сверху на пол обрушился водопад насекомой пакости. Благо хоть не на голову.

Видимо, сторожа подслушивали под дверью — готовые прийти на помощь высокопоставленному гостю, если высокородная паразитка пойдёт в разнос. Поскольку хватать и карать её не дозволено, опытные воины придумали, как устроить дочери Нанки «холодный душ». И ведь не придраться: мужики исполняли свои обязанности по содержанию всей местной «живности».

— А я ведь вырасту! — зловеще проверещала Юлька со всей возможной угрозой в голосе, злорадствуя в адрес смывшегося труса в бусах. — Куда спастись будете, олухи?!

Олухи в последний раз встряхнули перевёрнутым горшком. После чего удалились, не размениваясь на достойный отлуп.

Отшвырнув не употреблённую в «космической программе» Стрелку, Юлька вскарабкалась на помост. Оглядела, как всегда, шикарный стол. Прикинула, как далеко она убежит на этом «запасе», пока не научится воровать на местных базарах. Выходило негусто.

Если учесть, что выбраться из каземата — не то же самое, что выбраться из тюрьмы. Такой запасец она слопает ещё в тоннеле. Кто его знает, сколько придётся плутать по вонючему «метрополитену», где крыпсы не только гуляют, но и делают под себя. Может, он длинною в несколько километров. Или вообще круглый — будешь бегать по нему, как цирковая лошадь, пока не сдохнешь.

Для начала разумней всего сходить на разведку. До следующего — условно утреннего — приёма пищи уйма времени. Вот после него уже не пошляешься: притащится дедуля. Нужно ковать железо, пока его не спёрли.

Но с железом пришлось повременить. Она всё-таки чуток подзапуталась со временем, ибо наставник явился в середине приёма пищи. С таким видом, словно только что самолично открыл закон Ньютона.

— Присаживайся, досточтимый, — пришлось изобразить радость затворника, смакующего каждую возможность поболтать.

Дедуля важно кивнул и опустил на подсунутую ему подушку, так и оставшуюся

валяться на помосте после прошлого обеда.

— Сегодня никаких богов с их деяниями и нравами, — нагло заявила могущественная малолетка. — Надоело.

— Что же ты хочешь узнать? — ничуть не смутился заметно осмелевший наставник.

— Самое насущное, — усмехнулась Юлька, наваливая старику на блюдо всякой всячины. — Птичьи ножки будешь?

— Буду, — покладисто кивнул дедуля. — Только немного. Я недавно ел.

Они слегка попрепирались по поводу калорийности его обедов и размахов её гостеприимства. Затем дружно уплели всё принесённое. Юлька сгоняла на свой помост и притащила к столу все подушки с покрывалами, что уместились подмышками. После чего она задала самый простой и важный вопрос:

— Досточтимый, а где я, собственно, пребываю?

— То есть, как? — не понял он, растерянно заморгав.

— Понятно, что дома у мамы, — проворчала Юлька и конкретизировала вопрос: — Как называется страна, где мы находимся? Это же страна?

— Конечно, — гордо задрал подбородок дедуля, выставив на обозрение острый кадык. — Наша благословенная земля прозывается Абихуш.

— Только страна или вообще вся известная тебе земля? Кстати, она большая?

— Она бескрайняя, — уважительно сообщил дедуля. — И простирается от одного моря до другого. А это очень и очень много. Можно идти из края в край нашей земли целый год, и не дойти до цели. А можно и два года, и пять.

— И сорок, — хмыкнула Юлька.

— Сорок вряд ли, — рассудительно отверг наставник.

— А что за моря её омывают? — не позволили ему скатиться в философствования. — Их много?

— Два великих, огромных, как небеса, моря, — тоном бывалого рассказчика затянул дедуля. — На востоке это море Апакрапу.

— Что-то связанное с Богиней воды Рапу? — припомнила Юлька, как звали одну из жён Бога Хуша, которую тот вытащил из космического ящера вместе с остальным гаремом.

— Сие означает: правая сторона Богини Рапу, — пояснил наставник. — С древнейшего языка прародителей, на котором нынче говорят лишь жрецы. Или точнее верховенствующая сторона. Как правая рука, что главней левой.

— Правая сторона Богини? — с трудом не заржала Юлька. — А на западе?

— На западе нашу землю омывают воды великого моря Накрапу.

— Левая сторона Богини? — догадалась сообразительная ученица.

— Ты умная девочка, — одобрительно покивал дедуля и пояснил: — Тогда молвила Сотворённая из чрева Изначального Волоокая Богиня Рапу: как заходит солнце в ладье вечерней, как восходит оно в ладье утренней, как незыблемо небо, как длится творение мира, как буду я вечно подобно звезде нерушимой, так стану я простираться вокруг супруга моего Воссуществовавшего из ничего могучего Хуша. Даруя жизнь и властвование вечности в бесконечности к югу от него, к северу, к западу от него и к востоку от него.

Короче, в лирически-художественном смысле Богиня обнимала своего супруга, ставшего землёй — всё логично. Хотя, следуя географическому расположению обсуждаемых объектов, тётка на нём — мягко говоря — возлежала верхом. А что? Они женаты — имеют

право.

Помимо двух «великих» — скорей всего океанов — имелось ещё одно небольшое море. Почти в центре материка: похожее на «священную рыбу Фыу, когда та раздувает тело, дабы проглотить Бога Тобу, который...» И так далее минут на десять безыформативных мифических басен.

Называлось это «центровое» море: Сатрапу — сердце Богини Рапу. И было именно морем, а не озером: соединялось проливами с обоими океанами, и вода в нём солёная.

Но корабли могли выходить из него лишь на восток в море Апакрапу. Западный пролив моря Сатрапу протискивался по узкой, но почти непроходимой горной гряде, сползающей далеко в море Накрапу. Сюда не совались даже самые отморозенные мореходы.

Заповедный пролив — так называли этот выход в океан. Напротив него лежал таинственный остров девятисуших, где они обретали своего божественного двойника УАТ. И где не ступала нога человека. Весьма полезная информация, которую дедуля выболтал на автопилоте.

Зато все остальные берега внутреннего моря аборигены истоптали на совесть. Хотя южное побережье сплошные пески. За исключением плодородных долин рек и оазисов. Однако дальше на юг примерно треть материка заросла джунглями — там народу раздолье. Словом, жить можно.

Северная половина материка за морем Сатрапу тоже вполне пригодна для жизни: там царили бескрайние степи. А побережье так и вовсе рай для земледельцев. Как говорится, народная житница. Собственно, вот и вся география местного материка, известная науке. Или почти вся.

— В стародавние времена все великие земли между морями Накрапу и Апакрапу принадлежали правильным людям, — увлёкшись, чесал без остановки наставник.

— В смысле «правильным»? — потребовала конкретики Юлька.

— Любимым детям Несотворённого Хуша. Превозносящим силу его превыше всего сущего ради умиротворения его...

— Правильней некуда, — проворчала под нос ученица и вновь уточнила: — То есть, твой ныне живущий здесь народ? И как себя называют любимые дети Несотворённого Хуша?

— Народ Аби-Хуш-Иту-Рах-Та-Ун, — на этот раз со сдержанной гордостью изрёк наставник. — Что с того же древнего языка прародителей означает: любимые дети Воссуществовавшего из ничего Хуша, которые понесут свет его имени сквозь толщи времён до смерти последнего из народа.

— Аби-Хуш-Иту-Рах-Та-Ун, — безошибочно повторила Юлька, используя безграничную память девятисущей. — Что-то коротковато для того, что ты тут напереводил.

— Предки были лаконичней, — не моргнув глазом, обосновал учёный человек.

— А ты знаешь этот древний язык?

— Им владеют лишь наши жрецы, — тонко улыбнулся умный человек. — Да и то больше привирают, постепенно позабывая смысл иных слов. Однако то, как называли себя праотцы, мы знаем достоверно. Впрочем, теперь это не так уж и важно. Со временем народ Аби-Хуш-Иту-Рах-Та-Ун пристрастился называть себя коротко: абихушítы. Богохульство, конечно, а куда деваться?

Ну да — согласилась Юлька — имя Бога-отца в названии сохранили и достаточно. Это всяким там «высоколобым» жрецам из семисуших делать не хрен, кроме как трепаться сутки напролёт. А народу надо дела вершить: пахать, торговать, воевать — ему нужно имечко

попроще.

Поначалу — как это обычно и бывает — любимые дети Несотворённого Хуша представляли собой небольшое племя. Но, судя по всему, воинственное. Вокруг него паслась куча всяких племён из не менее любимых детей иных богов. Некоторые даже обзывали себя великими, что, конечно же, великая наглость. За что и поплатились. Верней расплатились своими землями и богами.

Так Абихуш и образовался: сложился из многих племён «любимых детей» — стандартная история создания государств. Абихушиты не преминули завести себе единого повелителя — гаранта разрешения споров мирным путём. И обозвали того абібом — наилюбимейшим детищем Хуша. Любимей некуда.

— Но долгие благословенные времена могущества, покоя и достатка канули в вечность, — сокрушался наставник, пялясь в стену невидящим взглядом и горестно покачивая головой. — Настали времена хаоса и разорения. Тьмы, поглотившей сердца и замкнувшей милосердие в сердцах Богов.

— Война? — понукнула рассказчика Юлька. — Абихуш потерял какие-то земли?

— Мы больше не владеем северными степями между внутренним морем Сатрапу и большой водой, — обидевшись на бесцеремонность, сухо процедил наставник.

Хороший признак — обрадовалась Юлька, подчёркнуто виновато улыбаясь. Если осмеливается показывать обиду, значит, ученица перестала ассоциироваться с грёбанной мамашей. Стало быть, может рассчитывать на более тесные отношения.

— Абихуш потерял едва ли не половину земель, — милостиво кивнул дедуля, давая знать, что ученица прощена.

Но размеры потерь занимали Юльку меньше всего — пока. С этим она разберётся, когда доберётся до местного глобуса. Или хотя бы до карты, накаляканной на куске пергамента. Сейчас важнее местная геополитика — решила не разбрасываться она и попросила:

— Почтенный, а кто теперь владеет северными землями за морем Сатрапу?

Дедуля вновь кивнул, улыбнувшись неугомонной девчонке глазами:

— Нынче там заправляют варвары, что приплыли из-за моря Апакрапу три поколения назад.

А кто ж ещё-то — усмехнулась про себя Юлька — конечно, варвары! Без этих вся история человечества вообще псу под хвост. Припёрлись — в лучших традициях жанра — из поганых земель, что лежали за непреодолимым морем Апакрапу.

Абихушита́м в голову не приходило его преодолеть. Простирается оно до горизонта, и пускай себе простирается нетронутым. Как говорится: не буди лихо, а то припрётся и жизни не даст. Но мудрая осторожность любимых детеё Бога Хуша не спасла: всё равно огреблись.

Впрочем, Юлькин наставник — а с ним и вся официальная жреческая пропаганда — признавал: варвары явились не воевать. Жалкие остатки их народа еле ноги унесли от какого-то лиха за океаном. И со всем почтением попросили отрезать им кусок земли для проживания. Желательно степи, коими изобиловали те самые северные пределы Абихуша. Зерно там растить не с руки, сады тоже плохо приживаются. А скотоводством абихушиты не злоупотребляли.

Им бы не кочевряться и сдать в аренду бесполезные степи. Спокойно наживаться на чужом горе — милое дело. Но у тогдашнего абіба наблюдался загиб в мозгах. Всё, что можно было отжать у соседей, его предшественники уже прикарманили.

Оставалось ещё немало, однако божественная Нанка Ахárта прибрала к рукам Абихуш, и завоевательная программа забуксовала. Как не корячься, лавры великого завоевателя не светят. А тут подвернулся случай их стяжать — даже таскаться никуда не надо: всё под рукой.

Правда, враг какой-то занюханный. Не впечатляет: вежливо просит, вместо того, чтобы дать в рыло и отнять. Да и вражьи ряды жидковаты: почти одни бабы с детьми. Стариков так и вовсе нет. Не дотащили их живьём через океан, не уберегли.

На этом урок пришлось прервать: за наставником явились Юлькины церберы. И она поспешила закончить работу: предстояло вынуть ещё не меньше пары камней.

С ними покончила быстро и без проволочек вывалилась в тоннель. Где машинально отряхнула свою безразмерную замызганную наволочку и прислушалась: крыпсы вроде не галопируют. Поскольку те всегда набегали справа, она пошлёпала влево по ходу их патрулирования.

Непроглядная темень препятствовала изучению маршрута, хотя кое-какое ночное зрение у неё присутствовало. Во всяком случае, в полумраке камеры она видела всё до мельчайших складок на юбчонке дедули. Тут же пришлось задействовать дополнительный инструмент.

Однако маленькие ладошки не охватывали всю поверхность стен тоннеля — сколько не шарь. Бумкнувшись о выступающий камень в пятый раз, Юлька почти решилась вернуться за факелом, когда впереди раздался гулкой отзвук человеческого голоса. Далёкий, но явно ругательного характера. Какой-то мужик громко с чувством матюгался — слов не разобрать, но с интонациями у него полный артистизм.

Осторожность рекомендовала вернуться, пока Юлька не влипла в засаду. Тогда все планы побега крыпсу под хвост. Но она решилась, и рванула вперёд.

Каждый поклонник детективных сериалов знает: преследователи всегда бегают быстрее улепётывающих беглецов. Однако беглецу в последнюю секунду подворачивается под руку спасительное обстоятельство. Когда где-то за спиной приглушённо взвизгнуло, левая рука, проезжая по стене тоннеля, провалилась в пустоту. И тут же здорово приложилась о её каменный край.

Юлька ощупала возможное убежище: нора, как нора. Будто нарочно созданная для того, чтобы девчонка её кондиций заползла в подвернувшуюся берлогу, переждав пробежку крыпса. Тот, конечно, её не тронет. Но визгу будет!

Каждый поклонник военных сериалов знает: на вражеской территории выползть из убежища нужно непременно головой вперёд. За неимением глаз с противоположной стороны. Так что внедряться в убежище пришлось задом наперёд. Едва успела втянуть голову, как нарастающий визг споткнулся и удивлённо булькнул.

Отважный крыпс сунул башку в нору и нерешительно клацнул зубищами почти у самого Юлькиного носа. Ещё и навонял из пасти, сожрав перед этим скус. А тот на прощание как следует нагадил в пасти своего убийцы.

Под руку подвернулся обломок кирпича, которым не менее отважная разведчица заехала по длинному носу. Крыпс страшно обиделся: отпрянул от шляющейся в его тоннеле поганки и обложил её поносным визгом.

— Сдохни, сволочь! — машинально отгавкалась Юлька.

Крыпс подышать отказался. И понёсся дальше, жалуясь на неё кому-то, кто обязан очистить тоннель от всякой дряни. Юлька немного пофукала, разгоняя вонь, и собралась

вылезать из норы. Но замерла. Потому что где-то за спиной твёрдым голосом явно сильной женщины констатировали:

— В лазе под стеной кто-то есть.

Ответа не последовало, и женщина уточнила:

— Ты что, не чуешь?

— Ну, есть и есть, — прогудело низким грубым мужским голосом и вдогонку пробурчало: — В задницу его.

Юлька замерла. Не поверила ушам и приготовилась убедиться, что не померещилось.

— Это может оказаться полезным! — настаивала женщина, раздражённо возвысив голос.

Ответа не последовало.

Но это уже ничего не меняло: в «задницу» Юльку послали на чистейшем русском языке. Хотя его слегка коверкал местный мурлыкающий говорок. Это внушало надежду встретить соратника по борьбе за свободу и независимость. Куда бы ни занесло русского человека, на чужбине, отыскав сородича, он непременно вступит с ним в союз.

Такая у русских генетика: «одна на всех — мы за ценой не постоим». Идея несокрушимости прутьев, увязанных в единый веник, впитывается русскими с молоком матери. Те же, у кого оно не впитывается, просто набрехали о родословной: не наши ребята.

Зато те, кто впитал, при звуке родной речи непременно сдадут назад, нащупывая путь дрыгающейся ногой и откляченной попой. Ибо истинно русский человек задницей чувствует стократ лучше, нежели носом. Или всякими там интуициями — мысленно митинговала Юлька, поочерёдно вытягивая назад ноги. Бултыхала ими в темноте, убеждаясь, что нора пока не закончилась.

То, что «отправитель» в задницу мог оказаться врагом, в голове не укладывалось. В то, что это мог быть кто-то из её мальчиков, верить боялась. Будем считать, что соплеменник, дабы не сглазить — решила она и поползла на голос.

Приютивший её крысиный лаз не изобиловал сюрпризами. Уже через несколько минут выдвинувшаяся на разведку правая нога ощутила полную свободу во всех направлениях. Да и темноту слегка разжижило: она добралась до выхода из норы.

Завернув голову назад, получилось разглядеть неровные контуры «выхода». Но разобрать, куда, собственно, тот «выходил», не вышло. Фрагмент каменной кладки стены напротив ценной информации не предоставил. Как не крути, убежище нужно покидать. Жаль, что, ныряя в него, она ещё не знала: в какой именно стороне пригодится голова? Встречать возможного врага безглазым тылом страшновато.

Нет, всыпать ей — конечно, не всыпят. Кроме родной матери ни одна сволочь не осмелится — с этим Юлька уже разобралась. Просто вернут назад. Но с трудом пробитый путь на свободу замуруют. И неизвестно: удастся ли его снова проколупать?

Она решила ещё немножко посидеть в своей норе и послушать. Авось соотечественник даст подсказку: к нему бежать или от него?

— Ты чуешь? — настойчиво повторила женщина, громко приносиваясь. — Это не человек. Девятисушая. Не получившая свой УАТ. Тебе что, наплевать?

Под давлением её настойчивости — будто разлитой в воздухе — Юлька и сама невольно принохалась. Что-то такое уловила: не обонянием, а чем-то внутри. И то, что почуяла она, показалось до боли знакомым. Не запах, а нечто... ментальное — если можно так выразиться. Какое-то внутреннее ощущение родства с теми, кто снаружи.

— На что конкретно мне наплевать? — с неубедительной иронией в голосе устало осведомился собеседник целеустремлённой дамочки. — На то, что она девятисушая? Или на отсутствие УАТ?

— На то, что ЗДЕСЬ бродит непосвящённая, — холодно отчеканила женщина. — И что она здесь не просто так. Зачем Ахарте пустой сосуд? Что она собралась с ним делать? Но главное: кто эта девятисушая? — как-то не слишком уверенно пробормотала женщина, словно к чему-то прислушиваясь. — Никак не разберу: ребёнок или женщина?

— В смысле? — впервые выразил заинтересованность «носитель» русского языка. — Ты же всех насквозь чувствуешь.

— В том-то и дело, — хмуро проворчала обладательница дивного и опасного таланта. — Я чувю и то, и другое. Это и ребёнок, и женщина. А я не могу её увидеть! — с неопишимо жгучей досадой в голосе прошипела она.

Юльку аж мороз по хребту продрал. Этой дамочке палец в рот не клади.

— Думаешь? — скептически отреагировал мужчина на её приговор и возвысил голос: — Эй, кто там подкрался?! Вылезай! Лучше сделай это добровольно! Не стоит злить Вейру!

А вот это уже серьёзно — ёкнуло внутри, и Юлька чуть было не рванула спасаться бегством. Настоящей Вейре — творению одноимённой богини — ничего не стоило превратить человека в безмозглую куклу, послушную своей воле. От подобных особ лучше держаться подальше.

Понятно, что Юлька была рождена Повелительницей смерти — обычной особью из необычного вида здешних разумных. Так называемых девятисуших — по официальной версии: деток знаменитой троицы богов. Теоретически опасные финты Вейры не должны на ней срабатывать.

Однако она ещё не заполучила проклятуший УАТ — чтоб ему пусто было! И неизвестно, когда получит. А без него Юльку мало что отличало от человека обыкновенного. Вдруг Вейра способна-таки свернуть ей мозги набекрень? Проверять это на собственной шкуре что-то как-то не тянуло.

Она решила не дразнить гусей. Решительно выдохнула и одним рывком подалась назад.

— Ни хрена себе землеройка! — всё на том же родном русском прокомментировал грубиян появление тощей задницы из стены.

Дал — так сказать — подсказку.

Юлька осторожно вытащила из норы голову. Обернулась — на всякий случай, не поднимаясь с карачек — и вытаращилась на комментатора. По сравнению с доблестными воинами в юбках, этот мужик выглядел Атлантом, держащим для них небо. Могуч на загляденье. Богатырь с необъятной шеей, мощным обнажённым торсом и вытесанной топором физиономией. Хотя до взрослого мужика нос не дорос: молодо-зелено.

И всё-таки виденные прежде экземпляры местной чернявой разумной фауны рядом не стояли. Этот батыр на две головы выше, втрое шире да ещё и рыжий. Верней, его длинная спутанная грива красно-коричнево-розовой каши цветов. Как и щетина, обметавшая квадратные челюсти.

Юлька, наконец, воочию убедилась, что разница между аборигенами с их «человекообразными соседями» существенная. На Земле, конечно, таких «разниц» пруд пруди. Но при всём разнообразии наций и рас земляне всё же выпали из-под одного хвоста — даже оспаривать глупо. И местные аборигены похожи на них, как две капли воды.

А вот девятисушие... какие-то другие. То есть абсолютно другие — тут даже слов не

подобрать. Просто факт и всё.

— Ну, чего вылупилась, инфузория? — с трудом скосив глаза на неподвижной голове, добродушно прогудел по-русски этот монстр и продолжил на языке аборигенов: — Как тебя сюда занесло?

Не снизойдя до ответа, Юлька пыталась вникнуть в его положение — с первого взгляда, незавидное. Понятно, что узник. Ясней ясного, что зафиксирован в неподвижном положении: зубы вместе, ноги с руками врозь. Морская звезда: засушенная и покрытая лаком. Даже бычья шея замёрзла, не позволяя голове повернуться к нарисовавшейся гостье.

Бедный мальчик — резануло по сердцу знакомой и неповторимой болью.

Мать не обманешь. Смени её кровиночке голос, мордень, телосложение — да хоть пол — она опознает роднулечку. Хотя бы по тем выходкам, что вечно выводили её из себя. И если уж незнакомое хамло в чужом мире обзывает тебя инфузурией на русском языке — оно точно твоё кровное.

Результат твоей жизнедеятельности. Ну, и наплевательского отношения к воспитанию детей. Коря себя за то, что уже не исправить, Юлька поднялась с колен. Машинально отряхнула наволочку и подкралась ближе — ещё шагов на пять. Внимательно оглядела узника и аккуратно уточнила:

— Севка, это ты?

Грубое лицо батыра мгновенно закаменело — будто в ожидании вражеского наскока. Глубоко посаженные глаза цвета надраенной красноватой бронзы вовсе утонули в подозрительном прищуре. Так смотрят мужчины, когда им до зарезу хочется, чтобы сбылось самое несбыточное. Когда они убивают даже за невинный обман — с точки зрения обманщика.

Колосс на распяленных ногах раздул ноздри, шумно выдохнул, матюгнулся и зло пробухтел по-русски:

— Ма, если это ты... То мне категорически не смешно. А если не ты... Я тебе, сопля мокрожопая, ноги повывёртываю! Чтобы в заблуждение не вводила.

— Тебя заблудишь, как же, — машинально отгавкалась Юлька, стекая на пол.

Ноги не держали. Невероятное, непостижимое, неповторимое везение — так просто не бывает. Хотя...

Глава 4

Я же твоё счастье?

Не зря настырные ящерицы заставляли их сбиваться в кучу. Не давали расползтись, дабы переехать в «мир иной» всем семейством. Они с сыном чуток задержались «на том свете». Однако на этот попали одновременно. И «разброс попадания» оказался невелик. Во всяком случае, применительно к местности. И к единой «породе» разумных. А всё остальное...

— Ма?! — знакомо встревожился незнакомый богатырь.

Мышцы вспучились устрашающими буграми. Бугры украсились выпирающими сосудами. Казалось, вся эта махина вот-вот лопнет от натуги — гигант силился вырваться из пут. Которые — наконец-то, удосужилась разглядеть Юлька — с виду напоминали обычный канат необычного фасона. Вроде бы кожаный белый шланг. Скорей гладкая лиана толщиной в нынешнюю Юлькину руку: от нечеловеческих усилий гиганта её не сплющивало, как шланг.

Эта дрянь опутывала не всё тело Севки. Она охватывала петлями шею, обе руки и обе лодыжки. Пять несерьёзных для такого амбала петель, а шевельнуться не дают.

— Ты полегче! — невольно испугалась Юлька, когда гигант бросил заниматься ерундой и расслабился. — Пупок надорвёшь. Где его тебе купишь в этих палестинах? Они вон ещё штанов себе не изобрели. Троглодиты.

— Мозги себе купи, — выравнивая дыхание, просипел гигант.

— Да, это мой сын, — брякнула счастливая мать, вновь обретая землю под ногами.

И руки сами собой прилипли к лицу, закрывая его от Севки. Неистребимая привычка прятать от сына слёзы осталась с тех времён, когда они с Даяном бились за жизнь. Бились-бились, да не разбились. В обществе, где человек человеку людоед.

Неужели и Даяша где-то рядом? Господи! Пускай он будет рядом — с непривычным для себя отчаянием взмолилась Юлька. Как же сейчас нужна его спина — её надёжнейшее убежище. Просто свинство лишать женщину спасительной норы. Хуже, чем выгнать бедняжку из дому на мороз.

— Ма, только не начинай, — чересчур небрежно проворчал глыбообразный оболтус, будто бы в виду отсутствия проблем. — Ньюни не распускай. Раз я тебя нашёл, остальное полная хрень.

— Он меня нашёл! — возвела Юлька очи горе, призывая в свидетели сводчатый каменный потолок.

— А ты, с какого перепуга сюда заползла? — спохватившись, задал сынуля резонный вопрос. — Наверняка свинтить намылилась. Ну, и чесала бы мимо.

— Тебя услышала, — пробубнила в ладошки счастливая мать, глотая слёзы. — Как ты тут неприлично выражался на всё подземелье.

— И указал тебе верный путь к счастью, — развеселился Севка, у которого в души свалилась целая горная гряда. — Я же твоё счастье? Или у тебя и в этом направлении что-то изменилось?

— Раньше ты себя обзывал основополагающим направлением всех моих устремлений, — раздвинув пальцы, зыркнула Юлька на своё сокровище, которое не развеялось. — А сейчас просто счастьем.

— Не занудствуй, — хмыкнул Севка, придирчиво разглядывая то, во что превратили его мать. — Значит, теперь ты у нас малолетка. А чего такая дохлая? Не кормят?

— Кормят, — вздохнула Юлька. — А ты чересчур спокоен.

— Ма, ты чего? — непонимающе вытаращился красноволосый гигант. — Всё ж хорошо. Я просто знал, что ты где-то рядом.

— Знал? — засомневалась Юлька, заподозрив чадушку в браваре.

Несмотря на то, что и сама всё это время цеплялась за мысли о непрременной встрече.

— Конечно, — твёрдо пробасил Севка. — Можно было сомневаться в том, что нас реально куда-то утащат. Слишком уж... фантастично. Но раз уж срослось, остальное тоже не фейк. Я жив, значит, и вы все живы. С чего мне сомневаться? Напрягало, конечно, что придётся вас искать. Но это уже мелочи.

— А собственное положение тебя не напрягало? — уточнила Юлька, оттопырив ворот наволочки и вытирая им щёки.

Наверняка развозя по лицу грязь — но, кого это волнует?

— С этим я справлюсь, — на этот раз не так уверенно заявил сынуля. — Лучше скажи, как тебя содержат. Апартаменты приличные?

— Не хуже твоих, — поднялась с пола Юлька.

Огляделась, прислушиваясь к тишине за дверью, торчащей дуплом в середине стены. И

тут натолкнулась на пылкий и почти вожделеющий взгляд. Причём, вожделеющий не брутального Геракла, а именно её.

— Ты кто? — вежливо поинтересовалась на местном мурлыкающем языке у Севкиной соседки по «заседанию» в застенках.

Прежде замугнённый эмоциями материнский взор как-то обходил эту подробность стороной. А вот теперь пришло заняться обстановкой узилица — точной копией её собственного.

Девушка атлетического телосложения — как пишут в книгах — имела грубоватый, однако не лишённый привлекательности облик. Не лицо, а морда статуи колхозницы, но взгляд притягивает. Именно из-за взгляда весьма умных глаз — их ещё обзывают проницательными. У Севкиной же соседки огромные глазищи не проницали, а взламывали мозг тараном. Одно слово: Вейра.

Второй сногшибательной подробностью была причёска узницы. Лишь обладательница попорченных скверной экологией волос способна всеобъемлюще оценить водопад золотистого великолепия, что заканчивался под коленками. Как такое носить в условиях чуть ли не первобытно-общинного строя — уму непостижимо. Интересно, у них мыло уже есть? Юльке его не приносили, а ведь она почти принцесса.

Третьей сногшибательной подробностью был прикид. До сих пор она как-то иначе представляла себе одежду аборигенок: видела же во сне. А сторожа с наставником подтвердили попадание в приснившийся мир.

Эта девица была облечена в кожаные облегающие штаны и сексуальный топик. Вместо деревянных сланцев или беспалых сандалеток на ногах красовались настоящие сапожки. И не какой-то ширпотреб — натуральный шедевр модели «Иван-царевич»: узконосые, красные, расшитые золотом.

Юлька обернулась и придирчиво рассмотрела то, на что в порыве материнских страстей попервости не обратила внимания. Чадушко было облачено в идентичные штаны без топики: все выпуклости до неприличия рельефны. Просто срам, а не штаны — нужно менять. Царевичевы сапоги были коричневыми, тупоносими и без украшений — но сапогами были.

Она опять вернулась к предмету изучения. Свежим взглядом отметила, что глаза женщины особого цвета тёмного золота. У всех, кого посчастливилось здесь увидеть, они чёрные. А тут сразу два уникама. И оба привязаны к месту заключения шлангами.

— Ма, это Улея, — с редким для Севки уважением отрекомендовал он по-русски. — Отличная девка. Просто шик. Явилась сюда прикончить отродье Нанки и попалась. Эта сука Ахарта хвоста на неё не пожалела.

— Масса полезной инфы, — съязвила Юлька, оценивая петли шланга на конечностях златовласки. — Тебе бы просветительские лекции читать.

— Это она! — вдруг соизволила прошипеть Вейра, прожигая Юльку взглядом, обещающим неприятности. — Мы ДОЛЖНЫ убить отродье Нанки. Любой ценой.

Ребёнок набычился. Состроил угрожающую мину на без того страхолудной морде. К чему присовокупил многозначительное предупреждение:

— Это моя мать. Я тебе башку проломлю, если тронешь. И всем остальным тупым борцам с тёмными силами. Дебилы!

— Твоя... мать? — выпучилась на оратора обалдевшая Вейра. — Э-э-э... Такая же, как ты? Из другого мира?

— Самого другого из всех других, — сухо подтвердила Юлька, борясь с неприязнью к своей несостоявшейся убийце.

Не с собственной неприязнью — девица ещё ничем перед ней пока не отличилась. Кроме намерения убить. Но на это у Вейры должна быть очень веская причина. Ибо её одноимённая Богиня весьма не одобряла жестокость в своих творениях.

Неприязнь к Улее оказалась наследием девочки, в голове которой помимо горестного сумбура встречалась и полезная инфа. Она знала о том, что среди девятисущих есть её недоброжелатели. Среди них даже натуральные террористы, не брезгующие детоубийством. В причастность к ним Вейры бедняжка не верила. Но всё равно не любила златоглазую атлетку.

— Я не та несчастная девочка, которую вы все довели до самоубийства, — как можно внушительней предупредила Юлька мускулистую валькирию, жаждущую её крови. — Что её мамаша, что всякие героические придурки вроде тебя. И поверь: убить меня будет затруднительно.

— Если ты его мать, — задумчиво промяукала Улея, притушив во взгляде «кровожаждание», — значит, тоже много знаешь. Из того, что нашим мудрецам ещё неизвестно. Севькья рассказывал, что учился девять лет. А ты?

— Семнадцать, — хмыкнув и перемигнувшись с сыном, похвасталась Юлька. — И потому вдвое умней этого придурка.

— Севькья не придурок! — внезапно обиделась златокудрая полубогиня, одарив неблагодарную мамашу негодующими искрами из глаз.

— Ты что, влюбилась? — брякнула Юлька, не подумав.

— Я... — мявкнула девушка и покраснела.

Да ещё как: натурально во всё лицо с максимальной насыщенностью оттенков алого.

С потенциальной невесткой ругаются после свадьбы сына — скажет вам любая мудрая женщина и мать балбеса. А то будущая «великомученица» передумает и удерёт. И останешься ты у разбитого корыта — бросила Юлька на сына критический взгляд и потребовала:

— Вы оба! Времени в обрез. Быстро и внятно в двух словах: за что меня... то есть, прежнюю хозяйку моего тела хотят убить?

В принципе, дедуля уже «освежил» её память насчёт великих деяний могущественной божественной троицы: Вейры, Нанкешты и Любрóфта. В частности, как этим вшивым демиургам «ударило в голову» наваять себе то ли детей, то ли мальчиков на побегушках. Вместе с девочками — кому что удобней.

Вейра — как Владычица человеческой жизни — естественно создала Повелительниц жизни. Этаких всенародно обожаемых златокудрых особ, что занимались акушерством и прочими медицинскими вопросами. Излечивали от всего, кроме смерти, одним прикосновением. А при нужде взламывали мозги и делали человека идиотом — в том же медицинском смысле.

Впрочем, Вейры — названные так в честь мамаша — за редчайше редчайшим исключением действовали во благо. Занимали, как говорится, твёрдую позицию защитниц «светлой стороны».

На ту же «светлую сторону» определили и выкидышей Любрóфта, обозвав их Любрами. Тех — по мнению обычного народа — папаша наделил немеряной и неистощимой силищей. Идейные супермены местного разлива — по-новому придиричиво разглядывала Юлька сына,

донельзя довольного своим «попадаловом».

Ибо Севке посчастливилось загреметь в тело именно такого сокрушителя зла — откуда и бронзовые бляшки вместо глаз. Посчастливилось, естественно, с точки зрения поклонника компьютерных игрушек с кровопролитием.

Наконец, самая убойная из Нерушимой троицы Богов — Владычица смерти Нанкэшта — тоже не осталась в стороне: изобрела Нанок. Повелительниц смерти, которых не брала никакая холера. Даже сила Любров — во всяком случае, в теории. Ибо на практике сие никто не проверял.

Не представлялось случая: между собой божественные «детки на побегушках» никогда не воевали. У Вейр с Любрами не находилось причин для столкновения. Между Любрами стычки происходили сплошь и рядом, но без смертельного исхода — чистый спорт. Ну, а междусобица с Нанками могла вывести племя «божественных детишек» под корень.

Несмотря на то, что эти смертоносные дамочки рождались крайне редко. Собственно, на сегодняшний день — не считая Юльки с её биологической мамашей — во всём известном мире всего лишь три Нанки. Вреда от них — как поняла Юлька — никакого.

Как раз таки наоборот: это Любры с Вейрами везде носились и совали носы, куда их не просили. Нанки же предпочитали жизнь в скромном одухотворённом уединении. Лишь у одной примадонны случился какой-то сбой в мировоззрении: баба провозгласила себя таким воплощением богини на земле — не больше, не меньше. Подгробла стерва под себя Абихуш — это, как говорится, взгляд с одной стороны.

А с другой — по некоторым оговоркам наставника — Юлька поняла: тиранию её мамыши «тёмной» не назвать даже с натяжкой. Ни шиша из «кровоавой символики» подобного явления. Страна по сути живёт себе и в ус не дует: тиранию Нанки в упор не замечает. Ибо та касается лишь правящего класса.

Короче, всё вроде в порядке. И зачем же в таком случае лишать мадам тиранку её наследницы? Всеми этими Вейрами и прочими «божьими детьми» не становятся — ими рождаются. Такая тут имеется особая порода девятисущих людей. Верней сказать, оборотней. Ибо пресловутую божественную силу они получают лишь с обретением божественного двойника УАТ.

А тот перевоплощает их не в волков с медведями, а — кто бы мог подумать — в неказистых ящеров. Впрочем, чему удивляться? Если всё божественное племя «в верхах» сплошь ящеры, тут уж ничего не поделать. Будешь «пресмыкаться», как заповедано начальством. И благодарить, что в небесах у тебя не жабы с богомолами.

Всё это «освежила» в памяти Юльки Улея. Кратко, толково, без лишних нюансов — дедуля этой темы вообще не касался, ограничиваясь самим фактом существования девятисущих. Девочка разъяснила всё, кроме одного: на кой чёрт убивать наследницу некондиционной Нанки?

Бабе и без того несладко. Вейры с Любрами размножаются редко, но регулярно, а вот у Нанок с этим проблема из проблем. Не каждая из них способна дать потомство. Что-то у них с плодовитостью стопорит. То ли смертельная ипостась подводит, то ли ещё какая-то лихоманка. Прямо беда.

Так что мамаша Юльки с полсотни лет билась над проблемой размножения. Любры — гады бездушные — упирались: ни за что не желали плодить Нанок. Человеческого трепета перед Повелительницами смерти эти паразиты, понятно, не испытывали: ну, смерть и смерть — дело житейское. А для тех, кто живёт лет по двести — вдвойне житейское.

Так, отчего же такая дискриминация? Может, завидуют силе Нанок, которая им не по зубам? Лелеют подлую надежду избавиться от них и остаться в мире самыми-самыми?

Чисто по-человечески мужиков понять можно. Вон греки амазонок тоже не слишком жаловали. Баба с мечом совсем не то же самое, что баба без меча. Без меча ты ей мигом обрисуешь её круг интересов на свой лад: кирха, кухня, киндеры. А с мечом она тебе сама, что хочешь, обрисует, намечая будущие эпицентры членовредительства.

Юлькина мамуля, конечно, периодически ловила упрямых бронзовоглазых «недотрог» и, так сказать, брала своё силой. Но лишь однажды насильственный акт любви дал свои плоды. Печальная статистика, женщину можно понять: тут станешь стервой — с такими-то делами.

— Улея, зачем вам понадобилось меня убивать? Может, сумеем договориться? — и не думая деликатничать, поставила Юлька вопрос ребром.

— Теперь даже не знаю, — задумчиво пробормотала честная девушка «на выданье», о котором ещё не подозревала. — Теперь получается, что ты не дочь Ахарты.

— То есть, дело не в том, что я Нанка?

— А ты ещё и не она, — встрял более просвещённый в мифологии аборигенов Севка.

Ничто так не помогает скоротать время в застенках, как взаимообразный допрос. Солидарное висение в шлангах сплотило детей и развязало языки. Чем Севка грамотнc воспользовался, предусмотрительно визнавая всё, что касалось его комфортного пребывания в новом мире.

Ну, и попутно произведя на девушку оглушительное впечатление своим инопланетным происхождением. Улея с жадностью выпытывала подробности о «потустороннем» мире, куда ей никогда не попасть. Хотя... кто знает? Может, это дорога с двусторонним движением?

— Я в курсе, — раздражённо отрезала Юлька. — И меня это не устраивает. Что-нибудь убойное новичку в первобытном мире не помешает. Почему я ещё не обрела свой УАТ?

— Нос не дорос, — хмыкнул неблагодарный поганец, ради которого мать ночей недосыпала и куска не доедала.

— Не слушай его. Твоё время уже подошло, — вернула Улея будущей свекрови оптимистичный взгляд на всю эту переселенческую богадельню. — Вскоре тебя отвезут на место обретения. Камни проклятого Зуром пролива уже начали обнажаться.

— О камнях потом, — решила Юлька. — Ты не ответила на первый вопрос: зачем меня убивать?

— Трудно ответить в двух словах, — уклончиво ответила вполне приличная девочка, сделав морду тяпкой.

— А в трёх?

— Ну, — задумчиво закатила глазки Вейра, — тут дело не столько в тебе, сколько в самом Этат-Хуш-Кар-Ути. Которого народ за глаза обзывает просто Ути-Кар.

— Кто это?

— Простирающий крылья, Воссиявший двумя жезлами, Могучий, Непобедимый абиб царства Абихуш, — с нескрываемой брезгливостью пояснила Улея. — Этот ублюдок не должен получить тебя в жёны. Тогда никому покоя не будет. Грянет страшная война всех со всеми. В которую попытаются втравить и девятисущих. Особенно Любров. А нас и без того слишком мало.

Севка хмыкнул, а Юльке вдруг стало любопытно:

— Что означает имя моего... женишка?

— Прекрасный и отважный, благословлённый самим Хушем, — всё так же брезгливо перевела Улея.

— А прозвище? — ещё больше развеселился Севка, издевательски скалясь.

— Отважный красавчик.

— Кажется, я с ним уже встречалась, — задумчиво пробормотала Юлька.

И описала визитёра, что позорно удрал от невесты. Когда по настоятельной просьбе детей призналась, чем так напугала отважного абиба, те закусил губы, дабы не заржать в голос. После чего Улея на полном серьёзе уточнила:

— Так, ты не собираешься становиться его супругой?

— Вообще-то у меня есть муж, — покосилась на сына Юлька, — Он что, тебе не рассказывал про отца?

— Рассказывал, — подтвердила Вейра каким-то не слишком вдохновляющим тоном скептика.

— Полагаешь, мы его не найдём? — догадалась Юлька, и не думая расстраиваться.

Она была уверена в успехе на все сто — её разубеждать бесполезно.

— Полагаю, вы будете его искать со всем упорством, присущим любящим сердцам, — дипломатично и цветисто ушла девочка от ответа.

— Ма, что говорит твоё любящее сердце? — не удержался Севка от абсолютно неуместного стёба. — Моё лично уверено, что отец где-то здесь.

— Не болтай, — поморщилась Юлька и продолжила допрос: — Улея, как ты думаешь: это сама девочка хотела стать супругой абиба? Или Ахарта её принуждала?

— Не знаю, — вытаращилась на неё поражённая златовласка, которой подобные вопросы на ум не приходили. — Ты... думаешь, что она могла этого не желать? Ути-Кар, конечно, скверный человек. Властолюбивый и жестокий. Но очень красивый, — издала она вздох то ли сожаления, то ли ещё чего.

— Я видела его и раньше, — решила Юлька, что скрывать сей факт смысла нет. — Во сне. И там дочь Ахарты отвергла его притязания. Она его ненавидела. Вообще-то, она его до сих пор ненавидит. Я чувствую это здесь, — постучала она себя пальцем по лбу.

— Выходит, это происки самой Ахарты? — сделала Вейра очевидный вывод. — Это она заставляет дочь стать женой смертного. Неужели, она так безрассудна? Даже не знаю: верить тебе или нет?

— Не веришь мне, подумай о другом: счастливая невеста не стала бы сбегать из дома, — напомнила Юлька.

— А она сбегала из дома? — ещё больше округлились глазищи Вейры.

— То есть, вы решили убить девочку, ничего о ней не зная? — опешила Юлька

— Ма, не дави? — по-русски пробухтел Севка, сочувственно пялясь на златовласку. — Ты будто вчера родилась. Здесь инфо-поле точно так же забито фейками. Вот ребята и решили заранее разобраться с проблемой.

— Разобраться?! — окрысилась Юлька, вытаращившись на неблагодарного отпрыска. — Для начала убив? Меня восхищает твоя невозмутимость. Тебе что, мать уже не пригодится? Новую присмотрел?

— Ты перегибаешь, — поморщился Севка. — Ничего они тебе не сделают. Тут всего-то и осталось: добраться до гнезда УАТ. Где вылупляются эти самые двойники. А после уже ни одна собака на тебя не гавкнет.

— Ты уверен, что эти любровы фашисты не смогут меня укокошить? Даже если соберутся в кучу?

— Укокошить смогут, — авторитетно обрадовал сын. — Догнать не смогут. Я уже знаю технические и боевые характеристики каждого вида ящероподобных оборотней. Со всеми умениями и навыками. У тебя они самые убойные. К примеру, ты бегаешь быстрее истребителя. Ни один «любров фашист» не догонит.

— И что, теперь всю жизнь от них бегать?

— Неа, — с неповторимым злорадством ухмыльнулся сынуля. — Ты чем слушала? Как только станешь Нанкой, ни один девятисуший на тебя не огрызнётся. Табу. Если девятисуший прикончит другого девятисушего, остальные прикончат его. Любые в любом месте, где поймают. Независимо от породы. Это пока ты обычная семисушая девка. Значит, тебя можно удавить без проблем и последствий. Вот говнюков и пробило на подвиг.

— Я так понимаю, ты у меня уже девятисуший? — немного отлегло у Юльки.

За себя-то бояться — то ещё удовольствие. А бояться за своего ребёнка — лучше сдохнуть и отбояться на целую вечность вперёд.

— Уже, — с неопишуемым удовольствием на квадратной физиономии басовито мурлыкнул Севка. — Жаль, пока прогон устроить не могу. Завяз тут.

— Кстати, что вас тут держит? Если вы оба такие всемогущие, — спохватилась Юлька, что время идёт, а дети всё ещё не сбежали. — Что это за шланги?

— Никогда не догадаешься, — досадливо скривилось чадушко. — Это хвосты твоей мамы. Единственное средство поймать и удерживать Любра. Ну, и Вейру, как видишь.

— Она их что, — опешила Юлька, — отрубила? У себя?

— Сама не видишь? — вяло огрызнулся Севка.

— А новые отрастут? — уточнила Юлька на будущее.

— Губу закатай, — хмыкнул этот паршивец. — Ящеры ТУТ и ящерицы ТАМ не одного поля ягоды.

— Интересно, — съехидничала Юлька. — За какие такие заслуги моя мамочка не пожалела для тебя хвоста? Ты её обесчестил?

— Как раз наоборот, — расплылся отпрыск в глумливой улыбочке. — Отказался. Ей до зарезу нужен ещё один ребёнок. А до искусственного оплодотворения тут ещё веков сорок. Ты не помнишь, когда древние египтяне научились зубы вставлять? И кстати, — перешёл он на местный язык, скосив глаза на правую руку. — Ты не могла бы снять с меня эту дрянь?

— Сам не можешь? — озабоченно глянула Юлька на фрагмент задней части своей здешней мамули.

— Хвост Нанки может сорвать только Нанка, — подсказала Улея, которая всё это время старательно прислушивалась к словам чужой речи и догадалась, о чём речь.

Пристально вглядываясь, изучала выражение лиц дивных гостей из другого мира — странно, но в это Вейра поверила сразу и безоговорочно.

Интересно: её доверчивость распространяется на «байки из склепа», где захоронены благие намерения мужиков? Хорошо бы. А то Севка готов устроить рай на земле лишь на словах, а девочки верят. Поэтому после, разобравшись, сбегают, не оглядываясь. Просто никаких сил нет с этим упырём.

— Ты сделаешь это? — недоверчиво, как показалось Юльке, уточнила Улея.

— Девочка, ты в своём уме? — вырвалось у обиженной матери. — У вас тут что, принято бросать своих детей на съедение?

— Нанки не едят себе подобных, — поражённо проблеяла златокудрая простушка.

— О, Боже! — возвела очи горе неосторожная болтушка. — Это просто такое выражение. Ладно, — нетерпеливо отрезала она. — Забудь. Лучше скажи, что я должна сделать.

— Просто коснуться хвоста своей матери, — восторженно выдала инструкцию Вейра. — Хотя бы кончиком пальца.

— И всё? — удивлённо разглядывала Юлька белый шланг в поисках подвоха. — Так просто?

— Совсем непросто, — нахмурилась девушка. — Тебе придётся постараться.

— А это не опасно? — насторожился Севка, хмурясь и кривя губы.

— Для твоей мамы нет, — уверенно успокоила его Вейра. — Она же Нанка. Даже без УАТ облечена защитой Нанкешты.

— Как же ты собиралась её убить? — продолжил придирается продвинутый представитель развитой цивилизации. — Нанкешта тебе шею не свернёт за свою дочь?

— Может, — простецки призналась Улея, не моргнув золотым глазом.

— И что? — поражённо выпучился на неё Севка.

— Мы все когда-то умрём, — философски промурлыкала девушка, вздёрнув бровки.

— Хватит болтать! — рявкнула Юлька. — Заткнитесь и не мешайте.

Глава 5

Враги приходят и уходят, а дети возврату или обмену не подлежат

Юлька подошла к сыну вплотную — никакой реакции со стороны мамкиного хвоста не последовало. Для начала она просто ткнула пальчиком в белый шланг. Её ничуть не удивило, что обрубок продолжал жить своей жизнью, вместо того, чтобы разлагаться. Или хотя бы пребывать в состоянии стазиса, чтобы не протухнуть, как положено любому куску мяса.

Испытуемый хвост при любом шевелении доставлял Севке массу паршивых ощущений. Так и норовил задушить бедного ребёнка — зараза! С Улеей та же история. Юлька диву давалась: как дети умудрялись так долго держаться? Заставь её простоять в нелепой позе несколько дней, давно бы предпочла освободительное удушение.

На прикосновение Юлькиного пальчика хвост мамыши отреагировал негативно. Мерзавец выгнулся, уходя от контакта и внезапно оторвал Севку от земли. После чего просто перетащил узника подальше от любопытной тыкальщицы. Прямо по воздуху! Из чего Юлька сделала вывод: выручить детей будет непросто.

Она вновь подкралась к сыну, намереваясь продолжить эксперименты с его дурацкими живыми кандалами. Время шло, и ощущение приближающихся неприятностей всё настырней теребило нервы. Второго контакта с пальцем проклятуций хвост не допустил: отволоч пленника ещё дальше.

$\frac{3}{4}$ Ма, что ты за ним таскаешься, как зомби? $\frac{3}{4}$ деловито покритиковал её Севка. $\frac{3}{4}$ Нашла время устраивать прелюдии. Прыгай на него с разбега, и...

$\frac{3}{4}$ Загрызи, $\frac{3}{4}$ мрачно продолжила Юлька его новаторскую мысль.

$\frac{3}{4}$ Для начала постарайся вцепиться обеими руками, $\frac{3}{4}$ проигнорировал подколку сынуля. $\frac{3}{4}$ От тебя вон даже змеи шарахаются. Вдруг и эта гнида уползёт?

Юлька невольно оглядела пол: у стен и вправду слиплись шевелящимися комками её старые знакомцы.

$\frac{3}{4}$ Может, сначала меня? $\frac{3}{4}$ великодушно предложила Улея, золотые глазищи которой горели от нетерпения дурным огнём.

Женщина всегда поймёт, какво несчастной матери экспериментировать с жизнью собственного ребёнка.

$\frac{3}{4}$ Может, заткнёшься? $\frac{3}{4}$ грубо отшил её Севка и скомандовал: $\frac{3}{4}$ Ма, давай! Поменьше думай. Наплюй и прыгни. Или мы тут все допрыгаемся.

Он был прав. Что бы с ним не сделал сволочной хвост, его хозяйка вряд ли обойдётся с бронзовоголовым хамом гуманней. Что-то подсказывало Юльке: ей не удастся выклянчить у мамы такую игрушку — стерва сама ещё не наигралась. Так что...

Она кинулась к сыну на максимально выжатой из тела скорости. Чудом успела вцепиться в кусок хвоста, который шёл от его руки к ноге. Родео в Техасе — виденное в инете — показалось ей безобидными «прыгалками» на пухлом диване. Охотницу за чужими хвостами сдёрнуло с места, швырнуло вверх и приложило о каменную стену. Под которой Юлька и шлёпнулась на пол растопырившей лапки лягухой.

$\frac{3}{4}$ Ты заметила?! $\frac{3}{4}$ восторженно осведомился Севка, предусмотрительно притушив громкость своего нового трубного гласа.

Юлька возмущённо булькнула в попытке обозвать его идиотом. Полноценные ругательства застряли в горле, перехваченном болью. Благо та опять не задержалась.

Чутка одыбав, незадачливая охотница взгромоздилась на четвереньки и потрясла головой. Навела резкость в обалдевших от встряски глазах и оценила результат внезапной атаки на врага. Правая рука и правая нога сына освободились от петель: этот фрагмент хвоста обвис мёртвой тряпкой. Но левые конечности и шея ещё оставались затянутыми упорной плотью, исполнявшей священный долг перед хозяйкой.

$\frac{3}{4}$ Интересно, $\frac{3}{4}$ пробормотала Юлька под нос, осторожно поднимаясь на ноги. $\frac{3}{4}$ Сколько у мамы хвостов?

$\frac{3}{4}$ Три раза по девять, $\frac{3}{4}$ немедля просветила инопланетянку Улея. $\frac{3}{4}$ У Болвата семь, а у меня пять.

$\frac{3}{4}$ У кого семь? $\frac{3}{4}$ не поняла Юлька, примериваясь для нового прыжка.

С виду сторож сына никак не проявлял озабоченности насчёт возможных повторных атак. За неимением мозгов обычному куску мяса негде складировать опыт — что просто замечательное подспорье в борьбе.

$\frac{3}{4}$ Не отвлекайся! $\frac{3}{4}$ слишком уж поспешно напутствовал сынуля.

$\frac{3}{4}$ У Болвата, $\frac{3}{4}$ чуть растерянно повторила Улея, обратив на раздражённого сокамерника вопросительный взор.

Ну, как тут вовремя спохватиться и не заржать? Да, никак. Юлька прыснула и поспешила запечатать рот грязными ладошками, сотрясаясь от смеха.

$\frac{3}{4}$ Договоримся, что меня зовут Севка, $\frac{3}{4}$ мрачно предложил инопланетянин, обзаведшийся хвостами.

$\frac{3}{4}$ Это плохая идея, $\frac{3}{4}$ предупредила его Улея. $\frac{3}{4}$ Для всех девятисущих ты Болват, тело которого занял. Или ты хочешь рассказать им...

Юлька стартовала в сторону родненького болвана, которому теперь отольются мышкены... то есть мамашкины слёзки. Пускай только возобновит привычку обзывать её инфузорией — подлец. На этой оптимистичной ноте она и промахнулась. Подлый хвост умыкнул Севку из-под самого носа, перетащив его к противоположной стене.

Не тратя времени на сетования, Юлька метнулась к ребёнку. Тот каким-то двенадцатым чувством уловил момент ухода врага «с линии атаки» и рывкнул:

$\frac{3}{4}$ Влево!

Тело Юльки само собой дёрнулось, куда указали. И на этот раз руки достали-таки гадский хвост — буквально в последнюю секунду. Прежде чем отправиться в очередной полёт она успела заметить, как шланг скукожился в детских пальчиках. А, поднявшись на ноги и потирая ушибленный бок, оценила результат: левая сторона ребёнка свободна.

Оставалась шея, до которой ещё нужно допрыгнуть. Верней, никогда не допрыгнуть при новых габаритах сына — хоть запрыгайся.

$\frac{3}{4}$ Угроздило же тебя опять вымахать! $\frac{3}{4}$ вырвалось у неё с досады без скидок на несправедливость упрёка.

$\frac{3}{4}$ Меня устраивает! $\frac{3}{4}$ сосредоточенно огрызнулся Севка, что-то явно прикидывая. $\frac{3}{4}$ Ты как, в порядке?

$\frac{3}{4}$ Ещё в каком! $\frac{3}{4}$ ядовито приободрила его родная мать. $\frac{3}{4}$ Всю жизнь мечтала поколотиться о стены.

$\frac{3}{4}$ Не отвлекайся, $\frac{3}{4}$ скомандовал семихвостый болван с претензией на лавры полководца. $\frac{3}{4}$ Я, кажется, придумал. После броска лови сигнал.

$\frac{3}{4}$ И куда его девать? $\frac{3}{4}$ не удержавшись, съязвила охотница за хвостами.

$\frac{3}{4}$ Женщина! $\frac{3}{4}$ привычно брякнул сын.

$\frac{3}{4}$ Болван! $\frac{3}{4}$ с наслаждением воспользовалась мать предоставленной возможностью дать сдачи.

$\frac{3}{4}$ Банально, $\frac{3}{4}$ фыркнул Севка и посерьёзnel: $\frac{3}{4}$ Ма, постарайся всё сделать с первого раза. Я не железный, смотреть, как тебя... Ладно. Готова?

Юлька кивнула и рванула в атаку.

$\frac{3}{4}$ Влево! $\frac{3}{4}$ рявкнул Севка.

Он как раз пролетал мимо знакомого помоста перед единственной дверью узилища. И ловко ухватился за одну из перекладин — аж дерево затрещало. Хвост был силён, и тут же оторвал Севку от помоста. Но Юльке хватило этого мига, чтобы повиснуть на могучей шее Любра, сомкнув руки в замок. Есть контакт — успела подумать она, попытавшись вцепиться в хвост зубами. И полетела.

Верней, в полёт они отправились всей семьёй. Причём, первой приземлилась она. А потом по обе стороны от неё в пол впечатались могучие руки сына — аж кости затрещали. Гигант удержал своё тело на весу: не раздавил хлипкую мамулю на последнем этапе спасательной операции. Затем пружинисто оттолкнулся и прямо-таки взлетел, оказавшись на ногах. Огляделся и удовлетворённо хмыкнул.

Нагнулся, отскрёб от пола маму и поднял, придирчиво заглядывая в глаза:

$\frac{3}{4}$ Ты цела?

$\frac{3}{4}$ А ты встряхни меня, $\frac{3}{4}$ посоветовала Юлька, терпеливо ожидая, когда тело переболеет плачевными результатами борьбы за жизнь ребёнка.

Тот послушно встряхнул и констатировал:

$\frac{3}{4}$ Не гремит. Значит, кости целы.

$\frac{3}{4}$ Болван! $\frac{3}{4}$ простонала Юлька.

И крепко обняла за шею своё раздобревшее сокровище. Севка ткнулся губами в её ухо и вдруг всхлипнул.

$\frac{3}{4}$ Ну, всё, всё, $\frac{3}{4}$ на автопилоте потекла из неё утешительная материнская присказка. $\frac{3}{4}$ Всё будет хорошо. Мой малыш. Мой подарок. Моё счастье.

$\frac{3}{4}$ Ты действительно его мать, $\frac{3}{4}$ удовлетворённо резюмировала Улея. $\frac{3}{4}$ Теперь я не

сомневаюсь.

$\frac{3}{4}$ Аллилуйя, $\frac{3}{4}$ буркнул Севка, возя горбоносый шмыгающим шнобелем по макушке Юльки. $\frac{3}{4}$ Сейчас займёмся тобой.

$\frac{3}{4}$ Как мама? $\frac{3}{4}$ озабоченно уточнила Вейра, следуя своим врачебным инстинктам. $\frac{3}{4}$ Может, дать ей передохнуть?

$\frac{3}{4}$ Время, $\frac{3}{4}$ коротко бросил набычившийся Любр и приподнял свою ношу, вновь заглядывая ей в глаза: $\frac{3}{4}$ Ма, ты как?

$\frac{3}{4}$ Не задавай идиотских вопросов, $\frac{3}{4}$ проворчала Юлька, замолотив в воздухе ногами. $\frac{3}{4}$ Опустите меня! Пора кончать с этой мистикой. И делать отсюда ноги. Что-то мне не по себе.

Сын осторожно поставил её на ноги и отступил на пару шагов. Юлька отыскала взглядом побеждённый хвост — тот валялся неподалёку. И на глазах выходил из стазиса: истлевал, начиная вонять. Видать, с окончанием возложенных на него сторожевых функций пропадала и вся эта нелепая магия.

И как пресловутая Повелительница смерти не пожалела потерять аж целых два хвоста? Почти восемь процентов боевой мощи. А вот интересно: подобное расточительство уменьшает её бойцовские качества? Новые-то хвосты не отрастают. Ещё интересней, сколько раз она уже пожертвовала своими отростками во имя шкурных интересов? Может, от той мощи и половины уже не осталось.

$\frac{3}{4}$ Ма! $\frac{3}{4}$ зашипел Севка. $\frac{3}{4}$ Не отвлекайся!

И...

У русских есть расхожая присказка: вывернись наизнанку. Теперь процесс предстал перед Юлькой воочию. В груди Севки вспыхнула багряная звезда. Расплескалась светом по всему телу и натурально вывернула богатыря наизнанку.

Потом это атмосферное явление рассеялось, и перед ошарашенной матерью предстало то, во что превратили её ребёнка. Точней, во что он превратился, следуя своей новой природе пятиродного божественного родственника. Так сказать, «изнаночная сторона» вполне человекообразного индивида.

Как и обещала местная мифология, это была типичнейшая ящерица гигантских размеров: с приличного носорога. Цвета красной бронзы. С бугристым туловом, из каждого бугра которого тараном торчала внушительная конусообразная игла. Мордой Любр смахивал на того же носорога с двумя парами чуть изогнутых рогов.

В принципе, просто увеличенная копия знакомого бронзового малыша из ТОЙ жизни. Но в таком виде шипастик походил на худший из кошмаров какого-нибудь грешника, загремевшего на адскую сковороду.

Однако разглядеть его как следует не вышло. Носорого-ящер раззявил пасть и зашипел на мать, хвастаясь чудовищными иглоподобными зубами. Прикольно розовыми и в отличном состоянии. В тылу монстра нервничали семь хвостов — парочка самых толстых с булавами на концах грохнула об пол, произведя ненужный шум.

Юлька скорчила сынуле рожу и бросилась на Улею. Безмозглый сторож Вейры проигнорировал печальную участь бывшего сожителя с общей божественной задницы. Пока враги бесчинствовали с первым хвостом, Улея преспокойно висела враскоряку на отведённом ей месте. И сорвалась с него лишь тогда, когда Юлька уже вполне профессионально зацапала шланг, что захлестнул двумя петлями руку и ногу девушки.

На этот раз обошлось без членовредительства. Один из хвостов Севки — благо, без булавы — поймал пикирующую в стену мамулю. Спеленал и осторожно опустил на пол. С

такой подстраховкой куда приятней — оценила Юлька. И приготовилась ринуться на врага, что утащил их «яблоко раздора» в другой угол.

«Яблоко» щурило золотые глазки, разминая пару освобождённых конечностей. И хватало ртом воздух: проклятуший хвост успел её придушить.

«Ринуться на врага» в очередной раз у спасительницы не вышло — её «ринули». Длинный гибкий бронзовый хвост — точь в точь, как у Повелительницы смерти — и не думал выпускать своё костлявое «оружие». Эта сволочь буквально швырнула его в мускулистый торс Улеи, как какой-нибудь топор. Подвергнутая насилию девчонка вцепился в него всеми конечностями — контакт состоялся. И не успела Юлька рухнуть на пол, как её подхватили сильные руки Вейры — обе руки.

$\frac{3}{4}$ Ты не ушиблась? $\frac{3}{4}$ заботливо промурлыкала Улея, бросив на Севку укоризненный взгляд.

$\frac{3}{4}$ Надо... бежать, $\frac{3}{4}$ проскрипела Юлька, пытаюсь восстановить дыхание в ушибленной груди. $\frac{3}{4}$ Ты знаешь... как?

$\frac{3}{4}$ Знаю, $\frac{3}{4}$ успокоила её образованная девушка и аккуратно поставила на ноги.

После чего отступила, и повторилась история с выворачивающей наизнанку звездой — естественно, золотой. «Изнаночная сторона» девушки оказалась милейшим созданием — как две капли воды похожим на мелкую убийцу Дэма. Ожидаемо золотистого окраса с огромными умопомрачительными глазищами. И с пятью тонкими хвостами — их Юлька не успела толком разглядеть.

Один из хвостов Вейры молниеносно оплёл спасительницу за талию. И перенёс на ровную — слава всем богам — мелкочешуистую спину. Второй хвост буквально примотал ношу к решительно настроенной ящерице. Скользнувший к ней Любр придирчиво оглядел «крепление». Одарил мамулю непонятым взглядом — думается, хотел подбодрить. Кивнул Вейре и медленно развернулся к запертой двери.

Мгновенных военных действий не последовало: Севка замер, разбираясь с управлением хвостами. Как-никак он попал уже в связанное тело и обзавёлся лишь теоретическими познаниями. Теперь занялся практикой.

Пара толстых хвостов с шипастыми булавами то и дело сотрясали узилище ударами немислимой силы. Вейра благоразумно взлетела на помост у двери — от греха подальше. Сверху Юлька превосходно оценила «боевые характеристики» отпрыска. При всей своей грузной мощи Любр был неправдоподобно ловок и подвижен.

Пара гибких, как лианы, шлангов — вдвое короче, чем у Повелительницы смерти — медленно извивались, словно поджидая, когда враг подойдёт ближе. Их концы напоминали сабли, что на миниатюрной копии ТАМ разглядеть не вышло. Уму непостижимо: как эти лезвия не располовинили тощую девчонку, когда её спеленали?

Три ёршика для мытья бутылок — как когда-то обозвала эти хвосты Юлька — спокойно лежали на полу. По всей видимости, эти чудовищные конструкции предназначались для перемальвания всего подряд. Представительница более цивилизованного мира всё больше разочаровывалась в боге Люброфте.

Папаша Хуш явно сляпал сыночка на скорую руку: с воинственностью переборщил, а воображения недодал. Судя по этому произведению — оценивала придирчивая мать своё напрочь испорченное детище — в его конструкции Люброфт учёл все способы уничтожения местного человечества. Да и прочей фауны.

Покажи ему танк — скудоумный Бог поставил бы своих Любров на гусеницы. А в лоб

воткнул пушку. Что и куда бы он воткнул, познакомившись с истребителями — или подводными лодками — не хотелось даже представлять. Расхожая фраза «пропеллер в заднице» могла обрести реальные черты.

Наконец, Севка освоился со своей боевой оболочкой и задрал морду к ожидавшим его дамам. Вейра тотчас слетела с пьедестала, уступив тот более «пробивному» созданию. И более разрушительному.

Любр оседлал жалобно застонавший помост в один прыжок — толстые деревянные сваи трескуче застонали под шипастой тушей. Ящер уткнулся рогами в дверь, еле уместившись на столь ничтожном для гиганта пространстве. Он чуть отклонил башку и вдарил по двери обеими булавами: одна за другой. Усиленная железными полосами преграда вылетела со второго удара, оповестив всех заинтересованных, что побег в самом разгаре.

Юлька опасалась, что Любр не протиснет в дверь свою раздутую магическую оболочку. А если и протиснется, непременно зацепится дурацкими шипами. Однако те неожиданно улеглись вдоль тулова. Да и шишаки заметно сдулись.

Севка стал похож на Улею, терпеливо ожидавшую, когда амбал уберётся с трещащего насеста. Бронзовый гигант с трудом, но пропихнул себя в дверной проём, махнув на прощание парой шлангов. Так сказать, пригласил следовать за ним. Вейра и последовала.

Взлетев на помост, она еле успела зацепиться передними лапами за порог, когда многострадальная постройка обрушилась, погребая под собой змеиные гнёзда. Пузо Вейры гулко хлопнулось о стену, зубы многообещающе лязгнули. Однако она легко подтянулась, вытолкнула себя в дверь и оказалась в длинном широком коридоре с низким потолком.

Юлька приподняла голову и глянула вперёд — там всё вихрилось, грохотало и бликовало благородной бронзой в свете масляных светильников. Севка торил своим дамам путь на свободу с эффективностью проходческого щита для прокладки тоннелей метро. Крику было — заслушаешься.

Улея следовала за ним в некотором отдалении, пощёлкивая по сторонам своими золотистыми хлыстами. Лишь тот, что удерживал Юльку, не включился в эту непонятную деятельность.

Побег всё больше походил на свершившийся факт. Сногшибательный план Юльки — ползать по крыпсовым тоннелям, волоча за собой котомку со скудным пайком — всё более обретал смехотворный вид. Тревожная мысль, что их застанет мамаша Повелительница, раздражала. Отчаянно не хотелось, чтобы такой замечательный побег был испоганен этой неменяемой стервой.

Улея слишком разумная девушка, чтобы нагнетать: её оценкам неадекватной Нанки верилось без труда.

$\frac{3}{4}$ Нормальная мать не доведёт дочь до самоубийства, $\frac{3}{4}$ бормотала под нос Юлька, заглушая страх. $\frac{3}{4}$ Я вот даже мёртвая не перестану надеяться вызволить Севку, $\frac{3}{4}$ нахваливала она себя с той же целью. $\frac{3}{4}$ Убитая надежда слишком паршивый исход любого мероприятия.

Дальнейший побег вылился для неё в сплошную дикуую скачку. Усугублённую «пляской со свистом» целого веера разномастных хвостов. Те заполнили всё пространство вокруг, не давая сбегавшимся воинам поднять головы.

Юлька была в том же положении, что и они: оторвать голову от чешуйчатой спины никак не получалось. Прижавшись щекой к хребту несущейся зигзагами ящерицы, лишь бестолку щурилась на проносившиеся мимо «фланги». На каменные стены с улетающими за

спину арками сумрачных коридоров. На грубо сбитые двери и на разлетающихся вверх тормашками голоногих аборигенов.

Затем по глазам ударил яркий солнечный свет, и пришлось вообще зажмуриться. В лицо дохнул знойный сухой ветер, напомнивший о снах, где Юлька бродила по пустыне. Из чего сам собой напрашивался вывод: вырвались из здания — осталось вырваться из страны.

Куда? И без географии понятно, что в безопасное место, известное Улее. Убивать потенциальную Повелительницу смерти Вейра вроде передумала. Да и Севка заступится, если что. Где он тут найдёт себе другую мать: такую же образованную и неприхотливую.

Он мальчик хороший и любит свою маму — мысленно сюсюкала Юлька, перемежая слащавую чушь попыткой проанализировать ситуацию. Как учили: разлиновав листок на графы «позитив» и «негатив».

В «позитиве» у них с Севкой его физическое преимущество над простым обывателем — туда же пишем и сомнительную магию. Если обращение в ящера так можно классифицировать — в магии Юлька ни черта не разбиралась. Знания алгебры, литературы и менеджмента с маркетингом тут пустой звук. Училась-училась, и всё псу под хвост.

С большой натяжкой в плюс можно зачесть её врождённую способность стать ящерицей покрупче игольчато-рогатого бронзозавра. Это, если ею стать. Что отнюдь не представлялось неоспоримым подарком судьбы. С одной стороны очень нужно себя защитить. С другой... очень хотелось остаться человеком.

Естественно, в плюсе Даян — когда они его найдут. И, конечно же, Кирилл — русские с татарами своих не бросают. Короче, графа «позитива» закончилась, толком не начавшись.

На чёрную графу даже не хотелось тратить время. Туда придётся заносить всё, что есть и будет вокруг. Целый огромный мир-вражину, нарочно затащивший их к себе, чтобы прикончить. Стоило так стараться, если их и дома преспокойно укокошили. Нигде покоя нету!

Горестные мысли о потерянном доме и нажитом достатке приелись ещё в первый день «переселения». Зато бесконечно «проникновенный» интернет то и дело дразнил воспоминаниями о своей вездесущности и многогранности. С ним можно было не только прожигать единственную жизнь, незаметно зарабатывая артроз с ожирением. Но и многому у него научиться.

Местное же информационное поле могло предложить лишь нудные мифы о тупых, начисто лишённых логического мышления богах. Да нелепые басни про очередных «псеглавцев» с жуткими нравами и манерой пожирать собственных детей. К тому же не ведавших божьей благодати в виде письменности. Сногшибательно полезная инфа в разрезе постижения естественных наук.

Задумавшись, Юлька не сразу заметила, как пролетавшие мимо саманные дома-коробки — точь-в-точь, как во сне — сменились ещё более убогими хижинами с полями-огородами. Просто несколько воткнутых в землю жердин, крытых огромными коричневыми листьями среди пыльной низкорослой зелени. А вскоре обжитые места окончательно пропали, уступив место унылой пустыне.

Севка с Улеей мчались удравшими с направляющих ракетами дальнего радиуса действия. Юлька слабо представляла, что такое «баллистические», но «межконтинентальные» осознать вполне способна. Ребятки, кажется, приближались к той скорости, когда, разбежавшись, могли перепрыгнуть из Европы в Африку, перемахнув все Средиземноморские курорты одним прыжком.

Наверняка зверски устали. Но это правильно: молодые должны бегать и влюбляться. А не торчать в вонючем плену с мрачными перспективами. К тому же оба знают, куда бегут. И как скоро должны там оказаться. Потом и маме расскажут, дабы та не тыркалась по незнакомым углам подобно кроту, попавшему в джакузи.

Кажется, это было её последней мыслью.

Проснулась Юлька в полёте «с небес на землю». На деле с раскалённой спины Вейры — была бы человеком, наверняка бы давно зашкворчала и подрумянилась. А так не заработала даже лёгких ожогов.

Улея уложила девочку-маму на занюханную сухую травку. Вытянула шею и повела мордой, активно работая носопырками. Севка уже рыл неподалёку котлован: явно почуял внизу воду — иначе закоренелый бездельник и лоботряс пальцем не пошевелит.

— Очеловечиваться не собираетесь? — нашла Юлька в языке аборигенов подходящее словцо.

Улея опустила голову. Сверкнула тёмно-золотыми очами и отрицательно мотнула головой. Осатаневшее полуденное солнце нарочно пускало в неё лучи, распыляя вокруг тучи солнечных зайчиков.

Севкина бронзовая задница бликовала не меньше.

— Как они с такой маскировкой воюют? — задумчиво промяукала Юлька. — Уму непостижимо. Он похож на чучело.

Златошечуйчатая голова повернулась в сторону бронзовой задницы. Задумчиво обозрела ту, словно изучая. Затем укоризненно выпучилась на мать такого несомненного сокровища, как высокообразованный инопланетянин. В мире которого, между прочим, телеги ездят сами по себе. А в небе летают железные птицы, набив брюхо беспечными путешественниками.

— А кто говорит, будто я им не горжусь? — возразила Юлька. — Но раз он со мной и в порядке, теперь все мои мысли о других вещах. С тех пор, как выяснилось, что меня прочат в супруги абибу. Не могу описать, как я зла. Так и тянет убить женишка, — не удержавшись, призналась она, по сути, совершенно чужому человеку.

Пушкой даже равнодушному к её сыну — это не гарантия их тёплых отношений в будущем.

Не прекращая прислушиваться и принюхиваться, Вейра удостоила её задумчивым взглядом. Глаза из равномерно золотых стали почти белыми. В них запуржила редкая золотистая метелица — верный признак раздражения или гнева. Юльке показалось, будто на лишённой эмоций золотой морде промелькнуло нечто мстительное.

— Отравленная идеологией баба самое опасное существо на свете, — проворчала она по-русски, ковыряя пальцем песок. — Одно неосторожное слово о предмете её нетерпимости, и можно схлопотать. Даже если предмет и у тебя не вызывает восторга.

Вейра недовольно пискнула: дескать, я ни черта не поняла! Изволь разговаривать со мной на моём языке.

— Прости, задумалась, — со вздохом покаялась Юлька и, сменив пластинку, посетовала: — Просто наказание какое-то! Со взрослым ребёнком во сто раз трудней, чем с десятком врагов.

Вейра внезапно бросила злиться и сочувственно закачала головой.

— А куда деваться? — грустно резюмировала Юлька, почувствовав облегчение оттого, что инцидент исчерпан. — Враги приходят и уходят, а дети возврату или обмену не

подлежат.

Глава 6

Он хороший мальчик: он маму любит

Время шло. Солнце жарило немилосердно. Задница Севки сокрушительно ввинчивалась в песок — песок в отместку заполнял всё пространство вокруг и во рту. Два булавообразных и три щёточных хвоста помогали когтистым лапам Любра вести земляные работы.

Пара бронзовых лиан торчала над местом раскопок антеннами — видимо, ловила сигналы опасности. Перископы — етить их не переетить, как любит изъясняться Илья Моисеевич.

— Знали бы вы, — со вздохом пробормотала под нос Юлька, — мой добрый пронцательный старик, куда меня занесло. Никогда бы... Впрочем, именно вы поверили бы на слово. Не то, что некоторые.

Улея так и стояла на страже, не шелохнувшись — пятёрка её шлангов тоже изображала сторожевой частокол антенн. Прямо так, с ходу и не придумать: чем и что золотые хвосты улавливают в этом жерле пустынной топки? Шкура Вейры горела нестерпимым сиянием, олицетворяющим сказочные богатства. Это ж у неё каждая чешуйка может сойти за полноценную золотую монету. Если, конечно, кто-нибудь осмелится вырвать ту из живой гигантской ящерицы.

В разрезе дизайна — рождались в башке Юльки и вовсе уж дурацкие мысли — даже неплохо, что её собственная шкура будет просто белой. Без сияний и блеска. Сдержанно и благородно. Как у малютки-убийцы, по которой она, кажется, соскучилась. Вот ещё небывальщина — хмыкнула сентиментальная выдумщица, покачав головой. Придёт же на ум.

— Ты похожа на бомжа из канализации, — порадовал комплиментом почтительный сын любимую маму.

Задумавшись, та и не заметила, что рытьё котлована завершено. Сквозь щёлку в расплавившихся веках Юлька различила довольную морду Севки в его человекообразной форме. Красноглазый рыжий батыр с рекламным загаром возлежал на соседнем бархане. И с непередаваемым удовольствием пялился на золотую задницу, торчавшую в импровизированном колодце. Что-то она ему навевала.

В Юльке воспрянула духом надежда на внуков — ей и ящерицы вполне сойдут. Она не привередлива. В ТОЙ жизни Севка не внушал надежд на обретение серьёзного отношения в вопросу женитьбы. Есть такая порода дармоедов, у которых на лбу проштемпелёвано: неистребимый холостяк. Впрочем, может, она и не права. А теперь уже в обратном не убедиться.

Улея вылетела из котлована горячей кометой — словно её там цапнули за нос. Длинный мясистый синий язык облизал морду. Выпуклые влажные линзы глаз выжидательно уставились на Юльку.

— Лакать из грязной лужи?! — вяло возмутилось брезгливое человекообразное.

— Да, моветон, — снисходительно подначил Севка, почёсывая голое пузо, слепленное из сексапильных бугров. — Сдохнешь от жажды, но знамя цивилизованности не уронишь.

— Понос не лучший спутник в гонках на выживание, — напомнила Юлька.

— А то и вовсе козлёночком станешь, вместо ящерицы, — сочувственно юродствовал ребёнок. — И вся польза от тебя потянет на вшивый килограмм шашлыка. Да парочку заготовок для якутской резьбы по кости. Ма, лезь в яму и не манерничай. Я для кого

старался?

Юлька добросовестно следовала совету поддерживать в ребёнке стремление «стараться для неё». Пришлось подняться и отправиться на водопой. У осыпающегося края траншеи она замешкалась, опасаясь, как бы этот колодец не стал её могилой. Золотая лиана тотчас обвила пучок тонких костей в пропылённой наволочке и сверзила вниз. Там почти положила Юльку на пузо, но отпускать не стала: подстраховывала неловкого человечка.

Перед глазами забликовала крохотная лужица в широком ореоле мокрого песка. Из такой даже ладошкой не зачерпнуть — окончательно скисла опытная пользовательница водопровода. Вздохнула, вытянула губы трубочкой и принялась втягивать скудную порцию так необходимой для жизни воды.

Провозилась долго: приходилось ждать, когда после трёх глотков лужица восполнит свои запасы. Интересно: как с этим обстоит у ящеров? Оба явно налакались от пуза. Насос у них там, в пасти, что ли?

Напившись, Юлька задрыгала ногами, и золотой хвост выдернул её наверх. Где без пересадки усадил на раскалённую чешуйчатую спину. Бронзовая туша Севки уже мелькала далеко впереди. А ещё дальше сквозь знойное марево едва просматривалось нечто, похожее на полосу растительности.

До которой Улея долетела с похвальной быстротой. Ещё больше вдохновляло то, что растительность произрастала не в компактном оазисе, а в самом настоящем лесу. Поразительная штука: вот пустыня, а вот тебе сразу джунгли. Будто некий халтурщик склеил две фотографии, не заботясь об их содержимом.

Джунгли оказались редковатыми и какими-то понурыми. С тощими пальмами, половина листьев которых высушены чуть ли не до хруста. Но всё-таки они давали тень и, возможно, укрывали от погони. К тому же обещали наземный источник воды, из которого можно ещё и умыться.

Юлька приготовилась к привалу, суматошно прикидывая, на что употребить время отдыха. Зря старалась. Любр с Вейрой продолжали нестись вперёд, лавируя между корявыми закосбоченными стволами каких-то лиственных деревьев, похожих на акацию. Поразительное дело: Улея знала, что нужно делать, а Севка-то ни в одном глазу. Но сын выглядел в точности таким же уверенным.

Не могла же Вейра за несколько дней плена обрисовать инопланетянину всю картину здешнего мира. Включая его географию, ботанику и традиции народов. Ещё менее вероятной представлялась гипотеза, будто этот оболтус всё запомнил до состояния «применения на местности».

Прохиндей вечно уверял, будто просиживание за компьютерными играми страшно развивает смекалку, память и реакцию на кризисные ситуации. С точки зрения Юльки эти заседания развивали только остеохондроз со сколиозом — она тому живейший пример. Однако уверенное продвижение Севки по неведомой местности заставляло усомниться: кто из них двоих прав, а кто врёт матери и не краснеет?

На месте аборигенов Юлька переименовала бы всех этих божественных ящеров из девятисущих в девятижилых. Ребята продолжали свою сумасшедшую гонку до темноты. Она успела дважды подремать, трижды поскучать, раз десять поразмышлять о Даяне и раз двести о сыне. А два локомотива вызывающе богатой расцветки всё пёрли и пёрли хвостатыми танками.

Будущая Повелительница смерти так и ехала на Вейре. Словно Улея предпочитала держать опасную девчонку при себе. Дабы оперативно укокошить, случись её мамаше Нанке догнать похитителей дочери.

Успокаивало одно: Севка очень умный и предусмотрительный проходимец. Не мог он не предположить худшее. У него чуйка, как у отца: степного волка, не позабывшего навыки даже за решёткой зоопарка. Значит, уверен, что успеет выдернуть шею матери из-под топора. Он хороший мальчик: он маму любит.

Наконец, безумная гонка закончилась — как и гербарий вокруг, в котором растения засушили прямо на корню. Темень из разряда «глаз выколи» была проходима лишь для взора божественных девятисущих. И только благодаря чересчур звёздному небу — вокруг Земли звёзды не такие жирные и не висят пышными гроздьями.

Луну себе аборигены не завели. Потому-то — обрадовала инопланетянку Улея — вся разумная жизнь ночами замирает. Зато отрасль факельно-лампадной промышленности процветает. Несотворённый Хуш при создании земной тверди позаботился, чтобы у его двуногих подопытных не было проблем с горючим. Его даже не копали, а практически черпали с поверхности планеты.

Но и такой способ добычи — по мнению зажавшихся аборигенов — дело дюже затратное. Поэтому заботливые боги вывели особый вид растений: масло из них так и брызжет без особых затрат на переработку. Причём, самое подходящее для долгого безкопительного горения.

А если учесть, что горючелюсные кусты растут везде, как трава, добывать нефть в этом мире никому даже в голову не придёт. Как и мордовать друг друга на ниве обладания этим стратегическим ресурсом. Просто доселекционируют кустарник до размеров баобаба — и дело в шляпе.

Улея осторожно ссадила с себя двуногого заморыша и приняла облик сексапильной златовласки. Без сил опустилась на землю, растянулась на спине и поинтересовалась самочувствием наездницы:

— Нахэра, ты наверно голодна?

— А ты? — сочувственно переспросила Юлька, подсаживаясь под бочок своей защитницы.

— Как ты её обозвала? — многозначительно переспросил Севка, плюхнувшись чуть ли не на голову матери.

— Нахэра, — чуть удивлённо повторила Вейра. — Ты что, не знал?

— Да, вроде нет, — ответно удивился Любр. — Если ты его и называла, я пропустил мимо ушей. Значит, Нахэра? — прям-таки источал гадёныш предвкушение удовольствия.

— Только попробуй, — вяло пригрозила Юлька, силясь разглядеть лицо сынули.

— Ещё как попробую, — развеселился тот, пытаясь скрыть от матери зверскую усталость.

Даже симулировал неубиваемую активность: подскочил с земли и проделал конечностями нечто гимнастическое.

— Сейчас добудем для тебя свет и еду, — поднялась Улея, мимоходом погладив изнемогшую девчонку по голове. — И накормим. Болвát, наломай тех кустов. Сделай матушке костёр. А я сейчас.

Лишь по движению воздуха Юлька поняла, что заботливая девушка куда-то испарилась.

— У тебя будет отличная жена, — пробормотала она под нос.

И принялась натягивать свою безразмерную наволочку на обшарпанные коленки. Просто так: для уюта. Ибо нагрывший холод Юльку не донимал. Обычное бедное полураздетое дитя ночной пустынный мороз закусал бы насмерть. А ей хоть бы хны.

— Ма, ты в порядке?! — прогрохотало за спиной сквозь оглушительный треск сухого дерева.

Словно к ним в гости ломилось стадо слонов. Вскоре перед Юлькой выросла сюрреалистическая гора топлива. Чем сынок добывал огонь, осталось тайной. Но вспыхнуло так внезапно и обширно, что мама пискнула и отшатнулась, завалившись на бок. Ещё и отползла, борясь с сиюминутной паникой.

— Ты чего? — не понял Севка.

Подхватил заполошную родительницу и водворил на мягкую кочку перед источником света.

— Тебе не холодно? — машинально погладила она чадушко по той части голого торса, что подвернулся под руку.

— Мне кайфово, — заверил Севка, взглядываясь в личико юной матери, которое ему категорически не нравилось. — А вот ты у меня вымотанная, как соседский кот, когда притаскивается со своего мартовского кобеляжа.

— Ты его помнишь? — неожиданно плаксиво вырвалось у Юльки.

— Как я могу не помнить того, кого соседи сваливали на мою шею в каждый свой отпуск. Я ж Феликса Эдмундовича с пелёнок нянчил.

Кличку коту дал Севка. И вовсе не оригинальничал: Эдмундыч с младых когтей проявлял все задатки чекиста с холодным рассудком, горячим сердцем и чутким носом. Что-то прятать от паразита было абсолютно бесполезно. Пытать его тоже. К расстрелу поганца, правда, не приговаривали: соседка его обожала. Но случись приговорить, Юлька была уверена: пулям гордо выпяченную грудь этот мерзавец не подставит — удерёт.

— Интересно: как они там? — взяв себя в руки, пробормотала под нос Юлька.

— Кто «они»? — переспросил Севка и уселся за её спиной, прижав расклеившуюся соплячку к твёрдому животу: — Ты про Анжура и Тунгалак?

— И про них, и про Маху со Славкой. А больше всего тревожусь за Ирму Генриховну. Если Кирилл ТАМ всё-таки умер, она ведь не переживёт.

— Стоящая бабка?

— Она тебе не бабка! — окрысилась на бестактного паршивца Юлька. — Она Ирма Генриховна, — но тут же остыла и вновь загрустила: — В одиночку на её пенсию вообще не прожить. Кто о ней позаботится?

— Твой Кирилл человек-компьютер, — хмыкнув, уверенно возразил Севка, поглаживая маму по голове. — Он-то уж наверняка запасся завещанием. Если реально любит свою старушку.

— Ты бессердечный червяк, — обругала сына Юлька, тем не менее, на сердце от его слов отлегло.

— Ма, я её не знаю, — резонно заметил Севка, задрав башку и принохиваясь. — А любить по рекомендации не нанимался. Я люблю вас с батей. И боюсь только за вас. Особенно за тебя. И ещё за Дэма. Но за неё меньше. Потому что она умная и деловая. Она-то уж точно не пропадёт, пока мы её не найдём. Так что, деточка, сиди на попе ровно и не нуди. Слушайся старших, — ехидно пробасил он.

Довольный! Просто слов нет. И когда повзрослеет?

— Всеволод... — начала, было, Юлька, назвав сына полным именем, что было редчайшим случаем в их жизни.

Тот опустил на её макушку пудовый подбородок и укоризненно пробасил:

— Что-то ты, маман, совсем разнюнилась. Это зря. Ну, случилось и случилось. С кем не бывает? Помирать вовремя даже полезно. Чтобы не засирать общество старческим маразмом.

— Что ты несёшь? — возвела очи горе бывшая представительница интеллигенции.

— А что такого? Я, к примеру, вовсе не горю желанием таскаться древней рухлядью на полусогнутых. Да и тебя такой видеть как-то не камильфо. А так ушли красиво: молодыми и борзыми. Кстати, ещё легко отделались: в секунду отмучились. Зато теперь всемогущество прёт из всех щелей. Ты пока не в теме, а у меня реально.

— Тебе действительно это нравится? — пыталась поверить Юлька, прижимаясь к самому дорогому, что обрела ТАМ, и чудом не потеряла здесь.

— Да, — с редкой серьёзностью в голосе твёрдо отрезал Севка. — Я, конечно, позёр и двурушник. Может, в чём-то подлец, а во всём остальном махровый эгоист. Но тебе никогда не врал. Исключая мелочи. Так что успокойся и верь на слово: я в норме. Нет, реально: попал конкретно в свою сказку.

— Прекрати, — долбанула Юлька локтем во что-то относительно мягкое на теле сына. — Это не игра! Оболтус ты несчастный. Запаса или восстановления жизней не предвидится.

— Я и не напрашиваюсь, — пожало дитяtko безразмерными плечами. — С моими базовыми навыками у меня весьма приличные шансы прокачаться...

И снова острый девичий локоток уколол непроходимого болвана, совершенно не считавшегося с чувствами матери. Нужно, пожалуй, завести дрын покрепче: наверстать упущенное воспитание.

— У нас всё получится, — преспокойно резюмировал сын, в которого местный полуящер Любр моментально врос всеми корнями. — Особенно после того, как ты хапнешь свой УАТ.

— Если хапну, — на автопилоте буркнула Юлька.

— А куда ты денешься? — невесело хмыкнул сынуля.

— Никуда, — согласилась она с непреодолимой покорностью перед голым фактом.

— Ну, и ладненько, — вздохнул могучий Любр, всколыхнувшись всей своей впечатляющей массой.

И нежно поцеловал ма в пропылённую макушку непривычно жёсткими губами.

Семейные «шепталки» оборвала Улея. Хорошая девушка притащила будущей свекрови какой-то неопознаваемый мясной полуфабрикат. Выяснить его родословную не было ни сил, ни брезгливости. Мускулистая умница мигом обжарила мясо, дивным образом избежав образования горелой корки. Соль опытная аборигенка отколупала с каких-то камней — Юлька и этот антисанитарный продукт слопала, не подавившись.

Зато подавилась, отправив внутрь последний кусок. Ибо у костра вдруг нарисовалась какая-то девица с красными распущенными волосами до пят. Прямо из воздуха. Практически голая: резной пятилапый листок на лобке не одежда. Даже не бикини.

Но это, как говорится, второстепенные подробности. Главной были глаза: все пять. Одна пара там, где и положено. Вторая на висках, а последний глаз во лбу. Словно этого мало для качественного эпатажа, все глаза были разноцветными: от нежно розового до

тёмно-карего. Коричневыми были и пухлые губы великоватого рта: что называется, от уха до уха.

Словом, красота девицы могла соперничать лишь с немислимым, неизяснимым высокомерием, что не могла скрыть даже ночная, чуть подсвеченная костром темень. И вполне снисходительная улыбка. Адресованная именно Юльке — она оглянулась на отдохавших неподалёку ребят и обнаружила, что оба дрыхнут без задних ног. Причём в обнимку: ни дать, ни взять, молодожёны в медовый месяц.

Что ж, может, это даже к лучшему — подумалось ей. Ибо навязчиво транслируемая доброжелательность визитёрши намекала на торги. За что-то или кого-то — предстояло выяснить и, по всей видимости, принять оперативное решение.

$\frac{3}{4}$ А ты вовсе не дура, $\frac{3}{4}$ удивлённо констатировала красноглавая бесстыдница.

И с непередаваемым изяществом растянулась на земле в позе Данай с картины Джентилески. Разве что руку не тянула к золотому дождю.

$\frac{3}{4}$ Тебя это радует или огорчает? $\frac{3}{4}$ дипломатично осведомилась Юлька, пытаясь сообразить, откуда взялась эта опасная фиша.

$\frac{3}{4}$ Мне безразлично, $\frac{3}{4}$ кристально честно ответила визитёрша. $\frac{3}{4}$ Я Сáхти.

С её появлением унылая полупридушенная сущность Нахёры ожила и встревожилась. Теперь же, услышав имя, запаниковала во весь рост. Юлька с трудом удержалась от нелепого желания драпать, куда глаза глядят. Как могла, «прижала коленкой» паникующую голову и вежливо объявила:

$\frac{3}{4}$ Мне безразлично, кто ты. Лучше сразу переходи к вопросу: зачем ты тут?

$\frac{3}{4}$ Погоди, $\frac{3}{4}$ вдруг зримо напряглась красноволосая, резко усевшись на пышную попу. $\frac{3}{4}$ С тобой что-то не так. Ты вовсе не та Нахера.

$\frac{3}{4}$ Я эта Нахера, $\frac{3}{4}$ съязвила Юлька.

Интуитивно чувствуя, что хулиганская беззастенчивая разнузданность лучше прочего поможет справиться с мешающими ей страхами. Клин, как говорится, клином.

$\frac{3}{4}$ Кто ты такая? $\frac{3}{4}$ вроде и не громко потребовала ответа нахалка, но в башке Юльки бабахнула граната.

$\frac{3}{4}$ А ты не знаешь? $\frac{3}{4}$ не давая разгуляться трусости, нагло ухмыльнулась она.

Нечеловеческая порода красноволосой прямо-таки лезла в глаза. Но и девятисуцей бесстыдница не была. Она являлась чем-то неизмеримо более могущественным — о чём вопила в глубине души загнанная туда Нахера.

Тут же память услужливо подсказала: Богиня. И не красоты с добротой — что и без того очевидно — а воздуха, ветров, солнечных лучей и прочего в том же духе. Короче, всего изменчивого и недолговечного. Но главное, Богиня лживых обещаний и предательства.

Что внезапно настроило Юльку на бойцовский лад. Почувяв это, Нахера бросила истерить. Замерла в надежде, что всё обойдётся — знать бы ещё, что она имеет в виду.

$\frac{3}{4}$ Ты не девятисуца, $\frac{3}{4}$ продолжила Богиня придиричливо изучать нечто невразумительное напротив.

$\frac{3}{4}$ А ты действительно Богиня? $\frac{3}{4}$ понесло Юльку по всем кочкам. $\frac{3}{4}$ Почему я должна тебе верить?

Загорелая кожа Сахти вмиг почернела. Волосы принялись гулять вокруг головы морскими волнами: прикольно и только. Уловив скепсис объекта воздействия, могущественная девица слегка растерялась. На пару секунд, но Юлька эту заминку уловила. К тому же вспомнила кое-что из лекций наставника — дай Хуш ему здоровья.

$\frac{3}{4}$ Хочешь что-то сказать, говори, $\frac{3}{4}$ хладнокровно процедила она, любуясь собственной притянутой за уши отвагой. $\frac{3}{4}$ Собираешься что-то потребовать, подумай: стоит ли? Угрожать даже не пытайся. Ибо я творение Испепеляющей, Разрушающей, Могучей, Всесильной невидимым всеуничтожающим пламенем Владычицы смерти и обеих жизней. Всевидящего ока отца своего: Воссуществовавшего из ничего Хуша. Той, что его ведёт! Я не в твоей власти. Лишь моя жизнь в твоей власти. Так заberi её, если сможешь, $\frac{3}{4}$ добила Юлька процедуру формального вызова, ничего не перепутав.

Теперь либо взбеленившаяся Богиня солнечных лучей и лжи её прихлопнет, либо вспомнит о Владычице смерти Нанкеште. После чего поскрипит зубами, обматерит юную нахалку и уберётся. Ибо ссорится с одной из Нерушимой троицы — всё равно, что перейти дорогу всем троим.

Ни первое, ни второе — Юлька промахнулась дважды. Богиня Сахти в мгновение ока вернула себе прежний человеческий облик. Вежливо усмехнулась и задала сногшибательный вопросец:

$\frac{3}{4}$ Полагаю, тебе известно, что ты должна стать супругой Этат-Хуш-Кар-Ути?

$\frac{3}{4}$ И не подумаю, $\frac{3}{4}$ придерживаясь выбранного тона, озвучила свою позицию инопланетянка. $\frac{3}{4}$ Я тебе ничего не должна.

$\frac{3}{4}$ Ты, может, и нет, $\frac{3}{4}$ принялась петлять Богиня. $\frac{3}{4}$ Зато Нахера должна. Поскольку ты теперь Нахера, изволь выполнить приказ.

$\frac{3}{4}$ Чей приказ? $\frac{3}{4}$ тотчас поймал болтушку за язык опытный снабженец.

Заминка Богини ничего не объяснила: никаких эмоций — та лишь устремила к небу ничего не выражающий взгляд. Всех пяти разноцветных глаз. Попялилась на мигающие в космосе звёзды и невозмутимо повторила:

$\frac{3}{4}$ Тебе лучше выполнить приказ. Иначе твоя жизнь станет неприятной.

$\frac{3}{4}$ О! $\frac{3}{4}$ придурковато закатила глаза Юлька. $\frac{3}{4}$ Это сколько угодно. Неприятней, чем она уже есть, моя жизнь не станет. Это не в твоей власти.

$\frac{3}{4}$ Думаешь? $\frac{3}{4}$ остро полюбопытствовала Сахти, буквально впившись в неё плотоядным взглядом.

$\frac{3}{4}$ Знаю, $\frac{3}{4}$ пожала Юлька плечами.

$\frac{3}{4}$ Посмотрим, $\frac{3}{4}$ загадочным тоном промурлыкала Богиня и пропала.

Без каких-либо звуковых или зрительных эффектов — так себе представление.

$\frac{3}{4}$ Стерва, $\frac{3}{4}$ выдохнула Юлька и глянула на детей.

Те моментально проснулись, удивлённо мыргая друг на друга: дескать, как это нас сморило? Оказалось, что оба не собирались здесь задерживаться. Намеревались продолжить свой марш-бросок. Уговоры дать себе возможность отдохнуть оба пресекли за ненужностью.

Юлька всё живей ощущала себя бестолковой малолеткой — хотя Улея сказала, что ей уже почти шестнадцать. Чего вообще-то, не скажешь — с какой стороны себя не рассматривай. Просто дочь Нанки от природы дохлая не по годам — пояснила Вейра.

— Я даже не ожидала, что эта стерва Ахарта так заморила дочь, — вещала без пяти минут убийца непререкаемым тоном врача со стажем. — Не говоря о самоубийстве бедняжки. Это уж совсем невообразимо!

— Девятисушие отрицательно относятся к суициду, — уточнила Юлька, радуясь возможности узнать побольше о собственной заковыристой породе.

— Это просто невозможно, — безапелляционно заявила чистокровная Вейра.

— Невозможно физически? — переспросил фальшивый Любр.

— Физически это, как раз, вполне возможно, — задумчиво пробормотала Улея, плясая на огонь горящими золотом глазами. — Мы ведь не бессмертны. Даже Любров иногда убивают. Очень редко, но бывает. Мы просто не умеем думать о самоубийстве.

— Ни под каким соусом? — добивался деталей Севка.

— Каким соусом? — не поняла Улея, хлопая глазами на любителя выразиться иносказательно.

Слушая Вейру, Юлька всё уверенней доверяла молодёжи их собственную безопасность. Оба — даже Севка — казались взрослыми во всех отношениях личностями. Опека над ними всё больше напоминала уроки балета для моржей. Как говорится, не зная брода, не висни на ушах с дурацкими нравоучениями. И без них девятисущие «десятижилыники» знали, что делают.

Она прилегла рядом с сыном, прижавшись спиной к его поджатой ноге. К перепалке заспоривших детей не прислушивалась — думала о Даяне. Где-то он сейчас? Главное: в каком облике? Если в человеческом, то дело дрянь.

Насколько Юлька знала, во всех древних обществах первую скрипку играла принадлежность к своему роду. Желательно, разветвлённому и сильному. Ещё лучше к состоятельному — в идеале к правящему хоть чем-то. Безродный человек был обречён на рабство, куда его мог запродать первый же прохожий с оружием в руках. Как не печально, в этом мире рабство уже есть.

Даяша, конечно, так запросто в руки не даётся. Будет драться до последнего. От мечей или копий он убежит, а если у них будут луки? А если их с Кириллом разбросало далеко друг от друга? Нет, оба тут же кинутся искать свою непутёвую бабёнку — тем более ребёнка. Но в одиночку у каждого почти нет шансов.

Зато в случае попадания в таких же Любров, как Севка, у ребят на руках куча козырей. Они вывернут этот мир наизнанку, но обязательно отыщут их с сыном. А когда отыщут, вопрос безопасности можно снять с повестки.

Тем более, когда к ним присоединится и Дэма. Следуя той же теории, ставшая Вейрой. Или же станет Вейрой — неважно. Три Любра, Повелительница жизни и Повелительница смерти — козырная команда. Если ещё и Улея присоединится, вообще полный парад.

Тогда останется отыскать какой-нибудь тихий уголок и поселиться там в уединении. Хотя, о чём она?! Её мальчишки и в уединении — утопия чистой воды. Обязательно разведут бурную деятельность. Просто беда с ними — вполне себе житейским образом сетовала Юлька, совершенно позабыв о тревожащей душу реальности вокруг.

К ней медленно, но верно возвращался душевный покой женщины, чувствующей себя под защитой сильных любящих людей. Которые непременно найдутся — куда они денутся?

Глава 7

Девушка тебе не паровоз

Отдыхая от езды на чужой спине, Юлька плялилась в огонь. Что впервые навело на мысли о своей девятисущности. Впервые всерьёз — самое время. Прежде вопросы мистики и социологии свистели мимо ушей — было не до того. Душа страдала и строила планы поиска мальчишек. Теперь же настало время всё как следует обдумать.

Дедуля долго растолковывал основополагающие принципы устройства местной разумной личности. В изматывающих нервы подробностях. В сущности, душа и тело — что ещё нужно организму для нормального функционирования? Но, куда там! Ей, к примеру, для

этого понадобилось целых девять составляющих.

С первой всё понятно: ШАТ — это физическое тело человека. Как ёрничал Севка: две руки, две ноги, а посередине гвоздик. Тем не менее, дедуля так долго и пространно описывал работу этого объекта, что Юлька начала сомневаться: у неё-то ШАТ имеется? Ничего из описанного учителем, она в себе так и не отыскала: всё те же две руки, две ноги. И посередине... тоже есть.

Второй составляющей человеческой сущности было САТ — сердце. Почему его отделили от прочего ливера и выделили в отдельную группу? Из всей псевдонаучной белиберды Юлька вычленила две адекватные причины. Во-первых, потому, что сердце как бы источник жизни. Во-вторых, потому, что так было всегда.

Третьей составляющей человека считалось РАТ — имя человека. Которое здесь давали не с кондачка, как в примитивных цивилизациях, доросших до ядерной бомбы. Его долго и вдумчиво вычисляли с помощью незапоминаемой массы космических законов бытия. Правильное имя что-то вроде индульгенции — причём, реально работающей. Оно совмещает функции врача, учителя, социального работника и спонсора с отпускающим грехи священником. Козырный компот, что ни говори.

Тело, сердце, имя — всё, из чего состояла «троесущая» личность. Естественно, большинство аборигенов. Так сказать, рабоче-крестьянские массы без запросов. Хотя те троесущие, что поумней, могли попасть рядовыми в вооружённые силы страны. Или в подмастерья, или в прислугу — мало ли способов их употребить?

Следующая группа называлась «пятисущие». У них к базовому списку добавлялась ещё пара сущностных категорий.

³/₄ Улея, что такое КАТ?

Вейра вытаращилась на Юльку округлившимися глазами, но тотчас вспомнила, с кем имеет дело.

³/₄ Это приверженность своему роду, ³/₄ тоном учителя первоклашек пояснила девушка. ³/₄ Кровная связь с предками, что тянется от отца к сыну многие поколения.

От дедов к отцам, а от тех дальше по родословным спискам — подумалось Юльке — что непонятно? Однако к этому жутко важному и малопонятному определению вопросы были.

³/₄ А что не так с троесущими? ³/₄ задала Юлька первый. ³/₄ Их что, выбрасывают из дома сразу после рождения?

³/₄ Фу! ³/₄ поморщилась Вейра. ³/₄ Ты говоришь ужасные вещи.

³/₄ Я всего лишь пытаюсь понять, ³/₄ возразила Юлька. ³/₄ Почему у троесущих нет КАТ. Они забывают имена дедов и бабок? Маленькие внучата не играют с ними? Бабушки не рассказывают им сказки? Дедушки не порют за воровство фруктов из чужих садов? Не вытаскивают занозы?

Нет, реально: такое впечатление, что при наличии тела и сердца с именем мозга троесущим иметь не по статусу. Клоны безродные. Полный бред. Или умок Юльки слишком узок для высоких космогонических материй.

Улея задумалась и нашла верный ответ:

³/₄ Пятисущие всегда держаться за свои семьи. Очень почитают старых родичей. У тех в семье больше прав, чем у остальных. Даже у тех, кто кормит всю семью. Так у них заведено. Непочтительного сына или дочь могут казнить за большую обиду, нанесённую родителям.

³/₄ А троесущего не могут казнить? ³/₄ опешил Севка, мозг которого исправно поставлял

знания, накопленные Болватом.

Но собственное сознание желало докопаться до всего самостоятельно.

$\frac{3}{4}$ Конечно, нет, $\frac{3}{4}$ как само собой разумеющееся, подтвердила Улея. $\frac{3}{4}$ Он же троесущий. Для них нормально однажды уйти жить в другое место. Он возьмёт с собой жену и детей. А родителей оставит в их доме. Нет, кто-то из них вполне способен позаботиться о стариках. Но лишь тогда, когда им взбредёт в голову. И недолго. Большинство троесущих могут не помогать старикам, даже живя бок о бок.

$\frac{3}{4}$ Это ужасно, $\frac{3}{4}$ машинально пробормотала под нос Юлька.

Воспитанная в лоне пионерского закона: позаботься о старых и малых, ибо ты человек. А человек — это звучит гордо. Можно смеяться над этим сколько угодно, обзывая пионерию выкидышем совка. Однако милосердное отношение к старикам оттуда. И останется с ней навсегда.

$\frac{3}{4}$ Почему ужасно? $\frac{3}{4}$ удивилась Улея. $\frac{3}{4}$ Троесущие всю жизнь готовятся к старости. В храмах для них сберегают серебро, которое они туда относят, едва накопят. У некоторых скапливается приличное для простого человека состояние. На которое они и живут до самой смерти. У них не принято передавать накопленное добро детям. Те сами должны себе заработать на дом и прочее достояние.

$\frac{3}{4}$ Да уж! $\frac{3}{4}$ презрительно фыркнул Севка. $\frac{3}{4}$ Тёплые семейные отношения.

$\frac{3}{4}$ У них так принято, $\frac{3}{4}$ поджав губы, сухо отбрила его Вейра. $\frac{3}{4}$ Не нам их судить. Они растят хлеб, значит, достойны всяческого уважения.

$\frac{3}{4}$ А почему у троесущих нет ФАТ? $\frac{3}{4}$ не допустила Юлька назревающую стычку.

Говоря по-русски: ФАТ — это воля. Или упорство. Или что-то вроде. Она способствовала реализации в профессии. Обладающие столь ценным качеством люди более приспособлены к устройению карьеры — помимо крестьянского ковыряния в земле или рубилова в шахтах.

$\frac{3}{4}$ Не знаю, $\frac{3}{4}$ пожала плечами мигом остывшая Вейра. $\frac{3}{4}$ Такими их сотворил Восуществовавший из ничего Хуш.

$\frac{3}{4}$ А что ФАТ даёт пятисушим?

$\frac{3}{4}$ Ну, человек с ФАТ может выучиться грамоте и стать писцом, $\frac{3}{4}$ весьма доступно объяснила Улея. $\frac{3}{4}$ Это крайне уважаемая профессия. Он может стать мастером в каком-то ремесле. Это более уважаемая судьба. Может стать даже лекарем.

— Круто уважаемая позиция в обществе, $\frac{3}{4}$ сыронизировал Севка, строя глазки златокудрой баскетболистке.

Кстати, из породы тех, кого раньше обзывал мужеподобными гладиаторшами.

$\frac{3}{4}$ Круто? $\frac{3}{4}$ не поняла Улея. $\frac{3}{4}$ Ты хотел сказать: очень уважаемая? Севкья, $\frac{3}{4}$ вздохнула заботливая девушка. $\frac{3}{4}$ Следи за тем, что говоришь. Иногда ты неправильно употребляешь слова. Это может тебя выдать. А ещё пятисушие могут стать десятниками. Самые подходящие из них.

Однако им не стать генералами или учёными — подумалось Юльке. Тем более целым главным визирем. Для этого человек должен родиться семисушим.

У этих товарищей ещё две крайне важные примочки. Во-первых, ЛАТ — вроде как врождённые лидерские задатки. Хотя бред дедули навёл Юльку на этот вывод с невероятным трудом. Ещё никогда ей не приходилось отделять единственное зерно от горы плевел.

Во-вторых, у семисущих имеется некий полёт мысли ХАТ. То есть — как она поняла — способность заниматься творчеством, что в любой профессии только приветствуется. Под это дело Юлька подвела высокий интеллект с изрядной, но умеренной долей абстрактного мышления. С неумеренной долей — всяким там ненормальным поэтам с художниками-авангардистами — в командирах или визирях делать нечего. Загубят на корню всё дело.

На этом человеческая классификация заканчивалась: в наличии три класса или касты индивидов. Троесущие с телом, сердцем, именем — минимальный набор для «потребительской корзины». Пятисущие, которые почитали стариков и выказывали упорство в достижении профессиональных высот. Семисущие — практически, умственная интеллигенция. Как говорят психологи: с явной установкой на успех и шансами этого самого успеха добиться.

Причём, какой-нибудь наиглавнейший визирь из семисущих вовсе не застрахован от рождения троесущего отпрыска. Проживать накопления отца, пиная балду, наследник сможет — это сколько угодно. А вот стать продолжателем дела отца — дудки.

В лучшем случае пойдёт путём обычного взяточника: купит себе место пятисущего писца. Но и оттуда вылетит с треском, едва профессиональные достижения придурка встанут кому-то поперёк глотки.

И наоборот: сын троесущего погонщика ослов, случалось, рождался семисущим. Наиглавнейшим визирем такой, может, и не станет: министерских портфелей на всех умников не напасёшься. Но обязательно поднимется и займёт высокое положение в обществе.

Дедуля упоминал, что кто-то из нынешних апар-нашаев — сиречь генералов — как раз из рабоче-крестьянского сословия. А два сына наиглавнейшего жреца Несотворённого Хуша ковыряются в земле при храме. Выращивают морковку для священных быков, ибо родились троесущими.

Сама Юлька с её чадом — в лучших традициях попаданства — угодили в ряды местной элиты: в девятисущие творения Вейры, Нанкэшты и Любрóфта. Попросту говоря, в оборотней. У которых — помимо всего перечисленного — имеются две эксклюзивные штуки: божественный дух УОТ и божественный двойник УАТ.

Про дух дедуля что-то с полминуты невнятно побулькал и заткнулся с многозначительным видом. Нулевая инфа из лозунгов с придыханиями. Ибо не в его компетенции вдаваться в дебри священнейшего и непостижимейшего УОТ.

Зато с УАТ всё предельно ясно: пресловутым «двойником» оборотня был тот или иной ящер. Как бы одна и та же личность девятисущего могла пребывать сразу в двух шкурах. Верней, залезать в них по очереди путём выворачивания наизнанку, что Юльке и продемонстрировали.

Отсюда практически магические задатки девятисущих, хотя и узконаправленные. Кусочек божественной силы с барского плеча. Дабы выполняли профессиональные обязанности, не зарываясь и не метя на место Богов. У людей с этим запросто — не успеешь оглянуться.

Севка не позволил маме расслаживаться в пустопорожних раздумьях о сути и роли УОТ. Без погони — считал он — никак не обойтись. А потому погнал их с Улеей дальше, как одержимый.

При этом сын оказывался рядом с девушкой каждый раз, когда та начинала сдавать. Тогда Любр сбавлял скорость и прижимался к Вейре боком — предварительно причесав

иглы и сдувая бугры. Какое-то время сросшиеся сиамскими близнецами ящеры скакали нога в ногу, и Улея заметно приободрялась. В ней открывалось очередное второе дыхание, давая толчок новому рывку.

Юльке так и зудело вмешаться, разъяснив чадушку: мол, девушка тебе не паровоз. С нею так не обращаются. Но читать морали ящери с тупой рогатой мордой было... как-то глупо. Тот, понятно, и разумный, и вообще родной сын, но... динозавр. К тому же безостановочно несущийся по жаре и одновременно по пересечённой местности.

Как-то неловко лезть под руку, когда тебя везут на себе. Целый день и целую ночь. И весь следующий день, и вторую ночь кряду. С краткими привалами, на которых Севке ещё и приходилось охотиться.

Наконец, утром третьего дня парочка неистощимых марафонцев воткнулась в узкую каменную гряду. Которая внезапно выросла из земли безо всяких предгорий с холмами. Юльке взметнувшиеся ввысь пики напомнили гребень из какой-то сказки: мол, брось его на землю и встанет лес высотой до неба. Прямоком на пустом месте.

Тут Несотворённый Хуш тоже кое-что обронил — не иначе. Вот и вырос каменный частокол: зловещий и ни черта не живописный. Для людей наверняка труднопроходимый — если кому-то вздумается его проходить. А ящерицы штурманули преграду без чрезмерных усилий. Хотя и с тремя перекурами.

Перевалив через каменный гребень, они уткнулись в обещанную водную преграду. Да ещё какую! «Проклятый Зуром» пролив, на другой стороне которого извивалась пупырчатая гусеница короткого берега. Проливы Юлька видела только в интернете. Там всё колоритно и не страшно: синее море, зелёные берега, белые паруса. Воочию же оказалось кошмаром из кошмаров.

Повсюду, куда доставал взгляд, сплошные корявые каменные иглы и гребёнки, скрытые под водой. Их макушки периодически оголялись, когда сбрендившая вода сталкивалась сама с собой. Кипела, будто в кастрюле «на большом огне». Бурлила с таким ожесточением, словно Творец мира Хуш решил покончить со своим творением, а всемирного потопа без воды не замутировать. И начал он отсюда — со страху лезла в голову Юльки всякая чушь.

Зур — Бог разрушений, хаоса, пустынь и злого солнца — проклял этот пролив из зависти. Во всяком случае, так утверждала официальная религия. Его божественная специфика не позволила Хушеву сыну создать нечто подобное Вейрам, Любрам или Нанкам. Творениям с мозгами и полезными функциями — если правильно их применять.

Его собственные творения выходили из-под рук довольно трудолюбивого Зура косорылыми, кособокими, нелепыми, тупыми и нежизнеспособными. И откуда бы тут взялась зависти к собственным сёстрам да брату? Творения которых понравились папе Хушу со всем его гаремом. Даже странно, что зловерный Зур попытался отсечь девятисущих от места гнездования их УАТ. Хотя те с успехом преодолевали этот барьер.

Но когда Вейра сгрузила свою ношу на камушки, на Юльку тот произвёл ужасающее впечатление. По словам Улеи выходило, что с альтернативами негусто. Собственно, их вообще нет. Дескать, можно подойти к острову-гнезду с моря. Не впритык, но в обозримой близости на границе такого же каменного безобразия. А там сигануть за борт и вплавь до берега.

Но для того, чтобы носить очки, недостаточно быть умным — нужно ещё и плохо видеть. А для того, чтобы ходить по морю, недостаточно иметь желание — нужен ещё и корабль. У них же времени в обрез, чтобы его раздобыть.

Юлька уныло созерцала кипящий каменный борщ, где вплавь до острова доберётся лишь кусок фарша — будь ты хоть трижды девятисушим.

— Искупайся в двух водах, — припомнила она сказку про умного конька, везучего дурака и старого коронованного дебила. — А в последнем с молоком, вскипятив его ключом.

— Надеюсь, мы тут не помолодеем? — уточнил по-русски Севка, вернув себе человеческий облик. — Я и без того не успел состариться. И обратно из трансформера в пелёнки не хочу.

— Вы о чём? — не с подозрением, а, скорее, с чистым любопытством мурлыкнула Вейра.

Севка долго и нудно переводил ей глубокомысленную беседу инопланетян. А Юлька наблюдала, как без того большие глаза Улеи вылезали из орбит.

— У вас есть... такая... магия? — запинаясь, пролепетала бедняжка, обращаясь исключительно к серьёзной взрослой женщине, которая не станет так безбожно врать.

— Улея, это просто сказка, — проворчала Юлька. — Придумка от начала до конца. Севка забыл об этом упомянуть?

— Забыл, — облегчённо выдохнула Вейра, прикрыв глаза.

А затем одарила шутника весьма красноречивым взглядом: многоговорящим и не обещающим лёгкой жизни.

— Я всего лишь пошутил, — пожал тот богатырским плечиком и перевёл опасный разговор в более безопасное деловое русло: — Как думаешь, прорвёмся?

Улея тоже вспомнила о насущном. И моментально переключилась на проблему переправы — на редкость ценное качество. Она долго всматривалась в морские дали. Неприятно долго. Сначала, стоя рядом с инопланетными туристами. Затем обернулась ящерицей и взбежала на скалу, что нависала прямо над их головами.

Она, пожалуй, и по потолку сможет бегать — мелькнула идиотская мысль, пока Юлька провожала взглядом Вейру. А что? Мелкие же бегали. А они с этими гигантскими экземплярами явно принадлежат к одной породе.

— Опоздали, — разочарованно мяукнула Улея, спрыгнув со скалы и обернувшись человеком.

Погрязшая в размышлениях Юлька вздрогнула и вскинула на неё глаза. Видать, получилось чересчур жалостливо — Вейра подхватила горемыку на руки и утешительно встряхнула. Не успевшие подготовиться к процедуре зубы клацнули. Девушка виновато зыркнула на будущую свекровь.

— Не сможем перебраться? — решила та игнорировать всё, что не относится к их плачевному положению. — Совсем никак?

— Почему? — удивилась девушка. — Переберёмся. Всегда перебирались. Просто чуть раньше было бы гораздо легче. Да и вечереет. Нужно поторапливаться.

— Я первый, — настаивал Севка, сверля её нетерпеливым взглядом самоуверенного искателя приключений на задницу.

Причём, до недавнего времени, приключений исключительно виртуальных. Поразительно, но, кажется, Улея догадывалась о чём-то подобном. И порой смотрела на грозного с виду гиганта чуть ли не с материнской нежностью. Взглядом матери, что видит бесперспективность своих усилий сделать из балбеса человека. И всё-таки невольно любит убийцей её надежд.

Нет, до чего же хорошая девочка! Если заполучить такую для этого болвана Болва́та, можно смело заняться личной жизнью с Даяшей. Без оглядки на претензии детища оставаться пупом родительской земли пожизненно. Пускай «запустится» на чужую жизнь. Пока окончательно не уконтрапунил родную мать.

— Пойду я, — заявила Вейра со всей твёрдостью.

— Ещё чего?! — обиделся Севка, доискиваясь вытаращенными глазами материнской поддержки.

Юлька дипломатично отвернулась, скрутив для надёжности кукиш.

— Я лучше плаваю, — напомнила, Улея.

— Да, посрать! — рывкнуло инопланетное хамло.

Бумц! Юлька не успела на него гавкнуть, как паршивец схлопотал великолепную оплеуху.

— Отлично получилось! — от души похвалила она. — Только в следующий раз, девочка, возьми дрын потяжелее.

Виноватый взгляд Улеи на глазах наливался священной решимостью женщины пресекать мужскую ругань. В том числе и посредством рукоприкладства. С Юлькой же у них замаячила перспектива наладить творческий военный союз.

— Стервы, — пробубнил под нос Севка, предусмотрительно отползая от змеиного гнезда.

— Не груби матушке! — всколыхнулась искренно возмущённая Вейра.

Видимо у девятисущих не в традициях устанавливать с родителями панибратские отношения. Скукота — мысленно зевнула Юлька, а вслух приказала:

— Значит так, всемогущий болван. Стой, где стоишь, и следи за опытным человеком. Учись. Что-то случится — полезешь её выручать. Ты-то её вытащишь, а вот она тебя вряд ли.

— Нахера? — злорадно передвинул Севка в её имени провокационное ударение. — Раз такая умная, пускай сама выкарабкивается. А я тебя одну не оставлю.

— Он прав, — поспешила Улея заступиться за великана, на которого наступала с кулаками мокрица в грязной наволочке.

И великан позорно отступал под её натиском. Впрочем, Юлька передумала учинять бесполезную драку и уточнила:

— Ты серьёзно?

— Если тебя схватят, пока мы будем в проливе, мы не успеем на помощь. Ахárта так тебя спрячет, что можно всю жизнь искать и не найти.

— С неё станется, — поёжилась Юлька, невольно шаря глазами по окружающему ландшафту.

И вспоминая незабываемую встречу с некой Богиней, о которой детям пока не рассказала. Но которая, судя по всему, просто так не отцепится. У неё имеется какой-то политический заказ на брак юной Нахеры с абибом — к бабке не ходи. А за подобные заказы платят, так что Сáхти непременно нужно отработать гонорар.

Глянуть бы на заказчика, у которого на побегушках целая Богиня. Перемолвиться с «брачным аферистом».

— Зато после обретения УАТ, тебя никто не сможет схватить, — утешила Юльку добросердечная Вейра. — Даже твоя мать. Тем более, потеряв целых пятнадцать хвостов.

— На вас же было только по три хвоста, — вспомнила Юлька.

— Значит, мы не первые, кто удостоился, — нехорошо усмехнувшись, сощурился

квадратноголовой гигант. — Видимо твоя достойная матушка и до нас с кем-то не сошлась во мнении. Интересно: а она уже кого-нибудь убивала?

— Конечно, нет, — отмела Улея смелую гипотезу.

— Откуда ты знаешь? — упёрся продукт цивилизации, где верить на слово опасная роскошь. — Убила и закопала. Или сожгла, а пепел развеяла.

— Не выдумывай, — брезгливо поморщилась Вейра.

Девушку явно покорило пустое, в сущности, предположение. Она грозно хмурилась и практически скалилась — к счастью недолго. После чего снизошла до объяснений:

— Такое не скрыть. Мы всегда чувствуем, когда кого-то из семьи убивают. Или он умирает.

— И как далеко это распространяется? — не унимался полуголый богатырь. — На каком расстоянии чувства притупляются?

— Чувства не могут затупиться, — не поняла его простодушная аборигенка. — Это ведь не нож. А смерть своих мы чуем везде. В каком бы уголке нашей земли не находились.

— Всей этой большой земли? — уточнила Юлька. — От моря до моря?

Полезное знание. Если Даян с Кириллом на этом материке и тоже бегают Любрами они до сих пор живы. Впрочем, ребята гарантированно девятисущие: за ними тоже охотились бронзовые малыши, как и за Севкой. А он теперь ящер.

— На всей земле от моря Накра́пу, — заверила Улея, — до моря Апакра́пу. Так, я пошла?

— Ладно, иди, — вздохнула Юлька, едва не перекрестив девчонку. — Только ты там поосторожней! А то я с перепуга сама за тобой прыгну.

— Это будет глупо, — мило улыбнулась ей могущественная Повелительница жизни.

Отступила на пару шагов, и вспыхнувшая звезда вывернула её, поставив перед Юлькой немислимую златочешуйчатую красоту. А через миг рядом с ней нарисовался бронзовый игольчатый «броненосец». Ткнул красотку рогом в висок, заглядывая в глаз цвета тёмного золота.

Вейра повела этим самым глазом, остановив взгляд на Юльке. И вновь покосилась на прилипшего Любра: дескать, береги маму. А затем прыгнула со скалы, на которой беглецы торчали, видные всем желающим со всех сторон. Прыгнула точнёхонько на один из каменных гребней, что на миг выпустило из объятий море. И пошла потеха!

Вейра перелетала с одного обнажавшегося камня на другой. Едва коснувшись лапами тверди, тотчас группировалась и уносилась дальше. Как порхающая по сцене балерина. Или золотая рыбка в «почерневшем от гнева море». «Где вздуваются сердитые волны. Так и ходят, так воем и воют».

— Феноменально, — прошептала Юлька, потрясённая фантастической ловкостью Вейры.

Непередаваемое впечатление. Золотой воздушный шар: снаружи огромный, а внутри одна сплошная газообразность.

— Ты бы не отвлекалась на всякие красоты, — сосредоточенно посоветовал Севка, прижав её затылок к железобетонному животу.

Юлька задрала голову, изучая непривычно окаменевшее лицо сына. Он боялся. И не за их дальнейшую судьбу, а за свою золотую приятельницу. Вот-вот — почти злорадно подумалось Юльке — попугайся, как следует. А мать говорила: найдётся и на тебя управа.

Господи, только бы девочка не оплошала — взмолилась она. Хорошенько

сосредоточилась и, поднатужившись, приступила к делу:

— Бьём мы в золотые колокольца для услаждения слуха твоего, о, Владычица наших жизней. Танцуем для услаждения взора твоего, о, Разрушающая злые намерения жестоких хворей. Велика сила твоя, о, Владычица жизни. Превозносим мы силу твою. Велик гнев твой, о, Владычица разума. Трепещем мы пред гневом твоим. Велико милосердие твоё, о, Владычица дыхания. Восхваляем мы милосердие твоё день каждый. От первого вздоха необоримого сумрака до первого вздоха непобедимой зари. Рады мы умиротворению твоему.

— Ма, ты что, молишься? — не выдержал и вклинился в тихий речитатив Севка.

— Жаждем мы умиротворения твоего! — возвысила голос Юлька, отмахнувшись от несвоевременно вмешательства и...

Забыла, как там дальше. Нет, ну надо же! В самый неподходящий момент.

Милый Юлькин наставник частенько бубнил эту молитву Вейре. Боги, отвечающие за смерть или мордобой, его не вдохновляли. Но, дедуля верный приверженец традиционализма: с одной стороны мудрый, с другой — узколобый. Забудь он хотя бы словечко молитвы, остановился бы, вспомнил и пошёл на второй круг.

Юлька же подходила к этому делу со здравомыслием атеистки, истово веря, что никакой призыв о помощи не бесполезен. В какую бы форму ты его не облёк. Поэтому она возвела очи горе и понесла отсебятину:

$\frac{3}{4}$ Вейра, ты меня пока не знаешь. Но, если увидишь, сразу почувешь, что я чужачка. Мы тут оба чужие, $\frac{3}{4}$ пихнула она локотком Севку. $\frac{3}{4}$ Но мы хорошие люди. В общем и целом. Напрасного зла не творим. Словом, люди, как люди. Не хуже многих... всяких. Ну, ты и сама знаешь. Наверняка видишь нас обоих насквозь.

Как ни странно, Юлька вовсе не чувствовала себя идиоткой, вызывающей в пустоту. Внутренняя уверенность Нахеры в действительности призыва воодушевляла и дарила успокоение. Мизерное, то сейчас крайне необходимое.

Доведут её эти идиотские приключения — не помилуют.

Глава 8

А ты полезный пóпт

Взывая к Богине, краем глаза Юлька следила за Улеей. Девочка как раз перелетела с опасного валуна — который тотчас захлестнуло огромной волной — на вроде бы достаточно широкий гребень. И вроде бы утвердилась на лапах, готовясь оттолкнуться и лететь дальше.

Но тут она оскользнулась и ткнулась мордой в воду. Под которой, наверняка, приложилась носом о камни — иначе бы так не замешкалась. А подлая волна, казалось, только и подкарауливала подобную оплошку. Ударила, так ударила — смела золотую ящерку, будто прибором плющенную пивную банку.

Севка молниеносно обернулся Любром и метнулся на край скалы. Миг, и бронзовая махина, собрав хвосты в пучок, сиганула за край.

У Юльки оборвалось сердце, но выкристаллизовалось в голове:

— Вейра! Я отдам тебе всё, что сумею, кроме жизни сына! Всё, что только смогу отдать. Ты должна их спасти! — потребовала безбожница у богини в самой недопустимо категоричной форме. — Слышишь?! Не будь сукой! Я не знаю, что сделаю, если ты не поможешь!

— Не знаешь, так не берись угрожать, — проурчало за спиной. — В таком почтенном возрасте и так сквернословить.

Юлька не могла обернуться и оценить: кого же накликала на свою голову? Взгляд

прилип к Севке — не отодрать. Впрочем, оборачиваться и не понадобилось.

Из-за спины на край обрыва вытек — именно вытек, а не выскочил, выполз, выкатился... Кто бы мог подумать! Прямым из её давнего сна явился тот самый карлик с огромной головой. Со своими короткими жирными ручонками и ножульками.

Естественно, в чём мать родила — как ей и продемонстрировали во сне. Вислый зад весь в складках кожи — смотреть противно. Голый череп перетянут кожаным ремешком, что прижимает три облезлых пера и отрезанную у кого-то косу.

Всё это Юлька разглядела краем глаза. И порадовалась, что свою физиономию — тютелька в тютельку похожую на задницу — экстравагантный субъект ей не продемонстрировал. Зато он проявил недюжинную дурость, сиганув со скалы в пролив.

И этот туда же!

— Ни хрена себе помощничек! — вырвалось у Юльки, но тут же ею овладели сомнения. — Или не помощничек? Чего ему от нас надо?

Она до рези в глазах всматривалась в сплошную мешанину из воды, пены и фонтанов брызг. Но главное, кошмарных камней, что обнажались и вновь тонули с непрерывностью смертельного маховика.

Пока Севка благополучно проходил дистанцию до места падения Улеи. Её — как показалось Юльке — вода пару раз выбрасывала на поверхность. Да и то не факт. Может, эти золотые блики на воде всего лишь баловство заходящего солнца. Которое на прощание освещало весь мир вокруг, кроме долбанного пролива. Над этой чёрной дырищей планеты висела паскудная, мешающая обзору хмарь.

И ведь какая зараза! Пока у Вейры всё получалось, видимость была отличная. А потом будто нарочно затуманило редкими пакостными мазками.

— И кто же ты такой? — закономерно вырвалось у трясущейся от страха матери.

Когда неопознанная пузатая и хвостатая тварь пулей просвистела мимо Севки. Помесь нелепой собаки, ящерицы и вообще неопишуемой хрени.

Бедный ребёнок от неожиданности поскользнулся и распластался брюхом на каменной гребёнке. Лапы плюхнулись в воду и, не найдя опоры, замолотили, как ненормальные. Хвосты миглом нырнули под тушу, поднимая ящера будто домкратом. Севка вновь оказался на ногах — его буквально выбросило в воздух сквозь стену обрушившейся воды. Не слабей цунами! Но этот «бронепоезд» устоял на радость маме.

Юлька ожидала, что сын бросится дальше, однако тот повернул назад. Ни разу даже не оглянулся. Тварь — которую она так и не разглядела — давно пропала с глаз. Впрочем, Юлька уже забыла о случайном знакомце. Вела глазами сына, затаив дыхание. И поражалась уверенности, с какой этот дилетант обращался с телом ящера: будто всю жизнь в нём рассекал.

Кстати, обратно Севка доскакал куда проворней. Доскакал и взобрался на скалу.

— Почему не пошёл за ней? — только и смогла проблеять Юлька, влипавшись с разбега в грудь присевшего на корточки полугололого ребёнка.

— Смысла нет, — спокойно пояснил Севка, прижимая к себе любимую маму. — Шот её найдёт. С ним-то уж точно не посоревнуешься. Он же ловкий, как муха. К тому же неубиваемый.

— Какой ещё Шут? — нахмурилась Юлька, лихорадочно перелистывая в голове конспекты дедулиных лекций. — В моём bestiarii такого нет.

— Вообще про него не слыхала? — усмехнулся Севка, глядя её по голове своей совковой

лопатой.

— Нет. А должна была?

— Вообще-то да. Бог всё-таки. К тому же какой-то непростой. То ли с изюминкой, то ли с подляной. Улея как-то сболтнула кое-что. Раз тут скоро появится очередная Нанка, то обязательно притащится бесстыдник Шот. То ли соблазнять тебя станет, то ли сразу в постель потащит. Да, шучу я! — откатился в сторону охальник, увернувшись от материнского пинка. — Не знаю я: какого хрена ему от тебя нужно? Но, однозначно нужно.

Вот тебе и здасьте: ещё одно божество нарисовалось. Как говорится: этого никогда не было, но снова случилось. Куда же они попали? Как бы не оказалось, что умереть взаправду было бы во сто крат безопасней.

— Ты можешь толком объяснить: что это за перец? — строго потребовала конкретики суровая мать.

— Говорю же тебе: он Бог, — пожал плечами Севка. — Чего-то там, связанного с сатирой и юмором. Ещё с цирком и прочей творческой интеллигенцией.

Вот уже и умер, и воскрес, и стал чёрте чем, а всё такая же бестолочь. Некоторые мальчики слишком долго взрослеют. До полного созревания мозгов — не всякая мать доживёт.

И в кого он такой? Себя Юлька почитала умеренной хулиганкой и весьма сдержанной охламонкой. Дурака повалять любила — есть такое дело — но лишь с оглядкой на окружающих. Эпатаж эпатажем, но гусей лучше не дразнить. Особенно, если ты ничем не примечательный менеджер, а не супер звезда.

Даян и вовсе суровый наследник бесстрастных степных пастухов ветра. И улыбается-то редко — не то, чтобы поржать всласть от полноты души. Кривляться вообще не горазд — просто не умеет. Если по случаю и пытается — хохмы ради — получается топорно и неубедительно. Одно слово: корова на льду.

Севка же валяет дурака напрапалую — как дышит. И когда уже надоест?

Материнское сердце успокоилось — женское нет. Юлька вновь прилипла взглядом к проливу, тщась уловить среди опостылевшей хмари хотя бы один золотой блик. Девочку было жалко до сердечной рези. Вроде и своей стать не успела, и уже посторонней язык назвать не повернётся. Окончательно загоревать не давало одно: спокойствие Севки.

Когда ребёнок испугался, бросился выручать девушку, позабыв про мать. Слава Нанкеште, хоть до этого дожила. Зацепило добра молодца за сердечное ребро. Теперь же Севка уселся на краю скалы и просто ждал, когда какой-то вислозадый Шут вернёт их Вейру.

Не успела подумать, как вдалеке над водой, болтая лапами и хвостами, подлетела золотая искорка. Крохотная: еле видна — однако, Вейру ни с чем не перепутать. Тут и солнышко заметило, где схалтурило: пролив осветило почище цирковой арены.

Обратно в кипящую бездну Улея рухнуть не успела. Навстречу ей из воды вылетел хвост... Нет, хвостище! Доска для команды сёрфингистов голов на десять — всем бы места хватило. Ещё и останется.

Так вот эта плоская гибкая доска поймала золотую ящерку и швырнула по направлению к берегу. Вейра описала дугу, всё так же молотя в воздухе конечностями. И вполне естественно приготовилась ухнуть в воду. Но ловкий хвост вновь тут как тут: выскочил из воды и звезданул по ящерке теннисной ракеткой. Направил «волан» в нужном направлении — Улея даже лапок не замочила.

— Этот говнюк что, нарочно над ней издевается?! — рассердилась Юлька, не сводя глаз со злого шутника. — Нельзя просто помочь девочке? Раз уж взялся.

— Нельзя, — почти лениво протянул Севка, почёсывая бок. — Шот ведь не просто Бог. Он что-то вроде шута при Несотворённом Хуше. Ты, надеюсь, про местного Творца в курсе?

— И не только, — досадливо поморщилась Юлька. — Что там с этим шутом?

— Да всё просто. У самого Хуша с чувством юмора полный абзац. Что взять с динозавра? Вот и завёл себе чувство юмора в виде отдельно болтающейся штатной единицы.

— И за ним он лазил в космического динозавра?

— Смотрю, тебя подковали насчёт местной мифологии, — усмехнулся Севка, неотрывно пялясь на летающую в проливе подругу.

— Только тем и занимались, — проворчала Юлька, тоже внимательно отслеживая процесс спасения утопающего на водах. — Насчёт новой Нанки не шутка? Я реально ему для чего-то нужна? И, кстати, ты действительно веришь, что этот голопопый карлик самый настоящий Бог?

— А ты действительно веришь, что я могу обернуться боевым динозавром? — съязвил Севка.

— Только этого не хватало, — раздражённо пробормотала Юлька, отгоняя видение красноволосой нудистки с пятью глазами.

— Кто знает? — вдруг посерьёзnel ребёнок. — Может, как раз Шота нам и не хватало. Он, конечно, натуральный отморозок. И шутки у него идиотские. Это записано в памяти Болвата. Но Улея сказала одну интересную вещь. Если Шот решил кому-то помочь, или кого-то оберегать, то выложится на все сто. С ним лучше не шутить. Дурачком прикидывается, а любого узлом завяжет. Улея сказала, что на него мозголомные штучки Богини Вейры не действуют. Люброфт его за десяток километров обходит.

— Даже так? — мотала на ус Юлька, раз уж непростой карлик отметился в её снах ещё ТАМ.

А ТУТ весьма заинтересован в будущей Нанке. Которая уж точно не продешевит — не на ту напали.

— Ага, — хмыкнул Севка. — Улея рассказала, что хрен знает, в какой древности, на него напала целая сотня отморозенных Любров. И все подошли. Шот выпотрошил их в пару минут и даже не вспотел. Об этом целая легенда накарябана. Как у Шота обстоит с Нанками никому неизвестно. Тут и о нём, и о вас больше трывают, чем знают. Даже сами девятисущие. Потому, наверно, вас и боятся до икоты. Жаль, меня сюда занесло уже в плен. Память Болвата, конечно, работает. Как он прокололся и попал, знаю. Честно говоря, тормознутый был персонаж. С прибабахом. Вот, пока в башке прибабахивало, твоя мамашка его и подловила.

— Не поминай об этой стерве, накаркаешь, — поморщилась Юлька, подтолкнув себя к краю скалы.

Страх высоты переключал с ней в «мир иной», не утратив решимости портить жизнь до окончательной смерти. Впрочем, по ощущениям он явно сдал. Ибо голова при взгляде вниз больше не кружилась. Коленки не подгибались, и сердце не скакало, молотя в рёбра. Осталось выбросить из башки прежние переживания и зажить новым человеком. Или новой ящерицей.

— А толку? — пожал плечами сын, продолжая расчёсывать бока. — Не я, так другие напомнят. Ты же у нас эксклюзивчик. Улейка вон спала и видела, как бы тебя грохнуть.

Подвиг всей жизни. Имя, оставленное на скрижалях, и всё такое прочее.

— И сейчас жаждет? — поёжилась Юлька, шагнув обратно к сыну.

— Сколько не присматривался, вроде не заметил, — как-то чересчур беспечно оценил тот, усадив её на скрещенные перед собой ноги. — Знаешь ма, похоже, её реально отпустило. И ты ей нравишься. Уж это я чувствую, когда в шкуре. Кстати, тут ещё и личного намешано. Ахárта пыталась убить мать Улеи. Та выкрутилась, но пару хвостов потеряла. А их у Вейры и без того кот наплакал. Отец бросился мстить, и жутко оконфузился. Причём, мстил мужик не в одиночку. Твоя мамаша в полпинка разбросала пятёрку Любров, — уважительно оценил Севка, обнимая прижавшуюся к нему девчонку. — Правда, тогда она была при полном комплекте хвостов. Так что твоё обретение УАТ нам до зарезу необходимо. Мне за тебя спокойней будет. Кстати, и тебе за меня, пока батю не найдём. Ты, как меня собралась защищать, доходяжка чумазая?

— Думаешь, стоит его обретать? — успела спросить Юлька за секунду до того, как к их ногам шмякнулась потрёпанная Вейра.

— УАТ? Конечно, стоит, — прихватив маму подмышку, поднялся Любр.

Шагнул к Вейре и свободной рукой практически вздёрнул ту, поставив бедняжку на лапы. Чудовищный аттракцион. Как если бы простой мужик поднял одной рукой быка. Столько силы разбазаривается впустую. Да на Любрах можно по целине в день поднимать. И по две плотины возводить. Дал Бог силушку, да к ней умишко с фигушку — посетовала Юлька, заметив, как Вейра посмотрела на Севку и кивнула.

Её ошалевшие от пережитого глаза прямо-таки горели дурным золотом. Но этот огонь уже постепенно притухал. Хотя лапы Вейры подгибались, а саму заметно пошатывало.

— Ты бы приняла человеческий вид, — изогнувшись подмышкой сына, обняла Юлька необъятную золотую морду. — Может, полегчает?

Вейра отрицательно качнула мордой, пытаясь скосить глаза на нос, к которому прилипла двуногая немочь. Юлька отцепилась от бедной девочки и задргала ногами, требуя поставить её на землю. Севка послушно исполнил требование, но Юльку тут же смело какой-то неведомой силищей.

Фшшшух! Мелькание в глазах, полнейшее обалдение с потерей ориентации в пространстве. И вот она повисла в воздухе, спелёнатая резиновым матрацем с ног до головы — шея еле ворочалась. Зато в глазах не рябило. И перед этими самыми глазами — прямо нос в нос — нарисовалась презабавная морда.

Поначалу показалось, что собачья — на ум пришёл бультерьер, которому под корень отчекрыжили уши. И обрили всё, до чего дотянулись. Зато в макушку, темечко и шею навтыкали дикобразовых игл. Потом Юлька сосредоточила внимание на шкуре уродливого буля и поморщилась: жутко неприятная. Пупырчатая, как у жаб, мелкоскладчатая и вонючая.

Круглые бронзово-красные глазки зверушки — размером не больше обычного пони — выпучились на пойманную заразу. В них безошибочно читалось превосходство, замешанное на возмущении.

Юлька покосилась вниз: запеленавший её матрац оказался тем самым «широкоформатным» хвостом того самого паршивого «спасателя на водах». Перевела взгляд на тело паразита и прыснула. Нет, вздыбленные длинные иглы через всю спину — это впечатляет. Да и торчащие из пасти клыки не хуже Любровых. Но всё остальное!

— Ты чего такой костлявый? — бухикая неудержимыми смешками, язвительно осведомилась юная хамка.

Вольготно разлёгшийся на боку — почти в человеческой позе — зверь приподнялся. Немыслимым образом изогнул длинную костлявую шею. Завалил на бок башку и попытался себя оглядеть правым глазом — двумя бы у него сроду не получилось. Если только отрезать мужику башку и поставить её напротив: пускай полюбуется на себя со стороны.

— Костлявый-костлявый, — злорадно пропищала Юлька, покосившись на сына.

Тот и не думал вызволять родную мать из лап «идолища поганого». Паразит вертелся вокруг Вейры и что-то ей втирал с самым убеждённым видом. Но Повелительница жизни пялилась немигающими глазами на Шота, игнорируя старания пылкого самца. И, кажется, девочка как-то опасно напряглась.

— Выпусти меня! — раздражённо потребовала Юлька, трепыхаясь, как желе в стакане. — Когда шутка затягивается, перестаёт быть смешной. А шутник вызывает всё больше подозрений, что он просто идиот.

Широкохвостый костлявый «носитель» божественного чувства юмора заметно озадачился. Попялился в небо, поморщил нос. Пошлёпал оттопыренными губами и развернул хвост. Его надежды на то, что добыча шлёпнется на камни и получит увечья, не оправдалась. Золотой хвост молниеносно метнулся к Юльке и поймал в ладони от земли.

— А ты не лезь, — недовольно проскрипел Шот, вернувшись в облик голопоплого карлика.

И уставился на Вейру многообещающим взглядом ничуть не изменившихся круглых бронзовых глаз-пуговиц. Та осторожно подтащила к себе Юльку и забросила на спину.

— Не выйдет, — с неописуемым злорадством растоптал Бог надежду смертных благополучно смыться. — Пролив вам не пройти: опоздали. Это была последняя попытка. Теперь три дня кряду ни на остров, ни с острова пути не будет. Зато Ахарта... — он к чему-то прислушался и объявил: — Вот-вот будет здесь.

Вейра задрала голову и тоже прислушалась. Потом стащила Юльку со спины. Не опуская на землю, всучила её сыну и стала Улеей. Которая сделала в сторону злокозненного Бога пять шагов и скрестила на груди ладони:

— Взываю к тебе именем Отца богов, бывшим единым до сотворения. Именем Отца богов, возникшим первым, воссуществовавшим с начала начал, будучи не сотворённым, а существующим. Именем Отца богов, возникшего едино, как земная твердь. Именем Отца богов, приходящего вновь в отцах, создавших сыновей, дабы создать наследство детям детей. Шот сокровенный, чьё имя скрыто от людей, — отняла она ладони от груди и развернула перед собой открытой книгой: — Наистарейший. Исторгнутый из тела Отца богов. Возникший так, как пожелало сердце его. Шот, Владыка смеха. Повелитель игры слов Господин насмешек. Владыка музыки. Повелитель игры на свирели. Владыка танца. Господин праздника. Владыка фокусов. Повелитель лицедейства, — старательно перечислила девушка все титулы того, с кем лучше не шутить. — Мы почитаем величие твоё. Воздаём хвалы перед ликом твоим. Прославляем могущество твоё. Ликуют наши сердца, когда видим тебя ото дня ко дню. Ликуют...

— Угомонись, девочка, — скрипнул сидящий в позе лотоса Бог злых шуток, музыки и театрализованных представлений. — Ты воззвала, я услышал. Могла бы и покороче: я не глухой.

Теперь Юлька прониклась. И окончательно поверила, что нелепый горбун тот, за кого себя выдаёт.

— Мне вовсе нет дела до твоего неверия, — насмешливо оповестил её Шот, скрив

уморительную рожу.

Хотя казалось, что это невозможно. Его лицо и без того уморительней некуда. Сон ничего не преувеличил: Юлька никогда не встречала настолько огромных жирных щёк. От самого безбрового лба до утонувшего в отвисших складках подбородка. А длиннющий тонюсенький нос разделял щёки точь-в-точь, как ягодицы. Выпуклые бронзово-красные глаза-шарики буквально сидели на переносице. Вместо рта куриная попка.

А он это неповторимое великолепие ещё и мимикой усугублял, отчего все складки лица жирно вибрировали, наползая друг на друга.

— Да, я великолепен, — на полном серьёзе подтвердил Шот, задрав нос. — А ты неплохая тётка. У наших-то Нанок с юмором вечная беда. Мрачные все, как на подбор. Скучные, как песок.

— Им не нравятся твои шутки? — живо заинтересовалась Юлька, выкарабкиваясь из объятий присевшего на камень Севки.

Едва Улея отпустила его любимую мамулю, он тут как тут: сграбастал Юльку в охапку и не выпускал. Будто это что-то меняло. Сам же говорил, что не соперник этому карлику. Так, на кой ляд подобные демонстрации своего бесполезного покровительства?

— Шутки эти дуры вообще не понимают, — искренно пожаловался Шот, легко вскочив на толстые коротенькие ножки-тумбы. — Безнадёжны, как и сама Нанкёшта. Нет, она девочка умная, — доверительно сообщил божий шут, подковыляв к Юльке. — И добрая. Только нудная. Потому что правильная... э-э-э...

— До неприличия, — брякнул Севка.

— О! — обрадовался Шот, ткнув в Любра пальчиком, а в Юлькин бок пухлым локтем. — До неприличия. Это я запомню. А ты хороший парень. Хотя и чужак. Пожалуй, покровительствовать тебе будет интересно, — оглядев гиганта, приценился Бог и веско молвил: — Ладно, соизволяю. Будешь моим по́птом.

— Кем? — хором переспросили инопланетяне, не удержавшись от глумливой фамильной ухмылочки.

— Лучше иметь задницу вместо лица, — нравоучительно проскрипел Шот, — нежели иметь задницу вместо головы. Вы, конечно, безбожники и наглецы. Но могуществу сильных должно отдаёте. Кто-то вас к этому приучил. Оттого и не покараю вас за столь неподобающие насмешки над Владыкой смеха.

— Ну, я, кажется, уже не безбожник, — извиняющимся тоном пробормотал Севка. — Не дурак же. Если Бог есть, и ты его видишь собственными глазами, чего упираться?

— Вот, — удовлетворённо протянул Шот, вновь пихая Юльку локтем. — Я же говорил, что мальчик умный. И ничего нам тут не напортит. Так что пускай себе бегают. С ним будет весело.

— Пусть бегают? А моя мать? — неподобающе холодно осведомился Севка, подскочив с земли и прыгнув к Юльке. — Я не стану, как ты выразился, бегать без неё. Или вместе, или никак.

— С ней всё сложно, — весьма серьёзно ответил Господин насмешек. — Повелительница смерти тебе не какая-то золотая вертихвостка Вейра. Шутки с ней могут закончиться скверно. Особенно с такой нудной душой, как Ахárта, — брезгливо поморщился Бог. — Да и Нанкешта разобидится. У моей сестрицы и без того негусто с творениями. Над каждой своей Нанкой трясётся. Даже над самой заваливающей. Я вот, к примеру, возьмусь помогать своему по́пту: умыкну у Ахарты дочку. То есть твою мать. И что?

— Что? — нетерпеливо переспросил Севка.

— Нанесу тем самым Нанке кровную обиду. А Нанкешта мне за неё... э-э-э... Как бы помягче сказать?

— Яйца вырвет, — подсказал Севка, стараясь понравиться Богу-покровителю ещё больше.

— Во-во! — обрадовался Шот. — Ещё как вырвет. А ты полезный по́пт. Я доволен.

Ну, хоть кому-то её охламон пригодился — невесело пошутила Юлька, принимая нелёгкое решение. Впрочем, он ещё ТАМ, явившись во сне, похвалил сынулю: он у тебя лихой парень. Знать бы ещё: к добру или к худу?

С одной стороны, здорово, что у сына появился могущественный покровитель — прямо гора с плеч. С другой, как бы Шот не запудрил ребёнку мозги: с него станется.

Только подумала, как Севка с Улеей закрыли глаза. Замерли, будто сподобились заснуть стоя. Юлька догадалась, что это божьи фокусы, и детям ничего не грозит. Поэтому сконцентрировалась на ухмыляющейся роже Бога фокусов и подлянок. А затем решила, что миндальничать с таким персонажем — только вредить их взаимоотношениям.

— А скажи мне, Наистарейший, Воссуществовавший из тела Отца богов: что тебе от меня нужно? И что за это получу я?

— Ты кем была в своём мире? — вернувшись обратно в позу лотоса, с почти детским любопытством оглядывал её Шот.

— Поставщиком товара, — нашла Юлька аналогию слову снабженец.

— Купцом? — удивился Бог. — У вас этим занимаются женщины?

— У нас женщины занимаются всем, чем занимаются мужчины, — пояснила Юлька нейтральным тоном лектора.

— И воюют? — весьма серьёзно уточнил Бог шуток и шутов.

— И воюют. Хотя не все это одобряют.

— Да, Бдежет это не понравится.

Память Нахеры подсказала, что он упомянул Богиню женского плодородия, которая иногда носила коровью башку. В честь чего её почтительно обзывали Рогоносицей. В принципе, ничего удивительного: почти во всех Земных древних культурах была соответствующая богиня.

— Ты не ответил, — напомнила Юлька, не желая идти на поводу у мастера виртуозно пудрить мозги. — Что тебе от меня нужно? Только не говори, будто тебе тоже приспичило сделать меня супругой абиба.

— Тоже? — переспросил Шот, с виду ничуть не удивившись. — И кто же ещё торопится отдать Нанку в руки какому-то человечешке?

— Сáхти, — решила Юлька, что он и без того узнает о визите этой дуры.

— Сахти не дура, — раздражённо заступился Бог театральщины за Богиню лжи.

Надулся, тут же «сдулся» и вполне дружелюбно, даже заботливо посетовал:

— Ты многого не знаешь.

— Так объясни, — не пытаясь юлить, прямо попросила Юлька. — И заодно, если не сложно, ознакомь с твоими собственными намерениями. Ты-то не собираешься отдать Нанку этому трусливому человечешке?

— Он вовсе не трус, — поморщился Шот и застыл, видимо, углубившись в размышления.

Или делая вид, чтобы чересчур умная девица помучалась: что же там скрывается — за

этим молчанием? Знаем — плавали. Поэтому Юлька преспокойно уселась напротив Бога и принялась ворошить слипшиеся на макушке волосы. Эту пирамиду давно нужно было распустить и скрутить заново.

— Ну, хорошо, — забрюзжал Шот, не выдержав игры в молчанку. — Я не собираюсь отдавать тебя этому человеку. И не позволю другим это сделать. Ты довольна?

— Вполне, — одарила Юлька справедливого Бога искренне благодарной улыбкой. — А теперь, с твоего милостивого соизволения, поговорим о деле?

Глава 9

Они тут что, табунами шастают?

— За Сахти стоит кто-то более могущественный? — невинным тоном простодушной девы осведомилась взрослая пожившая тётка.

— Так и знал, что это неудобно, — ещё больше разворчался Бог разнообразных развлечений и последствия их разнообразия. — Лучше бы к нам занесло дитя, а не зрелую женщину. Да ещё купца.

— Лучше бы меня вообще никуда не заносило, — возразила Юлька.

— Лучше бы ты прониклась смирением, что подобает приличной женщине, — съязвил Бог лирического бляения и саркастического лая. — Прикусила бы язычок и слушалась.

— Мне надоел пустой разговор, — досадливо пропыхтела она, пытаясь расчесать волосы скрюченными пальцами. — Скоро совсем стемнеет, но дети снова полезут в этот клятый пролив. Их же не отговорить. А ты будто нарочно тянешь время. Убить их желаешь?

— Ну, хорошо, — недовольно повторил Шот и со скрипом признал: — Да, за ней стоит кое-кто действительно могущественный. Тебе лучше не знать кто именно, чтобы не пострадать. Но ты должна сама предотвратить уготованную тебе нелепую участь. Которая принесёт множество бед, — продемонстрировал он высоты логического мышления. — Если моя сестрица Ниту свяжет тебя браком с человеком, тебе придётся подчиниться. И после подчиниться мужу всю жизнь. Ниту не позволит нарушать святость наложенных уз.

В памяти Нахёры осталось много полезного для жизни. Но испытанный девочкой шок на время заблокировал её. Не полностью, однако, на поверхности плавала удушающая ненависть к тем, кто требовал стать супругой простого человека — пускай даже абиба. А ещё всепоглощающий страх да сумбурные отрывочные картины виденного и слышанного в последние дни её жизни.

Вот Юлька и не торопилась вскрыть запаянную консервную банку памяти — вообще старалась не касаться этой мины замедленного действия. Время, как говорится, всё лечит. Придёт день, когда новое здоровое сознание взрослой женщины окончательно почувствует себя хозяином бедной головушки.

Но и сейчас уже намечался кое-какой прогресс. Нахера заинтересовалась словами Бога Шота и проявилась. Поддакнула, что защитница женщин и хранительница бракосочетания реально суровая тётка — с ней сторговаться о побрякушках не выйдет. Пожаловалась, что требование стать женой простого смертного приводит её в неопиcуемый ужас.

Лишь железобетонная уверенность Юльки в неосуществимости этого безобразия оказалась островком надёжности в океане её отчаяния. А мысленная неприкрытая грубость Юльки по этому поводу бодрила бедняжку. Похоже, это насилие над девушкой реально привело её к самоубийству.

— Со мной такие фокусы не пройдут, — заверила её инопланетянка с характером и опытом выживания.

— Не хвались раньше времени, — преисполнился скепсиса Бог не самых серьёзных вещей на свете.

— А ты не морочь мне голову, — холодно уведомила Юлька. — Хочешь помочь, так помоги. Не хочешь, не надо. Тогда не крутись под ногами: терпеть не могу пустой болтовни.

— Как твой муж согласился тебя взять? — искренне удивился Шот. — За тобой давали большое приданое?

Юлька прыснула от неожиданности: уж больно потешная гипотеза.

— Колоссальное, — хулиганя, вытаращилась она. — Так запросто и не унесёшь. Ты, давай-ка, оживи детей. А то, как посмотрю, ты совершенно не готов к серьёзному разговору.

Шот покосился на неё с загадочным выражением лица. И тут же Севка поднял руку, отряхивая со спины Улеи то ли пыль, то ли пустоту.

— Ты так и не сказал, что значит «попт», — невозмутимо поинтересовалась Юлька, делая вид, что из жизни ребят не выпали эти несколько минут.

— Это значит: ближайший к Богу приверженец, — насмешливо объяснил Шот, поедая её неприличным взглядом, состряпанным, видать, для пущей конспирации. — То бишь, любимчик. И, понятно, первый помощник. Не жрец, — ответил Бог на мысленный вопрос Севки. — Жрецы в моих забавах бесполезны. Ибо скучны и узколобы. Пускай храмами занимаются бездельники. А тебя, женщина, — переключился он вновь на Юльку, — от твоей вздорной мамыши может защитить лишь одно: ты сама. Я с Нанкештой из-за тебя ссориться не стану. И спасти тебя от Ахарты не буду. Своего по́пта с его подружкой на ту сторону пролива перетащу. А что уж там прилипнет к их хвостам... мне до этого дела нету, — приняв беспечный тон, заявил Повелитель игры на свирели и прохиндеев.

Как изысканно — мысленно съязвила Юлька, даже не поморщившись — что прилипло к их хвостам! То есть, она прилипла — собственной персоной. Как навоз к коровьему хвосту. Что ж, и на том спасибо.

— Не благодари, — с не менее язвительной снисходительностью отмахнулся Бог. — Ты мне годишься.

— То есть?! — дурашливо возмутилась Юлька. — Это не жест доброй воли?

— С какой стати? — ухмыльнулся Повелитель антрепренёров и жлобов. — Я милостей задарма не раздаю. А ты слишком лакомая добыча, чтобы выпускать её из рук.

— Значит, — напомнила о себе Улея, — Нахёра должна поскорей обрести божественного двойника?

— Не поскорей, а немедля, — притопнул ножкой Шот. — И без ваших там иномирских фокусов, — предупредил он Севку. — Или я подарю Ахарте бронзовую шкуру своего новообретённого по́пта.

— А Люброфт на такой произвол не обидится? — подчёркнуто вежливо уточнила Юлька.

— Обидится, — как само собой разумеющееся, подтвердил Шот. — Но в драку не полезет. Среди Любров есть по́пты Нанкешты. Их мало: одной руки для счёта хватит. Добиться от этой курицы такого благодеяния ужасно трудно. А потерять легче лёгкого.

— Как два пальца обоссать, — пробубнил под нос Севка.

Юлька не успела отвесить грубияну оплеуху — Бог-шутник хрипло заржал, всплёскивая руками и топоча бегемотом. Его, казалось, негнущееся тело складывалось пополам. Перья и коса мели камни, поднимая пыль. А из отключенной задницы вылетали немзыкальные трели и разноцветные мыльные пузыри. Видимо, здешние почитатели веселья считали это

смешным.

Подслушав мысли Юльки, Шот мгновенно выпрямился и посерьёзnel. Критически оценил, как лопнули последние пузыри, и вопросительно уставился на Севку.

— Не смешно, — с вежливым вздохом подтвердил тот.

— Я чую Ахарту, — почти взмолилась Улея прекратить балаган и заняться их спасением.

— Ты мне расскажешь, как надо, — тоном учителя, задающего на дом сочинение, объявил Шот, ткнув в своего приверженца пальцем.

И не развивая тему дальше, в мгновение ока обернулся нетрадиционным ящером. Больше смахивающим на облезлую безухую собаку с веслом, торчащим из костлявой отключенной задницы. Ещё миг, и в ушах Юльки засвистал ветер. Её протащило над проливом — только волны в глазах запестрили. Пожалуй, такое под силу лишь Богу — зафиксировала она ещё одно доказательство могущества того, кто должен позаботиться о её ребёнке.

На этот раз Шот не стал растрачиваться на баловство. В считанные секунды беглецы оказались на другом берегу — даже ног не замочили. Осталось лишь невесомое ситуационное разочарование: Юлька так и не повидалась с мамочкой. А взглянуть бы хотелось. Перед тем, как самой сверзиться с пьедестала венца эволюции, докатившись обратно до пресмыкающихся.

— Откуда ты взяла эту чушь? — иронично осведомился Шот, обернувшись карликом. — Про венец эволюции. У вас там что, все так считают?

— А ты знаешь, что такое эволюция? — брякнул Севка, мигом догадавшись, о чём размышляла мамуля.

— Уши бы тебе оборвать, нахалёнок, — добродушно погрозил ему пальчиком Бог.

И ввинтился в землю. Весь, целиком. Не оставив после себя даже крохотной ямки.

Сознание Юльки никак не отреагировало на сей аттракцион. Ею целиком и полностью овладели шкурные интересы — не до фокусов. Внутреннее чутьё подсказывало: пора активней тормозить Нахеру. Однако, не слишком резко форсируя события — тут лучше меньше да лучше. Помочь плоду скорей созреть — легче будет переваривать, без риска заработать заворот кишок.

В принципе, Нахера постепенно осознавала, что таки вырвалась на свободу. Что вскоре она встретит свой УАГ и станет недосягаемой для бесчестных манипуляторов. Это подкрутило нужные винтики в её голове и постепенно выкатывало шарики из-за роликов: один за другим.

Пока они с ребятами неслись к проливу, память постепенно выбрасывала на поверхность то, чему девочку учили. Нормальный набор школьных знаний: география, история, ботаника и зоология. Но, главное историю: на данном этапе наиболее полезную штуковину. Поэтому Юлька невольно проштудировала все имеющиеся залежи инфы. По верхам, конечно, но и это хлеб.

К примеру, её позабавила эпическая история нескончаемой войны с извечными недругами абихушитов, что жили по соседству на больших островах в море Накрапу. С могучим народом Аби-Гуат-Иту-Рах-Та-Ун.

В сущности, те же голоногие аборигены — один в один Аби-Хуш-Иту-Рах-Та-Ун. Только ведущие происхождение от Воссуществовавшего из ничего Гуата. Страшно

принципиальная разница, если учесть, что и Гуат был ящером. Чья история обретения семьи и создания земли была украдена бессовестными абихушитами для своего никчёмного третьесортного божка Хуша. Кино и немцы.

Вместе с абигуатами приплывали их тамошние Любры — один в один тутошние балбесы. Девятисущие являлись поразмять косточки в стычке с сородичами — иных забот у оборотней, судя по всему, просто нет. Вейры хоть людей лечат, а эти шипастые танки с ума сходят от безделья. Вот и устраивают чемпионаты мира по мордобою.

— Ма, ты вообще-то не турист, — пробасили за спиной по-русски. — Не на экскурсии. Чего замёрзла с умным видом?

Юлька проигнорировала издёвку и, обернувшись, поинтересовалась:

— Улея, а далеко отсюда до того места, где вы становитесь?..

Ящерицами — чуть не брякнула она и смутилась.

— Там, — указала на восток понятливая девушка. — В самом центре острова.

— Итак, дети, — подвела Юлька черту под воспоминаниями и размышлениями. — Как будем продвигаться к месту обретения облика? Кстати, сколько у нас времени?

— Достаточно, — встрепенувшись, подскакала к ней Улея. — Мы успели до исчезновения УАТ.

— Двойники снисходят редко, — машинально озвучила Юлька подкинутую Нахерой инфу.

— Зато надолго, — возразила Улея. — Беспokoиться не о чем. Встречи с молодыми девятисущими они ожидают ровно десять дней. Миг в миг. Сегодня восьмой день.

— Кстати, откуда УАТ берутся? — зевнув во всю пасть, осведомился Севка.

— Их посылают к своим детям Вейра, Нанкэшта и Любрóфт, — чуть приподнялись в удивлении брови лектора.

— Это я знаю, — отмахнулся обладатель чужой памяти. — А на самом деле?

— Что значит: на самом деле? — ещё больше удивилась чистокровная Вейра. — Ты говоришь глупости.

— Прекратите! — потребовала Юлька. — Не до препирательств. Это ваши УАТ являются каждый год, а УАТ Нанок почти никогда, — выскочила из неё очередная порция знаний Нахеры. — Это правда? — уточнила она у златовласки.

— Конечно, — охотно поддакнула та, помятуя о том, что перед ней чужаки. — Нанкешта присылает свой УАТ очень редко. Лишь в тот год, когда наступает время будущей Нанки. Нынче такой УАТ обязательно снизойдёт. В крайнем случае, на следующий год точно.

— То есть, сегодня это может вообще не случиться? — вдруг нешуточно испугалась Юлька.

Вот тебе и здрассьте. Она этот год просто не переживёт. Во всяком случае, девственницей. От всей этой своры Богов ей точно не скрыться, не спрятаться. Что она Даяше скажет?

— Так, девчонки, кончаем болтать и бежим, — заволновался Севка, критически оглядывая мать с ног до головы, словно той придётся рвануть к месту превращения на своих двоих. — А то наш УАТ не дождётся, плюнет и удерёт.

— Ты выражаешься, как троесущий, — поморщилась образованная умница с волей и полётом мыслей. — Будто УОТ исторгся из тебя, оставив...

— Это который божественный дух? — Севка очень старался не козырять иронией, что

так и пёрла из него весенним паводком.

Улея не обиделась, но в рыло богохульнику заехала. Верней, попыталась — Любр вывернулся из под её кулака с невероятной для такой туши ловкостью.

— Дети, не балуйтесь! Нашли время! — потребовала Юлька, вспомнив о насущном и машинально опустив голову.

Безотчётно отряхнула платье — нательный мешок лучше не стал. Правда, крепкая ткань не сдалась под натиском обстоятельств бродячей жизни. Но антисанитария его доконала.

Нищенка с большой дороги — единственная ассоциация, родившаяся в голове женщины, когда-то имевшей стиральную машину. И привыкшей менять бельё каждый день — то самое, которое Юлька уже никогда не увидит. Хотя к подгузнику из тонкого льна вроде уже привыкла. Однако и его хотелось бы менять почаще.

Пока оценивала плачевное состояние наряда, дети запрыгнули в свои ящероподобные УАТ. Вейра посадила Юльку на спину — не этот раз, не приматывая её к спине. И два ящера неторопливо затрусили вглубь — как подсказывала память Нахеры — очень большого острова. Густо заросшего джунглями, которые медленно погружались в ночные сумерки: заканчивался восьмой день явления УАТ. Завтра предпоследний.

Юлька сидела на золотой спине, скрестив ноги. Покачивалась и продолжала штудировать память своей новой головы. Пока не заснула на мерно покачивающемся средстве передвижения, что спокойно шагало себе, раздвигая ветви хвостами. Отчего-то дети не предприняли очередной марш-бросок. Тоже наверно в связи с какими-то таинственными обстоятельствами.

— Ма, нужно будет тебя приодеть, — первое, что брякнул Севка, «став человеком».

После того, как Вейра вдруг остановилась, ссадила с себя пассажира и приняла человеческий облик. Заботливый сын бросил на неё вопросительный взгляд.

— Можно, — не вполне уверенно поддержала девушка его инициативу.

И задумчиво сощурилась на мелькавшие среди буйной растительности высверки поднимавшегося солнца.

— Нам лучше избегать людных мест? — понятливо пробасил инопланетянин, уже привыкший ощущать себя всесильным.

— Лучше, — кивнула Улея. — Конечно, никто не ждёт, что дочь Ахарты объявится в столице. Или в другом большом городе. Там каждый встречный девятисуший учует матушку в любом обличье.

— Они тут что, табунами шастают? — усомнился Севка в пользе излишней предосторожности.

— Девятисушие не шастают. Твой язык тебя подведёт, — укорила Улея безбашенного инопланетянина. — Девятисушие не говорят подобно троесущим. Матушка, ты должна убедить своего сына вести себя осторожней.

— Девочка моя, — проникновенно выдохнула Юлька, вызвав на лице Улеи счастливую улыбку. — Я занималась этим шестнадцать лет. И, как видишь, безрезультатно. В нашем мире тоже есть свои троесущие и свои девятисушие. Но парадокс в том, что почти все они говорят одинаково. За исключением мест, где это возбраняется. Но Болвát постарается! — грозно насупилась она в адрес безалаберного сынули.

— А то, — жизнерадостно удостоверил могучий оболтус. — Хотя мне и кажется, что вы перегибаете палку. И всему виной ваша дырявая женская память. Вы забыли о кое-каких изменениях в моём положении. Так будет достаточно красноречиво?

— Шот? — уловила намёк Улея и подтвердила: — Его попт не вызовет удивления своими вульгарными выходками. Зато вызовет массу вопросов, как ему это удалось. Шот не разбрасывается своей благосклонностью. А нам любое внимание ни к чему. Тем более внимание к тебе других Любров. У вас есть скверная привычка дознаваться правды дракой.

— А у вас нет? — съехидничал Севка.

— А нам это без надобности, — неожиданно съехидничала в ответ обычно сдержанная девушка. — Я в считанные минуты дознаюсь у вас о чём угодно и когда угодно.

— Вы просто созданы друг для друга, — не желая отставать, съехидничала и Юлька. — Маму вот-вот убьют, а вы торчите тут и трётесь друг об дружку. Дотащите маму до её двойника, и отправляйтесь на все четыре стороны. А там выясняйте отношения хоть до посинения. Со своим УАТ я и сама разберусь. Потом навестите старушку в её дворце.

— В каком дворце? — растерянно захлопала Улея своими длинными золотистыми ресницами.

Безумно красиво — чуток позавидовала Юлька — особенно на такой загорелой коже. Интересно: а у неё какие получатся? После обретения УАТ. Не дай Боги, натурально белые — повеситься можно.

— В том дворце, который она отнимет у абйба, — почти серьёзно пояснил Севка, делая девушке свои глазки.

— Зачем? — поражённо вытаращилась на него Вейра.

Но тут же опомнилась: она уже начала привыкать к манерам языкатого инопланетянина. И всё реже ловилась на его идиотские замечания.

— Во дворце абиба вам не понравится, — с аристократически сдержанной иронией прокомментировала Улея громкое заявление. — Если твои рассказы о вашем жилье правда, даже наши дворцы покажутся тебе сараями. К тому же там полно народу. А ты, насколько мне известно, терпеть этого не можешь. Ты же был затворником? Там, в своём мире, — адресовала она вопрос не провокатору, а его матери.

— Ещё каким, — задумчиво пробормотала Юлька. — Из дома было не выгнать.

— Тогда, — не сдавался бронзовоголовый балабол, — отнимем дворец у ксáрра.

— У этого отнимешь, — проворчала Улея. — Аргатáны умеют защищать своё добро. К тому же, у них нет дворцов.

Аргатáнами новых хозяев северной половины материка именовали местные жители. Опять-таки из практических соображений: им так проще. Чего попусту язык ломать?

Сами варвары называли себя аргáта-анна́х. Аргáтами у них звались представители воинского сословия. Анна́хами — скотоводы, что пасли разнообразную скотину: баранов и тягловую. Последнюю хуш́иты ценили весьма высоко. Здоровенные бычары — в сравнении с местными экземплярами — были выносливы и довольно неприхотливы.

Профессиональные пастухи-аннахи не только разводили и продавали покорённым аборигенам тяжеловозов — ещё и пасли их стада. Мирным земледельцам не приходилось шарахаться по безграничным степям. Куда ни один нормальный хушит сроду не сунется. В тех степях опасностей непеременно: обязательно какая-нибудь дрянь в стадо просочится. А там не только барана или бычка, но и самого пастуха сожрёт за милую душу.

Воинам же аргáтам гонять степных чудищ в удовольствие. Они почти вдвое крупней хуш́итов — вымахали на горе прежним хозяевам севера. Однако в отличие от абихушитов, зря рук распускать не станут. Уважительный народ, совестливый — осталось в памяти девочки Нахеры твёрдое убеждение на сей счёт. Прямо-таки непоколебимое.

Интересно — раздумывала Юлька — кто ей это внушил? И с какой целью? Постепенно чужая память обнажала смутное намерение бедной девочки бежать от матери именно туда: на север. К аргатанам, у которых всем живётся хорошо и свободно.

Но затем она вновь оказалась в «застенках». Беглянку поймали и вернули. Кто? А кто бы посмел, кроме самой Повелительницы смерти? Той огромной белой ящерицы, что даже во сне напугала Юльку до икоты. Жаль дедуля молчал об этом, как каменный идол. Лишь пугался да прятал глаза.

— А, кто такие ксарры? — машинально уточнила она, стряхивая с себя грустные размышления.

— Племенные вожди аргатанов, — к её удивлению ответил Севка.

Он возлежал на огромном столообразном валуне в позе отдыхающего льва. Прямо греческая статуя. Разве что безмятежностью в лице и не пахло: ноздри так и ходили ходуном. Да глаза безостановочно шарили по округе: ощупывали густые заросли.

— Были когда-то, — возразила Улея, наоборот пренебрегая охранными функциями. — Когда на своей земле за морем у аргатанов было много племён. Теперь они считают себя одним единым племенем. И ксарр у них один на всех. Ксарр Вáрсуг.

— Насколько помнится моей башке, — задумчиво изрёк Севка, — Вáрсуг весьма серьёзный мужик. И умный. Всё, ма, как ты любишь. Только с характером.

— С ужасным характером, — не преминула уточнить Улея. — Хотя и не всё так просто. Абихушты его ненавидят и боятся. Считают исчадием Зура. А северяне хушты почитают, как справедливого и милостивого правителя. Вам нужно быть с ним настороже. Варсуг очень умён и проницателен. Даже для семисущего. Матушка, тебе не надо с ним встречаться, — не скрывала беспокойства в принципе довольно уверенная в себе Вейра.

— Посмотрим, — голосом сердечной утешительницы пообещала Юлька. — Не беспокойся.

— Ты не поняла, — осторожно укорила её деликатная девушка. — Ничего плохого он тебе не сделает. Просто в голову не придёт, как любому нормальному человеку.

— Надо думать, — хмыкнул Севка, стрельнув в мать занозистым взглядом.

— Не встречай! — огрызнулась Юлька и попросила: — Улея, не обращай внимания. Продолжай. Почему я должна избегать встречи с ксарром Вáрсугом?

— Он обязательно попытается привлечь тебя на свою сторону, — получила она слегка наивный, но вполне обоснованный ответ.

— Ну, допустим: он попытается. И что? Как Варсуг этим воспользуется? Если предположить, что он склонил меня на свою сторону.

— Он сразу начнёт войну, — недовольно промяукала Вейра.

— Ну, и нормально! — выпалил не Севка, а на миг завладевший им Любр.

Юлька подхватила с земли камень и швырнула в обормота, дабы тот опамятовал. В ушлого оборотня, конечно, не попала — куда ей? Но в себя он пришёл. Смущённо крикнул и переспросил:

— С кем воевать-то будет? Только не говори, что аргатаны пойдут завоёвывать вторую половину Абихуша.

— Варсуг пойдёт завоёвывать вторую половину Абихуша, — сделала Улея ровно наоборот, к чему-то прислушиваясь.

— Это плохо? — уточнила Юлька.

Вейра переглянулась с насторожившимся Любром. Севка не подскочил со своего

«постамент» — даже ухом не повёл. Но моментально изменился. Вместо атлета на отдыхе перед Юлькой предстал натуральный хищник, напряжинившийся в засаде. Вот-вот сорвётся в прыжок и вцепится кому-то в глотку.

А ведь ничего не предвещало — невольно напрягла она слух. Ни-че-го. Джунгли шумят листвой, пищат, чирикают, шипят — звуковой фон, который замыленные уши давным-давно игнорируют. Но ребятки что-то слышат, значит, свистать всех наверх.

Хорошо хоть не смертельная опасность — бодрилась Юлька. Будь она смертельной, оба ящера уже бы щемились сквозь заросли, улепётывая со всех ног.

Её размышления прервал громогласный... Даже слов не подобрать. Примерно сказать, грохочущий визго-треск. Или трескучий визг. Жутко неприятный — аж кишки в животе завибрировали, а потом болезненно сжались.

Юлька моргнуть не успела, как Улея вывернулась наизнанку, и золотой хвост слизнул с земли будущую грозную Нанку. Закинул на спину хозяйки и намертво к ней прикрутил.

Неужели мамаша пожаловала — обожгла Юльку пугающая до икоты мысль. И чем это грозит детям? Нет — мгновенно взбеленилась женщина с глубинным, могучим и воистину жутким инстинктом матери, чувствующей смертельную угрозу ребёнку. Пускай только попробует!

Она доберётся до этого клятого УАТ любой ценой — даже на обрубках ног. А потом... Трудно представить, что она сделает с этой сукой!

Опомнившись, Юлька услышала под собой не столь громогласный и даже чем-то приятный урчащий стрёкот. Нечто среднее между котом и сорокой. С примесью утиногo кряканья. Весьма расслабляющие звуки. Даже в некотором роде заволаживающие. Издаваемые как-то неприятно напряжинившейся Вейрой.

Улея то ли кого-то о чём-то предупреждала, то ли уже неприкрыто угрожала. Только бы не Ахарта — в десятый раз взмолилась Юлька, затыкая уши и морщась. И вдруг спохватилась: а где ребёнок?!

Огляделась и даже слегка выдохнула: тут её пострел — и как всегда, «езде поспел». Его бронзовая задница с огромным веером вздыбленных хвостов маячила сквозь заросли в полусотне метров от них. Севка явно готовится настучать кому-то в бубен своими булавами. И прочистить мозги сабельными ёршиками.

— Принесла нелёгкая, — приободрившись, проворчала Юлька.

И попыталась выработать собственный план защиты детей. План выработывался туго: защитница не стояла единственного хвоста Вейры — не говоря о кошмарном арсенале ошестинившегося Любра. Впрочем, пускать его в дело сын пока не торопился. Ершил, бухал булавами в землю, орал, но рук не распускал.

Как говорится, состоялся диалог на повышенных тонах, ибо откуда-то издали летел всё более различимый ответ. Явно собратьев по «девятисушности». Кто ещё способен так мерзко и нагло вопить в присутствии Любра? Только другой Любр. Или другие.

Глава 10

Чёртовы замудрёные аборигены!

Юлька попыталась приподняться: перепуганное материнское сердце толкало куда-то бежать и что-то делать. Гибкий хвост Вейры шмякнул её по макушке, рекомендуя не высываться. С профи не поспоришь, и она вновь затаилась. Лишь мучительно вглядывалась в стаю разоравшихся птиц, поднимающуюся над деревьями. Будто те могли ей сверху телеграфировать: куда бежать, что делать?

Наконец, Севка прекратил впустую молотить хвостами. Задрал башку и рванул куда-то вперёд — Вейра за ним. Они продрались сквозь заросли и буквально через минуту оказались на открытом пространстве. А навстречу им из-за края торчащей неподалёку скалы выросла огромная туча пыли. В считанные секунды надвинулась вплотную и принялась нехотя оседать.

Четыре бронзовых Любра и три держащихся позади Вейры замерли, как вкопанные, таращась на сородичей. Орать мужики прекратили. Но Улея беспокойно затопталась на месте, словно решая: наподдать нахалам, или рано?

Севка скрутил одним из бронзовых шлангов нечто, похожее на дулю. Походило на приказ «не высовываться», что Юлька уже получила. Улея недовольно заурчала, забирая голосом на октаву выше. Но вдруг заткнулась. Кажется, удивлённо.

Две её златохвостые коллеги заурчали, пытаясь «надавить» Севке на мозги — теперь Юлька это знала совершенно определённо. Однако потомок достославных кыпчакских батыров Чингизовой орды и не думал «продавливаться». Возможно, с прежним хозяином тела этот номер бы и прошёл — на Севку не произвёл ни малейшего эффекта. Он демонстративно приспустил хвосты и хрюкнул нечто презрительное.

Зато нервно затоптались и закрутили хвостами нагрывшие Любры. Ящеры вытягивали шеи и лупали на неадекватного собрата бронзовыми бляхами вытарашенных глаз. «Собеседников» явно обескуражила неудачная попытка запудрить ему мозги. И, естественно, крайне заинтересовала причина провала их затеи.

Интересно какой? Вероятней всего, попытка заполучить будущую Нанку и отгрызть ей голову.

Какое-то время обе противостоящие стороны «противостояли», окончательно позатыкавшись и замерев статуями. Потом один из Любров стронулся с места, сделав к Севке три широких шага. Тот молча приподнял над землёй булавы с ёршиками. И один из шлангов.

Второй шланг неожиданно взметнулся вверх и вытянулся флагштоком. Или средним пальцем, торчащим из бугристого мужского кулака. Юльке показалось, что девятисущие не поняли жестикующую взбунтовавшегося собрата.

Тот Любр, что выдвинулся в авангард, первым вышел из ступора. И решился сделать ещё один шаг. Даже выбросил вперёд левую лапу и перенёс на неё вес. Но вторую так и не подтянул, наткнувшись на предупреждающий глухой клёкот Севки. Тот и не думал отступать, уронив и заново подняв «факающий» шланг. Даже как-то неловко за привитые сыну ужасные манеры — невольно всплыла в голове Юльки несусветная глупость. Что люди подумают?

С людьми неизвестно, а вот «нелюди» не знали, что и думать. В том числе и потому, что благовоспитанная, прежде благонадёжная Вейра Улея скользнула вперёд и встала плечом к плечу с оборзевшим молокососом. Не было печали — явственно читалось на бесстрашной с виду морде супротивника.

Тот был заметно крупней и, видимо, старше пойманных на горячем авантюристов. Желание потрепать отбившийся от рук молодняк просто не могло не прийти в голову правильному отпрыску Люброфта. Однако «неправильные» отпрыски отчего-то внушали мужику некую опаску.

Неужели из-за привязанной к Вейре худосочной оборванки Недонанки? Получается: она и без всяких посвящений в «члены Ордена» способна как-то напакостить — отчаянно

надеялась Юлька. Может, у неё слюна ядовитая? Вон, даже змеи предпочитали не связываться с поганкой. Да и отмороженные крыпсы.

Что ж у них тут всё так сложно? Чего не коснись, то дурь, то космогония. Чёртовы замудрёные аборигены!

Дурацкое противостояние нерешительных «противостоятелей» непозволительно затягивалось. Неизвестно, как далеко беглецы ушли от Нанки Ахарты. И сколь велика вероятность погони. Если ориентироваться на всеобщее стремление прикончить невинное дитя Повелительницы смерти, ссора с её мамашей оставит в памяти неизгладимое впечатление. Опозорятся Любры — к бабке не ходи.

Чего вообще прицепились? Не успели они с Севкой «запопаданить», как все уже их достали... не передать, как.

Улея первой сменила обстановку, аккуратно пересадив Юльку на спину сына. И тут же очеловечившись. Златовласая валькирия с еле заметной нервинкой заправила за ухо выбившийся локон. Поморщилась, тряхнула головой, вздёрнула подбородок и объявила:

— Птахёл, тебе лучше уйти с нашей дороги. Болвát не отступит. И я тоже. Обещаю: Нахэра не станет помогать матери в её замыслах. Ни в существующих, ни в тех, что существуют лишь в нашем воображении.

Любр, как разумный человек, присоединился к переговорам посредством языка. Вывернувшая его наизнанку бронзовая звезда, как и предполагала Юлька, превратила ящера в мужчину средних лет. Хотя возраст нисколько не отразился на его физической форме. Не мужик, а мечта любой дамы в любом возрасте.

Лицо, волосы, подбородок, взгляд — ах, «не говорите мне о нём»! Ещё былое не забыто — мысленно напевала Юлька, любясь недостижимой мечтой бывших соплеменниц. Мда, «и сердце бедное разбито». И на неё эта сволочь смотрит, как на какую-то омерзительную мокрицу.

— Ты с такой уверенностью даёшь обещания, в которых от тебя ничего не зависит? — деланно удивился высокомерный Птахёл.

По чести сказать, не столь высокомерный, сколько таким обозвала его с досады Юлька. О женщины! Вам имя: нелогичность.

— Я узнала то, чего мы все не знали, — расчётливо подвесила интригу Улея.

— Говори, — не стал изображать Птахёл пустой скепсис, искренно заинтересовавшись.

А прочие ящерицы за его спиной — все, кроме одной Вейры — приблизились. Навострили дырки, подразумевающие уши. Никакой агрессии — одно голое любопытство. Выходит, идея угробить потенциальную Нанку вовсе не фанатичный бред. Главное, грамотно обосновать её неактуальность. И Улея с этим справилась:

— Нахэра ненавидит свою мать. Всем сердцем. Даже пыталась покончить с собой.

Любры за спиной лидера недоверчиво с привизгом затарахтели. Но Вейры что-то уверенно клекотнули, и мужики заткнулись, целиком доверяя их мнению. Выходило, что и такая чушь, как самоубийство, способна внедриться в их девятисущие умы. Чего только не бывает, когда случится в первый раз?

— Однако она жива, — покосился на Юльку дотошный следователь.

— Конечно, ведь её мать Нанка, — как само собой разумеющееся подтвердила Улея. — Ахарта подросла вовремя. Не дала дочери уйти за пределы мира «живых носителей тела» в мир «живых носителей духа». Она заключила Нахэру в сердце башни Немилосердной

смерти.

— Ты уверена? — недоверчиво покачал гривастой башкой Птахёл.

И Юлька едва не прыснула: такой сексуальный жест столь недостижимого идеала пропал втуне. Ни единой истинной ценительницы вокруг. А из всех признаков романтической ситуации лишь её невразумительно вытарщенные глазёнки — всё остальное просто отстой.

— Нас с Болв́атом держали там же, — невозмутимо продолжила Улея. — Нахёра решила сбежать от матери. Но прежде освободила нас от пут смерти. Каждого от ЕГО пут.

— Ахарта ради этого лишилась шести хвостов? — не постеснялся поразиться тёртый мужик. — Невероятно!

— Решилась, — пожала плечами Улея.

— И какие замыслы сподвигли её на крайне опасный для Нанки шаг?

— Мы не успели познакомиться с её замыслами. Сбежали, — пояснила Улея. — Верней, не успели узнать о её замыслах насчёт меня. Для чего Нанка поймала Болв́ата, известно всем. Он, естественно, отказался от сомнительной чести.

— И она вас освободила, — кивнул Птахёл на Юльку, не удостоив её взглядом.

— Нахёра нас спасла, — холодно повторила Улея. — Мы её должники. Поэтому не позволим ни вам, ни остальным причинить девочке вред.

— Куда вы её отнесёте? — не стал попусту препираться Птахёл. — В мире не так много мест, где её оставят в покое.

А вот этот вопрос они как-то не удосужились провентилировать — напряглась только-только успокоившаяся Юлька. Но у «отличной девки» Улеи и на это был заготовлен продуманный, хотя и весьма странный ответ:

— Мы отнесём её к В́арсугу.

Вот только-только была категорически против встречи юной Нанки с варварским царьком, и нате вам: пируэт на цыпках. С ума можно сойти! Впрочем, это всего лишь слова — одёрнула себя Юлька. В конечном счёте, решать только ей. И только после встречи с Даяном.

— Да, он захочет её принять, — чуть поразмыслив, признал Любр и вдруг съехал со сдержанно куртуазного стиля переговоров: — Старый хрен окончательно сбрендил. Спит и видит, как заполучить себе Нанку. Повредился мозгами, решив стать зачинателем самой обширной державы. Пока что в пределах этого континента. Впрочем, мне с ним овец не пасти. Я в эту затею не полезу. Однако многие наши ею загорелись. Тоже свихнулись со скуки. Охота в степи им кровь уже не разгоняет. Как и мелкие людские дрызги. Дай им залезть в мировую войну. Желательно лет на сто.

— Нас с Болв́атом людские затеи не прельщают, — с милейшим презрением на лице покривилась Улея. — Но для Нахёры пока что лучшего места не найти. Поживёт у Варсуга, возмужает. А там сама решит, где ей поселиться. И с кем воевать. Или не воевать. Из всех девятисущих Нанки самые большие нелюбительницы совать нос в чужие дела.

— Ты так говоришь, будто Нахёра уже стала Нанкой, — усмехнулся погубитель женских сердец.

Во всяком случае, инопланетных. На Улею этот сногшибательный мужик не производил ни малейшего впечатления.

— Нахёра станет Нанкой, — с неистребимой уверенностью подвела она черту под переговорами.

И тут вдруг все участники переговоров застыли столбами. Греческие статуи да и только: горы мышц и внушительные позы. Бесстрастные глаза ящериц окончательно превратились в разноцветные бляхи. И, само собой, подвижность сохранила только самая звёздная на сегодня персона. Которая скуксилась и стервозным голосом промяукала:

— Ну, что ещё?

— То, что ты должна сделать, — дали ей из-за спины достаточно вразумительный ответ голосом пятиглазой стервы.

Юлька оборачивалась медленно. Чуяла подвох и вообще предпочла бы избежать контакт. Прикинуться дурочкой или той же статуей. Куда там! Сахти всё-таки Богиня: в голову залезать умеет. Впрочем, обернуться к ней стоило. Ибо прилипчивая тётка явилась не одна.

Вот тебе, бабушка, и обещанный сто лет назад принц. Верней, Простирающий крылья, Воссиявший двумя жезлами Могучий Непобедимый абиб Этан-Хуш-Кар-Ути. Чтоб его разорвало!

— Его не разорвёт, — деловито пообещала Богиня солнечных лучей и лживых речей. — Во всяком случае, пока он ведёт себя правильно. А вот ты, негодница, ведёшь себя неправильно.

— Ещё как неправильно! — обрадовалась Юлька пришедшей в башку идее и завела испытанную шарманку:

— Велика сила твоя, о Испепеляющая! О Разрушающая! Могучая, Всесильная невидимым всеуничтожающим пламенем! — надрывалась инопланетная хамка. — Владычица смерти и обеих жизней!

— Погоди-погоди! — вклинившись в молитву, протараторила Сахти. — Не зови её. Ты же ещё не знаешь, что я могу тебе предложить.

— Кроме этого? — ткнула Юлька пальцем в молчавшего абиба.

Сегодня Кар-Ути не торопился изображать из себя опытного сердцеда. Поднаторевшего на соблазнении тех, кто и без того готов соблазняться в хвост и в гриву — только предложи.

— Ты нынче опять не в духе? — иронично осведомился царь-государь.

— Ты нынче опять глухой? — парировала Юлька. — Гнать бесполезно? Даже палкой?

— Дети! Заткнитесь! — возвысила голос красноголовая Богиня феноменально стервозным голоском. — Ты! — шикнула на жениха. — Не смей открывать рот, пока не дозволю.

— Как скажешь, о Эфирная Владычица Сиюминутности, — с поклоном сладко промурлыкал Кар-Ути.

Юлька прыснула: а он реально не дурак — Шот был прав.

— То-то же, — веско молвила Богиня, не распознав насмешки.

Или просто её проигнорировав. Ибо её мысли были заняты более важным:

— Нахера, ты хочешь знать, где сейчас твоя соплеменница?

— Какая? — брякнула Юлька, лишь мгновенье спустя догадавшись, о ком речь. — Что взамен? — помрачнев, осведомилась она. — И подумай: стоит ли мне предлагать то, на что ответ уже дан. Не повторяйся. И не заставляй меня закончить молитву.

— Не смей мне угрожать, паршивка! — разорвалась в её башке знакомая многогранная граната.

— Я и не угрожаю, — потрясая головой, возразила Юлька. — Я обязательно это сделаю.

Кстати, тебе привет от Шота.

— Зачем? — вмиг насторожившись, нервно осведомилась Богиня.

— Не зачем, а почему, — любезно поправила её увёртливая собеседница. — Потому что Владыка смеха знает о нашей прежней встрече. И он, как ты догадываешься, не смеялся. Кстати, мой сын был удостоен невероятной чести стать его поптом. Думаю, благородный всемилостивый Повелитель веселья не откажет в помощи и укажет на нашу соплеменницу.

— Ты можешь стать моим поптом, — поторопилась с альтернативным предложением Повелительница невесомого воздуха и маловесных обещаний.

— Ни за что, — отчеканила Юлька, чувствуя, что борзее, однако не в силах остановиться.

Что-то в глубине души подсказывало: палку она пока не перегнула. Пятиглазая попрошайка не посмеет ей навредить напрямую. Скажем, повывёргивать ноги. Со временем, Богиня, конечно, подготовится и отомстит. Но уже не семисущей девочке, а Нанке. А у той двадцать семь хвостов, космическая скорость и рожа чемоданом: ей всё нипочём.

— Хорошо, — проштудировав её мысли, досадливо проскрипела Сахти. — Ты можешь хотя бы поговорить со своим женихом?

— Женихом? — придиричиво уточнила Юлька.

— С абибом! — явно закипая, исправилась Богиня лёгких шагов с тяжкими последствиями. — Сначала покажи мне обещанное, — потребовала Юлька самым решительным тоном, какой смогла воспроизвести в местной мяукающей манере.

— Она, — ткнула Богиня пальцем в одну из пришлых Вейр.

Доказательства из неё вытряхивать бесполезно — начала привыкать Юлька к местным реалиям. Она ж не Богиня честности, тем паче справедливости — прохвостка пятиглазая.

Мысль о том, что Дэма стоит в нескольких шагах от неё, взбаламутила душу. Так просто? Захотела, и нате вам? А в чём подвох? Для чего ей навязывают беседу с абибом? Что он может сказать такого, отчего у неё вдруг прорежется жгучее желание броситься в его объятья?

Впрочем, поговорить с мужиком не помешает — вне зависимости от честности Сахти. Слишком часто этот персонаж стал появляться на сцене в её бенефис. Тут ещё и Боги замешаны, а с этими нужно держать ухо востро.

— Просить тебя не подслушивать бесполезно? — безо всякой надежды на успех, поинтересовалась Юлька.

— Конечно, — удивилась Сахти её наивности. — Но я могу скрыться с глаз. Чтобы не смущать невесту.

Юлька озлобилась и зашипела — Богиня пожала плечами и пропала с глаз.

— Только не убивай, — для затравки разговора попросил Кар-Ути.

— Я пока не Нанка, — проворчала под нос Юлька.

— Ну, этот час уже близок, — верный привычке, сладенько промурлыкал абиб.

— Только не это, — демонстративно закатила Юлька глаза. — Знаешь, я передумала. Твоих... ухаживаний я просто не перенесу.

— Тебе не нравится? — почти не удивился Кар-Ути. — Это неприятная новость.

— Да ну? — реально удивилась Юлька подобному замечанию. — Что так?

— Мне говорили, что ты девушка... как бы сказать... — зашевелил он пальцами, словно перебирая страницы словаря. — Прости, но лёгкого ума.

— Дурочка? — уточнила Юлька для исключения ошибки.

— Она самая, — изобразил Кар-Ути, что называется, «тонкую» улыбку человека, понимающего то, что он понимает, а другие не вполне.

— Ты приготовился себя вести соответственно, — посочувствовала мужику Юлька. — Но все приготовления канули за ненадобностью.

— Ты почти угадала, — благосклонно одобрил абиб.

— Думаю, и с твоими истинными намерениями не слишком ошибусь, — решила Юлька поговорить начистоту. — Тебе нужна супруга Нанка для того, чтобы натравить её на аргатанов? Вышвырнуть варваров с захваченных у Абихуша земель?

— Ты ошиблась, — согнав с лица ставшую бесполезной улыбку, сухо процедил абиб.

— Ты собрался завоевать острова абигуатов? — дурашливо изумилась Юлька, вытаращив глаза на полную катушку.

— Издеваешься, — понятиливо покивал он, одарив насмешницу острым взглядом мстительного человека с гибкой системой принципов.

Мол, сегодня ты можешь выделываться, как бог на душу положит. А я запомню каждый твой шаг и найду способ рассчитаться за них так, чтобы стало очень больно.

— Ну-ну, — добродушно улыбнулась Юлька в ответ на этот многозначительный взгляд. — Несотворённый тебе в помощь. Впрочем, думаю, его благословение не поможет. Я не стану твоей супругой, прикажи мне даже сама Нанкешта.

— У меня в мыслях не было принижать твоё могущество, — с преувеличенной заботой в голосе заверил Кар-Ути. — Но ты непозволительно дерзка.

— Тебе-то что за дело? — машинально проворчала Юлька.

— Не хочу, чтобы твой Творец тебя развоплотил, — как само собой разумеющееся, пояснил он. — Это не в моих интересах.

— Ты никогда не сдаёшься, — понятиливо улыбнулась женщина, которой импонировал подобный подход к проблемам.

— Конечно, сдаюсь, — возразил и вправду умный мужик, знающий себе цену. — Когда понимаю, что это разумный шаг. Разумней продолжения бесславной борьбы.

— Сейчас как раз такой случай, — добродушно уведомила Юлька. — Ты никогда не добьёшься успеха на этом пути. Чтобы ты не задумал сделать, делай это без меня.

— Ты ошибаешься насчёт отсутствия у меня успеха в этом деле, — вдруг хищно оскалился доселе вполне интеллигентный мужчина. — И прими совет: не слишком рассчитывай на своего Творца. Нанкешта тоже не всесильна.

— Не всесильна, — покладисто прошипела Юлька, мгновенно вспыхнув неопишимо ярким незапятнанным гневом преданного творения оскорблённой Богини. — Но кто всесильней её? Воссуществовавший из ничего? Ты озарён его благословением? Обнадёжен его поддержкой? Самого?

Властитель Абихуша испугался до колик, отчего с виду стал ещё злее. Если бы этот мужик только мог, проехался бы по юной гадине асфальтным катком. Представив его за рулём этого агрегата, она совершенно непреднамеренно прыснула. По девчоночьи простодушно, звонко, и оттого вдвойне обидней. Лицо Кар-Ути под загаром вспыхнуло, как говорится, маковым цветом. Побагровело от бешенства, став ещё темней.

Юлька вздохнула и завела незаконченную шарманку:

— Велика сила твоя, о Испепеляющая! О Разрушающая! Могучая, Всесильная невидимым всеуничтожающим пламенем! Владычица смерти и обеих жизней!

— Ну, хватит! — вспыхнула объявившаяся Сахти. — Не смей стравливать меня с

Нерушимой троицей!

— В мыслях не было, — приложив руку к груди, почти искренно промяукала Юлька. — Эту молитву избрала лишь для привлечения твоего внимания. Ибо молитвы твоего призыва не знаю. Прости малограмотную. И нижайше прошу тебя унести отсюда этого человека. Смилуйся, о Владычица Сиюминутности: у меня от него изжога.

— Шутишь? — ласково осведомилась пятиглазая манипуляторша, едва ли не скрежеща зубами. — Ну-ну. Шути, пока можешь.

И пропала. С ней пропал тот, кого Юлька видела не в последний раз — руку даст на отсечение.

С исчезновением Богини все тотчас ожили. И первым делом золотая звезда вернула Улею в шкуру Вейры. Бронзовый шланг Севки перетащил нищенку в грязной наволочке на золотую спину. Задумчиво качающие мордами девятисушие просто — без затей и ритуалов — расступились.

Парочка бунтарей пошлёпала с места несостоявшейся драки. Когда Улея проплывала мимо Вейры, на которую указала Богиня лжи, Юлька, демонстративно громко объявила по-русски:

— Дэма, не хочешь с нами?

И вытаращилась на золотую ящерицу со взглядом мороженой рыбы. Один из хвостов Севки выгнулся знаком вопроса: дескать, что с тобой?

— Дэма, это ты?! — не выдержав, проорала Юлька, завернув башку в сторону удаляющейся Вейры.

Та отвернула равнодушную морду, явно не понимая, что орёт чокнутая дочурка полоумной Ахарты.

Что ж — самооговаривалась Юлька, чувствуя себя душой — этого следовало ожидать. Сахти просто не способна поступать иначе: врёт, как дышит, ибо такова её природа. Не щёлкай клювом и работай мозгами — будет тебе счастье.

На привал остановились в месте водооя у подножья одиноко торчавшей скалы. На этот раз вести раскопки не пришлось: родник самостоятельно пробил себе дорогу на поверхность земли. И первой к воде Севка пропустил Улею.

Огромная ящерица не впёрлась в ложбинку с родником, будто слон в посудную лавку. Девочка подобралась к этому хрупкому созданию балериной на цыпках. Осторожно изогнулась над вымытой в земле ямкой и медленно заработала длинным, мясистым отвратительно синюшным языком — у беленькой малявки он смотрелся куда симпатичней.

Севка торчал на огромном валуне, что нависал над ложбинкой. Хотелось бы знать, что он слышит, видит или чувствует. Но по бугристой рогатой морде Люта ни черта не прочитать. Если речь идёт о твоём ребёнке, это крайне непривычно и дико раздражает.

Обычно-то как? Раз физиономия детища не поддаётся прочтению, значит, паразит что-то натворил. А плачевный результат творения спрятал. Или выбросил. Или закопал. Мать же не в курсе — что мгновенно занимает все мысли, вытесняя полезные. Ещё бы! Опыт напоминает, что «плачевные результаты» не всегда позволяют себя похоронить без последствий. Обязательно «выходят из могилы» в самый неподходящий момент. А кому оплачивать ущерб?

На этой удручающей мысли Севка развернулся к матери — теперь тупая морда выглядела чуть живей. За счёт издевательского блеска надраенных медяшек в глазницах.

Юлька демонстративно развернулась к Вейре, что как раз уступила ей место на

водопое.

— Кстати, Улея, что насчёт Вáрсуга? — поинтересовалась, аккуратно утвердившись на камушках у родника. — Мне помнится: ты была против нашего знакомства.

— Была и буду, — без малейшего смущения согласилась перевоплотившаяся девушка, устраиваясь поудобней на каменистой земле под засохшим деревом. — Я понимаю, что ты мать взрослого мужчины. Ты будешь решать сама. Но мне кажется, что сначала ты захочешь отыскать мужа. Севка рассказывал о вас обоих. Я поняла, что его отец великий человек.

Юлька чуть не поперхнулась тёплой солонатовой водой. Вытерла рот и шею. Так же аккуратно отступила от хрупкого источника жизни. Присоседилась рядом с Вейрой и выдала обдуманый ответ:

— Не знаю, что ты подразумеваешь под словом «великий». Мой муж довольно обыкновенный человек. Если сравнивать с действительно великими людьми нашего мира. Но он умный, сильный, смелый и решительный мужчина. Он был мне опорой и защитой половину моей жизни. И да: я буду искать его, пока не найду. Нашу с ним дальнейшую судьбу мы решим только вместе.

— А ребёнка что, бросите? — дурашливо проворчал Севка, приняв человеческий вид. — Кстати! Почему Птахёл считает Варсуга чуть ли не психом?

— Птахёл вечно преувеличивает, — поморщилась Улея. — Вáрсуг, конечно, сложный человек. Быть ксарром аргатанов совсем даже непросто. Это у абиба есть апар-нашаи, на плечах которых все военные заботы. Да и прочие советники. А у аргатанов их ксарр является всем: и мирным вождём, и военным. Он самый-самый. И всегда только семисуший. Тогда, как абибы уже не раз пытались оставить на престоле своих пятисуших сыновей.

— И каждый раз это заканчивалось сменой династии, — презрительно скривился Севка. — Здесь, в отличие от нашего просвещённого мира, дураков у власти терпят недолго.

— Всё когда-то получается в первый раз, — философски заметила Юлька, пытаясь оттереть грязные руки о не менее грязную одежонку. — А потом входит в привычку и плавно перетекает в закон. В конце концов, народ терпеливо сносит троесущего правителя, считая его божьим наказанием за грехи.

— Троесущий правителем быть не может, — недоверчиво метнулся взгляд Улеи с матушки на Севку.

— В нашем мире их сколько угодно, — отмахнулся тот.

Глава 11

Без УАТ ни один ещё не остался

Севка «вывернулся наизнанку» и спрыгнул с валуна. Поразительно деликатно для такой туши приступил к роднику и долго осторожно лакал. После чего могучий Любр снова вспрыгнул на осколок скалы, валявшийся у её подножья. Повёл по сторонам бугристой рогатой башкой. Присмотрелся, прислушался, приняхался. И сверзился вниз, задрал хвосты.

Златошкурая Вейра, как всегда, аккуратно подобрала с земли хрупкую девчонку и закрепила её на спине. Юлька, как всегда, зажмурилась, когда пятихвостый скакун понёсся вихрем, обрывая ей сердце. Сердце, как всегда, не предвещало лёгкой жизни. Жизнь, как всегда, шла своим чередом, в тайне готовя очередную пакость.

Эти упаднические мысли внезапно вцепились в мозг клещами. И не покидали его всё время бешеной гонки со взлётами на скалы и падениями в ущелья. Жалеть детей сил не оставалось — все уходило на то, чтобы пожалеть себя. Тем более что детям материнская жалость как-то и не понадобилась.

Казалось, ощущение безграничной свободы — на которую оба уже отчаялись вырваться — сносило безобразникам «башни». Они были счастливы — что есть, то есть. И пребывали бы в этом состоянии, даже не встретив её, а сбежавши самостоятельно.

Прелестный эгоизм молодых сердец, для которых всё впереди. И всего так много, что дух захватывает. Безумная жажда жизни без оглядки на препоны. И Юльке не хотелось рушить это их чудесное состояние излишним напоминанием о своих дорожных недомоганиях с опасениями.

К тому же ею хороводил и собственный эгоизм: у детей, кажется, реально намечалось нечто серьёзное. Они и сами не замечали, но опытный взгляд пожилой и претерпевшей женщины не пропускал ничего. Только бы срослось!

Наконец, дети принесли мамулю к гнездилищу УАТ и нашли ей подходящее место для ожидания своей судьбы. Где-то посередине скалы, куда огромные ящеры взлетели птицами. На крохотуличной площадке, заваленной камнями — пожалуй, и орлы побрезгуют вить здесь полноценное гнездо.

— Так себе магический объект, — пренебрежительно оценил Севка, усевшись на краю каменного язычка и разочарованно разглядывая с высоты место предстоящих событий. — Ничего особенного.

— Это не объект, — удивлённо повторила Улея инопланетное слово. — Это гнездилище божественных двойников.

Юлька мысленно согласилась с сыном: ничего особенного. Обычная расщелина в горах, где не ступала нога человека. Слева следы давнего обвала. Справа путаные заросли раскидистого кустарника. С алыми продолговатыми ягодками — миленькими с виду и ядовитыми, как сволочи. Оттого и висят неклёванными — посочувствовала она птичкам и сосредоточилась на том, что говорила Улея.

— Нам тут находиться запрещено. Всем, кто обладает УАТ.

— Разрешено только отпрыскам благородных фамилий, — подмигнув матери, прокомментировал по-русски Севка. — Которые готовы заняться «семейным бизнесом».

— Это невежливо, — насупившись, демонстративно отчитала его Юлька на местном. — Говорить на чужом языке в присутствии...

— Да-да! — оборвал этот невежа родную мать.

За что получил от стоящей над ним Вейры очередную оплеуху. После чего добросовестная девушка продолжила инструктировать навязавшихся на её шею инопланетян:

— Даже те девятисущие, кто ещё не обладает УАТ, способны учуять себе подобных. Стоит приблизиться на опасно близкое расстояние. Хорошо, что мы успели сюда первыми. Спрятали матушку и успеем убраться подальше от гнездилища. Остальные уже где-то на подходе.

— Остальных детишек тоже сопровождают взрослые? — дошло до бронзовоголового обалдуя.

— Конечно, — вновь удивилась Улея. — В одиночку их сюда не отправляют.

— А что, горы кишмя кишат желающими нас изничтожить? — ответно удивился Севка.

— Не говори глупости, — поморщилась наставница. — На этом острове хищников нет. А людям в голову не придёт на нас покушаться.

Это из области фантастики — согласилась Юлька, крутя головой во все стороны. Но тут же не преминула по привычке заметить: случай на то и случай, чтобы случиться. Как бы там ни было, вошедших в возраст детей приводят к месту появления двойников под конвоем.

Просто так?

Как бы ни так! На всё своя причина. Недаром говорится, что военный устав пишется кровью. Вряд ли её родной мир в этом случае оригинален. И вряд ли взрослые ящеры присматривают за новообращёнными лишь потому, что обретение хвостов не гарантирует грамотное с ними обращение.

— А ничего, что я сижу так далеко от самого дна расщелины? — уточнила она техническую сторону предстоящего процесса

— Для обретения божественного двойника вовсе не обязательно торчать прямо там, — наставительно ответила Вейра. — Новорожденные УАТ носятся, где им вздумается. Хотя и не залетают далеко от гнездилища. Ещё ты должна знать, что УАТ не сливаются с первым встречным. Каждый ищет того девятисущего, кому предназначен. Может ждать его несколько дней.

— А если не находит? — не могло не родиться в Севкиной критически настроенной башке.

— Тогда просто исчезает.

— То есть, умирает? — обалдел Севка.

— УАТ не может умереть, — терпеливо втолковывала Улея, — если жив тот, кому он предназначен. И не может родиться, если не рождён тот, кому он предназначен. Он ведь божественный двойник.

Тут и Юльке пришло в голову то, что не могло не прийти:

— Бывает так, что девятисущий подросток напрасно прогуляется к гнездилищу? Что его двойник просто не явится.

— Конечно. Значит, его УАТ ещё не народился.

— И что тогда? — встревожился Севка.

— Тогда подросток явится в следующий раз, — как само собой разумеющееся объявила Вейра. — Без УАТ ни один ещё не остался.

Опять двадцать пять — приуныла Юлька. Она уже настроилась уйти отсюда хвостатой «блондинкой», которой море по колено. Хреново, если её опять начнут таскать на спине, как какого-то калеку.

— Нам пора, — вздохнув, Улея шлёпнула Севку по плечу. — Нельзя, чтобы нас тут застали. За это изгоняют. А изгою будет очень плохо.

Так что, устроив и проинструктировав маму, дети поспешили смыться. Оставили «соискателя» божественного двойника УАТ и божественной сущности УОТ дожидаться волшебного мига «обретения».

Юлька катала во рту твёрдый, как камень, сахарный шарик и наблюдала за прибытием первых девятисущих ребятишек. Ну, что сказать? Ровно то, чего и ожидала: все, как на подбор. От тринадцати до пятнадцати лет, а обычным взрослым мужам с лёгкостью шею свернут.

Троица высоких мускулистых вьюношей с голыми выставочными торсами и крепкими ногами, не вошла, а влетела в расщелину. словно за ними гнались. А влетев, добры молодцы не пожелали отдохнуть. Принялись лазить по валунам, сказать козлами и выделяться друг перед другом, меряясь силушкой. Смотреть на красивых физкультурников приятно, но скучно.

Не стало веселей и после появления столь же высоких подтянутых девчонок. Две

знающих себе цену барышни не вошли, а втекли в расщелину с непередаваемой грацией кошек. Строго говоря, не красавицы, но и уродками обозвать грешно. Фигурки безупречно спортивные, а с лица воду не пить.

Что же до умственных способностей, так одна из будущих Вейр сразу по прибытии задрала голову и посмотрела в сторону Юльки. Зашарила глазами по скале, напряглась.

Будущая Нанка чуть конфетой не подавилась. Замерла, стараясь не моргать, не дышать, не думать. Вейрам недоступны мозги дочерей Нанкешты. Но кто знает, как может подгадить сознание инопланетянки. Вдруг от него воняет иноземщиной? Оставалось только надеяться, что капризный Шот в таком случае не пожадничал бы предупредить. Или незаметно для инопланетян навёл бы на Юльку какой-нибудь божественный морок.

Как бы там ни было, бдительная девочка вскоре свернула свою разведывательную операцию. Занялась тем, что более естественно для молодой самки: демонстративным игнорированием самцов. Тем более что мальчики из шкуры лезли, выставляя себя с максимально выгодной стороны.

Перед ними стояла нечеловечески трудная задача. Как произвести впечатление на девиц, что с рождения видели вокруг себя Гераклов вперемежку с Ахиллами? А ты сам покуда до Геракловых статей не дотянул.

Всё везде одинаково — умилилась Юлька, наблюдая за прибытием остального молодняка. Ещё четыре парня и одна девчонка ввалились в расщелину. И мальчишки тотчас присоединились к подростково-сексуальным играм первоприбывших. Зато их спутница уселась в сторонке и набычилась. То ли мнит о себе чёрте что, то ли слишком умна и скучает среди дурачков.

Десять единиц пополнения. Ведь неплохой же прирост численности — недоумевала Юлька — для тех, кто живёт почти вчетверо дольше обычных людей. Так, почему же этих божественных героев так мало? Во всяком случае, именно такое впечатление складывалось из разговоров и упоминаний. Неужели у ящеров — при всех физических и магических плюшках — такая высокая смертность?

Ужасно неприятное открытие. Просто свинство, а не открытие. Она-то — при всей своей завышенной недоверчивости — уже по привычке считала ребёнка защищённым от большинства неприятностей. И приписан-то он к высшей касте, и силён непомерно, и магия-то у него термоядерная.

Но арифметику не надуешь. Как не юли, она всё учтёт. Подсунет под нос плачевный результат и сведёт на нет все самообольщения. Нужно досконально изучить этот вопрос — внутренне подобралась Юлька, словно лекции по интересующей теме вот-вот начнутся. Кто знает, вдруг её свежий взгляд со стороны поможет девятисущим оптимизировать процесс досрочного вымирания.

Хотя, кто ей сказал, будто сия проблема существует? И кто подтвердил, будто каждый год в гнездилище приходят не менее десятка соискателей? Может, нынче у них просто сенокосный год: взрыв рождаемости.

Вопросы-вопросы-вопросы.

От несвоевременных мыслей Юлька загрустила — вследствие чего абсолютно некстати самоуглубилась. Не заметила, как потеряла бдительность — разиня бестолковая. И Хуш его знает: то ли вздохнула, то ли камушек с места столкнула — но её обнаружили.

Бдительность вернулась как раз в тот миг, когда все три будущих Вейры — а за ними и мальчишки — задрали головы. Уставились ровнёхонько на место залегания неизвестной

личности.

Однако молодёжь не торопилась свести со шпионом знакомство.

Будущие ящеры пока не умели бегать по отвесным стенам, как по аллеям парка. Придётся карабкаться без снаряжения. А без страховки любой из девятисущих размозжит себе голову, как обычный троесущий примитив.

— Эй, ты там! — насмешливо проорал один из парней, кинув в Юлькино гнездо камушком и докинув его. — Вылезай! Мы тебя почуяли!

Юлька проигнорировала это наглое провокационное враньё: пока не обрели УАТ, ни черта молокососы не почуют. Если бы она себя не выдала, так бы и возились внизу. Она продолжала лежать, не шелохнувшись. И лихорадочно прикидывала: не воззвать ли ей к Шоту — раз уж она так необходима этому засранцу живой. А то и к самой Нанкэште — пускай тоже позаботится о пополнении жидких рядов своих холопок. У них тут в кои-то веки появится свеженькая Нанка, а никто не чешется.

— Первый! — возбуждённо вскрикнула внизу одна из девиц. — Бронзовый! Какой смешной!

Что ж, первый УАТ приступил к делу, и у Юльки зародилась робкая надежда: теперь-то уж всем точно не до неё. Не тут-то было. УАТ не торопился скрещиваться с новобранцем — криков торжества не отмечалось. А вот напряжённое ожидание налицо.

И налицо же потребность чем-то разбавить несносное ожидание. Дабы не выставить себя нетерпеливым сопляком. К примеру, отвлечься беседой с наглым шпионом:

— Эй, гадёныш! Покажись, пока не поздно!

— Не заводи меня, недоносок! А то обрету двойника, залезу наверх и оторву башку!

— А я перед тем повыдираю тебе ноги!

Разноголосые угрозы пока ещё звучали добродушно. Хотя первые нотки раздражения уже зазвенели в басовитых мальчишеских голосах. А вот девчонки помалкивали. То ли достоинство ронять не желали, то ли им было плевать на любые обстоятельства, кроме появления УАТ.

Юльке было нестерпимо любопытно глянуть на божественных двойников хотя бы одним глазком. Говорено о них переговорено — все языки стёрли. Зато ни одна сволочь не дала точного описания. А кое-кто пустодырый не удосужился о том спросить.

Понятно, что своего двойника она увидит в лицо однозначно — раз они «взаимопредназначенные». Хотя... Может, и не так всё однозначно. Вдруг контакт состоится не посредством лица? О таком развитии событий думать как-то не хотелось.

Мучительный почти детский крик разорвал паузу между ребячьими угрозами. Те ненадолго стихли — над расщелиной повисло почти физически ощутимое напряжение. Крик девчонки перешёл в плаксивый стон с подвываниями — у Юльки аж сердце зашло. Вейрам не предписано выказывать мужество посредством ненарушимого молчания и «зубовного скрежета». Вот бедняжка и выплёскивала из себя боль, никого не стесняясь.

Едва она отмучилась, как дружный гортанный вопль мальчишек ознаменовал попадание в цель бронзового УАТ. На свет народился ещё один Любр — может, теперь от неё всё-таки отцепятся?

За неимением возможности подглядывать, Юлька внимательно вслушивалась в происходящее. Периодичностью процесс не отличался. То приветствовали сразу двоих новобранцев, то долгое время гадали: чего этим двойникам надо? Когда и соискатели на месте, и УАТ над головами кружат стайкой. Поглощённая прослушкой, Юлька пропустила

момент, когда к ней подобрались те, кто уже обзавёлся навыком ползать по стенам.

Три Любра и Вейра окружили её, прилипнув к скале жирными мухами. Вся свежеиспечённая четвёрка злобно пялилась на маленькую поганку. Казалось бы: с чего им так заводиться? Тренированное сознание прожжённого снабженца не задержалось с анализом.

Во-первых, опознали тварь, что у всех на слуху: дочь Ахарты — иных детишек у Повелительниц смерти нынче нет. Во-вторых, взрослые намеревались её грохнуть, из чего секрета не делали. В-третьих, у неё есть мамаша — и этим всё сказано.

Наконец, если судить по внешним данным, Юлька ещё не созрела для обретения двойника — не зря Улея сетовала на её малорослость и худобу. Подростки же вечно комплексуют, когда кто-то из сопляков хоть в чём-то их догоняет, а то и перегоняет. Они занимаются взрослым делом, а тут какая-то дохлая тля приползла. И тоже претендует!

Нет, оно категорически правильно: наделять таким могуществом ребёнка опасно — в силу недоразвитости мозгов и социальной ответственности. Но у неё-то с этим полный порядок: и доразвита, и ответственна. Мозги девчачьи? Это да — это проблема. Частичное решение которой Юлька видела в своём зрелом сознании взрослого человека. А всё остальное пускай обеспечивают её мужчины. Пока мама снова не подрастёт.

От очередных навязчивых несвоевременных размышлений отвлекла разорвавшаяся над головой граната. Грохот неуместного в этом мире взрыва сопровождался облаком пыли и стрекотанием разлетающихся камней. Догадка запоздала, но выглядела логичной: кто-то из новоявленных Любров звезданул булавой по скале. Обновил, так сказать, инструмент насилия.

Убивать юнцы физически готовы, а морально, вероятно, ещё не совсем. Тем более ребёнка, тощая задница которого торчала над подобранными под себя костлявыми ножульками.

Всколыхнувшийся, было страх, внезапно и абсолютно неоправданно пропал. Потаённая и столь же неоправданная уверенность в том, что ей ничего не грозит, вылезла на первый план — встопорщила цыплячьи крылышки. Какой нормальный человек поверит увещаниям такого неубедительного союзника? Только ненормальный.

Да хоть бы и так — вспучилась в женщине-подростке дурацкая гордынюшка. Ненормальная, так ненормальная — разглагольствовала Юлька, игнорируя и бабахющие по скале булавы придурков, и надвигающуюся смерть, и...

Тишину, которая внезапно повисла над её головой. Причины подозрительной тишины требовалось срочно прояснить, и она подняла голову. Поморгала, стряхивая с ресниц пыль. Утвердилась на локтях и для верности протёрла глаза.

ОНО не исчезло. Верней, она: до боли знакомая белая ящерка. С одновременными бесстрастными и хитрыми глазёнками. С пучком хвостиков-ниточек. И с шикарной чёрной гривой. Что-то — скорей всего память Нахёры — подсказало: её собственный таинственный двойник.

Черногривый живчик мельтешил вокруг головы с энтузиазмом и беспорядочностью солнечного зайчика. Юлька отважилась покоситься вправо — оторопевший Любр медленно и неверно отползал на дрожащих лапах прочь по скале. Задом вперёд. Подобрал свои хвосты и затолкав под брюхо.

— Осторожно, придурок! — выплеснулся криком материнский инстинкт, и Юлька приподнялась. — Смотри под ноги!

Любр послушно посмотрел и замер — хвосты разлетелись веером, цепляясь за все подходящие уступы. Юлька глянула влево — такой же обалдуй отползал от неё ровно в той же манере. Она приободрилась и решила вплотную заняться вьющимся вокруг неё УАТ. Однако заняться не вышло: всё решили за неё.

Жуткая острая боль раздробила грудь и взорвала сердце. Дёргаясь в конвульсиях, Юлька завалилась на спину, грохнувшись затылком о скалу — её гнездо маловато не только для орлов. Травматично, но удачно: боль в голове отвлекла от боли в груди. Да и от всего прочего.

Оглушённая Юлька проехала онемевшим затылком по скальной стенке. Приложилась в последний раз о каменное дно гнезда и свернулась калачиком, от души воя во всю ивановскую. Уж, если чего и хотелось меньше всего, так это обретасть могущество нечеловечески паршивым способом. Мысль о том, что вокруг набираются решимости те, кто способен выпустить ей кишки, действовала спасительно: жить не хотелось.

Впрочем, не так уж долго. Ровно до того момента, как боль внезапно оборвалась. Мозги прочистились, глаза прозрели. А пойманный в их прицел Любр сиганул прочь с невероятной для новобранца скоростью. Буквально стёк со скалы, тормозя сразу всеми хвостами. В том, что остальные малахольные убивцы тоже «катаются с горки», Юлька не усомнилась ни на миг — не дали хвосты.

Пучок белых гибких лиан, произрастающих прямо из-под неё. И взметнувшихся вокруг колышущимся частоколом. Она внимательно их обозрела и удивилась, что мир остался цветным. Даже чересчур цветным — прямо загляденье. Помимо этого, Юлька вполне отчётливо различила некую ауру вокруг птички, присевшей на корявую деревяшку. Которая произрастала из скалы на довольно приличном расстоянии от неё. Прежде бы и саму птичку не заметила, а тут... Прямо слов нет.

Следом она произвела уже осознанный эксперимент: раззявила пасть и до отказа высунула язык. Жирное синее, похожее на какого-то слизня уродство превзошло все ожидания. «До отказа» потянуло на полноценный метр — если не больше. Таким можно шнурки завязывать, не преклоняя шеи.

Несколько тонких лезвий, образующих на конце языка раскрывающийся бутон, начисто отбивали охоту втягивать его обратно. Этак неосторожно поболтаешь во рту языком, и превратишь всё его содержимое в мясной фарш.

Кажется, ТАМ, у прилипчивой белой малютки на язычке тоже виднелось нечто подобное. Да и цвет у языка один в один: омерзительно синий. И пучок хвостов аналогичный. Вывод напрашивался сам собой: на Землю за Юлькой мотался её собственный двойник. Или двойник двойника — скосила она глаза на разыгравшиеся сбоку хвосты.

Хоть в чём-то разобралась — с облегчением выдохнула свежевылупившаяся Нанка, почесав кончик морды о здоровенный шершавый камень. Хоть что-то закончилось не сраным наверх. Не в грязной наволочке на тощем теле замороженного подростка. Не в каземате, где экономили на освещении и свежем воздухе. Теперь Юлька на свободе и в отлично функционирующем теле могущественной...

Нет! Ну, надо же иметь настолько божественное воображение, чтобы додуматься до такого! Взглянуть бы хотя б одним глазком на богиню Нанкёшту. Как там её охарактеризовал Повелитель смеха и Господин насмешек над дураками? Умная, только нудная?

У неё, пожалуй, и со вкусом нелады. Сунула в пасть своего творения какую-то мясорубку, и что? Юльке теперь придётся этим устройством вгрызаться во вражьи филей?

Да её стошнит при первой же попытке одержать победу.

Может, его отрезать — возник в голове закономерный, но тупой вопрос. Неизвестно, что за потери понесёт организм, если у него отчеккрыжить кончик языка. А тем более, как подобное кошунство отразится на отношениях с Богиней Нанкэштой. Всё ж таки родительница — мать твою!..

Юлька поймала себя на ощущении абсолютной и незыблемой веры в существование этой леди. Чему абсолютно не удивилась. После знакомства с Шотом её атеизм натурально оторопел, а после заблудился в сомнениях. Где какое-то время пребывал в унылых трудах: пытался ликвидировать трещины на фундаменте своего безбожного мировоззрения.

Но в комплекте с двойником УАТ шёл ещё и УОТ — божественный дух, о котором она позабыла. Ибо тот невидим и никак не ощущаем. Зато явно разрушительен, ибо фундамент безбожного мировоззрения Юльки разнесло вдребезги. Боги есть, и никаких гвоздей.

Стараясь больше не отвлекаться на важные, но посторонние мысли, Юлька предприняла попытку встать на ноги. Точно так, как это делала всегда. Привычка не изменила, и она поднялась на задние лапы. Без напряжения и колебаний тела, которое добросовестно поддерживали заботливые хвосты-подпорки.

В принципе, ящеры всех пород способны какое-то время заниматься прямохождением — поведала Улея на одном из привалов. Но те же Вейры не слишком уверенно чувствовали себя на задних лапах. И оттого не злоупотребляли данным способом передвижения. Севка так и вовсе с заметным трудом взгромоздил тушу на задние лапы — подпиравшие его хвосты аж звенели от перенапряга.

Юльке же данная поза не показалась чем-то неестественным. Жаль, отсутствие гибкой шеи не позволяло опустить голову и полюбоваться собой. Так что пришлось усесться на задницу и выставить вперёд правую переднюю лапу — та оказалась довольно изящной. С длинными тонкими пальцами — сантиметров по двадцать — и сногшибательными когтями — ещё десятка сверху. Юлька пошевелила всеми сразу и каждым в отдельности. «Взять за кадык» такой лапой не выйдет, а вот срезать башку — легко.

Она прекрасно помнила когтищи соседского кота Феликса Эдмундыча, которых вечно побаивалась. Так вот кошачьи стенодралки рядом с чуть изогнутыми лезвиями Нанки постеснялись бы показываться на глаза. Приобретение — самый писк. И красивенько, и качество отменное.

И позволяет слегка смириться с придатком в виде угрёбищного языка. А может, и с другими придатками, которые пока не успели расстроить свою хозяйку формой или цветом.

Хвосты показались старыми знакомыми — ну, ещё бы! Юлька от души пощёлкала белоснежными бичами — это просто праздник какой-то. Наигравшись, прогнала перед глазами каждый из двадцати семи, придиричиво изучая и отмеряя взглядом метры. Несколько раз сбивалась и начинала сначала. Выходило то пять метров, то десять, то пятнадцать.

В конце концов, её посетило озарение: эти подлецы морочили хозяйке голову, то удлиняясь, то укорачиваясь. Либо самопроизвольно, либо вследствие её команды. Отдавать которую она умеет, но как «умеет» — пока не знает.

Юлька оторвала задницу от гнезда и свесила голову, изучая расстановку сил на дне расщелины. Там продолжали роиться не востребованные УАТ: три бронзовых и пара золотых ящерок носились и бесились, как малые дети.

Претенденты остались на месте, задрав головы и пялясь на «белую смерть» во все глаза. Те, что уже обрели и обкатали УАТ куда-то сдригнули. Она оглядела отвесную стену под

собой и примерилась, как бы половчее спуститься. А примерившись, поскользнулась и полетела вниз. Новая жизнь ничем не отличалась от прежней: кое-кому и магия не в помощь.

Врезаться рылом в землю ей не дали собственные хвосты. За что-то зацепились и спустили неумёху аккуратно на все четыре. Помогли избежать позорища на глазах детей: не позволили могущественной Повелительнице смерти разбиться в лепёшку.

Юлька приветливо кивнула оказавшейся ближе всех девчонке. Та вдруг кивнула в ответ и улыбнулась. Нанка помахала ей несколькими хвостами и поспешила убраться прочь из расселины: пускай дети спокойно продолжают обретать УАТ.

Глава 12

Просто красotka!

— Долго она там будет торчать? — прогудело невероятно густым рокочущим басищем, когда Юлька достигла выхода из гнездилища.

— А кто её знает? — ответили вопрошающему до боли знакомым молодым чистым басом.

— Твоя подопечная, — иронично напомнили Севке, видимо, подразумевая, что парень здорово влип.

— Она вам мешает? — зло прошипел ещё один знакомый женский голос.

Юлька обогнула последний валун и замерла на пороге гнездилища. Несколько гигантского вида мужиков и атлетически сложенных дам неприлично пялились на неё. А вот новичков и здесь не оказалось: прогнали бедолаг, чтоб не путались под ногами у взрослых.

Севка любовался мамулей, и не думая стирать с довольной рожи понимающую насмешку. Улея — руки в боки — стояла напротив самого здорового Любра. Кажется, девочка готовилась вцепиться гиганту в рожу. Пора было встать на защиту детей, вставших на её защиту, пока Юлька маялась дурью в своём каменном гнёздышке. Тем более перед не слишком дружелюбно настроенными оппонентами.

Теперь, став Нанкой, она окунулась в мир ощущений девятисушщих. Испытала, так сказать, на собственной шкуре работу божественного духа УОТ, что отличал её от семисушщих людей. В принципе, ничего такого уж мистического. Мыслей читать не начала, зато со всей отчётливостью улавливала настроение новых сородичей.

Их настроение не воодушевляло, но гарантировало: убивать не станут. Хотя девятисушщих так и подмывало нарушить пресловутое табу. Свершить разумный шаг, разделавшись с проблемой в зародыше.

Тем более что «зародыш» пока ничем не отличался от младенца: в башке каша, руки-ноги-хвосты живут своей жизнью. Юлька никак не могла сообразить, какой кнопкой включается процесс преобразования. Нанкой «с изнанки» стала незаметно для себя — её преобразовали без спроса и рекомендаций. Инструкцию для возвращения в человека никуда не вложили. Просто безобразие, а не магия!

Искушать же не стоит что людей, что нелюдей. То, что искушающий знает, куда занесёт искушённого — опасный миф: пути Господни неисповедимы. Поэтому Юлька сконцентрировалась и приняла угрожающую позу. Верней, засевший где-то внутри божественный двойник УАТ заставил тело сделать всё, как надо — не уведомляя Нанку.

Зато она внезапно увидела себя как бы со стороны. Умопомрачительно изящная тонкокостная белоснежная ящерица — просто красotka! На фоне которой Вейры выглядят коровами рядом с тонконогой газелью. Аккуратная округлая мордочка с огромными тёмно

переливчатыми глазами. Короткие острые зубки. Чёрная грива наподобие лошадиной, но гораздо длинней и вроде бы живая. Живописно разлетающиеся без ветра пряди иначе не объяснить.

Ну, и двадцать семь хвостов-лиан. Эти однозначно живые: меняют длину и выписывают вокруг Нанки кренделя по своему усмотрению. Остаётся надеяться, что самоуверенные гады не собираются объявить присутствующим войну, не посоветовавшись с хозяйкой. Судя по опаске на лицах делегатов — так и не обратившихся в ящеров — их прогнозы на исход драки неутешительны. Для них.

Хотя у Юльки впереди ещё занятия по «вождению» смертоносного драндулета. И знакомство с его «вооружением». Наконец, привыкание к новой шкуре с точки зрения психики — с её моралью. А в этих делах сроду не угадаешь, куда себя же переклинит — тёмный лес с шишигами.

— Ги́ант, — между тем грозно мякнула Улея. — Вам лучше уйти. Всё кончено. Теперь судьба Нахёры в руках Владычицы смерти Нанкёшты. Не вам решать: жить ей или умереть.

Юлька пыжилась и тужилась, стараясь вывернуться наизнанку и очеловечиться. Напрягалась и мысленно надувала щёки — результата ноль.

— Как посмотреть, — не слишком уверенно прогрохотал тот самый здоровенный Любр.

— Как не посмотри, — досадливо поморщилась зрелая женщина с увязанными в высокий тюрбан золотыми косами. — Девочка права, Ги́ант: смирись. В мир пришла новая Нанка. И будет жить в этом мире по данному ей праву.

УАГ — пришло в голову Юльки воззвать к виновнику её невменяемости — крути обратно! Шевелись, зараза! А то она за себя не отвечает!

Как ни странно, божественный двойник не только внял приказу, но и понял его невнятную формулировку. В глазах на миг помутнело, а тело продёрнуло колючей волной. Юлька чуть не шлёпнулась на задницу, когда вместо четырёх точек опоры у неё осталась привычная пара ног.

— Здрасьте, — брякнула смертоносная тощая Нанка, хлопая глазами. — Фу-у! Получилось.

— С какой попытки? — ехидно уточнил Севка.

Он мигом оказался рядом — её малыш и защитник. Как бы невзначай, прикрыл маму от недружелюбной аудитории.

— Не груби матушке! — на автопилоте укорила невежу Улея.

— Ничего, моя девочка, — прокряхтела Юлька, бестолково оглаживая на себе всё ту же грязную наволочку. — Он прав: не сразу сообразила.

— Это я виновата, — сконфузилась Улея. — Нужно было научить. Но это так естественно, что в голову не пришло.

— А у них вполне тёплые семейные отношения, — резюмировала Вейра, что была помоложе зрелой дамы с тюрбаном из кос.

И гораздо привлекательней с лица, обрамлённого хитро уложенными волнистыми прядями более блёклого золота. Хотя и она скорей баба с веслом, чем баба.

— И почему ты зовёшь её матушкой? — уточнила Вейра бальзаковского возраста с тюрбаном.

Сообразив, что невольно проболталась, Улея растерялась.

— Потому что я умна не по возрасту, — выручила девочку Юлька.

— И так же нахальна, — проворчал Любр, бронзовая грива которого была заплетена аж

В пять кос.

— Нанкэшпу не гневи, — сухо посоветовала ему третья Вейра.

Глянув на неё мельком, Юлька невольно задержала на молоденькой девушке взгляд. Что-то в ней, в её лице... Что-то дёрнуло за нервы, чего-то требуя и на что-то толкая.

В тот же миг все участники встречающей делегации и собственные дети привычно застыли. Опять двадцать пять — мысленно прошипела Юлька, оглядываясь.

Пятиглазая соблазнительница нарисовалась справа: сидя в позе лотоса на широком низком валуне.

В её лице так же что-то настораживало. Лживая поганка по-воровски зыркнула в сторону делегации недружественных девятисущих. Явно не хотела на них смотреть, однако душа не выдержала: выдала хозяйку. Стало быть, что-то в этих ребятах не то. Верней, то, что могло бы заинтересовать Юльку. Иначе, к чему вся эта пантомима?

Заморочить ей голову? Подсунуть очередную липовую Дэма? Накрутить нервы, после чего добросердечная инопланетянка всё отдаст за встречу с соотечественницей. Прелестная комбинация. Только бесполезная. Она кому угодно где угодно может задавать один и тот же вопрос на русском: это ты, Дэма? А когда найдёт девчонку, та просто откликнется — деловито.

— Пожалуй, — задумчиво согласилась с её мысленными доводами Богиня прогнозов погоды и несбывшихся ожиданий. — Однако твои поиски могут длиться годами.

— Мне спешить некуда: я долгоживущая, — мрачно отбрила провокаторшу Юлька. — К тому же теперь стала воистину дочерью своему Творцу. Думаю, Всеблагая Владычица смерти не откажет мне в просьбе помочь найти подругу. Та станет Нанкеште лучшим из всех её поптов. Ибо является воистину выдающейся женщиной. И в силе ума, и в безграничности познаний, и в преданности.

— Ты так её расписала, что я и сама не откажусь от такого замечательного попта, — закинула Сахти очередную провокацию. — Поскольку я знаю, где обретается Дэма, то доберусь до неё первой.

— Ничего не выйдет, — с полной уверенностью в правоте своих слов заявила Юлька. — Дэма никогда не станет твоей приспешницей. Она чтит постоянство, благородство и честность. Не говоря уж о справедливости.

— Я не справедлива? — поражённо уставилась на зарвавшегося пропагандиста Богиня.

— Ой, прости, — дошло до Юльки, что Сахти в пределах своей компетенции именно, что справедлива. — Тут я чуток перегнула, наисправедливейшая.

Ибо любой Бог неукоснительно исполняет свои функции. Ни шагу в сторону, поскольку сие ни в коей мере ни принцип — это ж и есть природа самой божественной сущности. Не будь Бог неукоснительно исполнителен — не будет самого Бога.

— И ты можешь заслужить моё прощение, — моментально ухватилась Сахти за шанс настоять на своём.

— Я замужем, — спокойно напомнила Юлька. — Придумай другое искупление. Иначе я вообще перестану об этом беспокоиться. Можешь записать меня в число тех, кому ты вечно мстишь. Я как-нибудь переживу.

— Не переживёшь, — насмешливо пообещала Богиня.

И Юлька ей тотчас поверила. Было у стервы в голосе и взгляде что-то... этакое. Напекающее на некую сработавшую ловушку.

— Я придумаю для тебя искупление, — смакуя свою неведомую победу над самоуверенной дурочкой, пообещала Сахти. — И однажды взыщу с тебя. Кстати, и за стерву тоже. Прощай, иномирянка, — с неизъяснимым удовольствием промурлыкала Богиня.

Даже ручкой махнула с-с-с-с... Не стала и дальше обзываться Юлька, мысленно прикусив язык. Иначе её счёт вырастет до размеров оплаты за банкет на двести персон.

Богиня отправилась восвояси, мир ожил, как ни в чём не бывало.

— Ну, мы пошли? — нетерпеливо мякнула как-то враз оборзела Юлька.

К ней Боги во враги записываются — что уж там говорить о каких-то пресмыкающихся?

— Куда? — теперь уже растерялся заводила Гиánt.

— Не твоё дело, — с явно угрожающей тягучестью прогудел Севка.

— Не дерзи старшим! — одёрнула его Юлька и вежливо проинформировала членов делегации лилейным голоском беспечной малолетки: — К Вáрсугу.

Вовремя вспомнила, как Улея «заливала» перед другой «комиссией» инквизиторов.

— А ксарр-то тебе зачем? — несказанно удивился пятикосичный Любр.

— Стану ксаревной-лягушкой, — по-русски пробубнила под нос Юлька.

Севка весело хмыкнул и тряхнул гривой:

— Точно. Самый верный способ записаться в красотки. А то у нас тут, что ни лик, то рыло.

— Заткнись, — ласково посоветовала Юлька, шныряя взглядом между дамами.

На их месте ей бы вряд ли захотелось услышать оценку своим прелестям из уст наглого юнца. А именно так Севка и выглядел в кругу настоящих мужчин, что молча и хмуро пялились на неё.

— Ну, хватит! — деланно рассердилась Юлька, вторично стрельнув глазами в ту молоденькую Вейру, что растревожила её душу. — Изображаете тут начало конца света! Высосали из пальца проблему и носитесь с ней, как дураки... что носят воду решетом.

Перевести на местный язык «писанную торбу» с ходу не вышло. Но и альтернативный вариант развеселил всех, у кого имелось чувство юмора. Гиánt, к примеру, огласил расщелину громогласным гоготом. Бальзаковская дама заурчала мелодичными смешками. Да и прочие лица заметно расслабились.

У всех, кроме молодой Вейры. Та буквально пожирала юную Нанку глазами. и словно бы ожидала от неё каких-то шагов.

— Никакой войны вам я объявлять не собираюсь, — продолжила между тем Юлька ковать железо, пока оно в цене. — И никому другому тоже. Ещё не хватало тратить время на всякие глупости. Я намерена жить в своё удовольствие. А всякая там кровавая чепуха в круг моих удовольствий не входит. Как и галиматья по поводу захвата власти. Простите, но трудиться владыкой «чего бы то ни было», я категорически не желаю. Как и трудиться вообще.

— Действительно умна не по годам, — одобрительно заметила бальзаковская дама.

— И, судя по всему, искренна, — поддакнула Вейра с волнистыми волосами.

— Всё это слова, — уже вполне добродушно погромыхивал Гиánt.

— Ещё меньше я намерена кому-то что-то доказывать, — снова перехватила инициативу Юлька, не желая развозить по тарелке кашу бесполезных споров. — Вам надо, вы и доказывайте. Только не на словах. Потрудитесь поискать доказательств моих злостных намерений. Иначе можете даже не сотрясать впустую воздух. Я девочка не злобная и не капризная. Но будете надоедать придирами, пожалуюсь моему спасителю, — пихнула она в

бок ухмыляющегося Севку. — И опекуну.

— Пóпту самого Шота? — уважительно заметил пятикосичный Любр. — Да уж, с Владыкой шутников не пошутишь. Безнаказанно.

— А кто тебе назначил в опекуны Болвáта? — иронично выгнул Гиáнт свои бровушки толщиной с Юлькино запястье.

— Я же и назначила, — с трудом сдерживая раздражение, профыркала Юлька. — Вашим мнением на сей счёт не интересуюсь, не старайтесь. Всех вам благ, а я пошла.

И она действительно пошла, как говорится, куда глаза глядят. Будто случайно мимо молоденькой Вейры.

— Эй, Нахэра! — по-прежнему насмешливо окликнул строптивицу Севка. — Куда тебя понесло?! Дитя порока и верховной дури!

Девятисущие вновь дружно заржали — теперь каждая шутка инопланетного оболтуса будет проходить на ура. Лишь потому, что он подпевала Шота. Севка и дома вечно скоморошничал, и тут, как говорится, попал в струю. Не нагибаясь, подхватил с земли козырную возможность шутить ниже пояса с кем угодно. И не ходить при этом с разбитой рожей. Что ты с ним поделаешь, когда «крыша» этого горлохвата и циника в самых «верхах»?

Лишь бы не заносился — начала пугаться собственных мыслей Юлька, развернувшись и потащившись обратно. Лишь бы не терял чувство меры — в последний раз покосилась она в сторону заинтересовавшей Вейры, которая со скучающим видом пялилась куда-то в сторону. Ох, грехи наши тяжкие!

— Там у нас тупик, — пояснил Севка, кивая в сторону взятого Юлькой направления. — Нам в обратную сторону.

— Тогда чего расселся? — раздражённо пробухтела она и двинула на указанный выход, потащив за собой Улею: — Поменьше бы умничал, приличней бы выглядел.

За её спиной вновь дружно заржали: маленькая Нанка тоже поймала свои полминуты славы. Славы трамвайной хамки.

Улея скользила рядом с непостижимой для такого мощного тела грацией. Будто не шла, а «фигурировала» на коньках. Держала Юльку за руку и вздыхала.

— Что с тобой? — искренно заинтересовалась новоявленная Нанка. — Мы что, ещё от них не отделались?

— Боюсь, что нет, — задумчиво покачала головой девушка.

— Поясни.

— Раньше тебя все боялись и хотели убить. Теперь они тебя узнали, но бояться перестанут не скоро.

— И как мне их переубедить? — озадачилась Юлька. — Ты-то уже знаешь, что я за человек. Терпеть не могу иметь врагов. Хочу уютный дом на берегу моря. И много внуков.

— Дабы жизнь скучной не казалась? — прогудел за спиной Севка. — Боишься плесенью покрыться?

— Не груби матушке! — прорычала Улея, кидая через плечо крайне неодобрительные взгляды, граничащие с негодованием.

— А кто грубит? — пошёл на попятный наперекосячный ухажёр. — Я же не отказываюсь. Обязан внести свою лепту, так внесу. Хочет внуков, значит, сделаем, — прозвучала в его голосе настырная многозначительность.

Та, кому она предназначалась, презрительно фыркнула. И демонстративно уставилась

перед собой неукротимым взглядом нестигаемой приверженки всего правильного. Тут уж чуть не фыркнула Юлька: до чего же смешная девчонка. Вот, вроде и умница, но зашорена, как старый конь, крутящий водяное колесо.

Если Севка на этом непаханом поле начнёт сеять дурь своего мира и времени, всходы дадут непревзойдённую хабалку. И шансы у него солидные: девочка явно к нему небезразлична, сколько бы ни «делала лицо».

— Дети, потом поругаетесь, — голосом строгой училки пресекла Юлька несвоевременное выяснение отношений. — У вас ещё вся жизнь впереди. Займёмся тем, что сейчас важнее всего. Аспид, ты уже думал, где мы будем искать отца?

— Я на этом башку сломал, — вмиг посуровел Севка и даже шаг стал грузно печатать, будто сваи заколачивал. — Как ты думаешь: он тоже сейчас Любр?

— Уверена, — не вполне искренно, но по возможности твёрдо заверила Юлька. — Ящерики являлись всем нам... — осеклась она, покосившись на Улею.

— Я знаю, как вы сюда попали, — мягко успокаивающе промяукала та. — Севкя рассказал. И тоже думаю, что твой муж стал Любром. Странно, конечно, что УАТ отправились за вами аж в другой мир. Никогда о таком не слыхала, — задумчиво пробормотала весьма образованная на здешний лад девушка.

— Слушай! — встрепенулся Севка, тряхнув своей спутанной гривой. — А, может, Шота попросить, чтобы помог мне отца найти. Я ж ему теперь не посторонний.

— Шот не поможет, — без малейшей тени сомнений возразила Вейра. — Он же Владыка смеха, а не Бог Путеводитель.

— Точно, есть такой, — отыскал Севка в чужой памяти нужного персонажа и озадаченно поскрёб щетинистый подбородок: — Но он же нас терпеть не может. Молись, не молись, из вредности не отзовётся.

— Кого нас? — переспросила Юлька и тут же сама себе ответила: — Ах да. Девятисущих Нерушимой Троицы: Вейры, Нанкешты и Люброфта. Поэтому нужно найти егс собственных детей. В памяти Нахеры прорехи, или творения Бога Путеводителя Пту́та всего лишь двоесущие?

Улея прыснула и тут же прикрыла рот ладошкой. Сделала лицо важным, а взгляд значительным — не подкопаешься, дабы уличить её в кощунстве: в насмешке над Богом. После чего хитруля на полном серьёзе выдала:

— Никаких прорех в твоей памяти нет. Творения Пту́та действительно двоесущие.

— Только РАТ и УОТ, — со скрипом проворачивалась память Нахёры. — Без тела, без сердца, без рода-племени... У них что: только имя и божественный дух? Вспомнила! Они же невидимки.

— Ветра́, — поправил её Севка и пояснил на русском: — Только не атмосферные явления, а вообще не пойми, что за хрень. Ветра дорог — что-то вроде этого.

— Не ветра́, а духи, — возразила Улея. — Связавший небо и землю Вездесущий Птут не нуждается в обычных подопечных. Один из мальчишек, с которым я росла, как-то спросил у Люброфта: почему Птут создал двоесущих, а не таких, как мы девятисущих? — ударилась она, было, в воспоминания, но осеклась и смутилась.

— Я помню эту историю! — обрадовался Севка, хлопнув себя по лбу. — Тогда Люброфт со скуки явился поглазеть, как борются сопляки. Которые вскоре должны были стать Любрами. Ну, и наградил их то ли проповедью, то ли воспоминаниями о том, как...

— И что ответил Люброфт? — потребовала Юлька, чтобы дети прекратили тянуть

резину.

Улея так и не осмелилась процитировать Бога. Зато у Севки с богопочитанием никаких проблем:

— Он заржал и сказал, что у Пту́та пустая башка, в которой гуляет ветер. Потому и сотворить смог всего лишь двоесущих.

— Представляю, что творится в башке Люброфта, — деланно внимательно осмотрела сынка Юлька и ткнула в него пальцем: — Если из-под его рук вышло вот это.

— Не оскорбляй моего Творца, — неожиданно всерьёз обиделся Севка.

— Брось, — поморщилась Юлька, — и не поддавайся тому, чем набита твоя башка. Это не ты. Это твой предшественник. Хочешь превратить в него? Не хочешь? Вот и хлопнись. Так, — остановилась она, ибо узкий каменный проход, ведущий в гнездилище, закончился.

Дальше лежала каменистая пустошь, которую они уже преодолевали по пути сюда. На горизонте виднелась стена джунглей, а дальше берег. С которого им нужно перебраться на материк, а там... Придётся выбрать одну из сторон света для старта на поиски Даяна.

И Кирилла — поспешно присовокупила Юлька, стыдливо отмахнувшись от чувства вины. Забыла ведь про него — зараза неблагодарная. А ведь он попал сюда из-за неё. Не связался бы с ветреной бабой, не загремел бы в ящеры — на что Юлька горячо надеялась.

Погрязнув в самоедстве, не заметила, что продолжает брести уже в компании динозавров, заждавшихся её магического «выверта наизнанку». Причём, Севка давно бы задал её мыслям нужное направление. Но почтительная девочка Улея не позволила непочтительному сыну обрывать мудрые размышления матушки — не иначе.

Юлька виновато вздохнула и попросила своего УАТ сделать всё, как надо. В груди пынуло, в башке свистнуло, и она утвердилась на четырёх лапах, проверяя работоспособность хвостов. Те распустились в воздухе хризантемой и тотчас облапили сопровождающих.

Любр на них шикнул, ощетинился и отпрыгнул в сторону — невольно приведя в боевую готовность весь свой карательный арсенал. Вейра лишь чуток отстранилась, но вид имела самый разнесчастный.

Мысль о том, что собственные дети её боятся, неприятно царапнула психику. И неважно, что лишь ящеров пугает близость Нанки, а дети её любят — хрен редьки не слаще. Остаётся надеяться, что люди реально быстро привыкают ко всему, включая «прогулки со смертью». Авось притерпятся. А потом вообще перестанут замечать — закон человеческой природы.

На этой воодушевляющей ноте Юлька рванула вперёд, не желая больше тормозить быстроногих детишек. Мир вдруг как-то странно замедлился, будто кто-то подворовывает у него время. Пришлось остановиться и потрясти башкой — вдруг это результат неполадок в её конструкции?

Добросовестно потрясая головой, Юлька уставилась на стволы деревьев перед самым носом. Чихнуть не успела, а джунгли тут как тут. Она обернулась и вытаращилась, не веря глазам: по пустоши неслись Вейра с Лютом, явно выкладываясь по полной. Неслись к ней. То есть, получается, что догоняли.

Тут Юльке припомнилось упоминание насчёт «пускай, ма, они тебя догонят». Выходило, что это не книжный оборот речи. А самый, что ни есть, жизненный. Кажется, скорость Нанки и впрямь превышает все аналогичные достижения прочих девятисущих.

Настроение скакнуло вверх. Получается, ей вовсе не обязательно вечно драться,

сохраняя шкуру — можно просто удрать. Самый женский вариант решения проблем — ликовала душа, игнорируя злобный мысленный посыл Севки: ма, ты куда так рванула?! И невнятный раздражённый Вейры, продолжавшей упорно проявлять уважение к безголовой дуре. Которая неизвестно чем слушает наставления.

Дождавшись детей, Юлька начала продирается сквозь заросли, принаравливаясь к их скорости. По ощущениям выходило: прогулочным шагом. Много сил не требует, к осторожности не призывает, под ноги смотреть нужды нет. Гуляй себе и гуляй. Да размышляй, как себя вести в благородном обществе. И надо ли к тому обществу присоединяться, если защита ей — по большому счёту — не нужна. Ни абибова, ни ксаррова, ни любая другая — кроме божественной.

А вот убийственные таланты Нанки просто нарасхват. Она, пардон, ни на какую войну не подпишется — пускай ищут дебилов в недрах собственного народа. Да и ушлые ящеры пускай даже не принаравливаются запрыгнуть ей на шею — Юлька на них обиделась. Взяли тоже моду детей убивать!

Нет уж, её дальнейшая программа вживания в этот мир будет целиком состоять из мирных инициатив. А если приспичит, то и народной пользы. Для отдельных мелких человеческих сообществ. С пользой всенародной опять-таки мимо неё. Этой морковкой её не заманишь нырнуть в кипящий борщ.

Да и Даяша не позволит втянуть свою бестолмашную жёнушку в какую-нибудь авантюру. Только бы поскорей его найти — тревожилась Юлька, выкатившись на знакомый берег. Где её тревоги моментально сменяли адрес.

«Вывернувшись» обратно в девчонку, она уставилась на кипящий пролив и осведомилась:

— Как будем перебираться? И куда? Вы не думаете, что...

Договорить не успела, ибо почуяла: мамашей на том берегу не пахнет. Стало быть, засады не предвидится. А, если кто-то и засел, так увидав Повелительницу смерти, унесётся прочь впереди собственного визга. Так что путь свободен. Только непроходим. Хотя...

— Улея, а мне будет легче преодолеть пролив?

— Конечно, — округлились глаза девушки. — Ты же Нанка.

— А толку? — проворчал Севка. — Нас-то на себе не унесёшь. Особенно такую тушу, — повёл он безразмерными плечами. — Придётся ждать, пока вода не опустится ещё больше. Тогда по открывшимся камням и допрыгаем.

— А как остальные сюда добрались? — вспомнила о «делегатах» Юлька. — Ещё и с детишками.

— На корабле, — сообщила очевидное Вейра. — Только он там, — махнула она рукой в сторону севера, — за рифами. Наши доберутся до него по камням и поднимутся на борт. А потом отправятся в земли аргатанов. Они из тех мест.

— Может, и вы с ними, — озарило Юльку.

— С чего бы? — опешил Севка и набычился: — Что значит: вы с ними? А ты с кем? И куда?

Юлька изобразила лицом строгую мать — паршивец иронично покривился: жалкая подделка. Ну, что ты с ним будешь делать?

Глава 13

В кои-то веки ей абсолютно ничто не грозило

— И всё-таки я твоя мать, — напомнила Юлька, изобразив на лице фирменную

материнскую суровость и непреклонность. — Умней и опытней тебя. Пошевели мозгами: отца нужно искать в обеих землях. И в Абихуше и в... Хушабе, — всплыло в памяти название северного государства. — Возьми в расчёт и то, что вам просто опасно тут оставаться. Соскучился по хвостам Ахарты?

— А тебе не терпится с ними познакомиться? — всё ещё упирался Севка, тем не менее, поддаваясь дельным резонам.

— Ахарта матушку не тронет, — сочувственно увлажнились золотые глазищи Вейры. — Она же теперь Нанка. И все её хвосты целы. Даже если Ахарта окончательно сойдёт с ума и набросится на дочь, побороть её не сможет. Хотя и старше, и опытней.

— Ценное замечание, — принялся, было, брюзжать Севка, деланно высматривая что-то на горизонте.

— Хватит! — рявкнула на него Юлька, уперев руки в боки. — Ты уже принял решение, вот и не трепли нервы.

— Трепать нервы, — задорно повторила Улея и восхитилась: — Здорово сказано. Шоту бы понравилось.

— Не поминай всуе, — невольно прошептала Юлька, оглядываясь. — Нам только этого... Бога не хватало. Ну что? Вы идёте? Корабль ждать не станет.

— Идём, — твёрдо постановила Вейра, одарив хмурого дружка угрожающим взглядом. — Перестань. Если хочешь найти отца, тебе лучше это делать подальше от Нанки. Тем более дочери Ахарты. — Аспид, — мурлыкнула она, продублировав незнакомый эпитет, которым так нежно награждала инопланетянина мать. — Без Нанки тебе каждый из наших поможет. А рядом с ней ты будешь видеть лишь хвосты. Ты же, матушка, всё-таки постарайся не встречаться с Ахартой.

— Обещаю, — тепло улыбнулась ей Юлька, погладив девушку по руке. — Ступайте. Нерушимая троица вам в помощь.

Пожелание, принятое у девятисущих, само собой сорвалось с языка. Улея кивнула и оборотилась в ящерицу. После чего преспокойно помчалась на север — не дожидаясь, пока кое-кому встрянет бежать следом.

— Ты будешь тут? — уточнил Севка, провожая подругу тоскливым взглядом. — В Абихуше? Надеюсь, тебя никуда отсюда не понесёт?

— Не знаю, — честно ответила Юлька, прижавшись к родной гигантской дитятке. — Но уйду, лишь убедившись, что отца здесь нет. Успокойся, аспид. Девятисущих не так много, чтобы потеряться. А уж Нанка тем более нигде не пройдёт незамеченной.

Он нагнулся — она обцеловала широкое бугристое лицо. С поспешной нежностью — как в детстве.

— Да, знаю я, — уныло бормотал по-русски ребёнок, сопя так, что у матери уши закладывало. — И тебя теперь никто не тронет. Тоже знаю. Мой героический ящер боится тебя до колик. Но... всё равно. Будто собственную мать предаю...

— Чушь не пори! — расчётливо окрысилась Юлька, отталкивая разнюнившегося орясину.

Что ни говори, а в шестнадцать лет собственное ощущение взрослости сплошная иллюзия. Он всё ещё ребёнок, хотя отчаянно с этим борется.

— Догоняй! — приказала Юлька, демонстративно отойдя в сторонку. — И найди отца! Без него я, как без рук. Думаю, они с Кириллом где вместе кочуют. И о Дэма не забудь. Poiщи девочку среди Вейр на севере. А я здесь её пошукаю.

Севка молча кивнул, перекинулся Любром и помчался догонять Улею.

Юлька провожала его взглядом, пока бронзовая искорка не сверкнула на горизонте в последний раз. После чего вернулась к вопросу переправы.

В сотый раз изучив кипящий борщ из камней и пены, пробормотала:

— Нанке хорошо: она всемогущая. А я сейчас, кажется, описуюсь.

Однако, так далеко её трусость не зашла. Решив, что ждать у моря погоды, глупо, решила это самое море форсировать с ходу. На авось. «Вывернулась» ящерицей, подкралась к краю обрыва, мысленно перекрестилась и прыгнула вниз.

Тело приземлилось на узкую зубчатую каменную гребёнку — буквально на пару лап. Замерло, балансируя, и вдруг рвануло вперёд сквозь кашу из пены и брызг. Налетающая справа волна промахнулась и досадливо обрушилась на камни позади. Дальше пошла старая знакомая детская игра в вышибалочку. Правда, без мяча.

Море-океан шлёпал ладонями волн по каменному винегрету, пытаясь прихлопнуть наглую белую ящерицу. Будто она им тут не Повелительница смерти, а примитивное пресмыкающееся. Юлька поражалась выкрутасам собственного тела, стараясь не помешать ему даже нестати приспичившим вдохом. Так и пронеслась через весь пролив на одном дыхании — молнией сквозанула, почти не намкнув.

Взлетела на памятный обрыв, развернулась мордой к океану и шлёпнулась на хвосты. Язык сам собой вывалился наружу, дразнясь и заносясь перед побеждённой стихией. Вот она какая! Теперь её попробуй тронь. Она любому глаз на жопу натянет.

Вульгарная дворовая угроза привела в чувство — Юлька застыдилась своей нечаянной распушенности. Чего это она, в самом деле? Не хватало ещё начать пальцы гнуть. Хабалка! Видел бы её сейчас Даян — со стыда бы сгорела.

Самокритика всегда настраивала на деловой лад. Толкала немедля бежать и категорически меняться в лучшую сторону. Поэтому Юлька в задумчивости облизала вкусную солоноватую морду и приняла решение продолжить путешествие в человеческом облике.

Каковое для начала и приняла, раздражённо отряхивая вконец «убитое» платье. Мнение возможных критиков волновало её не больше судьбы брошенного дома барахла. Но самой неприятно. Поэтому для начала она решила разжиться новой наволочкой. А где они водятся? Правильно: там же, где и люди.

Весь остаток дня до темноты Юлька бодренько топала, куда глаза глядят, гадая: как Севка добрался до Хушаба? Жизни его ничегошеньки не угрожало. Но пойдя, объясни это материнскому сердцу. Оно — заполошное — будто нарочно ищет повод повыскакивать из груди.

Жаль, что поход в одиночестве по вялым джунглям не даёт шанса занять голову хоть какой-нибудь проблемой. Точней, поход Нанки. От которой все разбегаются, разлетаются, расплзаются, как от огня. Переселилась — нечего сказать. Ни щенка тебе погладить, ни с котёнком поиграть.

Умильные мыслишки о животных моментально свернули в более прагматичное русло. Тут до инопланетной дурёхи дошло, что по сторонам на ходу она зыркала не из любопытства. Да и нос работал на полную катушку не в поисках приключений. Нанка хотела есть, ибо такую тушу пятью корочками хлеба не удовлетворить.

Тут и запахом еды потянуло, отчего двойник УАТ вылез наружу, не спросясь. Белая

ящерица размером с орловского рысака неслась сквозь ночные заросли с расчётливой уверенностью опытного охотника. Несмотря на то, что это была её первая охота — собственно, как и Юлькина. И если вторая мандражировала по поводу предстоящего кровопролития, то первая была спокойна, как дрессировщик, входящий в клетку с мышами.

Изящную, но какую-то насквозь пропылённую антилопу Нанка свалила в невообразимо длинном прыжке — у Юльки аж мысленное дыхание от восторга перехватило. Вот на волне этого восторга она и сломала антилопе шею, сомкнув челюсти на загривке. Никаких тошнотных ощущений на неё не навалилось: она с удовольствием рвала тёплое мясо, глотая его непережёванными кусками. Будто мороженым лакомилась в жаркий денёк.

Когда от добычи остались рожки да ножки, Юлька задрала голову и потянула ноздрями воздух: вода была неподалёку. У полудохлого родника спугнула какую-то мелочь, что прыснула в стороны, зашуршав сухой травой. Так раздражавшие прежде щупальца на конце языка заработали лопастями, гоня воду в пасть.

Хорошо было — не передать как. Она отошла от родника, дабы не оккупировать общественный водопой. Свернулась калачиком и задремала.

А утром она снова топала по солнцепёку, пыля деревянными подошвами сандалеток. Любоваться особо нечем: унылые местечки. И она размышляла о том, с чего начать поиски Даяна. Каждый, кто знаком с детективной продукцией, знает: в подобных случаях нужно думать, как предмет поисков. При первой же попытке это сделать Юлька пришла к закономерному результату: сейчас он тоже где-то ищет её. А где место его поисков — угадай с трёх раз.

В принципе, девятисушие — за редким исключением — предпочитали жить в больших городах. Или в комфортабельных — насколько это возможно при архаичном укладе жизни — поместьях. В больших оригиналах ходили всякие любители деревенской жизни или отшельники. Но те и в своём «отшельничестве» умудрялись обустроиться с комфортом — губа не дура.

Юлькина губа тоже — о чём Даяша знал досконально. И станет искать жену именно в городах — обрадовалась она, зацепившись хотя бы за один достоверный факт — как и сына. Нужно только попасть в такой город. А лучше сразу в столицу Абихуша — плевать она хотела на мамашу с её выкрутасами. Пускай только тронет!

Оставалось пойти и найти эту клятую столицу. Из документалок по истории Юлька вынесла несколько полезных и актуальных нынче знаний. К примеру, касательно древних дорог: те были не асфальтированными, но были. Жизнь в основном концентрировалась вокруг них и вокруг воды. Которая, в принципе, так же являлась дорогой.

— Найди реку, и найдёшь город, — подвела она итог.

Оглядевшись, выбрала самое высокое дерево и «вывернулась» в Нанку. Не успела посетовать, что под такой махиной дерево уйдёт в землю по самую маковку, как УАТ вознёс её на дерево резвей мартышки. Даже смертельно напуганной.

Нюх у Нанки был космическим: ловил даже запах высохших мышинных горошин-какушек где-то внизу под корнями. И с какой стороны потянуло водицей, нос отыскал мгновенно: куда носопырки глянули, оттуда и донеслось.

Юлька не стала останавливаться на достигнутом и переползла на другую сторону широкого ствола. С противоположной стороны доносился запах «большой воды». Не морской, а речной: с примесью запашков тины, глины и потных людей.

По прикидкам УАТ пути туда — при надлежащей скорости — часок стараний. Но

Юлька окоротила двойника: она пойдёт пешком. Ибо для поисков нужны подсказчики. Нанка же увидит лишь улепётывающие спины.

Даже если никто не сбежит — ибо Нанки скуки ради не убивают — разговаривать с ней станут, как с иконой: почтительно врать, выпячивая несуществующее благообразие. Ей инфанка нужна, а не пресмыкания — она сама пресмыкающееся.

Тут жизнь преподала ей очередной урок принципиально иного существования, нежели на Земле. То ли память Нахёры, то ли сам двойник напомнили, что Нанка, дескать, любую живую тварь чует издалека. Ничто не мешает пробежаться в её шкуре для экономии времени и сил. А почуяв людей, перекувыркнуться в человечью шкуру.

Резонно — согласилась Юлька, покидая дерево. После чего Нанка понеслась в сторону обнаруженной большой реки. На крейсерской скорости вылетела из поредевших зарослей и внедрилась в подлинную пустыню: песок, барханы, перекати-поле и всё такое. Даже подобие скорпионов имелось — только с раздвоенными хвостами.

Сколько она так неслась — поди знай. Внутреннее привычное ощущение времени куда-то провалилось. А окружающая среда была никчёмной помощницей. Всё вокруг замерло на паузе — только ветер бил в морду с невиданным остервенением.

Глаза смотрели на мир сквозь узенькие смотровые щели, залитые какой-то вязкой жижей. Та здорово защищала от ветра и практически не искажала картинку. Как всё разумно устроено — похвалила Юлька умную «зануду» Нанкешту, сотворившую это замечательное тело. Недаром Шот говорил о ней с заметным уважением.

Нет, всё-таки жизнь налаживается — не могла не признать она. Хотя бы потому, что это всё-таки жизнь. Понятно, что Юлька предпочла бы остаться дома — где, между прочим, тоже всё наладилось. Но раз уж так сложилось...

Главное, найти Даяна, Кирилла, Дэма и не потерять Севку. А там посмотрим.

Деревянные подошвы — которые высокомерная инопланетянка так заносчиво хулила — отменно держали ноги на песке. Вернув себе человеческий облик, Юлька не тонула в барханах, хотя песок между подошвой и деревяной раздражал. Как и солнце, что лупило в глаза, будто нарочно пуляя в них самые отборные лучи.

Но жара ей нравилась — казалось бы, с каких пор? Терпеть же не могла — сколько себя помнила. Их семья перебивала много где — лишь на всякие пляжно-пальмовые курорты ни разу не заглянула: отец с сыном тоже не любители жариться на солнце. Зато ящерицы жару любят.

Плавившиеся в пекле пустыни мысли текли и текли подтаявшим маслом. А Юлька пилила и пилила, инстинктивно не опасаясь солнечного удара. Не прошла и пары километров, как наткнулась на широкую отменно вытопанную дорогу. По которой тархтели на камушках битком набитые возы. Странные такие: примитивный настил из досок между огромными колёсами. Ограждений ноль, а багаж не рассыпается — видели бы это чудо техники в Российских аэропортах.

Тянули возы самые обычные, привычные глазу ослы: по четыре на воз. В этом мире — подсказывала память Нахёры — полноценные лошади не водились. А неполноценные навевали воспоминания о Санчо Панса. Или о среднеазиатских «идальго» на осликах с розой за ухом и в шлёпках — припомнила Юлька из классики, выбираясь на «шоссе». Сразу за пропылившим мимо последним возом каравана.

Возницами были знакомые по снам загорелые «юбочники». С носовыми платками на головах, прижатыми тонкой бечёвкой — ну, прямо, арабы. Все, как один, завязанные любители

животных. Ибо передвигались рядом с возами, а не в них, усугубляя и без того незавидную жизнь тягловой скотины.

В отличие от воинов, что возглавляли и замыкали караван на ослах покрупней. Эти товарищи были снаряжены точь-в-точь, как убитый мамашей дядечка из сна. В толстые негнущиеся жилетки на голое тело, кожаные юбки, пояса с бронзовыми бляхами. И короткие сапожки с открытыми носами и пяткой, что болтались в воздухе без стремян.

А ещё у этих были шлемы, напомнившие залётной инопланетянке что-то из времён Александра Македонского. Того, где не встретишь, обязательно рядом увидишь мужиков в высоких скошенных колпаках. Вот у аборигенов такие же: незатейливые, но, конечно же, полезные.

Из оружия всё, что разглядела, так это прямоугольные кожаные щиты за спинами. Где-то полметра на метр: прямые, как доски и примитивно раскрашенные. Над ними маячили какие-то кухонные ножи, примотанные к палкам — иной ассоциации не нашлось.

Может, и ещё что-то есть — вроде топорика её приснившегося спутника или ножей. Но для более вдумчивого осмотра мужиков нужно спешить и поставить перед собой. А те вряд ли согласятся на досмотр добровольно.

Так что, пропустив мимо себя замыкающую пару всадников, тощая оборванка пристроилась за их спинами. Побрела следом, не слишком беспокоясь о собственной безопасности. В кои-то веки ей абсолютно ничто не грозило.

Кроме тучи поднятой в воздух пыли. Вот же зараза — просто бедствие! Когда неслась по пустыне, пыльный шлейф оставался позади. А теперь позади него уже она. Юлька крепилась-крепилась, да так чихнула, что аж подпрыгнула. Дохлая, а будто из пушки пальнула. И оба замыкающие караван воина, естественно, обернулись.

Она чуть дёру не дала — рефлекторно. Однако ноги устояли на месте. А вот мужиков в колпаках с ослов будто ветром сдуло. Просто поразительно, как аборигены различают друга по составу своих «сущностей». Вот, как они в такой пылище разглядели в занюханной нищенке девятисущую?

— Внимание и покорность! — гордо склонили головы добры молодцы, держа спины прямо-таки несгибаемо прямыми.

— Да, ладно вам, — сдуру пробормотала Юлька, воровато оглядываясь.

Поймала себя за столь недостойным занятием и огорчилась: ну, признали её, ну и что — со всяким бывает. А вот ронять себя в глазах смертных лучше не надо. А надо ей хоть чем-то промочить глотку: там уже цементная пробка из слюны и пыли.

— У вас вода есть? — вежливо поинтересовалась воспитанная барышня у представителей силовых структур.

Один без проволочек бросился к ослам, которые пятились от их компании боком, явно норовя удрать. Второй просто застыл перед ней: принял позу достойного человека, знающего себе цену. Даже спросить не постеснялся:

— Чем я могу тебе помочь?

— Да ничем, — вновь от неожиданности сплеховала Юлька, шмыгнув забитым носом. — Я в город иду.

— Девятисущей лучше ехать в колеснице.

— Они и без того набиты доверху, — догадавшись, что речь идёт о возах, проворчала Юлька. — Меня там только не хватало.

После чего приняла из рук щедрого посыльного ужасно неудобный кожаный мешок.

Бурдюк так и гулял в руках — пляшущая в нём вода пахла невкусно. Но дарёного коня лучше поскорей спрятать, чтобы дарители не передумали.

Она двумя руками поднесла деревянное горлышко к губам и попыталась приподнять бурдюк. Видать, переборщила с нажимом на его мягкие бока: в лицо плюнуло водой. Тотчас две загорелые мускулистые руки пришли на помощь — с грехом пополам напилась.

— Благодарю за щедрость, — со вздохом отлипла Юлька от тёплой вонючей, но живительной влаги.

— Счастливы угодить, — мотнул башкой в поклоне хозяин бурдюка.

И поспешил заткнуть горлышко пробкой: чтоб ни капли не испарилось на термоядерном солнцепёке. Второй всё продолжал искать альтернативы пешему походу девятисущей:

— Могу посадить тебя на своего скакуна, — озадаченно чесал он в загривке под шлемом, косясь на отчего-то разбушевавшихся ослов.

Юльку раздражало, что от Нанок шарахается любая живность, кроме людей. Впрочем, и те старались держаться подальше. Хотя Повелительницы смерти куда безобидней шалых безбашенных Любров — тем под горячую руку лучше не попадать. Нанки же гораздо сдержанней и вообще скрытны натуры.

Жуткая несправедливость — раскритиковала она местные нравы, любуясь, как хозяин бурдюка успел поймать едва не сбежавших ослов. Верней, скакунов, выведенных для того, чтобы ноги при верховой езде не волочились по земле. Но с виду всё равно ослов.

— Даже не пытайся, — снисходительно посоветовала она, прикидывая, как бы без урона для чести почесать зудящую в грязном подгузнике задницу. — Я уж лучше сама. Просто пойду рядом с вами. А то у меня ни воды, ни...

— Всесильная голодна? — спохватился воин.

— Вот уж нет, — как-то неожиданно для себя плотоядно ухмыльнулась Юлька.

Мужика аж передёрнуло. И лишь неколебимая заслуженная гордость воина не позволила ему попятиться подобно безмозглым беспринципным ослам.

— Ну, чего застряли?! — принеслось со стороны уплывавшего вперёд каравана.

К ним трусил скакун, на котором восседал тучный мужик в настоящей тунике — Юлька вспомнила, наконец, как называются местные «наволочки». Туника была пропылённой, но явно статусной: длиной ниже колен с широкой пёстрой каймой по горловине и подолу.

Да и пояс на мужике был побогаче, чем у воинов: целых две золотых пряжки в виде целующихся ящеров-носорогов. Интересно, что Любры думают о подобном вольном изображении... в столь двусмысленной позе?

Наконец, макушку явившегося покрывала не куцая тряпка, а целый платок, укрывавший так же и плечи. На голове его держал тонкий бронзовый обруч. С которого по боком свисали два бронзовых же диска. То ли с чеканкой, то ли с зернью — не разглядеть. Ибо скакун толстяка поднял только-только улёгшуюся пыль.

— Внимание и покорность! — внезапно гаркнул собеседник прямо над ухом Юльки.

Она чуть не пустила в подгузник струйку — вот же зараза! Какого чёрта так орать?

Но устроить мужику головомойку не успела. Толстяк оперативно прореагировал на его предостережение: неожиданно лихо для своей комплекции соскочил с осла и поклонился в пояс. Как показалось Юльке, даже не разглядев, кому именно предназначался поклон.

Зато когда разглядел, его круглое щекастое лицо вытянулось и сделалось несчастным. Воистину, лишь семисуший способен влёт распознать геморрой в любой «упаковке».

Юлька вздохнула и поманила пальцем крикуна. Тот нагнулся к девятисущей, догадавшись, что сказанное будет предназначаться лишь ему.

— Как твоё имя, воин? — предпочла изрядно понизить голос Юлька, дав понять, что выбрала его доверенным лицом на побегушках.

— Бу-Каар, — шёпотом, но с достоинством представился воин.

Герой из народа Буу — машинально подсказала память Нахэры, что означает его имя. То есть мужик не коренной абихушит, а из какого-то завоёванного племени. Хотя с виду все аборигены на одну южную чернявую породу: лишь им очевидны различия.

— Странно, — тщательно прислушивалась Юлька к нахлынувшим ощущениям Нахеры. — Ты не совсем похож на пятисущего. Но и семисушим не являешься.

— Так бывает, — философски пожал плечами выдавший виды мужик приблизительно тридцати местных лет.

В сущности, почти пожилой человек — у аборигенов дожить до полтинника уже удача. Так что девчонка, в которую занесло Юльку, далеко не соплячка. Девушка на выданье — ягодка в самом соку. Только вид уж больно нетоварный — за такую большого калыма не слушать. Даром бы сбегать, чтоб не объедала — и то за счастье.

— Восуществовавший из Создателя Мут наградил меня ЛАТ, — доверительно поделился с девятисущей осторожный воин. — Но его же произволением лишён я ХАТ.

То есть, он прирождённый лидер — уважительно отметила Юлька. Однако лишён полёта мысли для более творческой работы, скажем, полководца. Но для начальника материально-технического обеспечения в самый раз: и накормит, и согреет, и доставит, куда надо.

Просто замечательно! Она уже подумывала о толковом, но не слишком инициативном спутнике. Прикидывала варианты кастинга, а подобрала прямо на пыльной дороге.

Осталось прояснить вопрос найма на работу. И добычи средств для фонда заработной платы. Страшновато даже прикинуть, чем смогла бы заработать на жизнь Повелительница смерти. Самое безобидное: морить амбарных мышей.

А этот их Мут, видать халтурщик — невольно навесила она ярлык местному Богу мужского плодородия. А так же — как ни смешно — скотоводства. Так сказать, мужской силы в целом — у всех самцов без разбора на породы. Ибо одним из имён Мута было «мужская сила Хуша». Кстати — всплыло в памяти Нахеры — Бог Мут и с виду весьма напоминал самый обычный пенис.

Какая прелесть — восхитилась Юлька — местный Создатель прямо-таки «разбрасывается» собой. Шот у него отдельно бегающее чувство юмора. Мут — живущий своей жизнью пенис с пресловутым мужским плодородием. А есть ещё Бдежет — Богиня женского плодородия и заодно ходячее «великолепие Хуша». Да и другие божества из того же разряда «частей Хуша». Кроме трёх его жён. А ещё деток из Нерушимой троицы: Вейры, Нанкешты, Люброфта — те в пантеоне богов стоят на особицу.

Короче, «фрагменты» Хуша являются отдельными Богами. Личностями, которые имеют собственное мнение — просто бред сивой кобылы. Юльке, к примеру, не улыбалось иметь конечности, транслирующие своё мнение по любому вопросу. Да ещё — не дай Бог — вечно его отстаивающие. В прямом смысле слова порвёт, если ноги разбегутся, лично выбрав, куда каждой надо.

— Кому ты служишь, Бу-Каар? — осведомилась она, присматриваясь к толкущемуся в томительном недоумении толстяку.

Само по себе «явление» девятисущей народу далеко не редкость. Работать ради куска хлеба этим деятелям не нужно: в звероподобном облике они любого мамонта завалят и схарчат. В человекообразном их любой накормит: от абиба до последнего крестьянина. Вот и шляются божественные ящерицы-оборотни, где попало.

Недоумение толстяка было вызвано встречей с одиноко болтающейся девятисущей девчонкой... в самом непотребном виде. Ибо этот несчастный заморыш выглядел младше своего возраста — что так удручало добросердечную Улею. Да и УАТ ещё не обрёл — на что указывали обычные чёрные волосы бродяжки.

Раз не золотые, значит, ещё не Вейра — невольно потерявила Юлька слежавшуюся корзинку на голове. Кому придёт в голову, что повстречал уже готовую Нанку? Внешность которой двойник вообще никак не меняет: поди знай, что за птица?

Тут Повелительниц смерти так запросто не встретишь. Их без только что вылупившейся вообще пять штук на весь материк. А то и на весь этот предивно-фольклорный мир. Можно сказать, фантомы, а не дамы. Про таких лепить выдумки — самое милое дело: никто за враньё не прищучит.

Глава 14

Если ты снизойдёшь

На вопрос о месте своей службы Бу-Каар порадовал Юльку подходящей новостью:

— Я отставник. До прошлого лета служил ап-нашаем в дружине тафара Мааруша. Теперь служу самому себе. Нанимаюсь к тем, кого посчитаю подходящим.

Просто блеск — окончательно уверовала Юлька, что ей повезло. Ап-нашай — это что-то вроде майора: лучше, чем лейтенант и гораздо лучше, чем генерал — который ей даром не сдался. Мааруш — в переводе «Центр всего мира» — и есть центральная губерния-таф. В которой расположена одноимённая столица всего Абихуша: Мааруш. Человек, служивший губернатору-тафару «Центра всего мира» не мог быть дураком или трусом.

— А мне послужить не хочешь? — промяукала Юлька своим самым медовым голоском соблазнительницы.

— Тебе? — опешил воин, растерянно косясь на толстяка.

Тот чересчур внимательно прислушивался и присматривался: девятисущая девка несёт такое, что ни в какие ворота. На кой хрен ей слуга? Тем более воин. Всё равно, что крестьянину купить раба, дабы тот отгонял от него мух, пока приходится мотыжить землю.

— Я для тебя подходящий наниматель? — голосом невинной девы, решившей облагородить собой весь мир, уточнила Юлька.

— А, зачем девятисущей стража? — выдохнув, решительно задал Бу-Каар незамутнённо естественный вопрос.

Спросить о причине её одиночного путешествия — без чрезмерно заботливых взрослых девятисущих — не хватало духа у обоих мужиков.

— Незачем, — легко согласилась Юлька. — Но мне требуется не страж. Я ищу... наставника. Достойного и толкового. А ещё опытного... я потом расскажу, в чём. Ты мне кажешься человеком подходящим.

— Подходящим? — на этот раз почти не удивился Бу-Каар, еле заметно приосанившись. — Честь и слава принимать похвалу достославной девятисущей.

— Не называй меня так, — досадливо поморщилась Юлька, вернувшись мыслями к зудящей сопревшей заднице. — Я Нахэра, и сойдёмся на этом.

— Как скажешь, — легко согласился воин.

А мы поладим — мысленно поблагодарила Юлька свою создательницу Нанкешту — та явно присматривала за своей блудной дочерью. За что не возьмёшься — всё в яблочко. Верней, своего Творца — поправила она себя. Ибо Создатель в этом мире един: Хуш — и никаких разночтений в догмах. Все остальные Боги, наплодившие себе разномастных сотворённых, зовутся Творцами. Мелочь, а важно.

— Досточтимый, — наконец-то снизошла она к терпеливо ожидавшему своей очереди купцу. — Как твоё имя?

Никем иным хозяин такого большого каравана — аж на двадцать колесниц — быть не мог. Ибо ехал не в особой крытой колеснице — подсказала память Нахеры — а верхом. То есть не принадлежал к «высшим мира сего». Рылом не вышел рассекать с комфортом.

— Пор-Ба, — вновь отвесил ей поясной поклон купец по имени «Крик волка».

Или «рычание волка», или ещё как-то в том же духе. Видать, его рождение сопровождалось блужданием этих зверюг вблизи дома. Вот впечатлительные родители и одарили младенца грозной кличкой. А тот вырос мужиком неробкого десятка — на роже написано, несмотря на обманчивую полноту человека, привыкшего хорошо кушать.

Насколько Юльке помнилось, тучность и толстое брюхо было признаком высокого положения у большинства народов её планеты. Видать, здесь аналогия уместна.

— Как называется город, в который направляется твой караван? — степенно осведомилась девятисушая пигалица.

— Великий город Хевнёт, — уважительно отрекомендовал Пор-Ба явно нерядовой населённый пункт.

— Он стоит на холме? — уточнила Юлька смысл его названия.

— На большой возвышенности, что тянется вдоль берега полноводной, живительной, плодотворной, смерть отводящей Хурапу́ты.

Юлька чуть не прыснула, выслушав длинные дифирамбы реке с куцым названием Ху. Ради такого дела могли бы придумать имечко и покрасивей. Хотя, все древние слова аборигенов отличались чрезмерной краткостью — дикари-с.

— Я могу продолжить путь с твоим караваном? — вежливо напросилась она в компанию.

— Честь и слава услужить дочери Всесильной и Разрушающей Повелительницы смерти, — без малейшего смущения выдал свою осведомлённость в её семейных делах ушлый купчина.

Ну, нарывался на трёпку — с кем не бывает? Юлька сделала вид, что не заметила.

— Только, не знаю, как тебя устроить, — честно признался хозяин каравана, оглядев фыркающих неподалёку ослов.

Ему-то известно, что от дочери Нанки вся живность шарахается, как от огня.

— Я пойду пешком, — отмахнулась Юлька. — Не обращай внимания на то, что не стоит твоего беспокойства.

И когда научилась так цветисто излагать — мельком удивилась она и встрепенулась:

— Ну, что, пошли? Вам наверняка тяжело стоять на такой жаре. Странно, что вы продолжаете путь в полдень.

— За этими барханами, — махнул рукой Бу-Карр на горы лежащего впереди песка, — оазис. Туда мы и спешили, когда ты...

— Пошли! — гавкнула Юлька.

И потопала в сторону невозмутимо удалявшегося от них каравана.

— Пошли, — решительно двинул следом за ней Пор-Ба, волоча за собой упиравшегося осла.

— Ты не поедешь верхом? — не сбавляя шага, уточнила Юлька

— Когда ты идёшь пешком? — удивился тот, отирая краем головного платка взмокшее красное лицо.

— Садись на осла! — предотвращая долгие препирательства, скомандовала могущественная Нанка. — И вернись на своё место в караване.

— Меня тоже прогонишь? — многозначительно процедил Бу-Каар с мизерным почтением в голосе.

Просто клад, а не мужик — оценила Юлька его презрение к чиновничеству. С детства терпеть не могла подхалимов, что вечно крутились вокруг отца. Вот и Даяша излишне не церемонился, когда её несло.

Вспомнила куда-то потерявшегося мужа и загрустила: где его носит? Когда она тут и страшно нуждается в его родном надёжном «заспинье». Просто свинство, а не переселение душ — она вообще-то на это не подписывалась.

— Если нетрудно, я бы хотела идти с тобой, — попросила она мужчину, во многом напоминавшего Даяна.

— Трудно, — не моргнув глазом, порадовал Бу-Каар своей не всегда удобной искренностью. — Верхом я не так устану, как пешком рядом с тобой.

— Такними это ужасное снаряжение, — вдруг пришло в голову Юльке.

Она ткнула пальцем в его негнувшийся кожаный жилет:

— Тебе же в нём жарко.

— Жарко, — согласился он, шаря взглядом по сторонам. — Однако не сниму. На подходе к большим оазисам всегда шалют. А у этого прижилась шайка самого Ут-Хепёра.

Летящего змея — машинально перевела Юлька, едва не хихикнув. Вспомнила, как «запускала змеев» в покинутом узилище. А заодно ей пришло в голову отыскать своего мудрого дедулю: он тоже пригодится. У мамыши ему не место: тётка совершенно безграмотна в вопросах расстановки кадров.

— Больно уж место для засады подходящее, — перекинул со спины наперёд свой щит опытный отставник вооружённых сил Абикуша.

Где тут «заседать» — недоумённо закрутила головой Юлька. Одни барханы кругом. А по вязкому песку стремительно из засады не выскочишь: будешь бегать, как с привязанными к ногам гирями.

Не успела додумать, как природа Нанки сделала своё дело.

— Там, — сама собой вскинулась её рука, указывая на барханы слева от дороги. — Кто-то есть. Люди и животные.

— Ну вот, — досадливо прошипел Бу-Каар, удобней перехватывая свой тесак на палке.

На копьё его наконечник никак не тянул — что она, копий не видала?

Бывалый воин издал протяжный замысловатый свист — в удалившемся на приличное расстояние караване загоношились. Но предупреждение запоздало: первыми на вершине бархана показались не люди, а звери. Местные хищники, похожие на породу кунных с Земли. И название в масть: куны. Только у этих ноги длиннее и морды шире, а так полное подобие.

Звери лютые и бесстрашные. А за неимением в этом мире кошачьих, ещё и разнообразные: от мелких древесных паразитов до огромных, как тигры. Все экологические

ниши позанимали.

Те, что понеслись к каравану, поднимая тучи песка, были размером с гепардов. Такие же, как они, жёлтые и пятнистые. Злобные — только держись. С такими людям и вправду почти не справиться: их же не меньше десятка.

Вон и ослы взбесились — услышала Юлька рёв ополоумевшей от ужаса скотины. Тут она опомнилась и пнула УАТ: чего застрял? Нанке этот караван нужен целым и невредимым. У неё на него планы.

Миг, и рядом с начисто обалдевшим отпрянувшим воином заиграла хвостами огромная белая ящерица. С развевающейся чёрной гривой — прямо-таки эпический облик того, что, мягко говоря, называется «кранты».

Летающие с бархана куны завизжали, как полоумные — просто заслушаешься. Бедные зверюги тормозили свой полёт вниз пробуксовывавшими лапами. Инерция заставила их позорно скатываться вниз на поджатых хвостах — позорище, да и только.

Собравшиеся принять смертный бой защитники каравана торжествующе взревели. Аборигенов ничуть не смутило внезапное вмешательство богов — чему ж иному и быть. Они же люди богобоязненные и ответственные: мзду в храмы таскают аккуратно в срок. Вот и воздаётся так же аккуратно.

Ну, с Богом — мысленно выдохнула Юлька, сделав первый шаг вперёд. Как оказалось, только он и оказался самостоятельным — дальше УАТ всё сделал без неё. Время и пространство вокруг привычно замедлилось. На зверей ушло не больше пяти секунд: хвосты рассекали их напополам, как нож масло. Молниеносно, как это делала белая ящерица в полузабытом сне Юльки.

— Ут-Хепера! — донеслось до её супер чуткого слуха. — Не убивай!

Бу-Каар — опознала она голос, после чего играючи настигла первых улепётывавших бандитов. И кто тут главарь — раздражённо сбила с ног первых бегунов. У них на рожах не написано. И паспортов в Абихуше не выдают. Придётся брать в плен всю шайку — принялась она сгонять в кучу рассыпавшихся по пескам бандитов.

Верней, катать сердешных по песку, как пустые бочки: хвостами, хвостами. Как шайбы клюшками — церемониться не стала. Ещё чего не хватало! Сначала закатывала голоногих героев на покинутые барханы, а после скатывала вниз к дороге. Пылюки подняла — одна за десяток караванов.

К чести местной армии, мух стражи каравана не ловили. Сообразив, чем занята Повелительница смерти, кинулись подбирать презентованных им бандитов. Сначала, как водится, торопились насовать в морду — выпустить, так сказать, пар из-под крышки. А затем принялись вязать душегубов — видать, для доставки в компетентные органы дознания.

Юлька полюбовалась на всеобщую свалку и прыгнула к торчавшему на прежнем месте Бу-Каару. Тот стащил с головы шлем — под ним оказалась не модная у аборигенов бритая лысина, а мокрые от пота короткие чёрные волосы. С волосами и без шлема воин оказался моложе, чем казался. Он задумчиво чесал в загривке и время от времени качал головой: вот, оно, значит, как.

Так-так — мысленно поддакнула Юлька, и вдруг ей показалось, будто где-то поблизости отирается девятисуший. Смерть собрата и впрямь могли почувствовать все ящеры во всех уголках мира. А вот живого сородича, к сожалению, нет. Тут в дело вступал не УОТ, а элементарно нюх. Который не безупречен даже у них: на километры вокруг окрестности не прочёсывает.

Так что Юльке показалось, будто рядом другой ящер — или ящерица — но достоверно убедиться не вышло. Поблазило и пропало. Она плюнула на расследование и вывернулась наизнанку: обратно, в человеческий облик.

— Бу-Каар, так ты станешь моим наставником?

— Не могу, — впервые отвёл глаза честный воин, угрюмо супясь.

Вот тебе бабушка и охреневший дедушка.

— Ну и зря, — обиженно промявкала Юлька.

Демонстративно развернулась и пошлёпала в сторону каравана. Где, между прочим, в могущественную приبلуду тыкали пальцами, о чём-то шушукаясь на её счёт. Верней, насчёт внезапно нарисовавшейся Повелительницы смерти.

— Я хочу жениться, — внезапно как-то мрачновато признался в греховных намерениях серьёзный мужчина, поспешая за вздорной девкой.

— И что? — сдуру ляпнула Юлька, чуя, как ветерок притащил откуда-то спереди запах воды.

Ослы в караване уже всюду тянулись вперёд носами: бедолаг пора поить. Заслужили — не то, что некоторые. Кому врага буквально поднесли на блюде, но времени это ни черта не сэкономило.

— Мне нужно заработать на выкуп невесты, — пояснил Бу-Каар, поравнявшись с Юлькой. — Она и без того уже целый год ждёт. Ещё немного, и отец выдаст её за другого.

— Не выдаст, — усмехнулась она с той самой чужой надменностью, что ей претила. — Я лично его попрошу этого не делать.

— Ты снизойдёшь? — впервые искренно поразился этот мужчина, навидавшийся всех и всякого.

— Ещё как снизойду. Пускай попробует отказать.

— Тогда я согласен, — успел принять решение Бу-Каар за секунду до того, как взревел хозяин каравана, понуждая безруких тупиц пошевеливаться.

Оазис посреди однотонно-пресной пустыни, конечно, приятная штука: там Юлька хоть немного продышалась. Осточертело ей бродить по пескам — хоть волком вой! Но, когда караван добрался до реки, она прямо-таки обомлела. Да уж: всё реально познаётся в сравнении.

На контрасте с оазисом прибрежные земли Хурапúты выглядели откормленной ухоженной персидской кошечкой в сравнении с облезлым помойным кошаком. Поля и сады от горизонта до горизонта — неспешно разглядывала Юлька открывшуюся панораму. Каждый клочок орошаемой земли тут старались использовать на полную катушку.

Река со смешным названием Ху была и живительной, и плодотворной, и смерть отводящей — Пор-Ба ни в чём не погрешил против истины. Для аборигенов этот широченный поток мутной, кишащей — по словам спутников — всякими гадами, но изумительно пресной воды просто грандиозный подарок. Можно себе представить, сколько храмов и статуй отвалили за него Богине Рапу, трудолюбиво источавшей воду. Одной из трёх жён безрукого дилетанта, насоздававшего прорву пустынь.

— Что-то я не вижу вашего хваленного города, — вежливо съязвила Юлька.

Она бодренько топала рядом с Бу-Кааром между невысокими, но крепенькими развесистыми фруктовыми деревцами. На этот раз впереди каравана, а не в хвосте. Наставник давно стащил с себя свой жилеточный панцирь и теперь кайфовал.

«Выставочной» рельефной мускулатурой воин похвастать не мог. Но его суховатое

крепкое загорелое тело навевало — так сказать — мысли о скрытом и явном. Может, буутанин и не силён, как бык, зато ловок, как чёрт — надеялась Юлька, что распознала его породу несгибаемых бойцов в супер лёгком весе.

Вообще-то он даже по-своему красив — если не слишком придирается. Сделать скидку на южный тип лица, который у любого русского невольно ассоциируется с ожиданием какой-нибудь гадости вроде набега или теракта. И уж точно Бу-Каар с первого взгляда вызвал у Юльки стойкое ощущение доверия к этому человеку.

Если же она обманулась, просто сожрёт этого гада: не хрен вводить женщину в заблуждение.

— Возвышенность, с которой мы спускаемся, невелика, — тоном завязтого лектора пояснил Бу-Каар, косясь на крестьян, обиравших фрукты. — С неё реки-то не видать, не то, что другого берега. Вот, выйдем к Хурапúте, и ты сможешь удостовериться: Хевнёт действительно великий город. Один из двух самых великих на весь Абихуш.

Он чуток подумал и добавил:

— Твоя мать никогда сюда не заглядывает. Она отчего-то не любит Хевнет. Так что ты можешь её не опасаться.

Из Юлькиного откровения насчёт нежелательности контактов с мамашей, он сделал неверный вывод. Она чуток подумала: стоит ли вдаваться в разъяснения? Решила, что не стоит, и сменила тему разговора:

— У тебя монеты есть?

— Есть, — признался Бу-Каар, как показалось Юльке, не слишком охотно.

— Ты хочешь фруктов, но не хочешь тратиться? — догадалась она.

— У меня остались две серебрушки, — поморщился воин, заподозрив, что его заподозрили в скупости. — А у крестьян при себе не найдётся и половины медяшек, чтобы отдать лишнее. На серебрушку можно нагрузить фруктами аж три возка. А зачем мне эта морока? Если, конечно, ты не снизойдёшь, и не оставишь их себе. Ты куда? — прилетело Юльке уже в спину.

Она отмахнулась и пошлёпала к ближайшей парочке девчонок — её ровесниц — что стряхивали с дерева плоды длинными суковатыми палками. Обе точно в таких же наволочках, как у неё — только в подпоясанных и чистых. Да и волосы у девчонок были аккуратно подобраны, и на лицах прямо-таки залежи благочестия.

Так что первые взгляды, брошенные гордячками на топавшую к ним замызганную побирушку, были высокомерней, чем у главного жреца Хуша, с которым Бог — по всей видимости — при встрече здоровается за руку. Однако по мере приближения обе девицы моментально распознали в приبلуде девятисущую. Удивились, но ритуал «поклонения» исполнили безукоризненно: поклонами в пояс.

— Доброго дня и щедрого урожая, — поприветствовала садовниц Юлька, набираясь наглости. — Не угостите меня парочкой ваших замечательных... персиков, — споткнулась она, и тут же на выручку пришла память Нахеры.

Во всяком случае, в собственном языке нашлась именно эта аналогия. Персики, как персики — только больше раза в два. И втрое пушистей. Интересно, каково будет класть их на язык.

— У нас есть корзинка, — ни к селу ни к городу похвасталась одна из девиц.

— Рада за вас, — брякнула Юлька, нетерпеливо ожидая обещанных традициями подношений.

Садовницы переглянулись, и одна отважилась пояснить высокомуудрой идиотке:

— Мы наберём тебе полную, если ты снизойдёшь и немного подождёшь.

— Полную не надо, — мысленно стушевавшись, постаралась не терять лица девятисущая никчёмность. — Достаточно четырёх штук.

— Четырёх? — удивлённо захлопала глазками инициативная садовница.

Но вторая дёрнула чересчур любопытную подругу за край туники, и та, наконец, отцепилась со своей никому не нужной услужливостью.

— Держи, — сунула Юлька в руки невозмутимо дожидавшегося Бу-Каара три персика. — Надеюсь, они спелые.

Они оказались спелыми, сочными, сладкими и щедрыми на липкий сок. Которым Юлька изгваздала руки и щёки. Так и шлёпала до ближайшего канала, шевеля слипавшимися пальцами.

До реки караван добрался лишь к полуночи. Хотя, почуяв конец пути и начало большой воды, понурые насквозь пропылённые ослы приободрились. Чаще забухали копытами в укатанную землю. Люди тоже сутились в предвкушении — за исключением бандитов, головы которых были приторочены к длинной палке.

Всю дорогу они так и шли двумя рядами практически голова к голове. И если бы кто-то в изнеможении потерял сознание, остальные поволокли бы задушенный тугой петлёю труп.

Снисхождения к упырям не проявил ни один абориген в караване.

Лишь Юлька привычно по-бабьи жалела измождённых пленников. Но вмешиваться не пыталась: на них столько крови, что заступничество Нанки будет выглядеть крамольным. Ей, понятно, подчинятся, но симпатию, что начала зарождаться в сердцах людей, терять жалче. Поди заработай её снова при такой неопикуемой славе, как у Повелительницы смерти. Тем более, приобретя дополнительную репутацию своевольной девки. Нет уж: тут каждый за себя.

Остаток ночи провели на постоялом дворе, выстроенном из кубиков одинаковых построек. С узкими горизонтальными бойницами под самой крышей — сны Юльку и тут не обманули: всё передали точно. Впрочем, детальных изысканий она не проводила: упала рядом с Бу-Кааром и вырубилась. Намаялась бедная девочка.

Неизменно ясное утро позволило разглядеть далёкий противоположный берег. Где, собственно, и располагался город Хевнёт. Неровные полосы заползающих на широкий холм красноватых построек пестрили зеленью. Супер зоркие глаза Нанки даже разглядели среди неё пальмы: ну точь-в-точь, как на Земле. Как же тесна вселенная: куда бы тебя ни занесло, там либо Турция, либо Египет, либо Таиланд.

Последнюю часть пути караван преодолевал на самом обычном пароме — тут ни в одном мире ничего нового не придумать. Широкие тростниковые плоты тянули за собой гребцы в тростниковых же пирогах. Два десятка колесниц с четвёркой ослов и сопровождающими — два десятка плотов.

Влетела переправа Пор-Ба в копеечку. Тут не то, что волком — белугой взвоешь. Однако хозяин каравана был доволен. За всё томительное время заплыва через неопикуемо — по местным меркам — широкую реку ни единого нападения крокодилов. В какой мир не сунься, эта пакость там обязательно водится. Юльку бы не удивило, если где-то даже в виде разумных аборигенов.

А вот лодочников-плотогонов сей факт до известной степени поразил. Перетащить на ту сторону целых двадцать плотов — это тебе не фунт изюма. А на них не облизнулась ни

одна зубастая тварь. Так же не бывает!

Видать, хозяину каравана кто-то шибко благоволит — уважительно поглядывали на него со всех пирог готовые к битве с крокодилами дюжие мужики. То, что это самая настоящая Повелительница смерти, от них, понятное дело, скрыли. Однако на рожах всех без исключения караванщиков можно было прочесть некую посвящённость в несусветную тайну.

Иных аж подбрасывало от желания всё выболтать — еле крепились. Ибо страх перед тощей девчонкой был безграничнее вселенной — Юлька не уставала поражаться собственной роли в местной фауне.

По мере приближения противоположного берега она-таки высмотрела, что Хевнет состоял из двух частей. Первая базировалась за высокой красноватой стеной, которую от реки отделяла широкая набережная. За наглухо задраенной стеной — ни ворот, ни калитки — что наводило на мысль о социальном неравенстве. Эта местная китайская стена — по верхушке которой, между прочим, катались колесницы — тянулась вдоль самой благоустроенной части набережной.

Весь прибрежный край которой был забит горами товаров: мешками, корзинами, высокими кувшинами, тюками, брёвнами и прочим барахлом. Лишь у самой стены осторожно просачивались прохожие. Длинные корабли — больше похожие на всё те же плоские баржи с рядами частых вёсел — приткнулись к каждому свободному пяточку набережной. Яблоку негде упасть! Никаких рыбацких лодчонок — только речные пароходы повышенной грузоподъёмности.

Те же плоские кораблики с длинными узкими носами скользили по реке туда-сюда мимо города — просто не протолкнуться. Но по мере удаления от красной стены между ними всё чаще шныряли рыбаки на своих вёртких челноках, связанных из тростника. А на середину реки кроме них вообще никто не заплывал: тут рыбакам полное раздолье.

Второй частью города был, собственно, город. В принципе, такой, каким Юлька видела его во сне. Разнокалиберные прямоугольные и кубические коробки, коробочки, коробчонки — где-то особнячком, где-то в ряд, где-то в куче одна на другой. Хаос в прямом смысле слова — будто кто-то нарочно наизображал тут нечто авангардное.

Где-то вокруг группы таких строений высокие глухие ограды, за которыми изнывают от духоты пальмы. Это фазенды богачей. Где-то коробчонки сбиты в подлинные улыи: между ними даже тощую морковку не воткнуть. Тут прозябает простой народ.

Юлька вспомнила свои хрущовские двушки, из которых они кое-как сляпали убогие двухэтажные апартаменты. Звучит громко, а толком не развернёшься. Нигде правды нет — машинально надулась переселенка, позабыв, что нынче она прямо-таки целая Повелительница смерти.

Повелевать которой — если на чистоту — это занятие для профессиональных продавцов воздуха. Ты смертью командуешь, а она в это время где-то шляется сама по себе: занимается своими прямыми обязанностями. И даже не плюёт на твои потуги свысока, ибо вообще тебя не знает. Ты для неё пустое место.

— Тебе не понравился Хевнет? — в удивлении прочитал на лице спутницы Бу-Каар.

Он стоял на расплзающемся краю тростникового снопа, из которых были увязаны плоты. И вопреки всем законам природы не шлёпался в воду. Волоокие чёрные глаза воина были преисполнены укора. Можно подумать, он лично закладывал и отстраивал этот город.

Он даже не родился тут, чтобы изображать непритворного болельщика доисторического

поселения. Впрочем, человеку, не видевшему Питер или Казань, простительно.

Глава 15

И кого я должна убить?

Закончив любоваться натуральным древним городом — пока ещё не в виде раскопок — Юлька деловито осведомилась:

— Твоя невеста живёт в Хевнете?

— Рядом, — осторожно ответил Бу-Каар, недоверчиво шурясь на юную Нанку, склонную принимать спонтанные решения. — В поместье за его северной окраиной.

— Ты уже собрал нужную сумму для выкупа? — и не думала миндальничать Юлька в таком важном вопросе, как вступление в брак именно с тем, кто тебе нужен.

— Только половину, — вот теперь он неприкрыто насторожился, словно собирался что-то там отстаивать.

— Отец невесты тебя терпеть не может? — с ехидным участием в голосе промяукала могущественная засранка.

Именно так должен был подумать взрослый мужик, беспощадно сжав плеть — аж костяшки на дочерна загорелых руках побелели.

— Да, ладно тебе, — примирительно промурлыкала Юлька, состроив ему глазки. — Если честно, мне безразлично, что он там о тебе думает. Я-то о тебе думаю хорошо. А остальное унесёт ветер.

— Детка, а тебе-то зачем ввязываться в чужие проблемы? — вконец осмелев, принялся качать права взрослый мужчина, которого достало пресмыкаться перед нахальной козявкой.

— Я же объяснила, — удивилась Юлька его непонятливости. — Ты мне нужен. Причём, здоровым и довольным жизнью. Чем меньше будет проблем у тебя, тем скорей ты сможешь избавиться от моих.

— Ты так и не рассказала о них, — напомнил Бу-Каар с видом счастливицы, которому повезло выиграть право стать главной жертвой богам, зверски приконченной на светлом праздничке.

Юлька покосилась на плотогонов и мотнула башкой:

— Не здесь.

— Да, конечно, — пробормотал под нос воин и отцепился.

Перевозчикам не пришлось подкарауливать, когда у причалов освободиться местечко: у них был персональный уголок. В стороне от стены, огораживающей храмовый комплекс с прилепленными к нему жилищами жрецов.

Где — кстати сказать — столь высокую персону, как Нанка, встретили бы ползком на брюхе. Всем коллективом: от главных жрецов разных богов до последнего золотаря. С ног бы сбились, норовя ей угодить.

— Бу-Каар, — задумчиво оглядывалась Юлька, машинально вскарабкавшись на вытащенную с плота колесницу. — У тебя в Хевнете свой дом?

— У меня дома нет, — сухо проворчал воин, демонстративно пялясь в сторону. — Ты бы слезла с колесницы. Глянь, как ослы бесятся. Сорвутся с места, потопчут чужой товар. Пор-Ба придётся возмещать убытки. Если, конечно, ты не снизойдёшь, — неожиданно опять предложил этот богохульник. — И не возьмишь вину на себя.

Бу-Каар испытующе уставился на свою неудобную знакомую: накажет за нахальство, или нет? Девчонка действительно столь простодушна, или придуривается, дабы подловить его и наказать за вольнодумство.

— Не снизойду, — в тон экспериментатору съязвила Юлька и спрыгнула с колесницы к облегчению пары возниц, висящих на шеях беленящихся ослов. — Потому что не хочу выставлять себя напоказ. Плохо, что ты бездомный. А ещё жениться вознамерился.

— Не твоё дело, — с деланной суровостью отрезал воин, старательно супя брови. — Лучше скажи: какой дом ты хотела бы осчастливить своим присутствием? Богатый или попроще?

— Тот, у хозяина которого не самый длинный язык, — усмехнулась Юлька. — Мог бы и сам догадаться.

— Я должен спросить, — нравоучительно заметил Бу-Каар, глядя куда-то ей за спину. — Ты всё-таки Нанка, а не просто наглая девица, возомнившая о себе лишку.

С недавнего времени Юлька обнаружила, что у каждого человека свой индивидуальный запах. Запоминать их не старалась — эта инфа и без того въедалась в башку намертво. Так что Пор-Ба — чей запах потянулся из-за спины — она идентифицировала моментально. Даже на битком набитом причале, где стояла густая с трудом переносимая вонь.

— А ты где живёшь? — она резко обернулась к купцу в полной уверенности, что обескуражит любителя подкрадываться со спины.

— Моё поместье на северной окраине города, — даже не попытался притвориться обескураженным пройдоха с железными нервами.

— И твоё тоже? — обрадовалась Юлька, что не придётся далеко бегать за невестой Бу-Каара.

— Отец приглянувшейся ему девушки, — покосился купец на решившего остепениться воина, — мой сосед. — И старинный друг. Я бы не хотел его сопровождать в западную пустыню раньше срока.

Память Нахеры подсказала, что именно на западе аборигены хоронят своих мёртвых: пустыня там, джунгли или вообще море — без разницы. Главное, отволочь покойника на запад. Который, между прочим, для западных соседей был востоком.

Великое дело: правильно похоронить человека. Ибо верный путь в загробный мир — это вам не пробежка по перрону первой подвернувшейся станции метро. С неё ты доберёшься до нужной тебе станции — даже если законченный идиот: в метро все пути подписаны. Если же ошибёшься при выборе пути в загробный мир, так уж дело не поправишь. Никогда. Так и отправишься в адские вертепы, где злые кровожадные духи будут целую вечность жрать твои кишки. У них не забалуешь.

— С чего ты взял, что я собираюсь поторопить твоего друга? — неприятно удивилась Юлька тому, что о ней так дурно подумали. — Ты что, решил, будто я его убью?

— Обязательно убьёшь, — невозмутимо поддакнул Пор-Ба, вцепившись в один из висящих на груди амулетов.

Из красивого полупрозрачного синего камня: поразительно насыщенного цвета. В самом амулете ничего выдающегося: просто женская фигурка. С неправдоподобно тонкой талией и толстой задницей, из которой торчали неимоверно жирные ляжки. Длинные волнистые волосы Богини — а кого ж ещё-то — были тщательно выточены: локон к локону. И весьма смахивали на изображение текущей реки.

Воссуществовавшая из Создателя Рапу — подсказала память Нахеры. Самая почитаемая абихушитами Богиня — что естественно, ибо в пустыне драгоценнее воды только собственная жизнь.

— Ты не слишком-то почтителен, — забрюзжала на инсинуатора Юлька, почувствовав

укол обиды.

Купец обвёл её изучающим взглядом и на свой лад извинился:

— Я почтителен. И не имел намерения тебя оскорбить. Просто ты Нанка. Хотя и стараешься вести себя, как человек. Что, как ни странно, у тебя получается.

— Раз получается, значит, я человек, — проворчала Юлька, не желая углубляться в тему. — А ты, почтенный, не финти. Отвечай прямо:пустишь меня в свой дом? Погостить.

— Только не сразу, — моментально отреагировал привыкший всё просчитывать купец. — Дай мне чуток времени, чтобы удалить из поместья животных.

— Ослов? — вспомнила Юлька о его транспортных средствах.

— И коров, — со вздохом махнул рукой Пор-Ба. — И овец. А главное, пару аргатанских быков. Этих, если ты напугаешь, мы всем скопом не угомоним. Пока они всё поместье не разнесут.

— Я подожду, — покладисто кивнула Повелительница смерти. — Хотя, проще найти мне какой-нибудь уголок подальше от животных.

— Тогда я не смогу принять тебя в доме, — озадаченно возразил купец. — А это бесчестье. Нанка не может обитать в дальней халупе у самой стены поместья. Думаю, лишь там тебя не почуют со скотного двора.

— Почему не могу? — нетерпеливо брякнула Юлька, чуя, что проблема выеденного яйца не стоит.

— Там живут мои рабы! — искренно возмутился Пор-Ба.

— Ну, так высели их, — невозмутимо потребовала Юлька. — Это даже лучше: прикажи, чтобы в мою халупу вообще никто носа не совал. И хватит об этом.

Осчастливленный купец не посмел препираться. Махнул рукой и ускакал вперёд: готовить официальный приём. А так же очистить для них рабскую хижину у дальней стены поместья. Ну, и обустроить её подобающе для Всесильной и Разрушающей: честь всё-таки детям не игрушка — ею не пренебрегают.

Юлька и не пыталась — тем более не собиралась устанавливать здесь свои порядки. Спасибо уже и за то, что ей попались вполне адекватные мужики. Лишённые религиозного мракобесия с холопскими замашками узколобых почитателей «вышестоящих».

Она топала рядом с Бу-Кааром по узким улочкам городского улья, стуча деревянными подошвами по каменной земле. Между прочим, остальные носители примитивной обуви столько шума не производили: то ли опыт, то ли дерево другой породы. На Юльку же оборачивался каждый второй. И не будь на её лице очередной занавески — Пор-Ба презентовал почти прозрачную дорожную тряпку — башка бы отвалилась от тысяч ответных кивков на поклоны.

Скуки ради она пыталась возбудить в себе хоть какое-то любопытство в адрес местных достопримечательностей. Не вышло. Достопримечательностей тут просто не водилось. Улицы напоминали склад в обувном магазине: коробка на коробке, рядом с коробкой — и вокруг одни коробки. Прямоугольные, аккуратные, обмазанные глиной с неизменными бойницами под самый потолок.

Правда, на крышках некоторых были устроены навесы: растянутые на жердях яркие цветные тряпки. Под ними в сомнительном теньке сидели женщины и рукодельничали. На этом вся архитектура заканчивалась: ни малейшего разнообразия форм и расцветок. А ведь на дворе уже не каменный век: во всю голову бронзовый.

До северного предместья Хевнета добирались целую вечность. Ибо все верхами, а сама Повелительница смерти по-прежнему пешком. Бу-Каара сей афронт больше не смущал. Он покачивался в седле своего скакуна с видом закоренелого пофигиста.

Кстати, и сам скакун как-то подуспокоился насчёт соседства Нанки. Артачился-артачился, получал кулаком по ушам и нате вам: внезапно решил наплевать на проистекающие от неё флюиды. Размеренно бумкал копытами по каменной земле, демонстративно игнорируя худую заморенную смерть с правого бока.

Той же скуки ради Юлька принялась музыкально подбумкивать ему своими деревяшками. Бум-тáтáтá-бум-тáтáтá. Бум-тáтáтá-бум-красота. Её всегда манили барабаны тайко, на которых японцы выделывали чёрте что.

Есть что-то завораживающее в музыке, которую никто не «выпиливает» из струн и не «выдувает» из труб. Нечто первобытное, что сидит у тебя где-то на самом доньшке выстраданного интеллекта. И, как ни странно, именно оно будоражит кровь больше всего остального.

Поместье Пор-Ба реально оказалось поместьем. Нет, глинобитные коробки так и остались коробками, кое-где поставленными одна на другую. Но между ними росли пальмы — признак богатства хозяев. А перед самой большой коробкой хозяйского дома красовался самый настоящий бассейн — вообще несусветная роскошь.

Вокруг бассейна понавтыкали кустов и деревьев исключительно плодово-ягодного назначения. Всё тот же принцип: ни пяди орошаемой земли впустую. А фасад хозяйской коробки украшали размалёванные цилиндрические колонны. Раскрашенными были и деревянные дверные коробки — тоже ничего себе роскошества. Дерево здесь дороже бронзы — напомнила память Нахеры, о чём Юлька и без неё уже догадалась.

Внутри поместья они с Бу-Кааром прошли через натурально вавилонские массивные ворота. Две башни, между которыми устроено что-то вроде арочной раскрашенной дверной коробки. Хотя сами ворота прямоугольные.

На полукруглом навершии над воротами был намалёван огромный чёрный распластавшийся ящер. С поразительно уродливой расплющенной мордёнью. Судя по всему, сам Хуш, на спине которого расселись три маленькие изящные ящерки: оранжево-жёлтая, синяя и белая. Надо думать: огонь, вода и воздух — все три супруги на шее бедного мужика. Каждая небось ещё и с норовом: Богини же, а не прачки.

Пройдя под ними первой, Юлька предстала перед Пор-Ба. Тот стоял, гордо выпятив пузо, под руку с пухлой невысокой красивой женщиной средних лет. И естественно, для затравки взялся драть глотку:

— Внимание и покорность!

— Могу ли я переступить твой порог? — поморщившись, вспомнила инопланетянка о местном этикете.

Хозяин дома многозначительно покосился на супругу и демонстративно простецки ответил дежурным приглашением:

— Почти мой дом своим присутствием.

Бедная хозяйка дома аж вспотела, изображая неосведомлённость по поводу статуса гостыи. Её волоокие чёрные очи ощупывали Юлькину импровизированную чадру с жадностью шопоголика на распродаже. Ещё бы: у неё в гостях сама Нанка, а похвастать никак.

— Почту, — хмыкнув, столь же простецки поддакнула Юлька, оглядывая бассейн. —

Искупнуться бы, — намекнула хозяевам о самом горячем своём желании.

— Всё моё для тебя, — покончил Пор-Ба с церемониями.

И отступил, широко поводя рукой в сторону бассейна. Вокруг которого не было ни души.

Бултыхалась она долго и с наслаждением. Песок настолько осточертел за эти дни, что, казалось, вьелся в кожу. И даже теперь неохотно сползал с неё, цепляясь всеми... словом, всем, чем мог. Юлька отмокала телом и всюю работала головой: со всеми тутошними делами нужно покончить, как можно скорей.

Где-то шиялся без присмотра Даяша, а он у неё мужчина козырный. Непременно уведут, стоит ей проканителиться. Возвращай потом с риском, не сдержавшись, кого-то убить. Теперь-то ей и карты в руки.

Как и в деле скоростной женитьбы Бу-Каара. С которой рассчитывала справиться в рекордные сроки. Она была пускай и дефективным, но всё же продуктом родительской среды государственной элиты: знала цену договорной любви во имя обоюдного жирного благополучия.

Нет, конечно, у невесты Бу-Каара вполне могут быть подлинные чувства: он мужик видный. К тому же военный, а это в Абихуше статус — подчеркнула Юлька, развалившись на толстой стопке циновок около двери в отведённую ей халупу.

С другой стороны, вопрос цены брачного соглашения невеста с повестки не сняла. Значит, любовь любовью, а достойное обеспечение девице вынь да положь — размышляла она, рассеянно следя за руками своего...

До сих пор так и не нашла подходящего названия для его должности. Референт? Телохранитель? Консультант? Всё смешно и всё мимо. Пожалуй, компаньон — при всей нелепости этой профессии — самое подходящее по смыслу. Тот, кто помогает убивать время или скуку — товар для элитной публики. Трудовому народу и объяснить-то затруднительно: что это за перец и на кой нужен?

Тем более не объяснить, что Юлька просто нуждалась в надёжном мужском плече: привычка у неё такая. А Бу-Каар просто идеально вписывался в её стандарты мужика с крепкой шеей, на которой бесподобно удобно сидеть. И её новая непобедимая, неистребимая порода смертоносной ящерицы здесь никаким боком: женщине нужен защитник и точка. Хотя бы и от неё самой.

— Ваша бронза просто дрянь, — не особо задумываясь над последствиями, легкомысленно поделилась Юлька своим просвещённым мнением.

Бу-Каак преувеличенно внимательно осмотрел нож, который точил уже пару часов кряду — начал ещё у бассейна, следя, чтобы полоумная девка не утонула. После чего воин поднял почтительный взгляд на Повелительницу смерти, тупости и языков без костей. Кивнул и до отвращения вежливо осведомился:

— Ты можешь предложить иной металл для оружия? Какой-то новый сплав меди с неизвестным материалом?

— Не могу, — скрыла Юлька своё смущение за дерзновенностью во взгляде. — Хотя и знаю, что такие есть.

— Есть, — легко согласился Бу-Каар, вернувшись к своему нудному занятию. — Те же аргатаны используют иной металл. Не солнечную медь, а лунное железо. Оно гораздо крепче. И заточка у него лучше. Но своё оружие аргатаны никому не продают.

— А украсть? — ляпнула Юлька, невесть с чего воодушевившись.

Прежде не замечала за собой азартных влечений к нарушению заповеди «не укради». Даже порицала — вполне искренно. А тут смотри-ка: откуда что берётся?

— Можно и украсть, — степенно протянул Бу-Каар, оценивая качество заточки прицельным прищуром профи. — При известной сноровке.

— Какой? — уточнила Юлька, ибо собеседник многозначительно умолк, приглашая задать вопрос.

— Быстро бегать, — не без удовольствия схохмил воин. — И хорошо прятаться.

— Ну, я-то быстро бегаю, — в ответ схохмила Юлька.

Судя по моментально окаменевшему лицу Бу-Каара, абсолютно не смешно.

— Что? — ласково мякнула она, состроив ему глазки. — Нанке красть нельзя?

— Нанке красть незачем, — сухо отрезал воин, демонстративно не глядя на языкатую паршивку. — Тебе и так отдадут всё, что потребуешь.

— Но требовать не стоит? — понукнула Юлька сурового зануду.

— Если абихушиты узнают, откуда агратаны берут железную руду, будет большая война, — решил просветить её разумный предусмотрительный мужчина, наверняка проливший реки крови. — И тогда Нерушимая троица накажет зачинщика кровопролития, нарушившего небесное равновесие.

— Накажет? Меня? — озадаченно пробормотала Юлька, и тут же обнаружила в завалах девчоночьей памяти всю необходимую инфу насчёт цены вопроса: — Ах да! Ну, конечно, — отмахнулась она от вытаращившегося на неё мужика. — Да, знаю я, знаю, — досадливо проворчала, состроив ему зверскую рожу. — Что выпучился? Я пошутила. И кстати, — набычилась то ли Нахера, то ли она сама. — Ничего мне ваш разлюбезный Люброфт не сделает. Даже кончиком хвоста не тронет. Иначе ему моя госпожа Нанкешта ноги выдернет.

— Уверена? — насмешливо промурлыкал в сторонке знакомый голос.

Юлька нехотя обернулась, попутно зыркнув на Бу-Каара — тот даже ухом не повёл. Как точил свой нож, так и продолжил. Только руками неестественно задвигал, будто робот: вжик-вжик-вжик-вжик.

— Он меня и не видит, и не слышит, — пояснил бесстыдник Шот, беспечно почёсывая мошонку, больше напоминавшую осиное гнездо.

Паразит, естественно, услышал Юлькины мысли, и вот вам, пожалуйста: из короткой шарообразной... и вообще чисто символической пипки вылезла оса. Расправила крылья и стартовала, уступив место у выхода из неприличного дупла следующей насекомой. Та третьей, и пошло дело. Юлька раздражённо взирала на осиный рой, зависший перед её лицом. Если этот гад попробует натравить на неё своих...

— Зачем? — вполне искренно удивился Бог пошлых фокусов и тупых шуток. — Они всё равно не станут тебя кусать.

— Хочешь сказать, что осы настоящие? — вмиг перестала дуться Юлька, заинтригованная неожиданным поворотом событий.

— Конечно, — ещё больше удивился Шот, продолжая расчёсывать мошонку. — Это же чужие сотворённые. Их Творец Усút. А у меня своих сотворённых и вовсе нет, — величаво махнул он рукой, и осы мигом бросились врассыпную.

— Что так? — ехидно уточнила Юлька, проводив их глазами. — Руки не из того места растут?

— Как-как? — вмиг встал в охотничью стойку Властелин розыгрышей, бесстыдства и дурновкусыцы. — Не из того места?

— Угу, — хмыкнула Юлька, любуясь его профессиональным воодушевлением. — А точнее: из задницы.

Бог-шутник хрипло заржал, знакомо всплёскивая руками. Затопотал своими короткими ножками-тумбами, складываясь пополам. Перья и коса мели тщательно выметенные плитки дворика перед халупой, где он застал свою новую игрушку.

Благо хоть больше не пускал задницей мыльные пузыри: мужика задела критика инопланетян, почитавших подобные выходы дешёвой пошлятиной. Смешно это или грустно, но ходячее «чувство юмора Воссуществовавшего из ничего Хуша» почитал себя великим умником.

А ещё эстетом и чуть ли не интеллигентом — насколько это возможно себе вообразить. Любой намёк на то, что он замарал себя в чём-то пошлом и низменном, ранил могущественную бестолочь — такая вот кадриль с выходом.

— Ты случайно Севку не встречал? — задумчиво разглядывала Юлька веселящегося Бога. — То есть Болвата.

— А то как же, — утирая натуральные слёзы, простонал Властелин хихиканья, смеха и громогласного гогота.

И в мгновение ока оказался на циновках рядом с ней.

— И? — нетерпеливо понукнула его Юлька, силясь понять, что её внезапно встревожило. — Ты с ним говорил?

— Не-а, — беспечно ухмыльнулся Шот, разглядывая хоромы, предоставленные хозяевами поместья Повелительнице смерти. — Когда ему было? Едва они с девочкой слезли с корабля хушитов, рванули прочь.

— Рванули? — насторожилась Юлька, соскочив с циновок. — Целенаправленно? Ты что, рассказал Севке, где искать отца?

— Ну, да, — простодушно подтвердил гнусный мучитель потерянных тоскующих жён. — Вот он и понёсся его разыскивать. Да только всё напрасно. Твоего муженька там больше нет. Он ещё три года назад убрался с этого континента.

— Как... три года назад? — проблеяла Юлька заплетающимся от сокрушительного обалдения языком.

— Как есть, — внезапно резко посерьёзnel Бог, взрезав её непереносимо пристальным взглядом бронзовых глаз-горошин. — А ты что, думала: вы сюда свалились одновременно?

— Мы же умерли рядом, — вцепившись в занывшие виски, промямлила Юлька, пытаясь справиться с потрясением. — Там, дома.

— Рядом, да не вместе, — строго указал ей Шот на принципиальную ошибку. — Он ушёл первым. Как и его дружок. Первыми они и здесь объявились. Десять лет назад, — добил бездушный мерзавец убитую горем женщину. — Верней, уже почти одиннадцать. Семь лет упрямые придурки всё вас разыскивали. Надоели всем до оскомины. Не верили тупицы, что вас в этом мире нет. Потом разобиделись и уплыли на другой конец океана Апакрапу. Там ещё один континент: вдвое обширней и...

— Погоди, — оплыв всем телом, опустилась Юлька на землю, прижавшись к ней щекой. — Не тарихти. Дай опомниться.

— Да уж, будто бы! — иронично возопил Бог скверных новостей и зловредности. — Не строй из себя робкую дуру. Ты уже вполне опомнилась. И прикидываешь, как бы скорей последовать за муженьком. Кстати, совершенно напрасно.

— Что напрасно? — машинально буркнула Юлька, занимаясь ровно тем, о чём он и

говорил: планом заморского путешествия.

— Тащиться за ним, — как-то нехорошо улыбнулся Шот и безжалостно нанёс очередной удар: — Твой муженёк смирился с потерей. И как раз перед отправкой за океан обзавёлся новой женой. Смазливой толстозадой сисястой Вейрой. Ещё утверждал, будто у неё есть мозги — враль несчастный.

Юлька слушала его скабрёзности вполуха, осенённая безмерным и непоколебимым душевным спокойствием. Даян женился? Да ерунда! Это он с отчаяния и одиночества. Как только узнает, что они с Севкой, чуток поплугав, всё-таки добрались до этого клятого мирка, мигом вернётся в семью.

— Севка знает? — встряхнулась она от врачующих грёз.

Оторвала лицо от земли, подпёрла голову руками и придиричиво уставилась на злого, но честного вестника:

— Ты рассказал ему, что отец уплыл?

— Нет, конечно! — ожидаемо возмутился Шот, всплеснув ручонками и засучив ножульками. — Я что, идиот? Он же немедля смоеся. А у меня на него виды. Как, кстати, и на тебя.

— Не выйдет, дорогой, — медовым голоском нанесла свой удар юная Нанка, болтая в воздухе бесполезно вымытыми ногами. — Я отправляюсь за моим Даяшей.

— Правда? — деланно восхитился её планами Бог злых шуток и недобрых намерений. — Прямо вот так и отправляешься?

— Ты воспрепятствуешь? — без труда догадался опытный снабженец.

Собаку съевший на конкурентах, саботажниках и просто тунеядцах, способных испортить любую сделку.

— А кто же ещё? — одобрительно закивал Шот, пялясь на неё своими никогда не моргающими глазёнками подколодной змеюки. — Ты мне ещё нужна.

— И кого я должна убить? — дежурно схохмила Юлька, некстати позабыв, где находится.

— Кто тебе сказал? — неожиданно как-то убийственно холодно осведомился...

Вообще-то натуральный Бог, если кто-то подзабыл. И эту забывчивую идиотку моментально наказали за чрезмерное легкомыслие. Боль, пронизавшая всё тело, свернула Юльку калачиком. От неожиданности она завизжала в голос, раздирая скрюченными пальцами пузо.

— Кто тебе сказал? — повторил Шот, чуток сбавив напор.

Сообразил, что в таком состоянии подследственная может лишь мычать да кричать. Так что боль стала терпимой — совсем снимать её с крючка не торопились. До полного прояснения неведомых ей обстоятельств.

Глава 16

И кого же я должна убить?

Нет ничего труднее попытки доказать кому-то, что ты не верблюд, когда ты реально им не являешься. Чем меньше ты похож на этого клятого верблюда, тем отчётливей в тебе его видят. И домогаются со всей страстью очевидцев: признавайся, губастый, признайся, сволочь!

Тем не менее, Юлька попыталась:

— А зачем ещё кому-то Повелительница смерти? Не огородик же сажать.

— Ты врешь, — с какого-то экзотического выверта мозгов внезапно обрадовался Шот.

И боль пропала. Юлька пошевелилась, дабы убедиться в том окончательно, и села. Машинально отряхнула безнадежно изгвазданную свежую тунику и лягнула:

— Сволочь!

— Возможно, — задумчиво согласился Повелитель лицедейства и даже игры на свирели. — Ты об этом не знала. И не догадалась. Но отчего-то на язык тебе пришло именно это.

— Пришло, — зло проскрипела Юлька, вытирая грязные руки о грязную тунику. — И Хуш знает, сколько раз ещё приходило. Это просто такая присказка. Из моего мира. Я сболтнула её, даже не задумавшись. А всё-таки? — злость уступила место более насущному любопытству. — Это не шутка? Ты хочешь, чтобы я кого-то убила? Полагаю, не простого смертного.

— Иногда твоя догадливость неудобна, — искренно озаботившись, посетовал Шот, на этот раз теребя нос.

— Я не могу её отрезать, — решила подольститься Юлька, поделившись с Богом свежей шуточкой. — Моя догадливость не снаружи болтается. Её можно отрезать лишь вместе с башкой.

Получилось. Бог игры слов, разрушительных насмешек и заказных убийств заржал, как полоумный. Все его жирные складочки завибрировали, все пальцы вразнобой зашевелились, будто щупальца спрута.

Кино, да и только — неожиданно посочувствовала Юлька карлику, сотрясаемому от гогота, переходящего в рыдания. Как удобно, что его всегда можно улестить или подкупить.

— Думаешь? — внезапно оборвал своё гротескное веселье Шот, став серьёзным, как нотариус перед родственниками усопшего многодетного миллионера.

— Надеюсь на это, — честно ответила Юлька, пожав плечами. — Так, кого я должна убить?

— Кого получится, — помрачнев, проворчал Шот, ковыряясь в ухе.

Откуда вслед за пальцем вылезла жирная зелёная гусеница длиной с Юлькин мизинец. Пупырчатая и глянцева, как тугая связка детских шариков — в принципе, довольно симпатичная.

— Дарю, — протянул к Юльке палец Бог озорников и дарителей паршивых подарков.

Который ничего не делал просто так. Поэтому она бестрепетно протянула руку и подхватила гусеницу. На ощупь та оказалась прохладной и влажной. К тому же от неё вкусно пахло весенним дождиком. И чуть-чуть свежим огурцом.

Оказавшись на раскрытой пыльной ладони, божественный подарок с неожиданной для такой пухляночки скоростью пополз вверх по руке. Дополз до плеча и юркнул под тунику. Ещё одна странность: марш-бросок гусеницы ни вызвал ощущения щекотки — просто кладезь загадок. Юлька надеялась, что полезных.

— Думаю, у меня получится многих убить, — задумчиво пробормотала она. — Возможно даже тех, кто сильнее Нанки. И артачиться я, конечно, не стану. Сделаю, что велишь.

А в ответ тишина. Юлька подняла глаза: на циновках никого не было. Шот исчез, не попрощавшись. Но это ерунда: паршивец загадал загадку, разгадка которой не нравилась заранее. От неё пахло такой подставой, что заныло под ложечкой.

Юлька подавила тяжкий вздох и глянула на Бу-Каара. Тот продолжал машинально возить ножом по каменному бруску. Всё такой же неживой, что наводило на мысль о

продолжении сеанса выматывания нервов. Поскольку Шот испарился, а не ввинтился в землю, логично было ожидать его возвращения.

Однако провокатор исчез с концами. Ибо на его месте материализовалась Сахти. На карачках. Сексапильно отключив голую задницу офигительной формы. Подозрительно озираясь и со свистом принюхиваясь больной собакой.

— Я не передумала, — поспешила Юлька предотвратить нудные препирательства.

— Помолчи! — твякнула Богиня, продолжая тестировать окружающее пространство. — И не вздумай призывать своего Творца. А то я тебе лицо изуродую.

— Зачем? — поражённо лягнула Юлька, невольно прижав ладони к щекам.

— Затем, что Нанкеште на это плевать, — злорадно прошипела Богиня невинного лукавства и убийственной лжи. — Это не смертельно. Для неё: ведь ты останешься целёхонькой. А для тебя? Твой муж любит уродок?

— Он любит меня, — мрачно пробормотала Юлька, борясь с желанием вцепиться жестокой гадине в рожу.

— Если хочешь, я помогу тебе добраться до твоего хвалённого муженька, — неожиданно бросили ей кость.

Да ещё какую! Самую лакомую. Самую... Ту, что мгновенно мобилизовала все внутренние резервы на борьбу. Безжалостную и свирепую. На которую женщину лучше не провоцировать: она и сама не ведаёт, чего способна натворить в таком состоянии.

— Цена вопроса? — бесстрастно осведомился опытный спец по окучиванию клиентских «тяжеловесов». — И советую хорошо подумать, прежде чем предлагать невыполнимое.

— Не наглей, — строго указала Богиня всяких пакостей на «недопустимость» и «перегибы».

— Не держи меня за дуру, — высказалась Юлька в альтернативном ключе. — В конце концов, мужа я и без тебя найду. Так что говори прямо...

И тут на ум пришла странная задумчивость Шота. Буквально несколько минут назад на этих же циновках. Поэтому следующего захода не могло не случиться:

— И кого же я должна убить? О Криводушная Повелительница чёрствости и сиюминутности.

— Я и это запомню, — кокетливо пригрозила Сахти, продолжая постреливать по сторонам всеми пятью глазами.

— Непременно, — одобрила Юлька и попросила: — Не трать моё время. Скажи прямо: на что ты меня толкаешь?

Вдруг в голове что-то зашебаршило. Или кто-то. Будто залез в черепушку и завозился, устраиваясь поудобней. После чего в той самой голове родился крамольный вопросец:

— Хочешь натравить меня на какого-то Бога?

Все пять глаз Богини безобидной изменчивости и подлых измен вперились в Нанку, весьма ощутимо подпалив кожу.

— Держи карман шире! — выпалила Юлька, потрясённо уразумев, что попала в точку. Или ею «попали», ибо вторженец в башке возликовал.

— Я могу тебя убить, — с деланным равнодушием напомнила подлинная Богиня.

— Убить можешь, — с искренним уважением к чужой силе согласилась Юлька. — А сделать из меня дуру не выйдет даже у Хуша. Боги, как и люди, не могут сверх того, что

могут.

— Ты же там, у себя не верила в Богов, — придирчиво намекнула Сахти, что из неё тоже пытаются сделать дуру.

— И что? — со всей почтительностью улыбнулась Богине не вполне обычная смертная. — Там, дома они со мной общаться не спешили. А здесь я убедилась в вашем существовании. Значит, буду считаться с этим прискорбным фактом, — не удержалась она от шпильки.

Душа просила хоть с какого-нибудь бока укусить могущественную заразу, демонстративно игнорирующую приличную одежду и милосердие к слабым.

— Ещё как будешь, — проворчала Сахти, подлетев над циновками.

И без единого слова прощания усвистала в небеса.

После чего к Юльке повернулся оживший Бу-Каар. И удивлённо обзрел валявшуюся на земле девятиосушую:

— Ты же только что вымылась. А туника? Куш-Фифа преподнесла тебе лучшее, что есть в доме. Тунику из тончайшего нежнейшего фаратского полотна.

Юлька хмыкнула: жену почтенного Пор-Ба родители называли «маленькой неумёхой». Интересно, что ж такого натворила эта вполне серьёзная рассудительная дама в младенчестве, чтобы заслужить столь обидную кличку.

— У меня такое ощущение, будто здесь что-то случилось, — внезапно безо всякого перехода пробормотал Бу-Каар. — А я всё прозевал.

Вот только-только его лицо было безмятежным, и вдруг будто шилом кольнули: встопорчился весь. Глаза зашарили по крохотному дворику, куда выходили двери трёх коробок-сараюшек. Кстати, ради гости освобождённых от всего содержимого: и разумного, и съестного, и несъедобного.

— С чего ты взял? — слегка округлив глазки, уточнила Юлька. — Я ничего такого не чувствую.

— А я чувствую, — напористо гнул своё воин, подскакивая на ноги и озираясь. — Прямо тут, — упёр он палец в цент лба и поморщился. — Будто бы чей-то голос твердит, что здесь опасно.

— Чей-то голос, говоришь? — пробормотала Юлька, тоже принявшись озираться.

Причём, стараясь не пропустить ни единой подозрительной песчинки. И таки нашла то самое «шило», что вздумало колоть кого ненужно. Когда его об этом не просили.

Память Нахеры крепла с ощущением девочки, что жизнь налаживается. Не сказать, будто Юлька чувствовала прежнюю хозяйку тела, страдая раздвоением. Однако незримое присутствие Нахеры ощущалось во всём. И ничуть не мешало.

Вот и сейчас само собой в башке всплыло знание о фокусах, что проделали и над ней, и над Бу-Кааром. А так же о самом фокуснике. Которого неплохо бы прихватить на горячем и допросить — затаилась Юлька, подключив к поиску все свои нечеловеческие инструменты.

Маленький паршивец обнаружился под стеной за углом халупы, отведённой Повелительнице смерти. К сожалению, поймать его в убогом девчачьем теле так же реально, как сделать из тюленя биатлониста. И вот уже белая ящерица свистанула к отмеченному углу: хватать и карать — только грива веером да хвосты дыбом.

Через мгновение под её передней лапой завозилось и запищало нечто, похожее на помесь паука с кротом. Нелепое создание из глины с шестью ногами и десятью парами глаз вокруг всей головы. Мелкая гнусь превосходно передвигалась под землёй, куда норовила

удрать при малейшей опасности. Ещё бы ей не нарываться на неприятности, если так и норовит сунуть свой нос-дудочку в чужие дела.

Приняв человеческий облик, Юлька покрепче перехватила шершавое сухое тельце крото-паука. При этом постаралась придавить пальцами максимально возможное число красных глаз-пуговиц. Потерять хотя бы один для гадёныша целое горе. Потеря же нескольких приводила к его смерти.

Верней, к развоплощению, ибо нехуры были творениями Тхута — Бога знаний, мудрости, учёных, библиотек и прочих подобных вещей. Но главное, хранителя мирового порядка — с чем, понятное дело, не шутят. Хотя такой важный Бог мог бы сотворить своих подручных из чего-то более солидного и надёжного, чем обычная глина.

Всё-таки малыши были его глазами и ушами на земле: весьма важная миссия. А слепили их, как попало. К тому же сотворили всего лишь четверосущими. Они обладали телом ШАТ и собственным именем РАТ — очевидно, чтобы их не путали. Зато сердца нехурам не дали. Возможно потому, что те могли рассыпаться в руках, стоило их поймать. Песок просыпался сквозь пальцы вместе с глазками. После чего нехур мог вновь слепить себя сам — главное, не потерять глаза.

Помимо тела с именем Тхут одарил свои творения жёсткой приверженностью к своему своеобразному роду-племени — КАТ. Малыши были единым целым — чисто муравьи. Ну и, само собой, их наделили божественным духом УОТ — без него как-то не особо побегаешь, если ты кусок глины.

Короче, достаточный набор для определённых функций — сложность природы лишь помешает исполнять поставленную Богом цель: шпионить за нарушителями всемирного порядка.

— Попался? — вполне дружелюбно мяукнула Юлька, разглядывая свою добычу.

Знания знаниями, но увидеть своими глазами всегда поучительней.

— Пусти! — вытянув к ней рыльце-трубочку, отчётливо пропищал нехурчик и замолотил двумя свободными лапками: — Пусти, Разрушающая! Всё расскажу Всемогущему Отцу! Он тебе покажет!..

Юлька встряхнула горлопана и весело замурчала:

— Твой Всемогущий отец Тхут, конечно, могущественный Бог. Однако, не из самых любимых его Несотворённым отцом. Хуш сынка не слишком-то жалуется. Если вообще о нём помнит. А мне вот интересно: Тхут успеет убежать от своей добросердечной, но не склонной всё прощать сестры Нанкешты?

Нехурчик в её руках замер, на полном серьёзе решая поставленную задачу. Закончил расчёты и уныло проквакал:

— Не успеет. Смерть вездесуща и стремительна.

После чего ушлый паразит захныкал, давая на жалость. Дескать, он такой маленький, беззащитный, безответный. Так что каждая двуногая девятисущая тварь норовит его покалечить, измахратить. Наплевать в душу и покуситься на его волшебные глазки.

— Обязательно покалечу, — по-прежнему дружелюбно пообещала ему Юлька, поднося ноющего притвору к лицу. — И даже уничтожу окончательно. Ты давно по земле шмыгаешь?

— Давно, — бросив бесполезный моральный шантаж, степенно поведало нелепое творение Бога Тхута. — Уже пятый день.

— Прямо старик, — вдруг иронично прокомментировал чудные события Бу-Каар, справившись с целым букетом чувств.

Видимо, прежде мужику не доводилось лицезреть эти полумифические создания воочию. Небось думал, что это бабьи сказки — мысленно хихикнула Юлька, поднеся нехурчика к нему поближе.

— Ну, как он тебе?

— Потешный, — тепло улыбнулся Бу-Каар, погладив лысую крутолобую головёнку двумя пальцами.

— А этот гадёныш, между прочим, за нами шпионил, — поддразнила она сентиментального воина. — Шпионил же? — вновь тряхнула она страдальцем.

От души — у того аж что-то клацнуло внутри его дудки. Неужели зубы — удивилась Юлька, а вслух пригрозила:

— Этот день станет последним, если не признаешься.

— В чём? — искренно изумился нехур.

— Как тебя назвали при сотворении?

— Ой-ёй-ёй-ёй-ёй! — вмиг вернулся к моральному шантажу глиняный засранец. — Ты меня погубишь! А я бедненький ещё и не пожил толком...

— Ну, что ж, прощай, — пожав плечами, чуток усилила Юлька давление на красные глазки. — Приятно было поболтать.

Что-что, а тупыми нехуры вовсе не были. Из тупых глиняных болванчиков хреновые шпики — бесполезные, как не посмотри. Поэтому новый знакомец моментально реагировал на изменение конъюнктуры. Особенно столь опасное: выдать своё подлинное имя для подобных искусственных созданий сравни самоубийству. Причём, удачному: раз и нету.

Тем более выдать его не кому-то, а Нанке — те известные мрачные стервы. И укорота на них нет — кроме их Творца Нанкешты. Которая тоже... себе на уме.

— Поклянись именем своей Великомудрой Лучезарной Богини, Любимой дочери Несотворённого с начала начал, место которой с предвечных времён рядом с тем, кто создал его для себя, чтобы находиться... — тоном фольклорного одесского еврея затянул ушлый паршивец, приступив к торгу.

— Короче, — потребовала Нанка, сурово сдвинув брови.

— Поклянись, что не убьёшь, — послушно исполнил команду нехурчик, шмыгая с присвистом своей дудкой.

— Не убью, — просто пообещала Юлька, ослабив давление на его глазки. — Зачем? Правда, при одном условии: ты найдёшь себе новый предмет для слежки. А за мной таскаться больше не будешь. Ибо во второй раз живым уже не уйдёшь.

— Тогда убивай, — сокрушённо вздохнув, просвистел в дудку нехур и повесил буйну голову: — Это условие мне горемычному не по силам.

— Конечно, не по силам, — вновь вмешался Бу-Каар, укоризненно глянув на непонятливую Нанку. — Он же себе не хозяин? Он творение своего Бога.

— Не занудствуй, — поморщилась Юлька и потребовала: — Лучше придумай, как разрешить эту проблему. Убивать малыша мне как-то не по сердцу. Но и позволить ему шпионить за нами тоже нельзя. За это его... кое-кто другой прикончит. Ты же слышал, о чём ОН тут говорил? — склонившись к подсудимому, вкрадчиво переспросила она.

— Само собой, слышал, — неподражаемо гордо заверил придурок, которому лучше бы соврать в добрый час соврать.

Или хотя бы промолчать.

— Ну, и как ты надеялся выжить, болван? — деланно посокрушалась Юлька. — С кем

вздумал тягаться?

— Ну-у-у... — завис нехурчик в поисках аргументов.

— Даже не пытайся, — нетерпеливо встряхнула она волокитчика и потребовала: — Решайся! Или твоё имя, или я тебя не больно убью.

— Неху две тысячи одиннадцатый, — не стал испытывать терпение Повелительницы смерти приговорённый.

— «Земляной» с порядковым номером, — перевёл Бу-Каар кличку нехура. — Самое подходящее имя. Сделан из глины и похож на остальных: рыло в рыло. Если каждому придумывать собственное имя, свихнуться можно.

— Слишком длинно, — переключилась Юлька на более насущное. — Будем сокращать. Неху-До или До-Неху? — благосклонно предложила она выбор хозяину идиотской клички, — «До», если непонятно, это сокращённо две тысячи одиннадцатый.

— Мне нравится просто До, — сделал нехурчик своеобразный выбор. — Такого имени ещё ни у кого не было, — занялся инкубаторский субчик повышением самооценки. — А ты меня вправду не больно убьёшь?

— Вправду, — задумавшись, брякнула Юлька и тотчас опомнилась: — А зачем? Что, так шибко надо?

— Всё равно Творец развоплотит, — как само собой разумеющееся выдал неудачливый две тысячи одиннадцатый. — За то, что на глаза попался. Я плохо получился: недоглядели. Что-то не то с УОТ. Но сразу развоплощать не стали: Творец был в добром расположении духа. Сказал, что любой недоносок имеет право на встречу с удачей. Но я её что-то не встречал. Может, просто не успел? — заглянул он Юльке в глаза практически с научным интересом.

Никакой печали в преддверие скоротечной преждевременной кончины.

— Его можно спасти? — безо всяких излишних сюсюканий сухо осведомился Бу-Каар.

При этом столь неодобрительно зыркнул на юную Нанку, будто та самолично создала этот мир сплошных нелепиц и крайностей.

— Не знаю, — озадаченно нахмурилась Юлька, ослабив хватку.

Нехурчик попытки к бегству не предпринял: куда ему бежать? Для своих он теперь чужой. А для чужих объект сплошных суеверий. Прикончат со страху, как пить дать.

— Можешь остаться со мной, — неуверенно предложила Повелительница смерти.

— С Нанкой? — выпучились сразу все двадцать красных бусин в ожерелье глиняного чудика. — Добровольно?

— А у тебя есть выбор? — усмехнулся Бу-Каар, перехватив болванчика из рук растерянной девчонки.

После чего воин внимательно осмотрел их первое совместное приобретение — даже в пах заглянул. Надо думать, машинально: как с щенком или котёнком. Юлька прыснула, когда нехурчик услужливо расставил задние лапки: нате, мол, любуйтесь. Как у меня там всё гладенько и чистенько: ни единой дырочки или трещинки.

Бу-Каар тоже хмыкнул и хитро подмигнул Нанке.

— Ты непочтителен с нашей Всесильной, — укорил его До, как самое добропорядочное поточное творение своего придирчивого Творца, отвечающего за мировой порядок.

— Ему можно, — заверила Юлька и уточнила: — Ну что, остаёшься? Или вернёшься к своим развоплощаться?

— Останусь, — обречённо уведомил нехур, как будто речь шла о продолжении скучной

вечеринки, за пределами которой жизнь ещё скучней. — Пока Всемогущий и Всевидящий Тхут не обнаружит, что я дерзнул сбежать. Тогда и развоплотит.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — проворчала Юлька, потягиваясь и вдруг её озарило: — Слушай, До, а ты, случаем, не знаешь, о ком толковал Шот?

— Не знаю, — покосившись на человека, не вполне уверенно отнекался горе-шик.

— Шот? — насторожился Бу-Каар, очень внимательно посмотрев на свою вроде как подопечную. — А он тут при чём? Тебя с ним что-то связывает?

— Её сын удостоился чести называться доверенным пóптом самого Бога-шутника, — ни с того ни с сего выхвастнулся перед ним языкатый болванчик.

И тут же втянул дурную башку в тельце: вот это прокол, так прокол. Теперь Нанка его точно не помилует.

— Понятно, что у тебя за дефект, — нарочито тягостно вздохнула Юлька, отняв паразита у многозначительно сощурившегося Бу-Каара. — Ты болтун.

— Твой сын? — почти и не удивился бывалый воин, влипший в небывалую ситуацию с нечистью. — И сколько ему лет?

— Шестнадцать, — буркнула Юлька.

— Большой совсем, — одобрил взрослый мужчина, собиравшийся создать семью.

— Издеваешься? — недоверчиво уточнила Юлька, машинально поглаживая прижухавшегося нехурчика.

— Издеваться над священством материнства нехорошо, — рассудительно возразил Бу-Каар. — К тому же небезопасно. Всеблагая Ясноликая Рогоносица за подобное кощунство может отнять мужскую силу, — пояснил он, невольно ширкнув рукой по кожаной юбке в районе мужского достоинства.

Будто проверяя, что оно всё ещё на месте и функционирует. Ибо Всеблагая Богиня женского плодородия — включая деторождение и материнство — Ясноликая Прозревающая сквозь тьму Бдежет и вправду может сделать тебя импотентом. А там хоть лоб разбей, замаливая грех: назад отнятое стерва не вернёт — проверено тысячекратно. В лекарском искусстве Богиня с головой коровы ни бум-бум.

Как человек, подкованный интернетом в медицинских вопросах, Юлька знала о целом наборе причин, приводящих к мужской импотенции. Однако в этом мире — как показал опыт — вполне может существовать причина в лице натуральной Богини. Так что шутить с ней не стоит даже мысленно.

— А сын действительно существует? — не удержался от любопытства Бу-Каар.

Вопрос, адресованный девчонке-подростку, звучал по-идиотски.

— Ещё как, — со вздохом призналась измотанная нечеловеческими испытаниями мать.

— И где он?

— Побежал отца искать, — вновь ляпнул нехур, разомлев от ласки.

Которую, ну, никак не мог чувствовать своей глиняной башкой.

— Полагаю, остального мне лучше не знать? — с деланной рассеянностью осведомился Бу-Каар, разглядывая лезвие позабытого ножа.

— Почему бы и нет? — благосклонно ответствовала Повелительница смерти, отвесив оплеуху болтливому глиняному болвану. — Собственно, для этого ты мне и нужен: отыскать мужа. С твоим опытом и отвагой, думаю, получится быстрее, чем в одиночку. Но, это потом. Сейчас у нас с тобой есть пара неотложных дел. Во-первых, твоя невеста. Во-вторых... расскажу после твоей свадьбы. Кстати, как имя твоей невесты?

— Сахиути, — не сдержал скользнувшую по тонким облупленным губам улыбку суровый воин.

Если девушке дали имя «прекрасное пёрышко», та либо родилась недоношенной, либо в младенчестве исключительно талантливо дрыгала ножульками. Папина-мамина цацалюбимица. Впрочем, в половине случаев детей по мере роста переименовывают. Ибо с первой попытки их имена нередко подходят кому угодно, кроме них самих.

— Хорошо танцует? — всё же уточнила Юлька.

— Ужасно, — развёл руками жених. — Но менять имя не стали. Уж больно её любят. В семье девять сыновей и она последыш.

— Ценное приобретение в качестве жены, — пробормотала под нос Юлька, сощурившись на нехура.

Тот съёжился под взглядом Нанки, однако и на этот раз не попытался слинять.

— Слушай, ты ведь, кажется, можешь изменять своё тело? — выудила Юлька из памяти Нахеры.

— Могу, — осторожно поддакнул До. — Если очень надо. А мне очень надо?

— Желательно, — строго уведомила Нанка. — Не стоит привлекать к нам излишнее внимание. На меня и без того вечно пялятся. А с тобой стану поводом для сплетен лет на сто вперёд.

— А кем я должен стать? — деловито проквакал До, оглядывая своё грубовато слепленное из глины тельце.

— Кем-то, кто не носит шерсть, — неуверенно предложила Юлька, лихорадочно подбирая подходящее животное. — Только не змеей. И не жабой!

— Чего проще? — изрядно удивили Бу-Каара её пустые потуги. — Храмовая собачка. Они как раз такого же размера, — подцепил он подопытного за одну из ножек и поднял.

Нехурчик извивался, лупя остальными лапками беспардонного мужлана. Когтищи у него ого-го: длинные и толстые — самое то для землеройных созданий. Однако кровавых следов на руке воина не оставалось: нечисть не стремилась лишиться глаз на пустом месте.

— Кстати, о глазах, — спохватилась Юлька, цапнув До за другую ножку, дабы тот прекратил крутиться.

Тот прекратил и задумался:

— У собак глаз меньше.

— Гораздо меньше, — поддакнул Бу-Каар, опустив бедолагу на свою широкую мозолистую ладонь. — Вообще-то всего два. Что будем делать с остальными?

— Спрячем, — прямо-таки по-человечески беспечно отмахнулся До, втягивая в себя лапку, которую растянул, пока висел да барахтался. — Это ерунда.

— А в чём настоящая проблема? — насторожилась Юлька.

— В тебе, — наставительно проквакал нехур. — Живое создание к тебе на руки не пойдёт.

— Чёрт! — привычно вырвалось у неё.

— Что? — дружно вытаращились воин с нечистью.

— Ничего, — досадливо отмахнулась Нанка, прислушиваясь и приняхиваясь.

Глава 17

С чем я нас и поздравляю

УАТ Юльки сработал молниеносно. Моргнуть не успела, как оказалась в шкуре ящерицы и одновременно в полёте. Который завершился под каменной стеной, окружавшей

поместье. Обе передние лапы Нанки прижали к ней какое-то уродливое существо. Мало того: несколько хвостов спеленали его, не давая шевельнуться.

Не торопясь отпускать добычу — нужно ещё разобраться, что за перец — она постаралась получше разглядеть её. Пойманный персонаж напоминал вампира. Не сексапильного кинокрасавчика, а существо, виденное ею на репродукции к какой-то старинной книге. Нечто костлявое с какой-то нелепой ломанной сутулой фигурой.

Яйцеобразная лысая башка с острым подбородком и чисто символически обозначенным носом напоминала традиционного «зелёного человечка» — нашла Юлька максимально точное сравнение. Щёки, надбровные дуги, скулы, губы — всё это Творцу пойманного уроды показалось лишним. Щель безгубого рта почти не видна, зато глазищи — моё почтение: натуральный лемур.

Атхутепы крайне опасны — распахнув пасть, подсказала Нахэра, у которой всё внутри вставало дыбом на пойманную тварь. Длинный синий язык Нанки медленно подполз к морде творения некоего Бога Птураха.

Тот был братом-близнецом Вездесущего Птута. Того самого, что Связывал небо, землю и «подземелье», сотворив богам дорогу туда-обратно. Бога Птута именовали Путеводителем — в самом обычном географическом смысле: из точки А в точку Б. Покровителем странствующих караванов и Владыкой пустынь.

Птурах тоже числился Богом Путеводителем — близнецы же. Только путеводительствовал он в поисках знаний, истины и прочих нематериальных вещей. Считался Богом правды и порядка. Не мирового порядка — как Бог Тхут, сотворивший До — а порядка среди живущих на земле существ. Всех без разбора. Что-то вроде закона сосуществования и правильного «взаимопожирания».

Вот этот самый Птурах оказался единственным Творцом — кроме Вейры, Нанкешты и Люброфта — у которого получились аж восьмисушие сотворённые. У его атхутепов не было только божественных двойников УАТ — носителей дара перевоплощения. А так вполне себе человекообразные существа — только уроды.

Но Повелительница смерти Нахэра ненавидела гадов не за отталкивающую внешность. Атхутепов чаще называли тепами — что в переводе означало «приходящие». Приходящие за некими атху — нарушителями порядка, установленного Богом Птурахом. Короче, инквизиторы — идентифицировала для себя Юлька, разобравшись с чувствами Нанки.

Нахера считала их тупыми жестокими тварями, начисто лишёнными воображения. Не жаловала она и Творца узколобых мракобесов: Бог Птурах, по её мнению, лишь по какой-то чудовищной ошибке поставлен блюсти пути поиска знания, истины и прочего в том же духе. Странноватая рекомендация для Покровителя наук —стораживает.

— Кто это? — устал дожидаться развития событий Бу-Каар, присоседившись за левым плечом застывшей Нанки.

— Атхутеп, — с неопишным презрением пояснила ему лысая храмовая собачка, торчащая подмышкой воина.

На её длинной, острой безволосой мордочке посверкивали два глаза — как и полагается. Куда делись остальные восемнадцать — подумалось Юльке — лучше не спрашивать.

— Да, что ты! — слегка приобалдел Бу-Каар, вытаращившись на пленника. — Вот они, значит, какие... Странные.

Можешь не стесняться — мысленно сыронизировала Юлька, прикидывая, с чего начать

допрос — так и говори, что видишь: мерзкие уроды.

Теп под её лапой злобно зашипел, разлепив свой безгубый рот и обнажив острые редкие акульи зубы.

— Мерзкий урод, — послушно повторил До.

Они что, слышат мои мысли — оторопела Юлька.

«Мы все их слышим», — поддакнул нехурчик. — «Все сотворённые».

«А Бу-Каар?» — уточнила Юлька.

«А люди не слышат», — подтвердил её догадку До.

Что ж — почувствовала облегчение Юлька — теперь не придётся принимать человеческий облик, рискуя упустить добычу. В девчачьем теле ей эту жилистую и явно сильную сволочь не удержать.

«Ну?» — злорадно тыча в лицо тепу своим уродливым языком, приступила к делу Повелительница смерти. — «И как это понимать? Как ты, червяк, осмелился за мной шпионить? Кто тебе приказал? Твой Творец?»

Языка Нанки теп здорово боялся: даже дышать перестал, неотрывно таращась на синий палаческий инструмент. Тем не менее, ответил ублюдок вполне адекватно:

— Никто не смеет требовать отчёта о деяниях того, чьё царствование исходит из воли Воссуществовавшего из ничего, — практически пропел он неожиданно приятным голосом оперного тенора.

Прямо заслушаешься. Правда, говнюк был преисполнен такого вселенского презрения, что, заслушавшись, не удержишься от тычка кулаком в этот глазастый «бубен».

— Да приведут все дороги к Путеводителю Богов и смертных Птурагу, — разливался соловьём теп, пока давали такую возможность. — Да обложит Покровитель ищущих знания своей волей города и острова для него. Город каждый, действующий в согласии с тем, что он сам предопределяет.

«О, Нанкешта!» — машинально воззвала Юлька к покровительнице. — «Какая чушь!»

До презрительно фыркнул: малыш, как ни странно, тоже ненавидел атхутепов. Видать, нехурчикам от них достаётся. А возможно и...

Наверняка Бог правды и порядка Птурах ненавидит Тхута — поставленного самим отцом Хушем надзирать за мировым порядком. Подсидеть хочет безобидного Бога мудрости.

И кстати, по совместительству тоже Бога знаний. Которые добывают подопечные Птураха — его стараниями и под его покровительством. Но дальше добытые знания поступают в юрисдикцию Тхута — такое вот разделение труда. Чем не повод для зависти и всяческих интриг — оценила Юлька смысл «межвидовой борьбы» тепов с малышами нехурчиками.

По одному экземпляру лупоглазого «инквизитора», конечно, трудно судить обо всех — внимала Юлька «песнопениям» тепа. А «экземпляр» всё больше воодушевлялся, начисто забыв, что «концертирует» под тяжкой лапой самой смерти:

— Как простирается под ногами тело Несотворённого Хуша, как простирается на меня Непобедимая воля Создателя моего Птураха, даруя жизнь, так и я буду творить волю отца моего, принося жертвы...

«Чью волю?» — заткнула Юлька фонтан словословий провокационным вопросом.

И о чудо: фонтан вмиг иссяк. Теп — явно чистопородный мастер вынюхивать ловушки — настороженно уставился в глаза Нанки. Вытаращился ещё больше и пропел:

— Что значит: «чью»?

«Несотворённого Хуша или вашего Творца?» — уточнила Юлька, готовясь напомнить оратору сомнительный кусок его выступления. — «С твоих слов можно понять, будто ты считаешь своего Творца Птураха Создателем. А Создатель у нас един: Воссуществовавший из ничего Хуш»

До тепа дошло, что он перегнул. Прохиндей поспешил устранить повод для подозрений в нелояльности к «верхам». Но лишь открыл пасть, как Бу-Каар раздражённо буркнул:

— Заткнись! Всесильная, мы обязательно должны это слушать?

«Можем сразу прихлопнуть», — покосилась на него Юлька левым глазом. — «До, как ты думаешь? Или не стоит торопиться?»

— Он всё равно не скажет правды, — задумчиво прокомментировал нехурчик, «хлопая в ладоши» над головой своими длинными стоячими ушками.

Больше всего ритуальная собачка местных жрецов напоминала лисицу-фенёк. Только лысую до самого кончика крысиного хвоста. Смотреть на него без слёз никакой возможности — сетовала Юлька, обдумывая свой следующий шаг.

«До, я стану врагом Богу Птураху? Если уничтожу этого его... недоноска»

Собачонка на руках Бу-Каара закашлялась смешками, крутя ушами в разные стороны. Суровый воин тоже внезапно хмыкнул, не прекращая пристально следить за пленником. И держа наготове свой не доточенный нож.

— Мой Творец отомстит за меня! — высокопарно, однако не слишком уверенно пригрозил теп, пучась на мучительницу грозными рыбьими глазами.

— Будет врать-то, — пренебрежительно прокомментировал угрозу Бу-Каар. — Он тебя сам первый уничтожит. За разгильдяйство. Не будь ты придурком, не попался бы Нанке.

— Я бы ей попался, будь даже самым Богом мудрости, — внезапно вполне по-человечески проворчал теп. — Она же всё насквозь видит. Даже сквозь стены.

— Покровитель ищущих истину Птурах мстителен, — так же внезапно испортил всё веселье нехур. — Конечно, Бог правды и порядка не стал бы мстить за одного из своих тепов. Много чести. Но он обязательно отомстит Нанке. Лишь бы повод нашёлся. Я слышал, как Неху тысяча девятьсот восемьдесят восьмой говорил, что Покровитель ищущих знания ненавидит Нерушимую троицу. Особенно Посвящённую в таинства начала начал Несотворённого Хуша, знающую о мощи его благотворной, не забывающую о приказаниях его...

«Нанкешту», — раздражённо оборвала его патетический гундёж Юлька.

— Как такое возможно? — опешив, пробормотал Бу-Каар, сделавший за один день столько открытий, что иному за три жизни не отвалят. — Как Бог правды и порядка может ненавидеть?

Запросто — мысленно покривилась Юлька. Как бы там ни было, принять решение о дальнейших взаимоотношениях с Богом Птурахом ей не дали. Из земли винтом выстрелило знакомое существо: помесь драной ящерицы и облезлого пса. С пупырчатой вонючей кожей навозного цвета, из которой торчали иглы дикобраза.

При виде этого чудовища оба сотворённых — и четверосущий, и восьмисущий — сжались и попытались свернуться в клубок. Бу-Каар просто шагнул поближе к своей защитнице. Воин не знал, чем может закончиться подобная встреча, но готовился к чему угодно.

Юлька тоже. Однако к тому, что случилось дальше, оказалась не готова. Видимо,

слишком поспешно и самонадеянно вписала Бога-шутника в список добрых приятелей. Идиотка!

Ибо Шот, не сказав «здрасьте», хлестнул по тепу своим хвостом. На этот раз напоминавшим не теннисную ракетку, а обычную искривлённую саблю. Махнул, и башка «зелёного человечка» слетела с широких костлявых плеч вампира — только кровь веером. Кстати, красная. Очень даже человеческая.

Язык Нанки машинально облизал обрызганную морду — Юльку мгновенно стошнило.

«Ты просто гад!» — вскипело у неё всё нутро.

Запузырилось гневным жаром существа, которого безжалостно, цинично и непоправимо подставили.

«Я Бог!» — грохнуло у неё в башке разрывом снаряда.

И паразит ввинтился обратно в землю — как ни в чём не бывало. В наступившей тишине раздался невозмутимый голос Бу-Каара:

— Теперь ты стала врагом Бога Птураха.

— С чем я нас и поздравляю, — обернувшись девчонкой, устало промямлила Юлька и плюхнулась на землю рядом с агонизирующим трупом: — Верней себя. А тебе лучше поскорей убраться отсюда. До, ты тоже беги подальше.

— И не подумаю, — выпрыгнув из подмышки Бу-Каара прямо на её колени, упрямо заявил пёсик. — С тобой интересно. А мне всё равно, где развоплотят. Так лучше там, где интересней.

— Ты обещала помочь мне с женитьбой, — в своей невозмутимой манере напомнил Бу-Каар.

И подмигнул смешной лысой собачонке. После чего грозно осведомился:

— Что?!

Юлька подняла голову: Бу-Каар выжидательно таращился на застрявшего в калитке Пор-Ба. Сложив на брюхе руки и крутя большими пальцами, купец смотрел исключительно на Повелительницу смерти. Которая умеет напакостить в чужом доме, но вряд ли склонна за собой прибираться.

— Прости, досточтимый, — вздохнув, решила за благо покаяться Юлька. — Нехорошо вышло.

Она бестолково покрутила рукой, будто этот жест мог объяснить, какого хрена Нанка устроила тут бойню.

— Что-то мне подсказывает, — задумчиво промурлыкал хозяин, — что это безобразие учинила не ты.

— Не она, — поддакнула сидящая на коленках Нанки голая храмовая собачка.

Вот тут Пор-Ба подпрыгнул. Начисто охренев, бывалый бродяга и прожжённый торгош выпучился на говорящую зверушку. При этом цапнул целую горсть амулетов, болтавшихся на шее. Что-то забавно прочмокал губами, умоляя Богов защитить его от происков нечисти.

Наивный.

— Это не собака, — досадливо проворчал Бу-Каар. — Ты что, дружище, ослеп? Где ты видел у собак такие глаза?

Пор-Ба пригляделся, и тотчас успокоился. Ну, или почти. Теперь он выжидательно таращился на воина в ожидании дальнейших пояснений.

— Ты что-нибудь слышал о нехурах? — вздохнув, нехотя уточнил тот.

Одновременно оглядывая ограду, через которую можно перекинуть труп. И утащить

подалее от поместья.

— Нехуры не такие, — строго указал на несоответствие купец. — Сам, понятное дело, не видал. Но знакомый жрец из храма Всемогущего Всевидящего хранителя мирового порядка рассказывал. У них там четверосушие Тхута нередко являются. Правда, непонятно, зачем. Кормить-то их ненужно.

— Не нужно, — поддакнула голая храмовая собачка. — Мы же не из плоти. Вот, — задрала она заднюю лапу, — гляди: глина.

Купец, склонив голову, заглянул. Там всё было по-прежнему гладенько: ни дырочки, ни трещинки. Пор-Ба хмыкнул и вдруг подмигнул Бу-Каару:

— Ну, и чудные у нас нынче знакомцы. Включая этого, — ткнул он пальцем в окровавленную пыльную голову тепа, что пучилась на него с земли в немом укоре. — Это же подручный Покровителя ищущих знаний?

— Птурахово отродье, — прошипела Нахера.

— И кто его так?

— Шот, — вякнул неисправимый глиняный болтун.

— Сам? — вновь обалдел купец, хлопнув себя ладонью по бритой макушке. — В моём доме?

— Слава Хушу, нет, — ухмыльнулся Бу-Каар, хотя в его глазах Юлька не узрела и тени веселья. — Всего лишь на твоём заднем дворе.

— Да, это очень кстати, — заозирался хозяин обесчещенного дома в поисках ненужных свидетелей.

— Вокруг никого, — хмуро успокоила его Нанка. — Кажется, кто-то проболтался насчёт моей породы?

— Конечно, проболтались, — не потрудился соврать купец. — Ты же не брала с них слова молчать. Они свободные люди. К тому же бóльшая часть моих караванщиков живёт под моим же кровом. У них тут семьи: вот и поделились чудным приключением. Те, что живут в своих домах, болтать не станут. Им встреча со стражей твоей матери ни к чему. Тело унесём ночью, — безо всяких переходов, сообщил он Бу-Каару. — Сами: ты в это дело не мешайся.

— Если явятся его соплеменники, — брезгливо покосился воин на труп, — не скромничай: вали всё на нас.

— Обязательно, — преспокойно пообещал Пор-Ба и уточнил: — Каковы дальнейшие намерения прекраснейшей?

Юлька прыснула: скажет тоже! Нашёл красавицу. Уж здесь-то она, в конце концов, добралась до зеркала. Не уродина, конечно, но так себе: серединка на половинку. В прошлой жизни была куда привлекательней.

— Ты же знаешь, — улыбнулась Нанка крепкому нервами и головой хозяину. — Бу-Каара нужно женить. Ты хвастал, будто знаешь отца невесты. Вот и пригласи его в гости. И не тяни, — добавила Юлька, отпуская купца взмахом руки. — Недосуг у тебя долго гостить. Дел невпроворот.

Пор-Ба с достоинством склонил голову:

— Уже пригласил. Невеста и её отец ожидают твоего приглашения. Только не сюда, — покосившись на труп, поморщился купец. — Прошу тебя пройти на женский двор. Там моя супруга всё приготовила для достойного приёма гостей. Короткого, без пиршества, — поспешил успокоить он, оценив скупсившуюся мордашу Нанки.

Развернулся на пятках и утопал через низкую калитку на свой широкий господский двор с бассейном. Кстати, с не такой уж и чистой водой, как хотелось бы уверенной пользовательнице настоящего водопровода.

Бу-Каар тоже умаршировал, но вскоре вернулся. Втащил в отведённый гостье дворик носилки со свежезарезанными козами — остальные ей прислуживать отказались под страхом смерти. Козы были маленькими и костлявыми — порода у них такая. Однако Нанка была не привередлива: слопала за милую душу.

К сожалению, насыщением только человеческой ипостаси теперь не обойтись. Придётся постоянно кормить и зверину. Не было печали!

По окончании обеда — когда Нанка облизывала изгвазданную белую морду — во дворике нарисовался очередной посетитель. Юная девица — лишь на пару лет старше Нахеры — притащила знаменательной гостье огромный поднос. На нём живописно разложенные фрукты окружали высокие пиалы с какими-то сладостями: липкими с виду и наверняка чудовищно сладкими.

Юлька даже фабричную нугу со всякими там мармелладами или карамелями терпеть не могла. А эта «конфитюрная самодеятельность» всем своим видом обещала, что зубы после неё уже не расклеить. Зато фрукты после сырого мяса в самый раз — одобрила она своевременное появление девушки, принимая человеческий вид.

— Мытые? — машинально брякнула привередливая инопланетянка.

— Мытые, — с достоинством заверила девушка. — Нужно столик вынести, — заметила она, указав глазами на халупу гостей.

— И так сойдёт, — отмахнулась Юлька, добравшись до циновок и плюхнувшись на них завязывать жирок.

А то по тутошним статьям она прискорбно заваливающая невеста. Понятно, что за женихами ей не охотиться: она дама замужняя. Но товарный вид никогда не помешает. А товарный вид — оглядела она девушку с головы до ног — неразрывно связан с округлостью форм.

— Ставь, — похлопала Нанка ладошкой по циновке. — С удовольствием отведаю фруктов. Ты дочь Пор-Ба?

Уж больно похожа на почтенную хозяйку дома — наконец-то вспомнила Юлька, кого напоминает визитёрша.

— Как твоё имя?

Девушка просеменила к гостье и осторожно опустила поднос на край стопки плетённых подстилок.

— Гарúти, — отрекомендовал её Бу-Каар.

Если девушке дали имя «прекрасный голос», значит, даже в младенчестве она орала исключительно музыкально.

— Хорошо поёт? — дежурно уточнила Юлька.

— Ужасно, — развёл руками Бу-Каар, едва не стряхнув на землю лысую храмовую собачку. — Но менять имя не стали. Уж больно красиво наловчилась словами играть. Кого хочешь, умаслит.

— Ценное качество для женщины, — на полном серьёзе одобрила Юлька, выбрав нечто, весьма смахивающее на апельсин.

— Благодарю на добром слове, — прекрасно поняла смысл сказанного девушка, изящно склонив головку.

— Ещё и умница, — нешуточно восхитилась Повелительница смерти и предложила: — Присаживайся. Угостись вместе со мной. Только не вздумай меня бояться.

— Не буду, — чинно пообещала Гарути, аккуратно присев рядом с подносом.

На её выставочно-прилежной физиономии блестели глаза чистопородной чертовки. Не красавица — мелькнуло в голове Юльки — но очаровательна. Есть в ней что-то этакое. Перчик-изюмчик. Глаза не просто большие и глянцевого, а с непритворными проблесками интеллекта.

Пухленькая, как и подобает дочери зажиточного отца. К тому же не слишком рослая, отчего выглядит толще, чем есть на самом деле. Но явно подвижная и ловкая.

А самое главное: девушка была семисущей — вся в отца. Не каждая отважится вот так запросто явиться к Повелительнице смерти — сама бы Юлька точно не стала испытывать судьбу.

— Замуж хочешь? — внезапно отчего-то заинтересовалась она.

— Не особо, — поморщилась Гарути, и не думая смущаться присутствия мужчины.

Который не преминул её подкусить:

— Откуда такое нежелание? Все добропорядочные девушки мечтают о муже. Даже такие бедолаги, как ты. Кого Всеблагая Ясноликая Бдежет по ошибке оделила слишком большим умом.

— Оттуда, что не хочу быть ломовой ослицей, — парировала языкатая умница. — Ещё и бессловесной.

Наверняка эту папину-мамину колючку за глаза дразнят змеицей — хмыкнула Юлька. Кстати, они весьма опрометчиво избаловали дочурку: замуж такую и вправду получится выдать лишь с очень большим приданым. Абихушиты весьма не приветствуют в женщинах мозги и дерзость — это у них почитается хуже горбатых уродливых бабёнок из третьесортных троесущих.

— Не такая уж ты и драгоценность, чтобы так нахальничать, — продолжил подзуживать девицу Бу-Каар.

И поглаживать по спине храмовую собачку с подозрительно внимательным понимающим взглядом красных глаз.

— Не ври, — усмехнулась Юлька. — Она просто замечательная. И мне очень нравится.

— Может, ещё в услужение себе возьмёшь?

Девятисущие прислуги не держали, ибо... Не держали и всё. Помощники какой-нибудь Вейры, решившей открыть лечебницу, не в счёт: это не холуи, это по работе. Даже Ахарта, заведя себе личное войско, не имела горничных с массажистами и прочими.

Зато её психованная дочурка разошлась не на шутку: сначала один, затем вторая. Туши свет, пляши на древних костях. Революция и шок!

— Может, и возьму, — медовым голосом промурлыкала Юлька и устремила на Гарути благосклонный взгляд: — Согласна?

— Да! — выдохнула девчонка с таким непереносимым ожиданием чуда, что Юлька даже испугалась. — Честь и слава служить Всесильной Разрушающей Повелительнице смерти!

— Пошутили, и хватит, — сухо намекнул Нанке Бу-Каар, стряхнув с рук ойкнувшую собачонку.

Гарути уставилась на это диво округлившимися глазами, но визжать и не думала.

— Я не нарочно, — задрав к Юльке мордочку, покаялся нехурчик в очередной

оплошке. — От неожиданности.

— Он говорящий, — не испуганно, а скорей обличающе ткнула в него пальцем девушка.

— Конечно, пошутили, — отмахнулась Юлька, внимательно разглядывая ту, кому, возможно, чуть не сломала жизнь. — Гарути, такая судьба не для девушки. Болтаться со мной по всему миру...

Честно говоря, что-то в новой цыганской жизни Нанки коробило Юльку. Словно ей корячилась судьба бродячей циркачки — удовольствие на любителя. Даже пресловутое могущество не скрашивало общую картину вечно кочующей ящерицы, которой нигде не рады.

— Уж точно не такого изнеженного цветочка, — как-то непривычно зло съязвил Бу-Каар.

— Всё лучше, чем киснуть в этих стенах! — внезапно окрысилась на воина эта наглая курица.

Надерзила и бесстрашно нахохлилась.

— Ну, ты... даёшь, — то ли похвалил, то ли поругал её за дерзость Бу-Каар.

— Вот и я говорю, — вздохнула Юлька. — Она мне подходит. Терпеть не могу дурочек. Особенно высокомерных и манерных. Думаешь, Пор-Ба огорчится?

— Сообщи ему о своём намерении отнять дочь, тогда и узнаешь, — обиженно процедил Бу-Каар.

После чего порывисто умаршировал за калитку на хозяйский двор. Гарути проводила воина злым насмешливым и отчасти мстительным взглядом. Только этого не хватало!

— Изволь объясниться, — потребовала Юлька, пнув её ногой.

Чисто символически, но девчонка от неожиданности хлопнула Нанку по этой самой ноге. Шлёпнула и тотчас испугалась своей кошунственной выходки.

— Не вздумай падать на коленки, — предупредила Юлька, потирая справедливо отбитое место. — И не смей врать. Говори: на что он обиделся?

— На твои слова о манерных и высокомерных, — вполне охотно наябедничала ушлая конъюнктурщица.

Поскольку речь шла о женщинах, а Бу-Каар собирался жениться, ответ напрашивался сам собой:

— Его невеста?

— А кто же ещё? — презрительно фыркнула Гарути, но тут же вспомнила о манерах, потупила глазки и ненатурально вежливо промяукала: — Прости, Всесильная. Я не должна злословить о невесте твоего приближённого.

— А тянет?

— Ага, — мяукнула девчонка, стрельнув в Нанку ядовито сияющими глазками.

— Ладно, — вздохнув, расслабилась Юлька, откинувшись на спину. — Гляну на это его сокровище, тогда и решу, насколько ты права. А ты, зараза, — вновь пнула она совершенно нетипическую для аборигенов бесстыдницу, — не смей обижать моего Бу-Каара!

— И меня, — пискнул прыгнувший ей под бок нехурчик.

— И моего До, — поддакнула Юлька. — А то уши оборву.

— Не буду, — насупилась вредина, как-то слишком многозначительно покосившись на калитку, за которой скрылся Бу-Каар. — Я что, сумасшедшая?

— И это я ещё не решила, — съехидничала Юлька.

И только тут осознала: пока болтала да обжиралась фруктами, солнце по своей

тутошной манере буквально рухнуло за горизонт. «Омрачило», так сказать, окрестности: мрак, хоть глаза выколи. Повелительница смерти и склеротиков вспомнила: её ведь жаждалась невеста Бу-Каара!

Ой, как неудобно — мысленно повинилась она перед воином и сползла со своей лежанки. Этот день никогда не закончится.

Глава 18

Может, им это показалось скучным?

Вслед за Гарути Юлька прошлёпала на так называемый женский двор. В принципе, от рабского тот отличался лишь декорациями. Пышным кустарником, обсыпанным жёлтыми ягодами. Бу-Кааром, что подпирал калитку с важным видом лица, посвящённого в сумасшедшие тайны бытия. Парой навесов из цветных тряпок и крохотными глиняными светильничками, расставленными по всему двору.

Красиво — умилилась Юлька и тут же съездила ногой по краю резной деревянной тахты с подушками.

— Сволочи! — прошипела инопланетянка, безжалостно вырванная из высокоразвитой цивилизации с фонарями и луной.

Боль вспыхнула и молниеносно погасла. До на руках сочувственно прокряхтел, но, к счастью, ничего не ляпнул.

— Бу-Каар, дорогой, ты не сердисься? — нагнувшись, проинспектировала Юлька разбитый палец.

Ранка мгновенно затянулась, но рядом в пыль на утопанной земле впиталась крохотная капелька крови. Не отдавая себе отчёта в собственных мотивах, она сковырнула эту грязную капельку и отправила в рот. Мало того: проглотила эту гадость. Женщина, привыкшая мыть руки после туалета, брезгливо поморщилась. Нахера же удовлетворённо расслабилась: её кровь не попадёт в чужие руки. Это нельзя — это табу.

Нельзя, так нельзя — мысленно пожала плечами Юлька. И обернулась к своему добровольно избранному надсмотрщику — вот и слово для него нашлось. Тот не потрудился сменить маску злокозненной иронии на что-то более приличествующее. Хмыкнул и громко рявкнул:

— Внимание и покорность!

Чтоб тебя — выругалась Юлька, от неожиданности плюхнувшись на тахту мимо подушки и отбив тощий зад. Спohватившись, сунула под него первую попавшуюся подушку. Приняла почтенную позу: коленки вместе, спина прямая. На коленях в картинной позе застыла редкая и дорогущая лысая храмовая собачка. Заглянула Нанке в глаза и кивнула: дескать, момент понимаю, пасть на замке.

Во дворик, согнувшись в пояс, вползала трепещущая парочка: невеста и её отец. За распахнутой калиткой виднелась плотная толпа то ли свидетелей, то ли зевак. Всесильная и Разрушающая вопросительно уставилась на Бу-Каара, что застыл справа от калитки — важный, как котяра, убеждённый в незыблемости своего положения пупа земли. Нахера ни черта не знала о местных человеческих ритуалах, а этот гад и не думал помогать.

Юлька на всякий случай соорудила самую любезную мину, которую можно разглядеть в этих проклятых потёмках. Не успела мысленно выругаться, как во дворик просочился Пор-Ба. А за ним слуги притащили и рассовывали по щелям трещащие факелы — теперь можно хоть лица толком разглядеть.

В первую очередь, естественно, невесту. Та стояла за спиной толстенького

бритоголового коротышки-папеньки. Видна лишь голова с распущенными волосами и широким серебряным обручем. Ничего так голова: тщательно причёсанная, с широким серебряным чеканным ободом-короной.

Лицо нереально чистое и красивое — будто вживую отфотошоплено. Для тутошних древних времён и поганого климата несусветная редкость. По такому личику не мудрено сохнуть — оценила Юлька томления Бу-Каара. Даже если невеста всего-то пятисушая.

— Честь и слава служить Всесильной Разрушающей Повелительнице смерти! — внезапно в голос запричитал Пор-Ба, подобравшись к ней вплотную.

Отчего Юлька чуть не подпрыгнула. И чуть не зашипела на придурка: разве можно так пугать?! Он понял и не сдержался: уголок его поджатых от важности губ чуть дрогнул в насмешке. Смешно ему — упырю!

Разоделся хозяин дома, как на королевский приём. Вместо обычной домашней юбки соизволил натянуть тунику с широкой каймой по вороту и подолу. Пояс гораздо богаче, чем был в торговой экспедиции: полпуза закрывает. А полотенце на башке и серебряный обруч прежние. На каждом толстом пальце по грубому перстню. В трёх даже имелись гладко отшлифованные камни — большое богатство.

Выпендривается — улыбнулась Юлька уже близкому ей, по сути, человеку. Покосилась на папеньку невесты: одет не хуже Пор-Ба и тоже семисуший. На лице столько важного и буквально мистического значения в разрезе понимания момента, что оборжаться можно. Для мужика — и толпы за распахнутой калиткой — это реально событие века. В доме обычного — хотя и семисущего — купца гостит настоящая живая Нанка. Ещё и хозяину улыбается, будто простая смертная — немудрено рехнуться.

Чем же прохиндей заслужил такую милость — наверняка ломал голову каждый приглашённый. Отныне-то на него не фырки, не гавкни. Даже если Нанка здесь больше никогда не появится, Пор-Ба останется неприкасаемым до своего последнего вздоха. Сам Простирающий крылья, Воссиявший двумя жезлами Могучий Непобедимый абиб не осмелится его тронуть. Во свезло мужику!

— Присядь, достопочтенный Пор-Ба, — хлопнула Юлька ладошкой по тахте.

Дабы окончательно добить визитёров — почему бы и нет?

— Честь и слава заслужить великий почёт! — степенно на низких нотах старого кота промурчал купец.

— Заслужил, так садись, — поторопила его Юлька.

Нетерпелось познакомиться с невестой и поскорей расстаться: эта парочка её не заинтересовала. Вспомнила о женихе, поманила рукой:

— Чего ты там застрял? Иди сюда.

Бу-Каар, особо не кобенясь, но с должным степенством прошествовал к Повелительнице смерти. Орать о чести о славе не стал, но и садиться тоже. Как хочешь — подумала Юлька и не стала настаивать.

Наконец, Пор-Ба приступил к ритуалу знакомства. Хотя она предпочла бы сразу уж сватовства — чего время тянуть? Ей мужа искать нужно — просто позарез. Без него ж, как без рук. Не говоря уж о мозгах.

Да и обманутый сынуля вот-вот вернётся — нужно подготовиться к горячей встрече. Тело, в которое чадушко угораздило «залететь», носило имя Болвát — бешеный бык. То есть, псих. Трудно представить, каково Севушке с ним справляться. Особенно в экстремальных ситуациях. Так что лучше их понапрасну не плодить.

Шот просто свинья!

Оставалось надеяться на благоразумие Улеи — недаром же девочке дали имя «мудрость». На то, что Севка действительно в неё втрескался, и Вейра удержит её охламона от необдуманных поступков. Вернёт оболтуса матери, как только станет ясно, что за море-окиян лучше двинуть вместе.

Хотя — вспомнила Юлька о визите Шота и Саhti — возможно, лучше им с сыном пока держаться врозь. Его-то она уж точно не позволит втравить в то дерьмо, которое насулил Бог-скоморохов и наёмных убийц.

— Позволь, — возвысил голос Пор-Ба, развернувшись всем телом к гостям, — поведать тебе о достойнейшем, великодушнейшем, честнейшем и благороднейшем Сун-Рофу.

Папенька — колобок метр с кепкой — вновь попытался сложиться пополам — едва не лопнул с натуги. Юлька же в очередной раз пыталась отгадать намерения родителей, обозвавших своего старшего сына недомерка «рофу», то есть большим.

Нет, возможно, младенцем тот и подавал надежды. Но после-то! Им в голову не пришло переименовать ребёнка, дабы не делать из него посмешище? Беда с этими аборигенами: только и думаешь, как бы не заржать и кого-то не обидеть.

— Благодарю, что явился на мой зов, — качнула головой Юлька, изобразив на лице сдержанную приязнь.

— Счастлив угодить... Всесильная... и Разрушающая, — разгибаясь, пропыхтел будущий тесть Бу-Каара.

Так, словно его целый час гоняли по всему поместью. И вообще какой-то неприятный тип — возникла в башке спонтанная оценка, когда Юлька получше рассмотрела рожу тестюшки. Круглую и масляную, как блин. С парой чёрных маслин, утонувших в кольцах складок. С парой розовых кусочков сёмги вместо губ. Такой вот натюрморт.

Лишний вес тут признак достатка, а значит, всяческих моральных достоинств индивида. Судя по «излишности» веса отца невесты, тот, как минимум, святой. Нажрал себе «репутацию» — нечего сказать. Даже перед Нанкой не сумел качественно скрыть привычное высокомерие. Думается, мужика сбивал с толку неприятный вид девятисущей. Как всегда замызганной и растрёпанной.

— Это твоя дочь? — не стала тянуть Юлька с развесистыми нудными церемониями.

— Так и есть, Всесильная, — теперь уже довольно пропыхтел Сун-Рофу.

— Твоя дочь красива, — похвалила Повелительница смерти гордого отца и тут же плюнула ему в самую душу: — Надеюсь, её нрав так же прекрасен, как и лицо.

Стоявшая, потупившись, девица дёрнулась. Но глаз на могущественную обидчицу поднять не посмела. Всего-то на пару-тройку лет старше Нахеры — ровесница Гарути. Заневестилась девка, хотя ей не больше семнадцати. Видимо, родители выскивают кого побогаче. Или повлиятельней.

Наверняка неприлично избалована — подумалось Юльке. И на кой чёрт сдался Бу-Каару такой подарок — глянула она исподлобья на замершего сбоку воина. Жених неподобающе сумрачно взирал на свою прекрасную труднодостижимую цель. Вот тебе и на! А разговоров-то, разговоров.

Интересно, насколько хорошо ты её знаешь — вдруг пришло на ум Юльке. Что-то подсказывает: вы виделись-то несколько раз. Да и то в присутствии каких-нибудь мамок-нянек. А туда же: скорей жениться.

Она изобразила всепроникающий прищур без пяти минут полубогини. И бесстрастно молвила:

— Мой приближённый выразил желание взять твою дочь замуж.

— Какой приближённый? — не уразумев, о ком речь, неаккуратно прервал её Сун-Рофу.

Всесильная и Разрушающая Повелительница смерти и без того была крайне раздражена: ей категорически не понравилась эта невеста. А тут ещё папаша девицы субординацию не чтит...

Нарочно пугать народ Юлька не собиралась — упаси Бог! Однако УАТ отреагировал на её раздражение автоматическим включением. Она, естественно, не видела себя со стороны, но по ощущениям знала, что её большие чёрные глаза стали переливчато-серебристыми.

Совсем как у белой ящерицы, затащившей её в идиотский мир, напичканный всякой мистикой. У мелкой поганки это смотрелось жутковато — на человеческом лице Нанки должно выглядеть и вовсе ужасающе. Во всяком случае, вся публика за калиткой дружно взвыла и попадала на колени. А будущий тестюшка так и вовсе рухнул на своё необъятное пузо, бестолково суча ногами.

— Ты гневаешься? — бесстрастно осведомился склонившийся к ней Бу-Каар.

— Готова кого-нибудь сожрать, — прошипела под нос Юлька, стараясь унять расплескавшуюся по башке холодную злость распоясавшейся бабы.

И чего её так растащило? Нервы — чтоб им пусто было! Скорей бы Даяшу найти — он бы её сердечко враз успокоил.

— Бывает, — философски шепнул Бу-Каар, а громче добавил: — Что желает Всесильная? — Пускай твоя... э...

— Сахиути.

Созвучно имени одной осточертевшей Богини — еле-еле удержалась Юлька от рефлекторного позыва сморщиться. Прямо, как нарочно.

— Пускай подойдёт, — принимая неизбежное, велела она.

Чувства чувствами, а поговорить с девушкой надо. Мало ли что она себе навоображала. Женское воображение, помноженное на мнительность и самомнение, способно наделать дел — не расхлебает. Уж такими заразами бывают иные бабы в иной час, что тихий ужас.

Ссориться с Бу-Кааром катастрофически не хотелось: Юлька к нему уже основательно привыкла. Заводить кого-то нового не тянуло: наверняка будет гораздо хуже. Так что «хочете-не хочете» — съязвила она, следя за семенящей к ней девицей — «а вы её получите».

Выдохнула, расслабилась и приветливо улыбнулась невесте, виноватой лишь в том, что не понравилась старой завистливой зануде:

— Скажи мне, Сахиути, тебе нравится Бу-Каар?

Потупившаяся приличная девушка — как и полагается — прикрыла нижнюю часть лица плавно поднесённой рукой. Ути-пути — море жути!

В этом мире простых незатейливых реакций любое враньё, любые позы и маски Юлька считывала на раз. Притворство прямо-таки лезло в глаза, не оставляя себе шансов для «подпольной деятельности». В её мире искусную рисовку этой девушки посчитали бы топорными кривляньями.

— Он достоин моего согласия на брак, — переплюнула невеста все худшие ожидания выдавшей виды инопланетянки.

О, как — чуть не брякнула Юлька, прикусив губу. Во даёт красотка: поразительное

несравненное всеобъемлющее и всепоглощающее самомнение.

Или так положено — опомнилась критиканша, ничего толком не зная об этом мире. Познания Нахеры не распространялись на светские ритуалы людей — она с ними вообще толком не общалась. Какой дурак полезет со знакомством к дочери Нанки Ахарты?

— Уверена? — вкрадчиво уточнила Юлька.

Девушка, наконец-то, оторвала большие прекрасные глаза от земли под ногами и вскинула их на жениха. Любовью в том взоре и не пахло: невеста калькулировала.

— Он готов купить хороший дом. А, может, даже поместье. Я хочу где-нибудь рядом с поместьем моего отца. Или не слишком далеко от него. Чтобы визиты к родителям не были долгими.

— Разумно, — похвалила Юлька.

— Слуг нельзя надолго оставлять без присмотра, — воодушевилась невеста похвалой Нанки. — Они же воруют. Сколько не наказывай их, не лупи, всё равно не перестанут. И ни за что не признаются. Даже под пыткой. Даже рабы, хотя эти свиньи гораздо трусливей.

— Возможно, — выдавила из себя Юлька, невольно вскинув глаза на Бу-Каара.

Подлец стоял всё с той же невозмутимой рожей: делал вид, будто жестокие слова невесты его ничуть не щекочут. Во что Юлька не верила всем сердцем: он же не такой. Да, варвар. Да, древний, как мамонт. Да, нынче на дворе суровое время... А всё равно не такой.

— Заверяю тебя, Всесильная, — едва ли не нравоучительно продолжила Сахиути, завистливо покосившись на редчайшую статусную собачонку Нанки. — Рабы самые бесстыжие твари на свете. Так и норвят что-нибудь украсть и сожрать. На них не напасёшься.

Юлька бросила взгляд на её папашу — тот был доволен своей хозяйственной рассудительной дочуркой. Да уж, яблоко от яблоньки. Кто ещё научит тебя качественно издеваться над людьми, как не родной любящий отец-палач.

Её же саму родной батюшка научил двигаться к цели любыми доступными способами. Сообразуясь лишь с собственными интересами. Много она думала о его чувствах, когда ушла из дома и не вернулась?

Ни-хре-на! Этому её тоже научил отец. Время разбрасывать камни, и время собирать — кажется, так?

Это не моё дело — твердила себе Юлька, прикидывая, как бы расстроить заведомо пропавший брак. Ибо совестливому Бу-Каару такая жена станет в тягость — не пройдёт и года. Мужичок-чок-чок, дурачок-чок-чок! Купился на юность и прекрасную упаковку — лох армейский. Полжизни топтал ноги в строю, и баб толком узнать не сподобился. В армии у них всё быстро: ать-два, из-под куста вылезли, юбки одёрнули и разбежались.

Во всяком случае, оттянуть церемонию на какой-то срок получится — не желала Юлька принимать к сведению, что это реально не её дело. Пускай Бу-Каар тщательнее присмотрится к невесте, и ещё лучше подумает. А может даже встретит другую девушку: непременно замечательную — иначе и быть не может, раз ей так хочется в это верить.

— Я рада, что Бу-Каар кажется тебе достойным мужчиной, — добросовестно выдавила Нанка фальшивую улыбку. — Однако должна уведомить тебя о досадной помехе вашему браку.

Краем глаза уловила, как жених повернул к ней голову: мол, чего ты там мудришь? Обещала же помочь, а сама?

— Бу-Каар, — невозмутимо продолжила Нанка, — не простой воин. Он мой приближённый, избранный Богами для свершения особой миссии. И тебе, — вновь обратилась она к невесте, что даже ради приличия не расстроилась, — придётся подождать, когда Бу-Каар сможет сюда вернуться для заключения брака.

— Моя дочь подождёт, Всесильная, — вылез с комментариями Сун-Рофу, успев подняться и отряхнуть испятнанную тунику. — Столько, сколько ты сочтёшь нужным. За это время она успеет привести к процветанию поместье, которое Бу-Каар может купить прямо сейчас. И передать ей во владение, дабы никто не помешал Сахиути обустроить его в ожидании жениха. Я же обещаю ей всемерную помощь.

Ну, мужик, ты голова — восхитилась Юлька, одарив его вполне искренней улыбкой. Вот что значит семисущий: на ходу подмётки режет. Жених покупает поместье и отдаёт его твоей дочурке в полное единоличное владение. А сам — даст Бог — сгинет при выполнении этого особого задания. И ночь темна, и кошки серы — всё, как полагается.

— Это вы с Бу-Кааром обсудите без меня, — стараясь не заржать, отмахнулась Повелительница смерти. — Мне ваши дела неинтересны.

— Конечно, Всесильная, — включился доселе молчавший Пор-Ба, поднимаясь с тахты. — Боле докучать не смеем. Внимание и покорность! — гаркнул этот негодяй над самым ухом задумавшейся девушки.

Которая забыла перед визитом гостей опорожнить мочевой пузырь. Немудрено, что в подгузнике слегка замокрело. А нога Юльки сама собой пнула горлопана по голени.

Тому, впрочем, её пинок до фонаря. Поклонился — упырина непотребный — и так, согнувшись, попятился от неё задом наперёд. Да ловко так: ни разу не споткнулся.

Бу-Каар встал перед Нанкой. Очень внимательно посмотрел на замуррнённую девчонку и поинтересовался:

— Я могу тебя ненадолго покинуть? Нужно проводить гостей.

— Ты её любишь? — сухо мявкнула Юлька, невольно отводя глаза.

Последнее дело лезть человеку в душу без спроса. Но хотелось до зуда в печёнке.

— Сахиути тебе не по нраву, Всесильная?

— Прекрати, — поморщилась она. — Я же серьёзно, а ты изгаляешься.

— Вообще-то и я серьёзно, — спокойно и даже чуток тепло возразил воин. — Речь идёт о моей невесте.

— Ты не ответил.

— Я не знаю, — внезапно озадаченно признался Бу-Каар. — До этой встречи казалось, будто люблю. Даже очень. А теперь... Не знаю, — позволил он себе лёгкое раздражение. — Ты никак не повлияла на эту мою остуду сердца?

— Я? — опешила Юлька от несусветной тупости вопроса. — Каким образом?

— Она же не творение Ётус? — пришёл на помощь До, перестав изображать спящую собаку. — Вообще-то, её Творец Нанкешта. Запоматовавал?

Ётус была местной Богиней любви, защитницей целомудрия невест и женихов. А ещё Богиней свежего воздуха, что приходил ветром с моря. Свежих продуктов и вообще всего свежего — вплоть до потаённых мыслей. Невообразимый персонаж. Особенно, если учесть, что Боги здесь реальные существа-вещества.

Юлька ещё понимала сообразность «профессиональных обязанностей» некой мадам Ниту: Богини охоты, войны и горячей любовной страсти. Защитницы женщин и хранительницы брака. В этих функциях просматривается согласованность. Но любовь, ветер

и свежие продукты — что общего у предметов на этой свалке? Пожалуй, только «чистота»: как намерений, так и ощущений с последствиями — если речь о протухшей еде.

— Глупость сказал, — согласился Бу-Каар с пёсиком и перевёл стрелки: — Что за миссия, о которой ты говорила?

— Ты же вроде торопился? — хитренько сощурилась Юлька.

— Подождут, — усмехнулся воин.

— У тебя одна миссия: я, — не кривя душой и ничуть не передёргивая, заявила Повелительница смерти. — Я должна найти мужа. И ты мне в этом поможешь.

— Как получилось, что у юной девицы есть муж и сын? — решил Бу-Каар, что можно слегка оборзеть, раз уж в нём нужда. — Тем более сын слегка старше матери.

— Даже не знаю, как тебе объяснить, — озадаченно промямлила Юлька.

— Не пойму? — просто, как о чём-то обыденном переспросил воин.

— Скорей всего, — пожала она плечами.

— А я пойму? — деловито уточнил нехурчик.

Встал на задние лапки и заплясал, будто выпрашивая подачку. Закрутил голым хвостом, как вентилятором.

— Для того чтобы объяснить наши семейные перевёртыши, — попыталась откреститься Юлька, — нужно прежде объяснить, как устроен мир. Не этот мир людей. И не мир Богов. А весь огромный необозримый, не имеющий границ мир вокруг нашего мирка.

Бу-Каар возвёл очи к ночному небу, испятнанному жирными блямбами звёзд, и уточнил:

— Ты говоришь про то, что там?

— Именно, — в очередной раз поздравила себя Юлька с удачной находкой. — Ты точно не пятисущий. Самый настоящий семисущий. Но, ты готов получить столь огромные знания, которых во всём нашем мире нет ни у кого?

— Неподъёмно, — чуток подумав, честно оценил Бу-Каар.

С трудом оторвал глаза от неба и сумрачно промяукал:

— Так, я пойду?

— Иди, — отмахнулась Нанка, заваливаясь на спинку тахты и раскидывая руки. — Кто тебя держит?

— А я могу постигнуть, — проводив взглядом человека, насел на инопланетянку нехур.

— Почему ты так уверен? — удивилась Юлька, заложила руки за голову и подковырнула: — Не боишься сойти с ума от навалившихся непостижимых знаний?

— С ума сходят те, у кого есть чувства, — со знанием дела возразил До, укладываясь на её колени в позе Сфинкса. — У меня же их нет. Только УОТ, что позволил оживить кусок глины. И знания, которыми оделил меня Творец. Ещё страсть узнавать новое.

С ума сходят лишь те, кто обременён чувствами — согласилась с ним Юлька. К примеру, желчные бабы, что лезут не в своё дело. И на кой чёрт она вмешивается в личную жизнь Бу-Каара? Никогда же прежде не страдала этой напастью. Видать, старею — больше из кокетства, нежели всерьёз, посетовала она. И покосилась на лысую храмовую собачку:

— До, ты уверен, что хочешь узнать про большой мир? Твоя память на это рассчитана? ПЗУ не заклинит?

— Что такое... пезеу? — миготом отреагировал любопытный глиняный чудик.

— Башка твоя непутёвая, — не удержалась от смешка Юлька.

— Моя башка не может быть путёвой или непутёвой, — терпеливо напомнил нехур. —

Она правильная. Ты будешь рассказывать?

— Почему бы и нет? — пробормотала Юлька.

И приступила к преступному эксперименту: выяснению пределов выносливости памяти своеобразного примитивного глиняного компьютера.

До замер и не шелохнулся до самого конца длинного повествования. Которое Юлька сократила до приемлемых пределов познавательных способностей искусственного творения местного Бога. Закончив утомительный рассказ, с интересом уставилась на нехурчика в ожидании комментариев. Ждала чего угодно, только не того, что родилось в его глиняной башке:

— Хранителю мирового порядка Тхуту это не понравится.

— Что именно? — мигом насторожилась Нанка, а с ней и Юлька.

— Нарушение порядка, — удивился её непонятливости До, закручивая ушами размашистые восьмёрки. — УАТ не должны покидать этот мир.

— Но могут, — напомнила Юлька. — Это вопрос не способности УАТ это делать, а запретов. Раз есть запрет, значит, есть и причина. А так же тот, кто наложил этот запрет. Ты, кстати, не знаешь, кто запретил УАТ покидать этот мир? Случайно не Воссуществовавший из ничего?

— Зачем Несотворённому что-то запрещать? — вновь удивился До, удивив вопросом собеседницу.

— Ну, думаю потому, что это нарушение заведённого им порядка.

— Хуш создал наш мир, — терпеливо разъяснял нехур очевидные для него вещи. — Он не создавал в нём порядок. Порядок создавали те, что вышли из него, зная божественность его. Творили, не под началом его, но именем его...

— До, не начинай! — взмолилась Нанка-недоучка. — Я поняла: порядок сложился сам собой. Пока вышедшие из Хуша делили полномочия и притирались друг к другу.

— Думаю, и так можно сказать, — благосклонно принял её версию глиняный умник. — Хотя и звучит как-то... странно. Так об этом не принято говорить.

— Скажи, а почему именно Птурах стал Покровителем ищущих истину и Богом правды?

— Потому что никто другой не стал, — выдал До очередную околесицу. — Может, им это показалось скучным? — следом выдвинул малыш не такую уж дикую гипотезу.

Ну да, блюсти порядок куда скучней, нежели его нарушать. Мало кто добровольно выберет первое в ущерб второму. Но именно эта порода «добровольцев» печёнкой чуют благодатную выигрышность позиции «блюстителя». Того, кто автоматом получает право судить и карать.

Они чуток помолчали: каждый о своём. Потом нехур задумчиво продолжил:

— А может, остальные не хотят за всё отвечать единолично. Как положено единственному мерилу порядка.

— Разумно, — почувствовала Юлька промельк озарения, от которого засосало под ложечкой. — До, ты хочешь сказать, что Птураху хочется быть единственным мерилем порядка?

— Не знаю, но это возможно, — ответил тот, не испугавшись крамольного вывода.

Не усмотрев в нём причин для беспокойства.

Глава 19

Я иду с тобой

В отличие от храброго глиняного болванчика Юлька не считала своё открытие таким

уж безобидным. И безопасным для неё. Она чуток попереживала и щедро поделилась сомнениями, дабы не бояться в одиночку:

— До, ведь хранителем мирового порядка является ваш Творец. Всемогущий и Всевидящий Тхут. Если Птурах станет единственным хранителем порядка, что будет с Тхутом?

— Его просто не будет, — преспокойно констатировал пёсик всего лишь факт уничтожения Бога.

После чего запрядал ушами и так же спокойно заявил:

— Я не хочу, чтобы не стало моего Творца. Он странный, но справедливый. И меня развоплощать не стал, пообещал шанс.

— Разве можно убить Бога? — попыталась представить Юлька непредставимое.

— Конечно, — не переставал удивляться нехур её религиозной безграмотности. — Это совсем нетрудно. Смерть Бога в забвении. Заставь людей его забыть, и он перестанет быть богом.

Деревянная рассохшаяся калитка в кромешной тишине скрипнула на всё поместье. В щель просунулась тонкая девичья ручка: медленно, с опаской. И вдруг завертелась флюгером: дескать, обрати на меня внимание.

— Заходи, — приняхавшись, добродушно дозволила Нанка.

Гарути проскользнула во дворик и высунула нос уже на ту сторону.

— За тобой кто-то гонится? — иронично осведомилась Юлька, подмигнув пёсику.

— Не хочу, чтобы нас подслушивали, — пояснила Гарути свои выверты со шпионским душком.

— Думаешь, я позволю себя подслушивать? — успокоила её Нанка. — Садись. Поболтаем.

— О чём, Всесильная? — загорелись от любопытства глаза скользнувшей к ней девушки.

Та присела на край тахты и машинально погладила лысую голову собачонки. До зажмурился от удовольствия, которого не ощущал. Впрочем, кто знает, что за божественный дух УОТ в нём сидит. Может, он просто удовлетворён качеством подделки?

— Ты была права: Сахиути мне совсем не понравилась. Терпеть не могу высокомерных дур. А эта ещё и жестока.

— Вовсе нет, — совершенно неожиданно заступилась Гарути за обруганную девицу, которую сама презирала. — Просто она выросла в доме, где все так поступают. Мой отец никогда не поднимал руку на рабов. Он считает зазорным бить того, кто не может ответить. наших рабов наказывают только надсмотрщики. И только за серьёзные проступки. Вот и остальные в семье так же поступают. Всесильная, а куда мы направимся? Что-то случилось?

Девушку насторожило как-то недобро окаменевшее лицо Повелительницы смерти. Юлька уставилась на утоптанную землю в центре дворика и хмурилась, кусая губы.

— Это он, — подтвердил её предчувствие нехурчик, юркнув за спину Всесильной.

— Принесла нелёгкая, — проворчала под нос насуспенная Нанка и строго указала: — Гарути, сиди спокойно и не кричи.

— Даже не думала, — обиженно пробормотала девушка, оглядывая дворик вполне себе воинственным взглядом.

Её рука легла на рукоять маленького ножа, торчащего на затылке за пёстрой головной повязкой. Нормальное такое украшение для юной девы. Гарантирует сохранение невинности

— интересно, как она им владеет?

— Ох! — полупридушенно выдохнула отважная девица, когда из земли вывентился голый жирный карлик с уродливой физиономией-задницей.

Однако с места не сошла. Хотя руку с затылка убрала от греха подальше.

— Севку видел? — не удержалась преисполненная тревоги мать.

— Ещё бы, — досадливо прошипел Бог веселья и дурного настроения.

— Он в порядке?

— Ещё бы! — фыркнул Шот, сложив руки на груди. — Он же мой по́пт. Кто осмелится?

И тут Юльку будто что-то в голову клюнуло:

— Птурах.

Грозный и беспощадный Бог праздников и самодурства потемнел от гнева. В буквальном смысле слова: всей своей голой поверхностью, покрывшись ещё и жирными бородавками. Его красные глаза запылали натуральным огнём.

Юлька спиной почувствовала, как расчётливый нехур рассыпался песком. Под её левую руку подкатилась горстка горошин: малыш доверил Нанке залог своего возрождения. Она аккуратно сгребла его глаза и невозмутимо посоветовала:

— Перестань всех пугать и переходи к делу.

— Ты готова делать, что велю?! — запальчиво осведомился Бог певцов, продюсеров и цензуры.

— Отдам всё, что смогу, — неожиданно выскочила из Юльки однажды придуманная клятва.

Искренно. Из самых глубин души.

— Тебе нужно кое-куда пойти, — абсолютно спокойно оповестил Бог нудистов и нудил, приняв обычный окрас слегка поджаренного на солнце бесстыдника.

— Куда и зачем? — деловито уточнил опытный снабженец, умеющий «вязать» логистические цепочки.

— Туда и за тем, — решил похохмить Повелитель тупых шутников и умных музыкантов, предпочитающих затыкать рот дудками.

— В овечий загон за навозом? — не удержалась от иронии Юлька.

— Смешно, — довольный пополнением копилки со всякой чушью, промяукал Бог-юморист, сложив руки на пузе. — Ты пойдёшь туда, куда направит тебя Сахти. Она ведь снова к тебе являлась?

— Конечно, являлась. Ты же её знаешь. Кстати, а ты знаешь, куда она меня направит?

— В Хутруш, — естественно, знал он.

— В эту глушь? — недовольно пробормотала не Юлька, а Нахера.

Ибо она знала, что Хутруш — в переводе «центр леса» — не самая цивилизованная область Абихуша. Этого «царства благоденствия и порядка». Всего-то полсотни лет назад Хутруш являлся завоёванными задворками империи. А нынче: дырой, где сыграли в ящик не все старики, пережившие завоевание их земли проклятыми северянами из бесплодных пустынь. Очевидцы, помнившие вкус свободы и собственного национального благоденствия.

Несгибаемая старая гвардия баламутила молодёжь пропагандой идеи национальной борьбы за самоопределение. На почве чего в Хутруше, как говорится, происходили волнения. Не шумные напоказ: с витийствующей, трясущей флагами толпой. Подпольно-пакостливые с элементами саботажа и террора. Партизанский регион, куда Нахере категорически не хотелось соваться.

Понятно, что Нанке там ничто не грозило: нос не дорос с нею тягаться. Однако хутубы слыли жутко религиозными фанатиками. Хуша почитали самозабвенно и взахлёб — в сугубо национальной оголтелой манере.

Так что Нанке там всё-таки кое-что грозило: стать центром нескончаемого внимания. Облепят и начнут вокруг меня хороводы водить — согласилась Юлька с Нахерой и уточнила задачу:

— Кого-то убить или что-то украсть?

Бог идиотских шуток и туманных заданий загоготал, привычно топоча жирными ножками. И как не надоест? Юлька вздохнула, прижала к груди ладони и гнусаво затянула:

— Взываю к тебе именем отца богов, бывшим единым до сотворения. Именем отца богов, возникшим первым, воссуществовавшим с начала начал. Именем отца богов, возникшего едино, как земная твердь. Именем отца богов, приходящего вновь в отцах, создавших сыновей, дабы создать наследство детям детей.

Шот замер. Выпучился на провокаторшу вылезшими из складок бронзовыми шариками глаз. Это удар ниже пояса: давить на подневольное существо-вещество авторитетом его патрона. А куда деваться, раз по-хорошему не выходит?

Юлька одарила насупленное божество кристально почтительным взглядом и отняла ладони от груди. Развернула их перед собой открытой книгой — ну, прямо древнеегипетская царица с фрески:

— Шот сокровенный, чьё имя скрыто от людей. Наистарейший. Исторгнутый из тела отца богов. Возникший так, как пожелало сердце его. Шот, владыка смеха. Повелитель игры слов. Господин насмешек.

Господин тупых насмешек и дурацких розыгрышей пошевелил ноздрями. Затем губами, пальцами и мужским достоинством — без чего джентльмену ну, никак не обойтись. После чего неспешно осведомился:

— Ты понимаешь, кто перед тобой?

— Изучаю, — вежливо съязвила Юлька, покосившись на Гарути.

Девушка пялилась на Бога, воздев руки в немом обожании. Подобным искренним восторгом можно и нужно наслаждаться, но Шот его проигнорировал.

— Это правильно, — на полном серьёзе одобрил он конструктивный подход образованной инопланетянки.

— Ты не ответил: убить или украсть?

— Как получится, — отмахнулся Шот, задумчиво наматывая на палец привязанную к башке косу.

— Другого ответа не будет? — осознав безнадёжность усилий, резюмировала Юлька.

Бог прихода веселья и ухода от ответов с балетным изяществом развернулся на левой пятке. И мигом ввинтился в землю.

— Вот и поговорили, — со вздохом признала Юлька полное и безоговорочное поражение.

— Он такой!.. — с придыханиями промяукала Гарути, опуская руки. — Такой!..

Только ссытся и глухой — мысленно сгрубиянничала Юлька, компенсируя моральное унижение «божьего раба». Новое для неё состояние, избавиться от которого пока никакой возможности.

Как же трудно без Даяна — в тысячный раз мысленно взывала временно брошенная

жена, жалея себя напропалую. Минутная слабость, которую она могла себе позволить.

Но тут вспомнила о содержимом левого кулака и разжала его — глазки нехура выкатились на тахту. Закатились ей за спину, где тотчас началась работа по «возрождению из пепла». Не прошло и минуты, как на колени Нанки взобралась лысая храмовая собачка. Заглянула в глаза полуграмотной инопланетянки и занялась ликбезом:

— В джунглях Хутруша с десятков малых поселений. Куда не ступит никто чужой. Тех, кто попадал туда случайно, больше никогда не видели.

— Сектанты? — рассеянно уточнила Юлька, думая о сыне.

— Атхутепы, — бесстрастно оглоушил её нехур. — Они ведь рождаются живыми. Как и девятисушие. Затем долго растут: лет пять-шесть.

— Долго! — фыркнула под нос Гарути и тут же вздёрнула плечи, виновато косясь на Повелительницу смерти.

— Большинство сотворённых появляются на свет уже взрослыми, — пояснил До персонально для неё. — Так что для некоторых и пять лет долгий срок.

Юлька поморщилась и выдавила:

— Тепы? Это скверно.

— Я иду с тобой! — всполошилась Гарути.

— Похвально, — усмехнулась Юлька. — Но там опасно. А ты не девятисушая.

— Нельзя, — поддакнул нехур, улёгшись на её коленях в исконно собачьей манере. — Особенно с тобой. Тепы ненавидят девятисуших. Такими уж их сотворил Покровитель ищущих истину Птурах. Толпой не побоятся напасть даже на саму Повелительницу смерти. Если та явится в их поселение. Нанка же не бессмертна.

— Раз я служу Всесильной, значит, должна быть рядом, — с непередаваемой наглостью выпятила полоумная девица свои сомнительные верноподданнические чувства.

В своих же неоспоримых шкурных интересах: девочке хотелось зажигательной жизни в путешествиях и приключениях. Редкостная дурица!

— А ты мне служишь? — деланно удивилась Юлька.

— Конечно! — возмущившись, вытаращилась на неё начинающая авантюристка. — Разве не помнишь? Ты сказала: она мне подходит. На этом самом месте.

Юлька тяжело вздохнула, пытаясь сообразить: она попала, или обойдётся? В согласии Пор-Ба отдать дочь Повелительнице смерти Нахера нисколечко не сомневалась. Зато Юлька весьма сомневалась, что готовавздрючить на себя эту обузу. Какая с девчонки польза, кроме доуки?

— Ты действительно готова покинуть дом? — недоверчиво уточнила опытная женщина и мать у дерзкой соплячки, нахватавшейся фанаберий, как собака блох. — Это же не на один день. И даже не на десять. Я, может, сюда вообще никогда не вернусь. Меня ждёт очень далёкий путь за великое море Апакрапу.

— Ух ты! — задохнулась от восторга малолетняя плутовка.

Впрочем, в свои семнадцать она числилась перестарком и вполне взрослой женщиной.

— Велика сила твоя, о Испепеляющая, о Разрушающая! — затараторила Гарути слова молитвы, предназначенной Нанкеште. — Могучая, Всесильная невидимым всеуничтожающим пламенем. Владычица смерти и обеих жизней. Всевидящее око отца своего Воссуществовавшего из ничего Хуша. Та, что его ведёт!

Юлька терпеливо ожидала конца молитвы. Боги в этом мире были, и были опасны — с этим приходилось считаться. Мало ли что — размышляла она, рассеянно наблюдая за

крупным, крутолобым навозным жуком, что катил по земле шарик. Откудаздесь навоз — рассеянно обвела она глазами дворик.

Оставленные после визита гостей факелы почти прогорели. За границей их предсмертных усилий темень — хоть глаз выколи. А на душе тихо и светло. Как ни странно в нынешних обстоятельствах кризисной ситуации.

Правда, где-то глубоко-глубоко начинала вошкаться тревога: нужно успеть провернуть задание Саhti до того, как нагрянёт Севка. А тот уже знает о подлом обмане Бога-весельчака. И лёг на обратный курс — к бабке не ходи. В морской круиз он без матери не стартует.

Деревянная рассохшаяся калитка скрипнула на всю округу. Распахнулась, грохнув о каменную ограду: это вам не робкое проникновение ушлой девицы — так входят воины.

— Всесильная собирается за море Апакрапу, — мгновенно сдала Нанку навязавшаяся на её голову служанка. — Я поплыву с нею.

Бу-Каар был мрачен, как банкрот перед визитом приставов. Глянул на Повелительницу смерти и — если не придираться — вежливо процедил:

— Она говорит правду?

Юлька пожала плечами и неохотно призналась:

— Она поймала меня на слове. Придётся взять.

— Я о море Апакрапу, — досадливо пояснил Бу-Каар, что судьба какой-то там выдерги его не колышет.

— Ты можешь остаться, — спохватилась Юлька, что невольно хозяйничает в его личной жизни. — И справить, наконец, свадьбу. Сун-Рофу, полагаю, дал согласие?

— Это неважно, — несколько пренебрежительно для того, кто добился желаемого, промявкал жених. — Я иду с тобой.

— А к нам снизошёл сам Бог-шутник! — прямо-таки несло восторженную девицу от перенасыщенного чудесами дня. — Честно-честно. Клянусь гневом и карающей дланью Бога правды Птураха, что не выдумываю.

— Нам одного болтуна мало? — покривившись, осведомился Бу-Каар.

— Садись, — льстиво предложила Юлька, погладив ладошкой место рядом с собой.

— Постояю, — буркнул воин и потребовал ясности: — С Повелителем смеха бывает не до смеха. И чего же Злой шутник хотел от юной Нанки? Которая жила затворницей всю жизнь, — точно подметил он несуразность ожидания подвигов от тщедушной канарейки, вылупившейся в клетке.

— Шот велел мне отправиться в Хутруш. А там...

Юлька осеклась, не сообразив с ходу, что сказать-то нечего.

Обиженная отповедью воина Гарути сидела, нахохлившись. Таращилась исподлобья на обидчика, будто из огнемёта лупила. Её реакция пахивала чем-то по-девичьи личным. Задело не сказанное — персона обидчика. Она что, влюбилась — мелькнула в башке Юльки посторонняя мыслишка и тотчас вылетела вон: не до того.

— А там? — выжидающе уставился Бу-Каар на лысого пёсика.

— Там мы должны сделать то, что нужно, — добросовестно отчитался нехур.

Глиняному болванчику явно понравилось в шкуре собаки: его то и дело норовили погладить. Сейчас, к примеру, Юлькина рука шлифовала и шлифовала лысую макушку между высокими ушами. Малыш довольно щурился, добавляя к океану загадок этого мира абсолютно ненужную каплю.

— Всю жизнь об этом мечтал, — холодно процедил Бу-Каар.

— Ты вознаграждён, — не заржавело за Юлькой. — К прочим удовольствиям увидишь поселения тепов.

— Не одно, а несколько? — нахмурился Бу-Каара, заново оценивая глубину «влипания».

— А смерти не всё равно? — вдруг по-житейски философски уточнил До.

Бу-Каар выпучился на него, как на пойманного осьминога, у которого вместо щупалец человеческие ноги. После чего шумно выдохнул, осмотрел Юльку с ног до головы и согласился:

— Смерти всё равно. Что ж, в Хутруш, так в Хутруш. Давненько я на южном побережье не бывал. Народ там всё больше сволочной, а земля богатая. Леса густые. А женщины некрасивые, — вдруг ляпнул он, придирчиво покосившись на Гарути. — Когда отправляемся?

Его смоляные брови сошлись на коричневой переносице. Большие чёрные глаза метали молнии, рука легла на рукоять ножа за поясом. Чистый магараджа — слона под задницей не хватает. И чалмы размером со свадебный торт.

— Давай сейчас, — попросила Юлька. — Не хочу нестись по городу днём. На глазах у всех.

— Нестись... — озадаченно повторил Бу-Каар и тотчас дотумкал: — В облике Всесильной?

— Конечно, — на всякий случай сделала Юлька суровое лицо могущественной полубогини. — Ты же не думаешь, что я отправлюсь на другой край земли пешком? Ну, уж нет.

— А мы? — уточнил Бу-Каар.

Проигнорировав подпрыгнувшую Гарути, на моське которой была написана решимость оседлать облака.

— А вы на мне верхом, — как само собой разумеющееся пояснила Повелительница смерти.

— Верхом на... на... — заикала Гарути, отползая от Всесильной выдумщицы с как-то подозрительно окаменевшей спиной.

— На смерти, — задумчиво констатировал воин и усмехнулся: — Под смертью я ходил столько раз, что уже не упомнить. А вот верхом на смерти...

— Главное, не свалиться, — сползая с тахты, предупредила Юлька и ткнула пальцем в жалобно моргающую статую опозорившейся бунтарки: — И её крепче держать. Чтобы дорогой не потерять.

Порочащее заявление вмиг взбодрило подскочившую Гарути. Девушка сверкнула на Всесильную Нанку дерзновенным взглядом и вдруг захихикала. После чего преспокойно посеменила к калитке:

— Припас в дорогу соберу. Я быстро.

И была такова.

— Может, оставим её дома? — разумный воин без проволочек принялся склонять к благоразумию неразумную смерть. — Зачем нам такая обуза? Недоглядим ещё и погубим. Как я стану смотреть в глаза Пор-Ба?

— Её можно будет продать, — на голубом глазу предложил До. — Хутубам нравятся светлокожие северянки. Тем более чистокровные абихушитки.

Если абихушиты считаются светлокожими — подумалось Юльке — значит, на юге у

них проживают натуральные негры.

— Да, серебро может пригодиться, — преувеличенно сурово поддакнул Бу-Каар.

— Ты бы собирался, шутник, — проворчала Юлька, подавив смешок. — Кстати, а как же быть с покупкой поместья? Я сюда уже вряд ли вернусь. Тебе придётся самому добираться.

Жених вдруг поскущел лицом и отмахнулся:

— Поместье Сун-Рофу купит. Я велел Пор-Ба отдать ему всё моё серебро. Оно у него хранилось.

На том неприятную для мужика тему и закрыли. Похоже Бу-Каар просто-напросто заплатил за возможность сдать назад: отказаться от невыразимого счастья. Нечто вроде платы за позор невесты.

Ничего — мстительно бухтела про себя Юлька — она запомнит! И когда-нибудь вернётся в славный город Хевнет — мало никому не покажется.

Хотя кому она покажет? И за что? За то, что Бу-Каар ни черта не разбирается в женщинах? Причём здесь сами женщины? Никто не нанимался отвечать его ожиданиям — вот ещё!

Гарути обернулась быстрее, чем можно ожидать от дочери богатого купца. Пор-Ба не удалось избаловать дочь, что неудивительно при его характере — раздумывала Юлька, перескочив через ограду гостеприимного поместья. Если кто-то сейчас не спал — и обладал прибором ночного видения — охренеет начисто. Гигантская белоснежная ящерица с развевающейся чёрной гривой понеслась напрямик через город — Юлька не видела причин огибать его, теряя время.

Но даже не это являло собой никогда прежде невиданное чудо. Чудо лежало на спине Всесильной Разрушающей Повелительницы смерти: два примотанных к ней хвостами человека. Один из них тоненько визжал, что неудивительно при такой сумасшедшей скорости. Второй молчал, но беспрестанно крутил головой. Словом, дурдом.

Можно сказать, город они пролетели пулей. Хотя могли и быстрее: мешали дома, через которые то и дело приходилось перепрыгивать. За городом дело пошло веселей. Юлька неслась полями и садами вдоль Хурапуты, которая на этой равнине местности не злоупотребляла петлянием.

Слева горизонт уже слегка заоранжевел: начинался новый день. До вечера Юлька рассчитывала покрыть половину расстояния до Хутруша. Нехур полагал, что она перегибает: к чему так рвать жилы? Дескать, Хутруш никуда не денется. Объяснять же глиняной — хотя и говорящей — кукле, что такое «соскучиться по любимому мужу», всё равно, что соблазнять моллюска-гермафродита драйвом скандалов в разнополых семьях.

Вскоре их пути с великой рекой разошлись. Хурапута свернула на запад, а Юлька продолжала нестись по стрелке внутреннего компаса точно на юг. Через подвернувшуюся под ноги осточертевшую пустыню. Под набирающим силу солнцем.

Вообще-то, Нанке не мешало отдохнуть: она ж не железная. Но какой идиот устраивает привал в душных песках? Без малейшего намёка на оазис с водопоем.

Так что Юлька терпела и «жала на газ». Твердила себе, как заведённая, что русские не сдаются. И готовилась каждую секунду увидеть на горизонте полоску растительности. Пускай даже самой жалкой — привередничать не станет. А «водопой» самолично выкопает из-под земли — Севка продемонстрировал технику этого дела. Вода обязательно где-то есть под растительностью — она же не дура расти без неё.

А силы постепенно уходили. Силы-то не резиновые — будь ты трижды ящерица и четырежды полубогиня. Закон сохранения энергии не располагает к самообольщениям: энергия не восполняется из ниоткуда, когда ты ею щедро разбрасываешься.

За этими нерадостными размышлениями Юлька не сразу ощутила какое-то копошение в гриве. словно огромная вошь умудрилась поймать пролетающую мимо прядь. И лихо доползла до башки, дабы пожрать чужой кровушки и размножиться. При этом кровопивица проквакала знакомым голоском, преодолевая свист ветра в ушах:

— Забирай к западу! Там оазис! Большой! Много воды!

Как удобно, что истинный паучий облик нехуров подразумевает лазание и цепляние в экстремальных ситуациях. И вообще: До просто находка — от души поблагодарила Юлька свою патронессу Нанкешту. Наверняка без неё тут не обошлось.

Если же нет, то всё равно спасибо за скорость и выносливость Нанки. Качественная работа — ничего не скажешь. Это вам не какой-то занюханный восьмисущий теп — убожество лупоглазое. Ящерицы — вершина вселенской эволюции!

На этой торжественной ноте Юлька разглядела выпрыгнувшие из-за горизонта пушистые макушки пальм. Зелёные, значит, воды и впрямь залейся. Может, даже получится искупнуться.

В обширном оазисе, куда сдуру на полном ходу влетела Нанка, в тот же момент вспучилась оголтелая паника. Ослы, само собой, прыснули в стороны. При этом ушастые гады орали так, словно Юлька им пооткусывала брыкающиеся задницы.

Большинство погонщиков тоже не отказали себе в шумной подвижной панике. Лишь бдительная охрана продолжала стоять на страже, стараясь не уронить чести бывалых пофигистов. Мужики полагались на милость Богов и незыблемость аксиомы: Нанки людей не жрут. И ради одной лишь прихоти не убивают.

Всесильные вообще редко обращают внимание на простых смертных, так чего паниковать? А если уж пришло время умирать, так тем более нельзя терять лицо. Особенно перед собратом-воином, что преспокойно прыгнул на землю со спины белой смерти. А после ещё поймал свалившуюся оттуда же девицу.

Нанка, всецело игнорируя окружающую суету, опустила морду в поилку — как обычная тварь из плоти и крови. Принялась неспешно пить, мысленно извиняясь за учинённый тарарам.

— Они привыкли, — философски заметил До, сидя на её загривке.

Мальш боялся размокнуть от воды и держался от неё подальше. Да и вообще не желал светиться перед людьми — оттого и зарылся в гриву Нанки.

«Что делает Бу-Каар?» — облизывая морду, поинтересовалась Юлька.

— Беседует с караванной стражей. Воины удивляются и качают головами. Спрашивают у него: стоит ли подойти к Всесильной и Разрушающей, дабы выразить почтение?

«Не стоит», — содрогнулась Юлька, косясь по сторонам.

— Бу-Каар им так и сказал, — поддакнул До и тут же наябедничал: — На Гарути он внимания не обращает. Она злится и делает вид, будто его не существует. Старается крепко держаться на ногах. Хотя коленки у неё подгибаются.

«Так и надо, — одобрила Юлька, — молодчина. Знаешь, а она мне нравится»

— Гарути? Да, она вовсе не в тягость. Смелая, и ни разу не пожаловалась. С ней удобно путешествовать.

Юлька покосилась в сторону девушки. Та действительно старалась крепко стоять на

ногах. И действительно делала вид, будто этот чурбан Бу-Каар ей и даром не надь, и за деньги не надь. Шифруется, а глаза так и зыркают на воина, так и стреляют в бесчувственного дуболома.

Да уж, любовь — штука тяжкая. И не всегда благодарная. Так что терпи, девонька — добродушно посоветовала любящая мать и жена. Любовь же и есть одно огромное всепоглощающее терпение. А к нему чуток прекрасностей и капля наслаждений. От которой бросает в жар до самой смерти.

Глава 20

Не вставай у меня на пути

Бросает в жар — повторила Юлька и задрала морду к небу, где царил Бог злого солнца Зур. Насколько Юлька могла судить, в этом царстве зноя и песков мужик с неба вообще не слазил. А Богиня доброго солнца Цар — Воссуществовавшая из создателя его же законная супруга — туда почти не поднималась из своего подземного Олимпа. Ну, разве что в самый лютый зимний месяц, когда пустыня робко зацветала и млела от скупых дождичков.

— Некрасиво бесчестить добропорядочную Богиню и мать, — вкрадчиво промурлыкали прямо в левое ухо Нанки.

Она скосила глаз и мысленно присвистнула: красавчик, хоть куда. Ягодка-малина, а не мужик. Карамельный соблазн. Бабья смерть.

— Думаешь, я перестарался? — задал мужик неожиданный вопрос, придиричиво оглядывая свой бесподобно скроенный голый торс.

Который прикрывала лишь длинная — ниже пояса — грива чёрных густых лакированных прядей.

«Думаю, — честно ответила Юлька, — тунику носить всё-таки следует. Хотя бы на бёдрах, как принято у людей. Чтобы не прослыть бесстыдником. И не соблазнять мужчин... которые которых», — вспомнила она козырную шутку из монолога Геннадия Хазанова.

Обнажённый красавец замурчал низким бархатным смехом — ещё один котяра. Недаром каналья чистокровный Бог — обычным мужикам слабо одним лишь голосом взбуктеть в женщине все мурашки. В пику её тренированному скепсису и незыблемой любви к мужу.

— А причём здесь муж? — искренно не понял прицепившийся к добропорядочной даме неопознанный Бог. — Кто тебе сказал, будто он лучший из всех мужчин?

«Его я обсуждать не буду», — холодно предупредила Юлька, уставившись в глаза могущественному существу. — «Мне очень не нравится, когда лезут в мою семейную жизнь»

Зур — запоздало пискнула Нахёра и попыталась удрать в обморок. Кто бы мог подумать, что Нанки и так умеют. Бред сивой кобылы.

— Я пришёл не для того, чтобы нравиться, — насмешливо оповестил Бог разрушений, хаоса, пустынь, отвратительных насекомых и прочих непотребств.

«Ты пришёл, куда надо», — почти и не съязвила Юлька.

УАТ при этом выписывал всеми хвостами замысловатые кренделя. Поднял кучу пыли засранец, но приходилось терпеть: понты дороже. Тут она вспомнила о людях и сбежавших ослах, изнывающих от жажды. Свинья эгоистичная — отругала себя воспитанная женщина и откочевала подальше от поилок. Под сень очаровательной группы пальм, где уже нарисовался Зур.

«Что тебе от меня нужно?» — вежливо осведомилась осторожная от природы женщина-ящерица.

— Да вот, заскочил узнать, — ласково промурчал Бог, — почему за тобой увивается Шот?

Юлька приняла человеческий облик и в тон ему мурлыкнула:

— У нас с Шотом тёплые дружеские отношения: он держит меня за горло.

— Ах да, — изобразил рассеянность Зур, кольнув её обжигающим взглядом глаз цвета раскопчегаренной лавы. — Твой уплывший за море муж. Ты удивишься, но Шот не единственный, кто знает, где он обретается.

В его протянувшейся к Нанке руке возникли два огненно-янтарных шарика. В каждом из которых виднелись тёмные фигурки насекомых: лупоглазка с ажурными крыльями и нечто героическое, похожее на рыцарский щит.

Тяжкого судорожного вздоха Юлька не удержала — да и не особо старалась. Стрекоза в янтаре и клоп в канифоли прославились и в этом мире — беспардонно выуженные из недр матрицы её собственной памяти.

Как Юлька не протянула к ним руку — сама не поняла. Зато опомнилась, машинально впрыснув в глаза иронию прожжённой материалистки:

— Ты, чьи силы существуют для нас в незыблемости всемогущества. Владеющий царством своим на времена вечные бесконечные. Воссуществовавший воистину, как господин единственный Хаоса: изначального и бесконечного. Для тебя тоже кого-то убить? — весьма прозаически закончила она выпренную молитву Зуру. — Неужели сам не в силах? С твоим-то могуществом.

— В силах, — согласился Бог с нелепостью подобных поручений.

Но как-то... многозначительно: то ли надо ему, то ли своими силами обойдётся, то ли вообще не надо. Будучи школьницей, Юлька почитывала о нравах и методах сосуществования древних греческих богов. Так они, надо сказать, были ребятами простыми и конкретными. Если кого-то любили, так без затей и взасос. Если ненавидели, так ругались, дрались и карали.

Местные же подземные небожители какие-то хитровымудренные. Больше напоминавшие современных Юльке политиков: ни шагу без демонстрации двойных стандартов, двойного дна, и двойственности облика.

— Ты доверяешь Шоту? — решил доконать собеседницу Бог.

— Издеваешься, о Сокрушающий и Поражающий многомошно? — максимально вежливо уточнила она.

Что не лишне, когда ты всем своим существом чувствуешь какое-то непонятное давление на тело и психику. Будто засунули тебя в соковыжималку и врубили эту адскую машину на полную катушку. Крутит тебя, плющит, а ты пытаешься растопыриться, дабы упереться в гладкие скользкие стенки. Не упрёшь, размажет по стенкам ровным слоем кашицы.

— У меня такого намерения не было, — честно ответил Повелитель именно злокозненных намерений.

Или безупречно сыграл. После чего закатил глаза и аргументированно возразил:

— Во-первых, я не умею изображать то, чем не являюсь. Я же не Шот: лицедейство мне, увы, не подвластно. Во-вторых, ты не столь уж значительная сущность, чтобы мне доставляло удовольствие над тобой издеваться. Только ничтожнейшим недоумкам в удовольствие давить жуков.

— Значит, хочешь о чём-то предупредить, — задумчиво пробормотала Юлька,

озарённая очевидной и потому проигнорированной мыслью.

— Это разумный вывод, — одобрительно кивнул Зур. — Предупредить же хочу об одном: не принимай решение, не убедившись в истинности того, что видишь. Я знаю, что твой мир много сложнее этого. Значит, для того чтобы выжить, вы должны хорошенько работать головой. Надеюсь, ты не утратила этот навык?

— Знаешь, — внезапно прорвало Юльку, — а ты мне нравишься. На моего мужа похож: такой же нудный мудрец с крепким стержнем и железной волей. Тебе не нужен умный, иногда отважный и всегда верный слову попт, явившийся из другого мира?

— У меня никогда не бывало поптов, — словно бы впервые обратил на это внимание Бог чёрных дел и светлых мыслей. — Мне и молитвы-то приносят лишь из страха. Или желания подкупить. Я подумаю, — пообещал Зур.

И пропал. А Юлька вернулась к своему оглушительно элементарному выводу: Шот ведь и вправду Повелитель игры слов и лицедейства. То есть, обобщая: самой натуральной лжи. Надо же: Америку открыла. А ведь симпатизирует этому паршивцу: обшармил он её — запугал.

Что ж, лучше поздно, чем никогда.

Итак, чтобы выполнить «божий наказ» Зура грамотно разобраться в ситуации, нужно, как минимум, досконально её изучить. Во всех интимных и желательно достоверных подробностях. Юлька же о местных делах знала ровно то, что и Нахера: ничего. А на восполнение пробелов времени просто ни капельки.

Вполне возможно, Птурах и вправду готовит Богу Тхуту смерть в виде забвения — в жизни всякое бывает. Вопрос в другом: кто из них злодей, а кто герой? Кого стремится убить Птурах: мученика или злодея? Он покровительствует тем, кто ищет знания. То есть, двигает вперёд прогресс. Однако полученные знания оказываются в ведомстве Тхута. Где ими неизвестно как распоряжаются.

— Ими распоряжаются правильно, — безапелляционно заявил До, вошкаясь у неё на коленях.

Юлька сидела в тени разлапистого куст. Переваривала купленную Бу-Кааром у купцов поджарую, но крупную тёлку, и — по всей видимости — разговаривала вслух.

— Ты не можешь об этом судить, — возразила она творению Бога Тхута. — Сегодня всего лишь седьмой день твоей жизни. И ты ничегошеньки не знаешь о своём Творце.

— Знаю, — упрямо квакнул нехурчик.

— Что же?

— То, что он меня создал.

— О, Всеблагая! — воззвала Юлька к Нанкеште, прося в подарок терпение.

— Если чего-то не знаешь, — завёлся До с нравоучениями, — нужно это узнать.

— Ага, — хмыкнула Юлька, вспомнив любимый мульттик, — если не знаешь как, нужно у кого-нибудь спросить. Стоп! — настигло её очередное озарение. — А это мысль: нужно спросить. Я даже знаю, у кого. До, отсюда далеко до столицы Абихуша?

— С твоим проворством будем там к вечеру, — подсчитал всезнайка и добавил: — Только дорога к Марушу уходит на восток. К Великой главной реке Вейрапуте.

К реке жизни — машинально перевела Юлька, прикидывая: стоит рискнуть или ну его? В принципе, она изначально загорелась идеей выкрасть у мамыши своего старенького наставника. Зачем он Ахарте, когда у той не осталось детей школьного возраста? А вот ей

позарез нужен консультант. То есть, налицо моральное право выкрасть дедушку.

Встреча с Ахартой её не пугала, а лишь слегка попугивала. Юльке сей риск казался и оправданным, и необходимым. Вероятность потерь при плохом стечении обстоятельств не просчитывалась за отсутствием исходных данных. А раз потери невозможно просчитать, значит, их не будет — припомнилась ей аксиома Птахи Махи.

С минутку погрузив о подруге, она приняла окончательное решение заглянуть в столицу Абихуша. Раз уж та почти по пути: за полсуток обернётся, вернувшись в оазис ещё до восхода. Успеет даже подремать в холодке и...

Предаваясь невнятному планированию, Юлька рассеянно наблюдала за спутниками. Бу-Каар восседал в кругу коллег под таким же кустом напротив. В паре десятков шагов от Повелительницы смерти. Мужики степенно обедали, то и дело перекидываясь короткими многозначительными фразами.

— Тогда они все полегли.

— А чего ты хочешь, ежели мало сил?

— Да уж, трое против одного.

— Да ещё атака вверх по склону.

— Кто ж так атакует?

— А чего ты хочешь, ежели у ап-нашая во лбу дырка?

Командир был набитый дурак — посочувствовала Юлька неведомым погибшим героям. Которым не хватило ума потихоньку прибить идиота и жить себе дальше.

Гарути тоже не бездельничала: фланировала вдоль нескончаемой поилки, что тянулась через весь оазис. Кстати сказать, не такой уж большой: навскидку где-то пара сотен гектаров. В центре главное достояние: аккуратное почти круглое озерцо. К которому скотину и близко не подпускали: заливали воду из колодцев в поилки, выдолбленные из целых стволов. Тоже немалое достояние, ибо дерево в Абихуше дороже золота.

В самом озере люди не бултыхались, поднимая со дна муть — они чинно возлежали в воде, еле шевеля конечностями. Охлаждали истомлённые жарой тела и медитировали. Юльке страшно хотелось того же, однако Нахера не советовала. Приходилось завидовать и терпеливо ожидать окончания Бу-Каарова пиршества.

Складывалось впечатление, что он бы и раз свернуть пикник. Но какие-то традиции мужского братства не позволяли ему просто раскланяться и смыться. Во всяком случае, пока с платка, что расстелили на песке вместо скатёрки, не подберут последние крошки. Едой здесь не разбрасывались: аборигены знали цену самому настоящему убийственному голоду.

Наконец, воины закончили трапезу молитвой какому-то Богу — Юлька не расслышала имени. Бу-Каар поблагодарил хозяев импровизированного пира за угощение, и вернулся к Нанке. Уставшая обижаться на его невнимание Гарути мигом бросила дуться: почесала вприпрыжку туда же.

На её лице читалась решимость преодолеть все преграды и завоевать мужчину своей мечты. На всех прочих не смотрят горящими глазами фландрийского пса-призрака. Который — согласно старинной легенде суеверных голландцев — делал человека слепым, глухим и немым.

Чем не мечта влюблённой женщины: чтобы предмет её обожания видел только её, слышал только её. И бесперебойно трепался о её достоинствах, даже если тех всего пара штук — да и то сомнительных.

— Что ты задумала? — первым делом осведомился Бу-Каар.

Мужику хватило одного взгляда на Повелительницу смерти, дабы насторожиться.

— Нам нужно в Маруш, — объявила Юлька непререкаемым тоном того, кто везёт на себе остальных.

— Зачем? — терпеливо продолжил докапываться преисполненный подозрений воин.

— Мне нужно кое-кого украсть, — честно призналась Нанка и добавила: — У матери.

— Как скажешь, — вдруг легко согласился он, покосившись на Гарути.

Мордочка девчонки была уморительно воинственной. Воровать у Повелительницы смерти, конечно, страшно до жути. Но в банде другой Повелительницы смерти всё наверняка обойдётся.

Если столица Маруш — «центр всего мира» — чем-то и отличалась от Хевнета, это ускользнуло от глаз Юльки. Города выстроены, как под копирку — за исключением деталей. К примеру, Маруш располагался не только на берегу Вейрапу. Посреди широченной реки лежали два больших вытянутых острова, облепленные островками-кочками.

Дворцовый комплекс повелителя располагался на одном из этих островов. Простирающий крылья, Воссиявший двумя жезлами, Могучий Непобедимый абиб превратил свой остров в крепость, штурмовать которую можно лишь с плавучих средств. Сложенные из каменных блоков стены поднимались прямым из воды. До боли знакомые такие блоки: отлично обработанные высотой с Юлкин рост. Ну, здравствуй, дом родной!

Конечно, Нахеру замуровали не во дворце абиба. Для великой неповторимой Повелительницы смерти Ахарты народ не поленился выстроить персональное жильё: башню Немилосердной смерти и башню Милосердной смерти. Вот в Милосердной девочку и держали.

Оттуда — как помнилось Юльке из сна — она сбежала в поисках лучшей доли. Жаль бедняжка не знала, что подобные поиски следует начинать с себя — иначе это пустая беготня за журавлём в небе.

Обе мамкины Нанкины башни торчали на западной оконечности города, куда Юлька и прискакала из пустыни. Причём, на высоком холме, откуда она и разглядела острова с дворцом. Но к несчастью, понятия не имела, где искать дедулю. Даже имени его не знала, чтобы расспросить горожан.

Отчего-то прежде эти затруднения в голову не приходили. До того, как ей взбренило обокрасть родительницу — досадливо хмурилась Юлька, болтая ногами. Она сидела на крыше храма, куда белая ящерица буквально взлетела по стене. Пялилась на тонуций во мраке город и кусала с досады губы.

— Ты знаешь, что за храм под нами? — вдруг поинтересовался Бу-Каар.

Он лежал на краю плоской крыши, свесившись чуть ли не по пояс. Рядом обезьянничала Гарути, которую воин страховал, беспардонно вцепившись в девичью шею. Казалось бы, девчонка должна была взбеситься: её держат за загривок, как кусачую собачонку. Но Гарути выглядела вполне довольной: с бабами сроду не поймёшь, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

— Это храм Всемогущего и Всевидящего Тхута, — солидным баском проквакал До.

Нехур принял свой изначальный облик, вернув на место все двадцать глаз. И, кажется, намеревался сигануть вниз с крыши.

— Решил вернуться к своим? — машинально брякнула Юлька, думая о своём.

— Зачем? — просвистел крото-паук в свою дудку. — Существовать лучше, чем не существовать. Хочу кое с кем побеседовать.

— С кем-то из своих в храме? — уточнил Бу-Каар, сообразив, что речь шла о шпионской вылазке.

— Конечно, — одобрительно продудел лазутчик. — Их там много. Хочу расспросить, где искать наставника Нанки Нахеры.

— Ты можешь это узнать? — воодушевилась Юлька.

— Конечно, — продудел паршивец с явным превосходством. — Иначе ещё в оазисе сказал бы, что эта затея не увенчается успехом. Тогда незачем было сюда и сворачивать.

Выступил и шагнул в бездну. Юлька нагнулась вперёд, провожая взглядом скользящего по стене цепкого нехура.

— Ты молодчина, — прошептала ему вслед и вдруг завела молитву своей патронессе: — Велика сила твоя, о Испепеляющая, о Разрушающая. Могучая, Всесильная невидимым всеуничтожающим пламенем Нанкешта. Владычица смерти и обеих жизней. Да удвоишь ты для меня срок существования сего малого творения Бога Тхута по имени До. Ради больших дел и благих поступков, которые свершу я под твоею рукой. Всё благое для святилища твоего день каждый.

Закончив, невольно обернулась к ребятам: оба шевелили губами, так же вознося кому-то молитву. Конец которой Юлька расслышала.

— Да вознаградишь ты Нанку Нахеру существованием долгим с благоденствием длительным, — урчал котом Бу-Каар.

— Всемерным благоденствием, что даровал ты детям своим, — промурлыкала Гарути концовку, из которой стало понятно, что оба молились за неё самому Хушу.

Бесполезно, но очень мило — растрогалась Юлька, ощупывая взглядом стоящую неподалёку башню Немилосердной смерти. Та вдруг стала притягивать взгляд помимо воли. Будто кто-то нарочно тыкал её носом в башню с какой-то целью. На ум приходило лишь одно: слезть с храма и посетить башню. Желание идиотское, но душа прямо-таки рвалась его удовлетворить.

Наваждение — первое, что пришло в голову. Второй нагрязнула кристально неколебимая внутренняя уверенность, что нет: это не дьявольский соблазн. Ей просто указывают, где искомый ею объект. С чего она взяла? С того самого: пришёл ответ на молитву.

— Старик там, — ткнула она пальцем в башню и легко вскочила на ноги.

В прошлой жизни сей аттракцион закончился бы кратким полётом и пресловутыми «дребезгами» на асфальте — что бы это ни значило. В этой её тело уверенно зафиксировалось на самой кромке каменной плиты-перекрытия.

— Куда без меня?! — буквально взревел подскочивший воин.

Белая гигантская ящерица покосилась на него правым бесстрастным глазом пресмыкающегося. Жаль, что таким невозможно транслировать издёвку — посетовала Юлька, подхватив хвостами своё крохотное войско. Вскинула ребят на спину, зафиксировала и ухнула в бездну.

Легко сбежав по стене, пулей пронеслась по широкому двору храма, взяв с разбега барьер каменной ограды. Дальше промахнула сад, огороды и какие-то строения. Наконец, взлетела на ограду, что втрое превышала храмовую: за такой есть, что прятать. Ради одних понтов так надрывать пупки не стали бы: древние были сверх практичны. А они тут как раз древние — древней не бывает.

На гребне стены Юлька замерла, оценивая картину во внутреннем дворе. Паскудное, надо сказать, зрелище — хуже некуда. По всей видимости, это было казнью — все признаки

налицо. Хотя абихушиты крайне редко лишали преступников жизни — предпочитали «брать деньгами».

У них была невероятно разветвлённая многослойная система штрафов вперемежку с членовредительством. Но преимущественно не обременительным для дальнейших трудов на благо налоговой службы абиба. Нос отрежут или уши, гораздо реже отрубят руку — и всё наказание. Понятно, что в большинстве приговоров фигурировали плети, а тут...

Нагого приговорённого растянули прямо на земле, привязав руки и ноги к кольшкам. Четыре амбала в кожаном «ременном» снаряжении стражи Ахарты стояли у этих чёртовых кольшков с топорами. Их узкие бронзовые лезвия вызывали содрогание в свете факелов, что держали другие стражи. И как раз в этот момент все четыре ухнули вниз.

Миг, и от человека осталось лишь тело. Да седая голова. С лысеющей макушкой на вытянутой вперёд худой шее, что навевала мысли о птицах-падальщиках. И о том, что мамаша у неё редчайшая сука.

Старика-то за что? Он-то тут каким боком? Эта стерва не могла не знать, что дочь утекла самостоятельно. Через собственноручно проделанную дыру. Ещё и пленников прихватила.

Ну что ж, война, так война — мстительно пообещала Юлька мамаше и сиганула со стены. В принципе, палачи всего лишь исполнители — просвистело в башке сквозняком и улетучилось. Восемь полутушек шмякнулись на землю рядом с казнённым стариком. Густая маслянистая в свете факелов кровь фонтанировала из всех обрубков.

— Как же так можно? — рыдала на спине Повелительницы смерти добрая девушка. — Старого человека... Семисущего! Гады! Гады! Гады!

— Не реви, — досадливо скрипел Бу-Каар. — Такая уж судьба у человека. Бронзе без разницы, кто перед ней: мудрец или крестьянин.

Юлька была рада, что ей не придётся успокаивать Гарути: и без неё справятся. Она хотела, было, вернуться на стену, как в голову пришло оставить маме сообщение. Обозначить, так сказать, их дальнейшие взаимоотношения.

— Не вставай у меня на пути, — преспокойно прочитал Бу-Каар, когда Нанка закончила карябать когтем каменную стену. — Коротко и доходчиво, — одобрил он.

И Юлька перелетела через стену, пустившись в обратный путь к храму: нужно было подобрать До.

Перевалив через храмовую ограду она замерла, выпучившись своими жуткими немигающими глазами на делегацию жрецов. Те выстроились в колонну по три: ровненько так, словно всю жизнь в строю. А при виде Нанки дружно опустили на колени.

Вообще-то зрелище то ещё: с полсотни загорелых лысых мужиков в одних подгузниках. Стоят на коленях и смотрят на тебя не менее бесстрастными немигающими глазами. Если у ящериц такой взгляд худо-бедно переварить можно — в силу их природы — то у людей он бывает лишь у законченных сволочей. Или зомбированных роботов.

Чтоб вы провалились — подосадовала Юлька, оглядывая двор в поисках своего нехура. Если и тут срежиссировали какое-то смертоубийство, разнесёт всю эту халабуду!

Вспомнив, что наглость второе счастье, она спокойно почапала в сторону высоких дверей храма, обитых бронзовыми пластинами. Поверх пластин на каждой створке то ли наклепали, то ли приварили изображение ящера с человеческой головой. Довольно безобразный продукт неестественного скрещивания.

Ящер стоял на изогнутом хвосте, держа в каждой из четырёх лап по свитку. Видимо сам

Тхут — мысленно усмехнулась Юлька, вспомнив, что Зур и Шот предпочитали являться к ней в человечесем обличье. Она заглянула в полу распахнутые двери высотой метров пять — не меньше. За дверями царил полумрак, испятнанный кляксами факелов.

— До! — вспомнив, что Нанка у них существо молчаливое, заорал Бу-Каар.

— Где ты?! — помогла ему Гарути, не желая ни в чём отставать.

«О-о-о-ы-ы-ы» — запрыгало эхо по стенам и ускакало куда-то в недра храма. Я туда не пойду — поняла Юлька, что внутрь её не затащить никакими сентиментальными позывами сердца спасти малыша. Слишком уж эти полуоткрытые ворота напоминали крышку мышеловки.

Она развернулась, вновь уставившись на жрецов. Те перестроили свою колонну так, чтобы её «голова» опять смотрела на Повелительницу смерти. И тут до Юльки дошло: эти утырки дружно лопочут молитву:

— Пришёл он в землю, когда не было на ней ничего сущего. Свет пришёл с ним в проявлении его первом. Начал он творить в сердце тишины. Открывал он глаз каждый, заставляя увидеть его. Начал он кричать, когда был недвижим мир.

А ведь поганцы призывают своего Бога — подсказала Юльке Нахера, отчего дыбом встали все их общие хвосты. По лицам жрецов пробежала тень ужаса: если Нанка рассвирепеет, никого не пощадит — они-то знали нравы девятисущих. Однако тень промелькнула и пропала: железная выучка у этих профи. Вновь сплошные бездушные маски и бубнёж призыва:

— Возносился крик его, когда не было подле Воссуществовавшего из ничего иного Воссуществовавшего из Создателя. Чтобы дать человеку знание для движения ног его.

Ну, точно призывают — убедилась Юлька. Тхут родился у папеньки первым, вот рядом никого другого и не было. Из-за чего его жрецы задирали нос перед коллегами, что служили прочим Богам. Сволочи тупорогие — выругалась она, пытаясь броситься прочь из этого гнезда неведомых опасностей. Мало ли что, а ей нужно в Хутруш — она Шоту обещала.

«Броситься прочь» не вышло: ноги прилипли к каменным плитам двора. Невероятно, но факт. Да и в голове происходило что-то несанкционированное. Мозги медленно заплывали патокой, забивая все извилины. Нанка становилась всё более и более сонной. Опасность — вовсю орал УАТ, однако реальной помощи оказывать не торопился.

Или не мог. Если на повелительницу смерти уже воздействует призванный Бог, нечего и рыпаться. С ними бодаться — себя не уважать. Лучше принять, как должное, и послушать, что предложат на этот раз.

Если опять попытаются подсунуть Нанке абиба — это... уже не смешно.

Глава 21

Повелительница жизни — что с неё взять?

Тягостное наваждение оборвалось внезапно: Юлька не сразу почувствовала, что свободна. А едва просекла, тотчас метнулась к ограде. Перевалив через стену, рванула со всех ног в южном направлении. Постепенно забирая к западу, чтобы не воткнуться в изгиб Вейрапуты.

Пока была занята препятствиями, что приходилось преодолевать на сверхскоростях, на пассажиров вообще не отвлекалась: привязаны, вот и ладушки. Но оставив позади последние постройки и выйдя на простор полей с огородами, вдруг уловила знакомое:

— Моя голова правильная. И сидит на своём месте. А ты женщина лучше следи за собственной головой. Она у тебя отнюдь не безупречна.

Отповедь явно предназначалась Гарути, которая что-то обиженно бухтела. А учинил отповедь...

«До!» — виновато позвала предательница, не веря собственным ушам.

«Я здесь», — преспокойно отозвался малыш без малейшего намёка на обиду. — «Я тебя ждал и успел»

«Когда?» — не поняла Юлька, как ему удалось вскочить в «отъезжающий вагон».

«Когда ты развернулась к призывающим Тхута жрецам. Я выскочил из левого придела храма. И вцепился в один из хвостов. А тот закинул меня на спину»

«Как там Гарути? Пришла в себя?»

«Она в порядке», — всё так же спокойно диагностировал нехур. — «Ей было плохо, но помогла Повелительница жизни, что сидела на стене храма моего Творца»

«Какая Повелительница?» — обалдела Юлька, ибо никакой Вейры не увидела и даже не почувяла.

«Та, что вытрясла из твоей головы наваждение Тхута», — удивился До. — «Неужели ты не поняла, что попалась? Вот она тебя и спасла»

«Всё я поняла», — досадливо признала могущественная Повелительница смерти и могучая дура. — «Только поздно почувяла: уже не могла противостоять. Значит, меня выручила какая-то Вейра? А куда она потом делась?»

«Помчалась за тобой, но не смогла угнаться», — выдал До убийственный ответ.

«О, Нанкешта! Отчего ты создала меня такой идиоткой?!»

«Поворачивай снова к реке», — велел До без капли сочувствия в мысленном голосе. — «Видишь ту полоску деревьев на горизонте? Что освещена почти, как храм. Давай туда. Если та Вейра не уйдёт из столицы, обязательно придёт туда. В их любимые сады. То есть, в сады самого абиба. Их Повелительницы жизни предпочитают даже его дворцу»

Неоценимость глиняного всезнайки росла в геометрической прогрессии. Юлька никогда не заводила домашних питомцев. Если ты не млеешь от их умильных мордах и милых проделок, значит, они тебе не сдались. Если же не сдались, не заводи, чтобы спустя время выбросить на улицу.

Будь у меня такой кот, я бы не женился — исторг из глубины души признание отец Дяди Фёдора, познакомившись с Матроскиным. Будь у неё в той жизни такой До, Юлька бы не ушла к Кириллу, дабы сломать жизнь всем подряд. Бедная Ирма Генриховна — в который раз остро резануло по сердцу. Как она там без Кирилла?

За этими размышлениями не заметила, как добралась до указанных садов «самого абиба». Которые были ухожены, унавожены и украшены многочисленными масляными лампами. Скорей даже уличными фонарями — если судить по размерам.

Еле ощутимый ветерок через силу колыхал языки огня в этих огромных многогранных каменных бандурах. Не лень же было долбить ради этого каменные глыбы. Дунь ветер посильней, и огонь потухнет. Хотя и временная красота всё равно остаётся красотой. А каменные светильники высотой в человеческий рост изумительно орнаментированы.

Видно, что здесь работали истинные художники из семисущих — машинально отметила Юлька, активно работая носом. Запахов в саду, как грязи: одни деревья зацветают, другие отцветают, третьи уже плодоносят. А между стволами всякие разномастные клумбы, откуда тоже несёт чем попало. Смердят улитки с жабами, ароматизируют насекомые — не спится им.

Ну, и люди, понятное дело, наследили своими уже истончившимися, но ещё

мешающими запахами. Нанка медленно скользила по дорожке, посыпанной песком, и усиленно шевелила носопырками. Ничего!

— Вообще-то Вейры любят отдыхать у пруда падающих звёзд, — поздновато, но всё же вспомнил нехурчик. — Это во-он там! — сполз паршивец напрямик на морду грозной Нанки и вытянул вправо одну из шести тонких ножек: — Видишь те пальмы, что стоят на особицу?

— Паразит! — принесло со спины грозное урчание Бу-Каара. — Голова с дырой! Околачиваемся вокруг нужного места, как слепые кроты.

— Никакой дыры в моей голове нет, — бесстрастно продудел в свой хоботок До. — А Вейра могла оставить следы где угодно. Даже на этой дорожке.

Во имя пресечения внутриккомандной склоки Юлька прибавила скорости: так Бу-Каару тяжелей ругаться. Зря он вообще разоряется: на дорогу к указанному пруду ушло не больше полминуты. Да и то лишь по вине растительности, которую грешно топтать: пустынь в здешних местах и без того до хрена.

Пруд падающих звёзд представлял собой овальный бассейн с выложенной камнями чашей. Камни подобраны так, чтобы чёрно-серо-бело-голубой орнамент создавал у отдыхающих чувство прекрасного. Реально красиво — восхитилась Юлька мастерством абихушитов, стряхнув седоков.

Тщательно приняхалась: где-то поблизости шлындала Вейра. Причём, достаточно близко, раз Нанка опознала её вид, а не просто девятисущность.

«Скажи им, чтобы сидели здесь и никуда не лезли», — приказала она вцепившемуся в гриву нехуру.

До панически боялся воды, ибо слеплен из необожжённой глины. Заикаясь, он транслировал людям слова Всесильной. И воистину Разрушающей, что легкомысленно склонилась над водой, имея на голове драгоценного «водобоязненного» советника.

— Душная ночь, — с неизъяснимо тяжким вздохом проблеяла Гарути, глядя на воду щенячьим взглядом попрошайки.

Можно подумать, прошлая была комфортней — мысленно съязвила Юлька, лакая воду — и позапрошлая, и все остальные. Но тут же спохватилась и велела До отправить друзей принимать водные процедуры.

— Не думаю, что это правильно, — выслушав нехура, покачал головой законопослушный воин. — В этих садах нам вообще нельзя находиться. Слышите? Сюда бежит стража.

— Да и пускай бежит. Бегать полезно для сердца, — озвучил До мысленную тираду Нанки. — Это правда? — так придирчиво уточнил он у Юльки, словно для «бессердечного» глиняного болванчика это актуально.

— Ещё не привык, — констатировал Бу-Каар, расшнуровывая свой «бронезилет». — Боюсь этакая вседозволенность войдёт у меня в привычку. А потом здорово подведёт.

— А ты не привыкай, — дала ему блестящий совет Гарути.

Сексапильно завлекательным манером выгнулась, будто бы потягиваясь. Выпятила одновременно и грудки и попку, изобразив знак доллара. И рыбкой сиганула в пруд. Прямо в тунике.

Ещё и взвизгнула паршивка. Чтобы выкатившиеся из-за соседних деревьев стражники точно знали, куда пялить бельма в первую очередь. Да и вообще: как-то подсобрались бы, что ли. Всё-таки на службе, а не на гулянке.

Юлька бы, к примеру, не стала бегать строго по дорожкам сада, когда в него вторглись чужаки — а может, даже воры. Ломанулась бы по газонам: цель в этом случае натурально оправдывает средства. Странно, что сады «самого абиба» охраняют такие олухи.

Олухи или нет — завидя Повелительницу смерти, все пятеро остановились, как вкопанные. Таращась на неё глазами затянутых в стринги бегемотов.

— Это она, — помог братьям по оружию Бу-Каар, стягивая наконец-то расшнурованный «бронезилет». — Всесильная.

Запах Вейры резко усилился. Юлька развернулась на сто восемьдесят и констатировала, что Нанку не должны заставить врасплох, как курицу. Впрочем, зря она тут наговаривает на куриц: те куда бдительней и поворотливей.

Вейра замерла на краю пруда в сотне метров от неё. В позе кошки, развалившейся на затопленном солнцем подоконнике. Сходство с которой придавали сплетённые в канат хвосты. Красива была зараза — глаз не оторвать.

Окружавшие пруд каменные столбы-светильники рождали на чешуйчатой шкуре мириады шмыгающих крохотных искорок. Те вспыхивали, роились, гасли в произвольном порядке. Слепили глаза и как-то отвлекали, настраивая на рассеянный лад.

Гарути стояла по пояс в воде, прижав руки к груди: восхищения полные штаны. В распахнутых на полную катушку глазищах бессмысленное и беспощадное обожание истовой поклонницы. Да и куда менее впечатлительный Бу-Каар таращился на золотое великолепие с преувеличенным восторгом. На Юльку он так сроду не пялился.

«Нерушимая троица тебе в помощь», — гася назревающее пустяшное раздражение, поприветствовала Вейру Повелительница смерти.

Фигура значительная, на которую Повелительнице жизни, похоже, было плевать с высоты птичьего полёта. А вот хрен тебе — мысленно прошипела Юлька исконно русскую мантру — чтоб она ещё унижалась перед какой-то узколобой аборигенкой. И сама застыла статуей, начисто обалдев. Потому что в голове отчётливо прозвучало по-русски:

«А я думала, что показалось. Хотя и направили сюда. Значит, ты всё-таки здесь»

После чего Вейра закрыла глаза и вздохнула так, что раздулась чуть ли не вдвое — как только шкура не полопалась? Юлька не вздыхала — наоборот затаила дыхание, боясь поверить в такую удачу.

«Дэма, это ты?»

«Я», — просто ответила Вейра, грациозно взгромоздила себя на ноги и уточнила: — «Юля, это ты?»

«Здравствуй, родная», — выдавила па, утопая в нечеловеческом облегчении.

«Как же я соскучилась», — вытянула шею Вейра, плывя к ней, будто по воздуху.

И вдруг прыгнула к Юльке. Прижалась к ней всем ходящим ходуном боком. Обвила её тело хвостами, принялась тереться мордой о шею и голову. Бедняжку трясло.

«Ну-ну, девочка», — смущённо заблеяла Юлька, оплетая найденную потерю всеми хвостами. — «Теперь мы вместе. Больше нечего бояться. Вместе мы никому не поддадимся»

«Семья с тобой?» — вспомнила о главном Дэма, продолжая ласкаться к родному человеку.

«Севку видела. Он мне помог добраться до гнездилища УАТ. А Даяна с Кириллом... пока не нашла. Ты удивишься, но сюда они прибыли почти одиннадцать лет назад. И теперь уметелели на другой материк»

«Ты удивишься, — чуть помедлив, спугайничала Дэма, — но сюда я прибыла три года

назад»

«Да, ладно!» — оторопел, села на задницу Юлька.

«Точно», — отстранившись, расплела хвосты Вейра. — «И уже почти поверила, что вас тут нет. Что я одна. Даже немного отчаялась»

Она замолчала — Юлька тоже как-то разом подрастеряла нужные слова. Однако затянуть драматическую паузу им помешал глиняный чудик с дудкой, растущей прямо из морды:

— Всесильная, ты хотела вернуться в оазис.

Дэма встрепенулась. Золотые хвосты раскрутились, раскрылись лепестками хризантемы.

— Как красиво! — пискнула из пруда Гарути.

— Ты это... — недовольно проорчал Бу-Каар, ударив руками по воде.

Юлька краем глаза разглядела возмущённую моську девчонки, которую накрыло водопадом брызг. А ещё мокрую тунику, облепившую тело — грудь у её «секретарши», как и полагается, закачаешься. Бедный Бу-Каар! Интересно: как давно он без секса?

Кстати, самое время научиться командовать хвостами. А то совсем заиндивидуальничались — партизаны неблагодарные. Это они на ней ездят, а не наоборот — мысленно бухтела Юлька, косясь то на Дэма, то на взывающую к ней бесстыдницу. Гарути молила наказать обидчика, ибо она невинно пострадала, а он гад ползучий!

Один из хвостов чётко выполнил приказ: подсёк ноги клязницы. Девчонка с визгом рухнула в воду — Бу-Каар одобрительно хмыкнул, качнув башкой. После чего и сам ушёл под воду с головой. Одна из отличительных черт воина: умение плавать. Что для пустынного народа почти фантастический навык.

Так что выскочившая из воды Гарути мигом захлопнула рот, готовый продолжить визгливый концерт. Выпендрёжница прямо-таки с благоговением наблюдала, как мускулистые руки сильного мужчины поднимаются над водой. И с какой-то ленивой уверенностью вновь рассекают её, толкая тело вперёд.

Стража, что продолжала бестолково толочься неподалёку, вполголоса комментировала спортивный стиль пловца. И открыто, не стесняясь, завидовала счастливцу: им подобные вольности не позволялись. Нет, пользоваться служебным положением аборигены умели преотлично — и несомненно любили. Однако «берега не теряли» в силу недоразвитости цивилизации.

Тем временем, Дэма поинтересовалась, что Юлька делала в крепости Ахарты. И зачем учинила там бойню. Пришлось вкратце изложить новую биографию. С момента переселения прямиком в местную каталажку до попытки украсть наставника. Посетовала, что не успела: старик был с нею добр — несмотря на страх перед будущей Нанкой.

Тут она заметила Бу-Каара, что стоял за её плечом: с волос течёт, льняной мокрый подгузник так липнет... ко всем местам сразу, что одиноким жёнам кое-что навевает. Сворачивает, так сказать, конструктивные мысли на эротические.

И злобные: Даян — степное чудище — где тебя носит?! Кобель ордынский! Развлекаешься там со своей зазубой, а законная жена тут... словом... изнемогает от соблазнов.

Пока витийствовала, Дэма приняла человеческий облик. Опустилась на подобранные под себя ноги. Росточком нынешняя бурятская красавица превышала Юльку где-то на голову-полторы.

Грудь у Вейры, в которую она угодила, могла надувать воздушные шары — те, на которых летают, а не любят. А собственные «шары» девятисущей богатырши так выпирали из кожаной жилетки... Секс-бомба, да и только.

Мускулистым ногам в обрезанных по колено кожаных штанцах позавидовала бы любая легкоатлетка. Те ноги «от ушей» росли из таких круглых каучуковых ягодиц, что глаза Бу-Каара напоминали сейчас скорбные очи вечно голодного бродячего пса.

А глаза подползающей к девятисущим Гарути горели дурной ревностью. И ни капли пиетета к обожаемой народом Вейре — вот тебе и религиозные чувства трудящихся. Шкурные интересы индивида останутся шкурными, чем ты его не мотивируй — и не лупцуй. А как восторгалась! Как преклонялась!

— Что-то будет, — пискляво напроорочил До, когда Юлька тоже «очеловечилась» и сунула его подмышку.

— Думаешь, посмеет? — критически оглядев взъерошенную девицу, недоверчиво уточнила она.

Если Гарути окрысится на Вейру, легко не отделается. Дэма — девушка добрая. Когда девушка. А когда девятисущий оборотень? Юлька на себе ощутила, как довлеет природа ящерицы над сознанием обычного человека. Тут, знаете ли...

— Ты думаешь о всяких глупостях! — разворчался нехур с прикольным присвистом резинового утёнка для ванны. — Совсем ничего не чувствуешь?

Нанка насторожилась и действительно почуяла какую-то разлитую в воздухе невнятную угрозу. Оглянулась на стражу садов: мужиков и след простыл. А воздух вокруг набух невесомой дурно пахнущей тяжестью какого-то предвестья.

— Что-то будет, — подтвердила Дэма, напружинившись всем телом.

И закурила головой — замотала длинным золотым хвостом, схваченным на затылке простой тесёмкой. Бу-Каар ничего такого не чувствовал, но глаза и уши имел. Раз у всех этих «божьих творений» сработал сигнал тревоги, натурально грядёт заваруха.

Так что воин сосредоточенно облачался в кожаный доспех — насторожённый, как воряга волк в зазывно пахнущей овчарне. Гарути, уловив общий настрой, мигом бросила кукуться. Отжала и сматывала в шишак волосы, с непередаваемой решительностью зыряя в поисках опасности. Нож, который обычно прятался в волосах, эта ненормальная держала в зубах.

Как резко она забывает о личном — восхитилась Юлька — когда предстоит драка. А предстояла именно драка, раз уж из-за деревьев метрах в пятидесяти от них выпрыгнули на дорожку сразу пятеро тепов. Потом ещё столько же.

На убитого Шотом болтуна мало похожих — эти были настоящими воинами. В пластинчатом доспехе, вызвавшем у Бу-Каара завистливую злость. В таких же пластинчатых шлемах-вёдрах и с короткими мечами в руках. Ребята, конечно, угловатые и нелепые, ибо у их Творца воображение мухомора. Но явно ловкие и умелые: вон как дружно выстроили шеренгу и прикрылись щитами.

— Дебилы, — мяукнула по-русски Дэма, поднимаясь на ноги. — Юль, тебе помощь понадобится? — уточнила она, кивнув на вторую шеренгу, что выстроилась за первой.

И тут же прикрытую с тыла третьей. Атхутепы сыпались и сыпались из густого кустарника, словно вылуплялись прямо в его ветвях.

— Путеводитель между мирами самовольничает! — возмутился миролюбивый нехур, барахтаясь подмышкой Юльки.

— Ты уверен, что это происки Бога Птута? — удивилась та нетрадиционной для малыша реакции.

Ей даже показалось, что слегка преувеличенной — больно уж актёр посредственный. Вот что значит отсутствие у нехуров благодатного ХАТ: творческого начала. Впрочем, глиняным зверушкам-шпикам оно без надобности.

— А кто ещё способен распечатывать пространство для смертных? Торить краткие, как вздох, пути между дальними пределами? — кипятился До, пытаясь вырваться из подмышки.

— Значит, Птут открыл сюда дорогу для тепов своего братца? — раздражённо проурчала Вейра, пощипывая подбородок. — Интересно: для какой надобности?

— Нас прикончить? — брякнула первое, что пришло на ум, недавняя попаданка.

— И рассориться с Нерушимой троицей? — иронично выгнула золотые бровушки Дэма. — Сомнительно.

— А вдруг тут где-то ещё и пту́таки? — встряла Гарути, крутя головой во все стороны.

Птутаками звались двоесущие творения Бога Птута: духи-путеводители. Вечно шныряющие с какой-то неведомой целью по землям и водам. Помимо божественного духа УОТ, Творец наделил их РАТ: каждому давал имя. Видать, серьёзные творения и полезные, раз даже собственные имена заслуживают.

Вон Тхут своих глиняных болванчиком просто нумерует. То ли демонстрирует познания в арифметике, то ли презирает.

— Духов я не чую, — с сомнением протянула Дэма.

— Подержи, — проворчала Юлька, протянув ей нехура.

— Будешь драться? — деловито осведомился Бу-Каар, вставая с ней рядом.

И многозначительно потряхивая боевым топором.

— Будем! — восторженно прошипела Гарути, аж подпрыгивая от предвкушения получить по загривку.

«Пора сматываться», — вставая с газона, констатировала золотая ящерица с привязанным к спине До и вдруг поинтересовалась: — «Юль, а где Севка?»

Она уселась на задницу в позе верного Тузика и выжидающе свернула набок голову — ещё бы язык свесила. Юлька обернулась «белой смертью», распушила гриву и сообщила:

«Отправился разыскивать отца. На север: в Хушаб к аргатанам. Пару дней назад. Но вот-вот примчится обратно»

«Они же на другом материке», — не слишком-то удивилась Дэма такой нескладухе в показаниях, ибо догадалась о подоплёке: — «Он что, не знает об этом?»

«Точно»

И тут между ними и тепами густой духмяный ночной воздух закрутил огромную спираль. Невидимую и видимую одновременно — сногсшибательное зрелище. Можно даже сказать: сокрушительное. Ибо Повелительница смерти ощутила мощный невидимый удар сразу со всех сторон. Будто попала в станок, прессующий алюминиевые тазы.

Пока включалась соображался, её непокорные волосы учинили драку без команды из головы. Странное дело, но мешать им в ту самую голову не приходило: раз воюют, значит, надо. Глаза в глазницах крутились, как сумасшедшие, стремясь поспеть за бешеными прядями. Которые...

Может, я и чокнулась — засомневалась Юлька — но моя своевольная грива кого-то ловит. Пряди, как лассо ковбоев, затягиваются на чём-то невидимом. И душат, душат, душат: невидимки явно дёргаются и хрипят — ничем иным знакомые звуки быть не могут. Или

могут? Откуда хрипы, если нет глотки? Совсем голову заморочили!

«Птутаки! Птутаки!» — ворвались в голову визгливые вопли До. — «Берегись! Это птутаки!»

Значит, духи бога Птута — с облегчением выдохнула Юлька, ибо знакомая опасность вполнину неопасна. А эта опасность в программе Нанки прописана была. Собственно, её шикарная живая грива и сконструирована на такой случай: для борьбы с невидимками. Всё-таки Нанкешта великая умница — в очередной раз восхитилась Юлька и...

Стартовала, вихрем промчавшись прямо по рядам врага видимого. То есть, в буквальном смысле: налетела на строй тепов, подлетела в прыжке и по головам, по головам. Как гимнастка по узкому бревну: прыг-прыг-прыг, соскок и поклон.

Из обрубков еле шевелящихся в замедлении тепов кровяца хлестала во все стороны. Юлька брезгливо отпрыгнула, краем глаза заметив, что Дэма увела её ребят подальше от места омерзительного побоища. Вейре претило то, что видели её глаза. Повелительница жизни — что с неё взять? Принципиальная пацифистка.

Дэма же волновали иные проблемы:

«Юль, ты Севке не сказала про отца?»

«Сама поздно узнала. Уже после того, как он уметелил», — пояснила Нанка, оттягиваясь к своим.

Ибо неподалёку какая-то сволочь опять закрутила спираль воздухворота.

«Странно», — задумалась Юлька, заарканив волосами первых агрессивных духов. — «До, если птутаки нападают, значит, на нас окрысился Бог Птут. А с какой стати?»

— Он... он может поступать, как ему вздумается! — по-своему объяснил нехур мотивы Бога, злоупотреблявшего служебным положением. — И вообще... не должен так поступать!

«Почему?» — хмыкнула Дэма, подбросив себе на спину Гарути.

— Потому, что такого никогда не было! — нравоучительно продудел нехур.

«Бездна логики», — согласилась Юлька, пытаясь прислушиваться и принюхиваться к воздушным массам.

Но искать там живых птутаков — всё равно, что иголку в стоге сена. Вот же пакость! Навязались на её голову.

«Юль, а откуда ты узнала про ребят?» — несмотря на «военное положение» продолжила допытываться Дэма. — «От какого-то Бога?» — угодила она прямо в яблочко. — «Или от Богини?»

«Севка успел стать по́птом Шота», — призналась мать болтуна и кривляки, пытаясь сосчитать тепов, которые вновь посыпались из кустов. — «Вот Властелин приколов и прикололся: его отправил в Хушаб, а меня уведомил, что ловить там ветер. Потому что отец давно уплыл. К тому же ещё и женился»

«Это хорошо, что его по́птом», — с неожиданным удовлетворением одобрила Вейра,

И начисто проигнорировав новость о женитьбе Даяна. Либо не расслышала, либо решила не лезть в душу — несвоевременное занятие.

«Почему хорошо?» — уточнила Юлька, имитируя буйную воинственность между подругой и врагом.

Хвосты плясали танец с саблями. Волосы душили последних птутаков, начисто лишённых инстинкта самосохранения. Челюсть щерилась на тепов великолепными зубами Повелительницы смерти. Которую явно боялись, но... как те ёжики: рыдали, кололись, а кактус доедали.

«Шот здесь почти единственный адекватный Бог», — уважительно прокомментировала Дэма, выжидательно уставившись на Бу-Каара. — «Умница и довольно справедлив. С остальными лучше вообще не знакомиться»

«Тебя они тоже достают? Потому что инопланетянка?» — без труда догадалась Юлька.

И указала Бу-Каару хвостами на Вейру: дескать, лезь в «транвай» и не кобенься. В этой битве из тебя никакой помощник. А мёртвым ты Повелительнице смерти без надобности.

«Тоже?» — удивлённо переспросила Дэма, нетерпеливо щёлкнув золотым хлыстом перед носом набычившегося воина.

Тот не желал оставлять свою Нанку в одиночестве: сражаться с превосходящими силами противника. Юлька скрутила упёртого гордеца хвостами и забросила на спину Вейры. Отправив вдогонку очередную догадку:

«Дэма, я не успела сбежать от матери, как меня попытались спровадить замуж. А у тебя как с этим?»

«Ну, ты завидная невеста», — отшутилась подруга, затрусив берегом на противоположную сторону пруда.

«Завидная? Ага, точно. А знаешь: чья? Абиба... с двумя жезлами»

Юлька приготовилась к новой атаке: хвосты веером, чёрные патлы вразлёт.

«Мы с тобой одноабибовые близнецы!» — развеселилась Вейра, предусмотрительно унося ноги подальше от поля битвы. — «Вот же кобель! Он и ко мне приставал. А какие слова говорил. Как стелил-то: гладко да сладко. Что заживём с ним, как у Христа за пазухой. Что любить станет и беречь, как зеницу ока. Трепло несчастное!»

Ну что тут скажешь? Нечего тут сказать.

Глава 22

Я не создаю хаос. Я за ним надзираю

Новая стычка с противником в желе тормозящего времени прошла в прежнем режиме. Раскрутился очередной воздуховорот, полезли птутаци — нет, ну, юморное название для реальных убийц. Никак не получалось отнестись к ним серьёзно.

Зато к вооружённым до зубов тепам вполне. Юлька крутилась, как юла, но косить вражьи головы не торопилась. Воины даже не пытались наступать, хладнокровно наблюдая за битвой Нанки с невидимками.

Странное ощущение — поймала она себя на мысли — будто сражаешься в компьютерной игре на высокой скорости. Спихватилась и принялась осторожно отступать от нового воздуховорота. Тот взбаламутил пространство почти перед самым её носом. И все двадцать семь хвостов внезапно поджались, как у трусливой собачонки. Что-то почуяли — и явно крайне опасное.

Вот тебе и на! Вам не стыдно — попыталась Юлька пристыдить УАГ, метнувшись подальше от новой опасности. Впрочем...

Какого чёрта она, собственно, поддалась на эту грёбанную провокацию? Делать нечего? Кто мешает убраться отсюда подобру-поздорову? Вряд ли тепы догонят сверхскоростную Повелительницу смерти. Да и птутаци возможно не сдюжат, раз легче воздуха. Если, конечно, она правильно помнит физику вопроса.

А Дэма с ребятами уже далеко — удовлетворённо размышляла навоевавшаяся до отрывки Повелительница смерти, улепёгывая со всех ног. Хорошо, что успели удрать.

Нагнав тихходную Повелительницу жизни, Юлька мысленно вздохнула и уточнила:

«А свахой у тебя кто был?! Не Сахти?!»

«Она», — в мысленном голосе Дэма послышалась какое-то еле уловимое напряжение. — «А тебя когда сватали?!»

«В последний раз пару дней назад!»

«Да ну!» — натянуто восхитилась подруга. — «Вот, значит, как»

«А больше тебя ни на какие... подвиги не пытались раскрутить?!»

Вейра безошибочно угадала подоплёку вопроса:

«Они хотят, чтобы ты кого-то убила?!»

«Так очевидно?!» — даже не удивилась её прозорливости Юлька.

«Ну, ты же Нанка, — пояснила она свою догадку. — «Не за грибами же тебя посылать.

Кстати, для тебя и здорово, и опасно, что попала в такую... крутую повелительницу»

«Уже поняла», — мысленно покривилась Нанка.

Дэма здорово устала, но как-то умудрялась восстанавливать силы за счёт внутренних запасов. Юлька прямо на ходу избавила её от поклажи, облегчив заботы. Теперь они были почти в равных условиях. Потому что выдохаться начала она: два взрослых человека на закорках — приличная ноша для хрупкой женщины.

Инцидент у пруда исчерпан не был. Верхушки деревьев в абибовых садах давным-давно утонули в песках на горизонте, а их всё пытались достать. Шесть раз по пути отступления то справа, то слева, то прямо по курсу норовили распусться осточертевшие воздушные течения.

Обе Повелительницы наддавали, проскакивали дальше и воздушные воронки так же внезапно лопались. Никто из них не выскакивал, никакой погони на горизонте не скакало. Их вроде оставили в покое, хотя кто даст гарантии?

Когда жизнь, казалось, начала налаживаться, какая-то гнида подстроила им новое испытание. Песок прямо под ногами стал уходить в гигантскую воронку. Нанка, честно говоря, вырвалась бы из клятой западни, сделав фирменный рывок. Даже с седоками. А вот силёнок Вейры на бросок не хватило. Её затягивало, и Юлька ничего не могла с этим поделать: такую коровицу ей не вытянуть.

Оставалось одно: сплести свободные хвосты с золотыми отростками Дэма. Чёрная грива сама собой укрыла спину Вейры, обняв её поперёк тела. И таким вот макаром они свержились куда-то вниз. В некий обширный пещерный комплекс — насколько смогла идентифицировать Юлька, когда груды песка вокруг неё окончательно стекли на пол западни.

Что примечательно: свод пещеры над головой оказался вполне себе каменным. Даже сталактиты выросли. И никаких признаков отверстия, сквозь которое их сюда всосало.

«Что скажешь?» — перевернувшись со спины на брюхо, раздражённо поинтересовалась Дэма.

Великое облегчение: достойная продолжательница славы Чингизовой орды ничуть не испугалась. А значит, они им тут ещё повоюют.

«Скажу, что отсутствие сталагмитов вдохновляет. Торчали бы сейчас на них, как мотыльки на булавках», — встряхнула Юлька пропылённой гривой и озабочилась насущным: «До, как вы там?»

— Мы целы, — ответил нехур, сползая на морду Нанки.

Завёл себе привычку, нахалюга — почти всерьёз возмутилась Юлька, стряхнув его на землю.

«Значит, сразу убивать не собирались, — согласилась Вейра, — Опять будут что-то кланчить. Надоели они мне...»

— Ну, я у тебя ещё ничего не клянул, — с лёгкой обидой в голосе покритиковал грубиянку обнажённый красавец с безупречной мускулистой фигурой.

— Ах! — вырвалось у Гарути нечто невоспроизводимое.

Прижав руки к груди, она пожирала воспалёвшимся взором это чудо местной природы. Но, вдруг опомнилась, испуганно зыркнула на Бу-Каара, потупилась. Да, здравствуют женщины, соблазн которых умирает, едва родившись — невесело одобрила Юлька. Кое у кого соблазн пробуксовывает до полной остановки локомотива надежд.

Сам воин моментально сообразил, что перед ним Бог — неважно какой. Преисполненный достоинства мужчина степенно опустился на колени, держа спину идеально прямой. Потом медленно согнулся, прижавшись лбом и ладонями к земле. Гарути встрепенулась и в религиозном рвении буквально «ударила лбом об пол». Ойкнула, воровато потёрла ушибленное место и замерла.

Дэма обернулась человеком и прижала к груди развёрнутые книгой ладони:

— Ты, чьи силы существуют для нас в незыблемости всемогущества. Владеющий царством своим на времена вечные бесконечные. Воссуществовавший воистину, как господин единственный хаоса изначального и бесконечного.

— И тебе Нерушимая троица в помощь, — отмахнулся Бог пожеланием всех благ, принятым среди девятисуших.

После чего выжидательно уставился на Повелительницу смерти.

«Надеюсь, ты не тронешь моих друзей?» — указала она одним из хвостов на два прилипших к земле тела. — «Прости меня за дерзость, о Сокрушающий и Поражающий многомошно. Но жаль терять таких замечательных людей. Их и без того не так уж много рождается»

— Я заметил, — медленно покачал головой Зур, переводя взгляд с Нанки на Вейру, — что все пришедшие в наш мир из-за полога вечной пустоты слишком добры. Даже ваши мужчины. У вас там что, мир полного благорастворения?

— Скорей, благоденствия, купленного ценой крови, — задумчиво возразила Дэма, теребя свой шикарный золотой хвост.

— Режете друг друга? — оживился Бог, скрестив руки на груди.

Повелительница жизни покосилась на Повелительницу смерти и пояснила:

— В основном, портим друг другу кровь злонамеренными поступками. Хотя, бывает, и режем.

«Все мы одинаковы», — мысленно проворчала Юлька, пытаясь сообразить, к чему клонит сей небожитель.

— Я живу не в небе, — удивился Зур нелепому прозвищу. — Как и остальные Воссуществовавшие из Создателя.

«Мы в гостях?» — поспешила уточнить Юлька, дабы он не вздумал втянуть их в философский диспут. — «Или всё-таки пленники?»

— Даже не знаю, — нахмурился Бог отвратительных насекомых и аналогичных деяний. — С одной стороны, вы можете пригодиться. И даже обязательно пригодитесь. С другой, мы и без вас справимся. А вы слишком неверная ставка: все, как один, себе на уме. К тому же не вполне почтительны. Никто не способен предсказать ваши намерения. Так что наши мнения на ваш счёт разделились.

И вот тут Юлька впервые ощутила, что Нанкешта и впрямь озабочена

малочисленностью своих творений. Ибо в голове просветлело и даже что-то невесомо замузицировало. После чего нежный женский голосок дал ей совет, как выкрутиться.

«А что пожелал ты, о Повелитель бесстрастного хаоса и суетливого порядка?» — тоном максимального достоинства, но с безграничным повиновением промурлыкала Нанка. — «Желаешь ли ты нам смерти?»

— Я ещё не решил, — неохотно признался один из самых могущественных Богов этого мира.

Если не самый могущественный. Всякие там пустыни, отвратные насекомые и злое солнце — это неприятности средней руки. А вот хаос — штука серьёзная. Такую кому попало не доверят.

«Может ли моё смиренное желание стать твоим поптом качнуть твоё решение в пользу жизни?» — продолжила искушать его ящерица, сотворённая другим божеством.

Судя по всему, с благословения собственного Творца: голос-то в башке не померещился. Юлька откуда-то знала, что на неё обратила взор сама Нанкешга.

— Может, — оживился Зур, шагнув к ней и положив руку на плоскую морду. — Если ты, конечно, отважишься. С Нанкештой, знаешь ли, даже я стараюсь не вздорить. Смерть... она женщина до конца мною... непознанная, — с нескрываемым мечтательным вожделением кобеля выдал он, спохватился, что сболтнул лишнего, и пробурчал: — Как я не старался. Впрочем, это вас не касается. Кстати, — обернулся Бог к валявшейся на земле парочке явно подуставших почитателей своего могущества. — Вы бы встали. А то могу забыть про вас: так и останетесь тут на карачках век вековать.

«Ты бы всё-таки натянул тунику», — невольно вырвалось у Юльки. — «Вон, девушку невинную смутил»

Старательно не глядя на обнажённого красавца, Гарути преувеличенно долго отряхивала коленки. Бу-Каар взирал на «мучимую деву» сверху вниз задумчивым взглядом человека, которого посетило некое прозрение. Интересно: какое? Полезное или какая-то чепуха?

— Её смутишь, — совсем по-человечески хмыкнуло высшее существо-вещество. — А вот соблазнять и вправду не стоит. Меня смертные не интересуют.

«Потеют?» — вспомнила Юлька где-то прочитанную хохму.

— И требуют немислимых подарков, — сокрушённо поддакнул Зур. — А сделать их бессмертными не в моих силах.

Дэма от неожиданности хмыкнула. Но тут же приняла благочинный вид институтки, только переступившей порог учебного заведения с драконовскими правилами, где была замурована с детства.

— А ты красивая, — глянув на Вейру, неожиданно сделал комплимент Бог чёрных поступков и, как ни странно, белых цапель.

Как эти безобидные птицы затесались среди мерзких насекомых и прочих гадостей, уму непостижимо.

Вполне постижимо — возразила давно «не подававшая голоса» Нахера. Цапли едят змей, а те худшие божьи творения. В смысле, творения того же Зура. Так что он предпочитает самолично повелевать столь отважными и опасными птицами.

Можно подумать — пришло в голову Юлке — цапли от этого перестали жрать змей.

— Не перестали, — согласился Зур, беспардонно разглядывая насторожившуюся Вейру, будто собирался купить. — Но мне так удобней.

Увернуться Дэма не успела — Юлька сама толком не разглядела, как Бог оказался рядом с подругой. И заключил ту в пламенные объятия, обещавшие женщинам несусветное наслаждение — вкупе с неизбежным геморроем.

Вейра попыталась скрыться в золотой шкурке — фи́га с два! В лапах такого существа её однобокая магия не работала. Юлька запустила на помощь хвосты: намеревалась вырвать подругу из лап соблазнителя. Хвосты вновь полезли спасаться под животом — трусливые сволочи. А похотливые лапы искусителя стягивать с красавицы кожаную жилетку.

Гарути нахохлилась, обиженно таращась на неприличную сцену. Уже второй мужик на её глазах прилип к Вейре, игнорируя присутствие симпатичной девушки. Юлька не успела посочувствовать искательнице красивой жизни в наслаждениях: Бог внезапно обнаружившихся развратных действий замер. Отстранился и набычился.

— Кто он такой? — грозно осведомился у Дэма весьма недовольным голосом обманутого покупателя. — Кто-то из Любров?

— Не скажу, — насупилась та, сжав кулаки. — Ты не вправе требовать подобных ответов. Я тебе не принадлежу. А мои чувства тем паче.

— Я могу тебя хорошо вознаградить, — подкинул Бог наживку, вернув на прекрасное лицо довольно похабную ухмылку соблазнителя.

— Сделать меня бессмертной? — дерзко уточнила Дэма, запахивая жилетку и торжествующе улыбаясь. — Нет? Ну, тогда мне это неинтересно, — оборвала она леску, и наживка канула в глубины неслучившегося.

«Не поняла!» — опешив, традиционно не удержала язык за зубами Юлька. — «Мы низвергнуты сюда, чтобы ты соблазнил мою сестру?»

— Нет, — досадливо отмахнулся Бог, неожиданно покрыв себя охряной туникой до самого пола. — Я хотел узнать о твоём решении.

«Каком?»

«Ты отправишься в Хутруш?» — перешёл на мысленное общение божественный заговорщик.

«И ты туда же! Что у вас у всех за интерес?»

«Да или нет?» — упёрся Зур, явно преисполнившись немотивированного раздражения.

«Допустим», — терпеливо поддакнула Юлька, как бы невзначай подхватив Гарути и оправив её на спину.

Зур так смачно, так жизнерадостно расхохотался, что все невольно разулыбались — даже нахохленная Дэма. После чего Бог резких перемен погоды и настроения резко посерьёзнул и потребовал:

— Ты должна во всём разобраться, как можно быстрее. Ибо отсутствие правильных поступков рождает хаос.

Фееричная постановка задачи! Без чётко сформулированной самой задачи. Иди туда, не знаю куда — в курсе: уже плавали.

— Ты же Повелитель хаоса, — на этот раз, не удержавшись, сболтнула Дэма.

— И что? — иронично осведомился он.

— Ну, — смутилась она, — тебе же выгодно, когда вокруг хаос.

— Я не создаю хаос, — строго уведомил Бог. — Я за ним надзираю. Чтобы не нарушался мировой порядок. Так что разреши эту проблему...э-э-э... ты знаешь, с кем, — приказал он Юльке и тут же снизошёл к просьбе, о которой она предпочла бы забыть: — Отныне я признаю тебя, Повелительница смерти... э-э... пусть будет Нахера, своим по́птом.

Приплыли — мрачно поздравила себя Юлька, отправив на спину Бу-Каара.

— Ещё нет, — иезуитски ласковым голосом возразил Зур. — Но можешь, если не постараться.

«Послушай...» — попыталась она чуток поторговаться.

Но Бог уже пропал: выполнил, так сказать, программу максимум. А вместе с ним пропало и всё подземелье. Они стояли наверху в чёртовой пустыне. А впереди поднималось из-за горизонта хмурое оранжевое «злое солнце». Собственно говоря, ещё один объект, за которым надзирал Зур. Довольно хреново: могло бы жарить и полегче.

Юлька уныло озиралась по сторонам. Предстояло продолжить путь в ещё не знакомый, но уже осточертевший Хутруш. Где проживали тепы, которых она, между прочим, только что здорово проредила. Вот уж обрадуются остальные, когда вздорная белая мерзавка явится их проведать. Можно себе представить!

— Но опасаться тебе нечего, — просвистело со спины.

Она спохватилась, распустила кокон хвостов и осторожненько спустила на землю Гарути с Бу-Каром. Те выглядели бодрячком. С любопытством таращились на открывшиеся перспективы — будто чего-то в той пустыне ещё не видали. Подмышкой у воина висела голая храмовая собачка с невозмутимой мордой всезнайки.

Юлька приняла «человеческий вид» и плюхнулась на задницу. Гарути оглядела Повелительницу смерти и всплеснула руками. Будто впервые разглядела её грязную тунику. Запасливая девушка сбросила с плеч объёмистую туго набитую котомку-рюкзачок. Зубами растребушила затянутый узел верёвки, сунула руку внутрь и достала свёрток белоснежной ткани.

Протянула её приунывшей Юльке:

— Вот, Всесильная, надень. А то нехорошо как-то.

Бу-Каар, между тем, оглядел щегольские бежевые сапожки Вейры и потасканные сандаletteки Нанки. Тоже сбросил с плеч котомку — откуда они их брали? Прежде Юлька даже не замечала, что друзья обременены поклажей. Впрочем, когда ей было? Они на спине, а она всё бегом да бегом.

— А куда мы, собственно, направляемся? — вытряхивая из распущенных волос песок, осведомилась Дэма.

Её глаза тёмного золота потемнели ещё больше: приобрели цвет молочного шоколада. Почти в тон кожи: в обрамлении густоющих золотых ресниц очень красиво. Впрочем, важнее то, что это являлось признаком душевного спокойствия Вейры.

Взбравшийся на её плечо нехур продудел:

— Мы направляемся в Хутруш.

— Всё ещё? — насмешливо переспросил Бу-Каар, обувая Юльку в запасные деревянные сланцы.

Она так и сидела на остывшем за ночь песке, задумчиво пересыпая его из руки в руку. Услыхав о цели похода, Дэма, естественно, полюбопытствовала:

— Всесильная, кто надоумил тебя посетить Хутруш?

Юлька заелозила руками по песку — словно пыталась отыскать несуществующую потерю. Потом тяжело вздохнула и покаялась:

— Боги.

Гарути, стоя на коленях, пыталась вычесать из распущенных волос Нанки песок. Её руки были настойчивы, но осторожны. Услыхав покаяние Юльки, она так тяжело вздохнула, будто

лично ей те же Боги приказали пересыпать пустыню из одного конца в другой. Вейра чуть не прыснула, задавив смех нарочитым кашлем.

— А с матерью ты виделась? — поспешила она задать в сущности важный вопрос.

— Боги миловали, — машинально буркнула по-русски Юлька и вернулась к местному мяуканью: — Хотя я и ждала, что Ахарта за мной побегает. Пятнадцать лет держать взаперти дочь, а потом просто забыть о ней. Не находишь это странным?

Сидящий рядом Бу-Каар возразил:

— Ничего странного. Те пятнадцать лет взаперти держали дочь. А теперь по свету бродит новая Повелительница смерти. Это не одно и то же.

— К тому же ты теперь сильнее, — вновь собирая волосы в хвост, поддержала его Вейра. — Пленив Сев... Болвата с Улеей, она потеряла ещё шесть хвостов. То есть всего она лишилась двенадцати хвостов. Почти половины. Ей тебя не одолеть. Тогда какой смысл с тобой встречаться?

— Потребовать, чтобы Всесильная вернулась к матери, — менторским тоном пояснила Гарути, заплетая волосы Юльки в косу. — Мы же не троесущие. Нам не пристало бросать стариков на произвол судьбы. Хотя... — вдруг пришло ей на ум. — Вряд ли Повелительницу смерти можно бросить на произвол судьбы. Она и сама отчасти судьба. Всесильная, а почему тепы на тебя не нападали?

До Юльки не сразу дошёл смысл вопроса — Дэма тоже уставилась на болтушку недоумённо округлившимися глазами.

— Глазастая, — похвалил девчонку Бу-Каар, задумчиво пялясь на горизонт.

Та зарделась, глазки заблестели. Но характер выдержала: не одарила его благодарным взглядом. Как мило — взгрустнулось Юльке. Прямо по Шекспиру: мы к битвам за любовь не рождены. Не мы просить, а нас просить должны.

— Что ты хочешь сказать? — пробормотала она, предчувствуя дурную для себя новость.

— Тепы действительно не пытались нападать, — обернувшись к аудитории, пояснил профессиональный военный. — Судя по их поведению, они либо ничего не собирались делать, либо противостояли кому-то другому. Ты не дала им шанса показать, что именно.

— То есть, убила невиновных? — жалобно промяукала Юлька, ни на секунду не усомнившись в его правоте.

— Выходит, что так, — весьма равнодушно по отношению к убиенным сообщил профессиональный убийца.

— Но мы ведь не знали? — не постеснялась весьма примитивно отмазаться Дэма.

— Это что-то меняет? — окрысилась Юлька, задетая за живое таким всепрощенческим подходом.

— Они явились к нам вооружёнными, — холодно возразил Бу-Каар. — Без предупреждения сбились в строй. Встали в атакующую позицию, не объявляя о своих намерениях. К тому же Птураховы отродья... — споткнулся он на полуслове и благоразумно поправился: — Восьмисущие тепы Покровителя ищущих знания вас ненавидят. Поэтому у Нанки не было причин оставить их в живых.

Бу-Каар пронзил Юльку острейшим взглядом далеко не простого человека:

— Ты ведь Повелительница смерти? Не так ли? Ты ею родилась и не должна просить за это прощение.

— А они пускай не лезут! — запальчиво промяукала Гарути, закрепляя на макушке Нанки новый скрученный из кос шишак.

И тут же смутилась: вот же выперлась поперёд всех, как самая умная! Когда её никто не просил.

— Правильно, — опять похвалил девушку Бу-Каар, одарив умницу непривычно тёплым взглядом.

Та начисто обалдела. С перепуга сотворила то, чего, наверняка, сроду не делала: прикрыла лицо рукой. В духе местных скромниц. Умиление сердца! Стыдливый розан!

— Правильно, — повторила за воином Дэма, одобрительно улыбнувшись Гарути. — Пускай не лезут. Хотя, конечно, было бы нелишним узнать: а для чего их всё-таки занесло в сады абиба.

— А также: каким путём? — твёрдо дополнил Бу-Каар. — Кто-то же его открыл для тепов. Наверняка зная, что там Повелительница смерти. И что исконная вражда подтолкнёт её убивать.

— Ну, убила и убила, — философски заметил До. — Люди этим занимаются постоянно и повсеместно.

Нехур валялся у ног Дэма, наслаждаясь ласками струек песка, гонимых утренним ветерком. Что-то тихонько насвистывал своей дудкой и не торопился встречать в людские разговоры.

— Не за дело же убила, — продолжала терзаться Юлька. — Из-за того, что жутко перепугалась.

— Ты? Испугалась? — с непонятым подтекстом переспросил нехур, явно мотая на ус.

— Я страшная трусиха, — со вздохом призналась Юлька. — Была и буду.

До в задумчивости покрутил дудкой и вдруг спросил:

— Мы всё ещё собираемся в Хутруш?

— А надо? — уточнила у подруги Дэма, не скрывая досаду.

Ей тоже не улыбалось тащиться за тридевять земель в дурную компанию.

— Не знаю, — хмыкнула Юлька, осознав, что ей, честно говоря, плевать на выданное задание. — Может, рванём на север? К аргатанам? Раз тебе там нравится, значит, и мне понравится.

— Нельзя, — авторитетно возразил До.

— Почему?

Его это «нельзя» отчего-то вызвало в Юльке раздражение. Или не оно. Или циничное замечание: ну, убила, и убила. Подумаешь, какая мелочь? Одни умирают, другие рождаются — круговорот людей в природе. Кто-то создаёт хаос, кто-то за ним присматривает.

— Ты можешь разминуться с сыном. Разве тебе известно, где он теперь? — напирал До.

— А что? — не поняла любящая мать. — В Хутруше ему легче меня найти?

— Конечно, — удивился её вопросу глиняный умник, что вошло у него в привычку. — Думаешь, Повелитель смеха не сообщил ему, где тебя искать? Думаешь, он указал какое-то другое место?

— Этот уж точно указал на Хутруш, — проворчала Юлька, сообразив, что попалась.

— Значит, идём туда, — с большим воодушевлением резюмировала Дэма.

И они пошли.

Верней, помчались, честно разделив ношу. Вейра усадила на себя глиняного восьминогого дудконоса. А Юлька несла остальных — куда деваться, если у неё гораздо больше силёнок?

В прежний оазис возвращаться не стали. Дэма заявила, что знает другой: прямо по пути

их следования. Не придётся делать крюк. За три года она изучила материк, как свои пять пальцев. Прибиваться к повсеместно шляющимся компашкам девятисущих душа не лежала. А что ещё делать, когда практически нечего делать? Кроме, понятно, врачебной практики.

Юлька пилила, как заведённая по нескончаемой пустыне. То взлетая на барханы, то низвергаясь с них с тучах песка. Скакала и пыталась разложить по полочкам всю инфу, что свалилась в кучу за последние несколько дней. Полочки, честно говоря, от груза добычи не ломались — даже не прогибались.

Интуиция по причине полнейшего незнания здешнего мира пробуксовывала. Достоверно могла судить об одном: нехурчик ей нравился, а тепы вызывали омерзение. Если верно, что творения подобны творцам, то Бог Тхут ей гораздо симпатичней Птураха. Сюда же можно присовокупить и слывущий фундаментальным резон: негодя Хранителем мирового порядка не назначат. Боги-то, чай, в таких делах ошибаться не могут. Они же зрят в корень.

С другой стороны, Птурах покровительствовал тем, кто ищет новые знания. Прогрессивный товарищ, что ближе лично Юльке, как продукту развитой цивилизации, додумавшейся до метро и дезодорантов. С третьей стороны...

А с третьей стороны ей отчаянно хотелось повернуть назад. Куда угодно, только не туда, куда её загоняют — словно зайца какого-то. И чего она слушается всяких там... Воссуществовавших с одной целью: испоганить ей новую жизнь. Ту дожить не дали — эту норовят посвятить её дрессировке. А ящерица вам не слон — на дудке играть не станет.

Нет, в жизни всякое может случиться: припрёт, так и на дудке заиграешь, и на водосточных трубах. И с тумбы на тумбы запрыгаешь, как миленькая. Хотя, конечно, не хотелось бы.

У неё дед фашистов разгромил, а она что? Так и будет бегать по пустыне в вечных холуях? Скорей бы Даяшу найти — просто сил никаких нет!

Глава 23

Хватит отлынивать. Пора

— Дэма, — подсела Нанка к Вейре, когда все напились и расселись в теньке. — А зачем Ахарте так приспичило выдать Нахеру... то есть меня замуж за абиба?

Обещанный подругой оазис действительно лежал на их маршруте. И реально был с гулькин нос. Пара колодцев, с десятков дохлых пальм. Но хозяева благодарного клочка пустыни изо всех сил поддерживали его существование. Так что для краткого привала сгодится.

Пока девятисущие переваривали поднесённых в подарок коз, Юлька решила кое-что прояснить. Ответить хотя бы на пару из сотни критически важных вопросов.

— Не знаю и даже не догадываюсь, — озадаченно молвила Дэма с самым сосредоточенным видом. — Видишь ли, за крепость брака здесь отвечает Богиня Ниту́. Остроглазая, Справедливейшая, Хранительница семьи и прочее, прочее. Ниту наделена огромной первородной силой Второго Воссуществовавшего из Создателя Хуша.

— Родилась второй и что?

— Кто самый могучий из Богов? — задала более опытная попаданка встречный вопрос.

— Зур, — с полной уверенностью заявила «подтянувшаяся на огонёк» Гарути.

Девятисущие дружно уставились на шпионку, размышляя: гнать, или нет? А та, словно нарочно, подлила масла в огонь:

— Разве можно выдать Нанку замуж за простого человека? Хотя, конечно, непростого

абиба.

И осторожно примостилась на краю циновки, презентованной девятисущим хозяевами оазиса.

— Подслушивала?! — нарочито грозно промявкала Юлька.

— Незачем, — невозмутимо возразил Бу-Каар, так же приземляясь рядом. — Громче вас голоса лишь ослы у водопоя. А ты не лезь, — строго указал серьёзный мужчина легкомысленной девчонке. — Кому и за кого выдавать Нанку, тебя не касается.

Гарути сморщила носик, но смолчала. Тренировалась жить замужем за таким бездушным диктатором.

— А самым могучим из Воссуществовавших от корня Хуша является Тхут, — продолжил Бу-Каар, взясь со сброшенным «бронезилетом». — Как перворождённый от Несотворённого. А Ниту ему уступает, ибо рождена второй. Следующие дети Несотворённого всё слабей и слабей.

— Но... — дерзнула, было, попрепираться Гарути, ибо девчонку буквально распирало.

Однако воин пресёк пустую попытку:

— Могущество Зура исчисляется иной силой. Ибо он Воссуществовал не из Создателя Хуша, а из Несотворённого Хаоса.

— Вот я дура! — всполошилась Юлька. — Ну, конечно. Мы даже в молитве называем его: Воссуществовавший воистину, как господин единственный хаоса.

— Изначального и бесконечного, — закончила цитату Дэма. — Ты не одинока. Я тоже поначалу не обратила на это внимания. Потом умные люди растолковали.

— Вернёмся к Ниту́, — попросила Юлька. — Это правда, что Богиня так строга? Что не позволит мне разрушить брак с абибом. Если, конечно, меня к нему принудят.

— Правда, — хмуро поддакнула Дэма. — Как правда и то, что ты обязана следовать путём мужа. Проще говоря: потакать всем его желаниям.

— Во всём и всегда! — прошипела Гарути, все чувства которой восставали против подобных трухлявых традиций, хотя замуж девке и хотелось. — Пускай даже ты девятисущая, а он человек. Для Ниту все равны. И Справедливейшая очень строга на этот счёт.

— Отсюда второй вопрос, — заранее расстроившись, продолжила Юлька. — Зачем абибу в супругах Повелительница смерти? Что он от этого выигрывает? Кстати, он действительно желает отвоевать север у аргатанов?

— Конечно, желает, — усмехнулся офицер в отставке, что-то ковыряя кончиком ножа в «бронезилете». — Этого желали все абибы, восприявшие два жезла. С самого момента великого завоевания севера. Тем самым он прославит своё имя в веках.

— Не пойдёт же он меня одну против вражеского войска?! — возмутилась Юлька.

— Этого и не требуется, — слегка опешил Бу-Каар от подобной перспективы. — Зачем? Все, кто узнают, что у абиба такая жена, добровольно сложит оружие. И передадут счастливцу всё, чего бы тот не потребовал. Ведь на его защиту встанет сама Владычица смерти Нанкешта.

— Неплохо, — усмехнулась Дэма, щёлкнув по дудке подвернувшегося под руку нехура.

Юлька и не заметила, что малыш крутился рядом. Как всегда добывал информацию: природа у него такая. Она ещё чуток дулась на бездушного болванчика. Однако вид его умильной рожицы с дурацкой дудкой вместо носа буквально насильственно располагал тебя к паразиту.

Который вдруг ни с того, ни с сего высоко подпрыгнул, замельтешив в воздухе всеми лапками. И сорвался с места, куда-то уметелив.

Привольно разлѣгшаяся на циновке Гарути резко села. С подозрением зыркнула на глиняного акробата и принялась озираться. Бу-Каар согнал с лица маску ленивой созерцательности. Отложил починаемый «бронезилет», положил руку на торчавший из-за пояса нож. Глянул на Повелительницу смерти: дескать, что у нас ещё стряслось?

Однако ответ все получили именно от Гарути. Девушка с подозрением огляделась и шепнула на ухо Юльке:

— Где-то рядом Тхут.

— Уверена? — одними губами проартикулировала Дэма.

Гарути с лёгкостью считала вопрос и горячо закивала. Однако, решив, что надлежащие объяснения уместней, так же шѣпотом затараторила:

— Я уже видала такое в храме Тхута. Там у отца жрец в больших приятелях. Иногда приглашает нас под благословение Всемогущего и Всевидящего. Так вот нехурчики при явлении своего творца всегда подпрыгивают. Даже выше, чем наш До. И так же ножками трясут. Ритуал у них такой.

Слушая неиссякаемый источник полезной информации, Юлька шарила глазами по округе: До пропал, а его Творец так и не появился. Вряд ли Тхут явился сюда ради караванчиков и ослов. Впрочем, мало ли как оно бывает — пожалала Юлька плечами в ответ на многозначительный взгляд Дэма.

Тем временем подскочивший с циновки Бу-Каар молча возвышался над своими барышнями. Орлиным взглядом бдительно мониторил пространство и готовился отражать нападение.

Помимо их живописной группы отдыхающих в оазисе расположился единственный караван. Правда, довольно большой. Полсотни колесниц при сотне ослов — чистое столпотворение. На два колодца с десятком пальм так уж точно чересчур.

Ослов поили, аккуратно выбирая воду из глубоких шурфов колодцев. Куча народа кружилась вокруг голосащих животных, которым пока не досталось воды. Мысль, что где-то там, среди них затесался настоящий Бог, казалась смехотворной.

Может, Гарути что-то напутала — успела подумать Юлька, и вот нате вам. На краю оазиса поднялся пыльный столб песка. Тот осыпался и явил народу с виду обычного старца. Которого, между прочим, караванчики в упор не видели. Такая манера у местных подземных небожителей.

Тхут — как поняли все без исключения — направил стопы к разномастной компании идейных бродяг. Подчинѣнных чужим идеям. Высокий старец в тунике до пят из серого небелѣного льна шагал размашистым шагом уверенного в себе человека. У которого явно проблемы с расписанием. Можно сказать, Бог поторапливался развязаться с какой-то проблемой.

До влачил за ним по пятам с понурым видом побитой собаки. Казалось, Всемогущий и Всевидящий его не замечал. Но острый глаз Нанки отчѣтливо разглядел, как пару раз широкие полы туники хлестнули по нехуру. И того натурально вминало в песок. В крепко утопанный бесчисленными посетителями песок.

До моментально выкарабкался на поверхность: буквально в единый миг. Однако факт наказания был зафиксирован. И записан в минус мелочному Богу — чего бы нехур не

натворил, заслужив кару.

— Нерушимая троица вам в помощь, — домаршировав до цели, мягким, чертовски приятным голосом промурчал Бог знаний, мудрости и библиотек.

Что всегда удивляло Юльку. Надо же: бронзовый век, дремучесть, без штанов бегают, а библиотеки уже открывают.

Бу-Каар с Гарути привычно опустили на колени, ткнувшись лбами в песок. Дэма с Юлькой поднялись на ноги и чинно склонили головы.

— Поднимитесь, — благосклонно улыбнулся людям Тхут.

Да ещё как улыбнулся: всем своим лицом, преисполненным чего-то светлого и мудрого — с него прямо сочилось благодать. Юлька удивилась собственным едким мыслям: что это с ней? Приличный человек... то есть Бог. И ей ничего плохого не сделал. Мировой порядок блюдёт, а это вам не фунт изюма.

— Не волнуйся, — мягко посоветовал Бог всего хорошего против всего плохого. — В тебе говорит голос твоего Творца.

— Вы что, в ссоре? — лягнула Юлька, сражённая объяснением, которое бы в голову не пришло.

— С Нанкештой? — усмехнулся Тхут, степенно опустившись на циновку и вытянув ноги. — Я бы не сказал. Мы с сестрой не ссоримся. Скорей не находим общий язык по некоторым вопросам.

Странное дело — вертелось в голове Юльки — у него лицо старца: морщинистое, благообразное. Обрамлённое белоснежными длинными аккуратными прядями. Борода аж искрит, как снег под ярким солнцем. А под задравшимся до колен подолом туники ноги молодого атлета. В принципе, не её собачье дело. Но как-то... какая-то несуразица. Смущает.

Если Бог архивирования знаний и услышал — как у них водится — мысли богохульницы, никак это не показал. И вообще резко потерял интерес к Нанке — не то, что авантюрист Зур. Он показал рукой на циновку рядом с собой, выделив взглядом... всё ту же Вейру.

Дэма чинно кивнула и присела, скрестив ноги. Подняла на Бога взор мыслителя, озабоченного лишь возвышенными материями. Юльку не покидало ощущение, будто перед ней разыгрывают спектакль. Ноги эти. Благолепие с благочинием... Тьфу!

— Вы следуете путём, на который вас заставили вступить силой, — проникновенно и даже всепроникающе посочувствовал Тхут златоглавой Повелительнице жизни. — Следуете против собственной воли. И ваши души противятся насилью. Ибо сие нарушение порядка.

— А нарушение порядка рождает разрушение душ, — глубокомысленно поддакнула подруга, поднаторевшая за три года в местной философии с магией и прочей белибердой. — Тот, кто следует путём преодоления, не всегда достигает заповеданной ему цели. Можешь ли ты, о Всемогущий и Всевидящий, исправить несправедливость? — вежливо промяукала Дэма, приложив ладони к груди. — Восстановить равновесие, существовавшее до начала времён, длящееся донныне, могущее длиться в вечности и бесконечности.

Тёмное золото её глаз плавилось, светлея и разгораясь всё ярче. Вейра сердилась. Интересно: почему?

— Равновесие в желаниях возродить просто, — продолжал Тхут напропалую им сочувствовать, не слишком вдохновляя подобным неконструктивным подходом. — Равновесие в необходимом и предопределённом восстановить гораздо трудней.

То есть — перевела его велеречивое пустозвонство Юлька — идите, куда послали, ибо

это ваша судьба. Идите, не ропщите и обрящете — ни хрена себе равновесие! Она должна, а ей никто ничего не должен — что-то божьи весы справедливости туфтят.

— Не всегда нам ведомы долги наши, — возразил ей Бог туманностей и околичностей. — Как неведомы и должники наши. Как неведомо то место, где сходятся дорожки и тех, и других.

— Не всегда нам ведомо и то, — продолжила дискуссию Дэма, — где судьба чистая непредвзятая подменяется судьбоносной волей других.

— И это верно, — ласково молвил Тхут, в глазах которого той ласки, как на медузе шерсти.

Наглые девятисущие девки его неприкрыто раздражали. Аборигены слушали Бога в шесть ушей: с придыханием и желанием ради него вывернуть наизнанку планету. А «залётные» не поддавались гипнотическому словоблудию. Попытке закодировать их на ражее восторженное преклонение. И беспрекословное подчинение.

Впрочем, и в паршивой ситуации можно наковырять пару горстей чистого прока. Теперь окончательно ясно: их старательно и неуклонно толкают в трижды клятую губернию, где расселились тепы. Понравилось, как Нанка сносит лупоглазым головы?

Жаждут продолжения вакханалии Повелительницы смерти? Трусливой и решительной, когда она спасает собственную задницу. Жаль, что с тепами погорячилась — мелькнула в голове мысль, показавшаяся нелепой. Бьют — беги. Тепы — враги. Что непонятного? Впрочем, не мешало бы посоветоваться с кем-то более погружённым в местные трали-вали.

До! Юлька зашарила взглядом вокруг: нехурчика нигде не было. Зато в голове знакомым женским голоском промяукали предупреждение: это не он.

— Ты не Тхут, — машинально ляпнула Повелительница смерти.

На святотатствующую Нанку выпучились все... кроме Дэма. По губам Повелительницы жизни, как говорится, змеилась ехидная улыбочка.

— Даже Нанкам следует думать, прежде чем открывать рот, — задумчиво молвил Бог чего угодно, только не мудрости.

— Следует, — покладисто согласилась Юлька, опомнившись и собравшись. — Я так и сделала: подумала и поняла, что передо мной вовсе не Хранитель мирового порядка. Что, Впрочем, не мешает мне с почтением склонить голову перед Воссуществовавшим из Создателя.

— Тебя бы следовало наказать за дерзость, — разъярённым котом прошипел Бог неведомо чего.

— Но с Творением Нанкешты и поптом Зура подобные вольности опасны, — с деланным страхом проблеяла юная хамка.

А что? Нормальный ход: раздраконить противника, чтобы себя выдал, и посмотреть... На то, что от тебя останется — икая, проблеяло здравомыслие. А куда деваться? Нападение — лучшая защита. Вот и нечего тут!

Впрочем, до «кровопролития» не дошло: фальшивый Тхут исчез, не попрощавшись. Резво вскочил на свои молодые тренированные ноги, спрыгнул с циновки, и его поглотил мгновенно выросший столб песка.

По всему оазису тут и там поднимались высоченные песчаные башни, сея тучи пыли, терроризируя людей и животных. Несколько секунд, и вот уже разразилась натуральная песчаная буря.

Надо отдать должное караванщикам: мужики ни на миг не растерялись. Поразительно

слаженно и оперативно накидывали на головы ослам какие-то тряпки или мешки. Кстати, так же оперативно Бу-Каар спеленал голову Гарути. После чего велел ей лечь, упал рядом и прикрылся циновками.

Обе Повелительницы стояли поодаль и внимательно наблюдали за происходящим. Вот одного из людей лягнул в голову взбесившийся осёл — Вейра моментально сорвалась с места и бросилась спасать горемыку. Вот один из песчаных столбов подобрался к шурфу колодца — Нанка ринулась спасать драгоценный источник воды.

Впрочем, что она могла сделать полезного? Порубить смерчи? Колодцы на глазах засыпало целыми тоннами песка. Оазис погибал, и казалось, несчастные пальмы стонали в предчувствие конца. У них и без того жизнь была не сахар. А тут и вовсе кранты.

Закончилось всё довольно быстро. Вейра помогла всем нуждавшимся, которых, впрочем, оказалось немного. Хуже обстояло дело с водой. Хуже некуда: вода закончилась. Обернувшаяся человеком Юлька не успела посочувствовать людям — и особенно животным — как на груди под туникой замокрело.

Нет, натурально по ткани расплзлось здоровенное мокрое пятно. Понятно, если бы в подгузнике, а так...

Она оттянула обтрепавшийся ворот и заглянула «внутри себя». Оттуда вкусно пахло весенним дождиком. И чуть-чуть свежим огурцом. Зелёная похожая на низку крупных бусин гусеница сидела, вцепившись в ткань. Не подавала признаков жизни и теперь была не одна. Рядом с ней прилипло к полотну белое гладкое яйцо.

Юлька сунула руку под тунику и потрогала его пальцем. Гусеница вытянула к нему голову, разверзнув рот шире себя самой. И цапнула беспардонную девку острыми зубками.

Кожу прокусила зараза — возмутилась Юлька, машинально сунув палец в рот. Ни единой капли крови девятисущего не должно попасть абы куда. Увлечённая экспериментом даже не заметила, как нехур оказался на её плече. И сунул мордаху с дудкой девушке под тунику. Прямо в ворот — бесстыдник!

Откуда донеслись восторженные пiski:

— Это же палец Нехти! О, Вседарующая! Всекормящая!

Это он о Богине плодородия земли — подсказала память Нахеры. Но, о пальце Богини она понятия не имела: что за штука, куда им тыкать?

Повелительница жизни выросла перед Юлькой, как из-под земли. Вырвала из ворота туники дудку нехура и сунулась туда сама:

— Ого! Животворящий палец Нехти. Где взяла? Это же сказочная редкость.

— Шот подарил, — промямлила Юлька, пытаясь сообразить, что происходит. — Ты не знаешь, что с ним делать? И откуда это яйцо. Раньше была одна гусеница. То есть, этот ваш палец.

— Не наш, а Богини Нехти, — строго пробухтел на плече До. — Не знает она. Весь мир знает, а она даже понятия не имеет.

— Короче, — потребовала Юлька.

— Если эту милую гу... палец посадить на землю, — взялась объяснять Дэма, — он туда зароется. А из этого места забьёт родник. Говорят, сильный, многоводный и неисчерпаемый. Глянь туда, — пихнула она подругу локтем.

И ткнула пальцем в сторону шумной толпы, где погонщики сражались с удручёнными жаждой ослами и наоборот. Два седоволосых аксакала сидели на корточках перед засыпанными колодцами. И выли. Так страшно, с такой смертельной безнадёгой, что у

Повелительницы смерти мурашки взбесились, носясь табунами по всему телу.

Зато наступило окончательное просветление в мозгу.

— Родник, говоришь? — вцепилась она в кусачую гусеницу и отодрала от туники.

Выпростала руку наружу, смахнула с плеча нехура и объявила прямо в сжатый кулак:

— Хватит отлынивать. Пора поработать. Видишь, какая беда приключилась? — бормотала Нанка, решительно шагая в сторону посыпающих головы песком хозяев оазиса.

В вопросах мелиорации она плавала не хуже, чем в местной теологии. Так что без затей вытряхнула из кулака гусеницу прямо на месте прежнего колодца. Подошедшая Нанка на воющих стариков впечатления не произвела — не до неё. А при виде плюхнувшейся на песок зелёной спасительницы оба мигом заткнулись. Выпучились на неё крабьими глазами — один даже их протёр замусоленными пальцами.

Гусеница, вильнув на прощание шарообразной задницей, штопором ввинтилась в песок.

— Это!.. — заблеял один из стариков, тыча туда пальцем. — Это!..

— М-м-м-м! — замычал второй, отчаянно закивав.

— Да, это она, — вытерев мокрые руки о щёки, удостоверила Юлька. — Ваш оазис не умрёт.

Потянувшиеся к месту сотворённого чуда люди что-то благодарно всхлипывали и подвывали — слов не разобрать. Падали на колени, тыкаясь лбами в землю. Раз уж сама Повелительница смерти отменила чью-то кончину, верить можно. Кому, если не ей?

— И нам хватит отлынивать, — со вздохом оповестила спутников Юлька, вернувшись к ним и подхватив с земли нехура. — Пора бежать, куда велено. Или смоемся в Хушаб к агатанам? — с надеждой заглянула она в глаза Вейры.

— Нельзя, — на удивление холодно отвергла та соблазнительное предложение. — Боги мстительны. Не исполнишь волю одного, на тебя ополчатся не менее трёх.

— Так говорят, — поддакнул Бу-Каар, задумчиво пялясь на Повелительницу смерти. — Так оно и бывает. Тебе лучше не сходить с этого пути.

И они направились дальше. В Таф Хутруш, где имелась лишь одна привлекательная причина для его посещения: влажные тропические леса. Которые претворял небольшой горный хребет. В том смысле, что не особо широкий. Да и горы без утомительных для восхождения скал.

Обе ящерицы преодолели серьёзную для людей преграду за день и половину ночи. Вторую половину Вейра дрыхла без задних ног: чудовищно вымоталась. Нанка тоже немного отдохнула, после чего отправилась на подтоварку.

Поймав четырёх мелких горных антилоп, примотала их к телу хвостами и вернулась обратно к биваку. Все спали — один Бу-Каар сидел у костра и точил свой топор. Встретив охотницу недовольной миной, он первым делом перерезал глотки разоравшимся козам. Честно говоря, Юлька не обращала внимания на их блеяние. А что? Всё равно никого не разбудила.

Бу-Каар мастерски ободрал туши, с сожалением свернув сырые шкуры: заниматься их выделкой нет времени. Отрезав на завтрак себе и Гарути по паре кусков мяса, воин принялся их обжаривать. А Юлька приступила к обеду. Запах которого разбудил-таки Вейру.

Сонная золотая ящерица вяло глотала куски, не открывая глаз. Её хвосты так же вяло шебаршили в сухой траве, откуда прыснула какая-то насекомая мелочь. Юльке хотелось кое-что обсудить с подругой: столько событий, что голова кругом.

Но та была не вполне пригодна к употреблению в качестве внимательного собеседника.

Что и доказала: едва насытившись, свернулась золотым колесом — и досыпать. Молодец — с завистью поздравила Юлька — нервы крепки, совесть чиста. И, как не прискорбно, жених потерян навсегда. Нетерпеливая надежда на встречу не теребит, не лезет в душу. Не переворачивает там всё с ног на голову.

И Севка куда-то запропастился — начинала волноваться она. Хотя тут из неё паршивый математик: не сможет достоверно рассчитать, за какое время объект прибудет из пункта А в пункт Б. Расстояния здесь исчисляются в «переходах». Дневной переход каравана. Или, скажем, военного отряда. Или крестьян, женщин, детей, стариков. Куча разновеликих величин.

А скорость, с какой Севка будет преодолевать путь, и вовсе не угадать. С какой выйдет, с такой и будет скакать. Учитывая физические данные Вейры. Только бы паршивец не обидел девочку — добавила себе нервная мать лишних переживаний. Будто без них скучно жилось.

Как и без новых природных катаклизмов подозрительно искусственного происхождения. Кое-кому опять показалось, что путешественники заскучали.

— Берегись! — рывкнул воин, прыгнув к Гарути.

Та, сидя на корточках, укладывала в котомку завёрнутые в листья куски мяса. На окрик вскинула голову и тотчас покатила по земле, сбитая тяжёлым мужским телом. Брошенную на произвол судьбы котомку вмяло в землю огромной глыбой, взявшейся ниоткуда.

— Ох, беда, беда! — лепетал До, улепётывая из-под обстрела.

Метнувшаяся мимо него огромная золотая торпеда, прихватила нехура хвостом. Выметнула из-под очередного каменного снаряда, чуть не отправившего его вслед за котомкой. Юлька неслась вслед за Вейрой, волоча на весу обмотанных хвостами Бу-Каара с Гарути.

Девушка молчала, как рыба: ни писка, ни визга. Зато воин орал во всю глотку:

— Влево! Там тропа! Справа обрыв!

И когда успел всё разведать? Ну да: когда бабы дрыхли без задних ног. А потом кое-кто лепит сказки о полноценном равенстве мужчин и женщин. Дебилы необъезженные!

Поначалу Юлька так и норовила задрать на лету голову: падает-то сверху. Вдруг именно в эту секунду по маковке и долбанёт? Но быстро сообразила, что УАТ не дремлет. Несколько раз он толкал её в сторону или притормаживал. Очередной валун промахивался, а ноги несли всё дальше. Замечательное тело — просто слов нет!

С горы, на склоне которой отдыхали, ящерицы буквально скатились Сизифовыми камнями. Спугнувший их камнепад продолжался, хотя постепенно поотстал, бухая оземь где-то за спиной. Теперь можно было сбавить скорость.

«Хорошего нам пинка под зад отвесили?» — зло констатировала Дэма, тяжело поводя боками. — «Чтобы поторапливались»

«Ещё какого», — согласилась Юлька и предложила: «Может, отдохнём? Ты явно на пределе»

«Нет», — решительно отказалась подруга. — «Двинем дальше. Кажется, нам с тобой нужно кое с кем перемолвиться. Насчёт нашего места в этом мире. Кстати, тебя эти песчаные торнадо и камнепады не насторожили?»

«Нет», — стало как-то неуютно молоденькой Нанке. — «А должны были?»

«Вперёд!» — скомандовала Вейра и первой понеслась дальше.

Вот и пойми её.

Очередной приступ божественной ярости настиг их без промедления. Только-только успели сверзиться с горы, как с неба опять посыпалось. К счастью, не огромные валуны, зато всё подряд и много.

Мелкие камни, земля, сухая трава, ветки и прочий мусор валили почти сплошным потоком. Даже на скорости Нанки её седокам доставалось. Успевало приложить то камнем, то деревом, то пыльным комком земли. Бу-Каар и тут не подкачал. Вот, что значит, профессиональный офицер! Прикрыл их с Гарути прихваченными в оазисе циновками. Не бог весть какая защита, но облегчение налицо.

Вейра с Нанкой старались лавировать, уходя от особо крупных «снарядов». К тому же хвосты не дремали: ловко отбивали то, что неминуемо разбило бы голову даже ящерице. А тут справа по курсу наметилась брешь в этом безобразии. Островок чистого пространства. Естественно, обе ринулись туда, не слишком задумываясь о причинах такого послабления.

Глава 24

Чума на оба ваших дома!

Щедрые подарки, поднесённые не тем, кто тебя искренно любит — ловушка в девяносто девяти случаях из ста. Юлька это прекрасно знала. И прекрасным же образом влетела в неё, легкомысленно поддавшись искушению легко и беззаботно решить проблему.

Она закувыркалась в воздухе, сверзившись в пропасть, неведомо откуда взявшуюся на ровном месте. Каменные скалы, мимо которых они с Дэма пролетали, заволакивал густой туман. Который тоже откуда-то выполз в считанные мгновенья.

Одни хвосты крепче прижали к спине Бу-Каара с Гарути. Другие сплели вокруг головы самой Нанки защитный купол. Хотя по её личному мнению черепушка хордового куда крепче отростка на заднице. Три хвоста успели зацепиться за пару золотых лиан падающей неподалёку Вейры.

Та летела вниз со скучающим видом пассажира электрички, в которой каталась по два раза на дню. Что наводило на мысль о привычном маршруте. Во всяком случае, уже однажды пройденном. Видимо, без членовредительства.

Полёт затягивался, и первый испуг отпустил могучую непобедимую Повелительницу смерти.

«Ты знаешь, что происходит?» — не выдержав напиравших на психику сомнений, поинтересовалась она у подруги.

«Знаю», — неожиданно прохладно отозвалась Дэма. — «Летим в гости»

«К кому?» — опешив, старалась Юлька сохранить лицо.

«К тому, кто подстроил эту ловушку»

«Птут?» — вспомнила Юлька о мастере прокладывать пути между небом, землёй и подземельями.

К тому же её принуждали сделать больно Птураху — близнецу Бога-Путеводителя. Это могло объяснить желание Птута защитить брата, уничтожив борзую ящерицу-убийцу.

«Путеводители тут не при чём», — подключился к беседе До, примотанный к спине Вейры.

«А кто причём?!» — вдруг разозлилась Юлька, ибо её со всей очевидностью водили за нос.

И не только нехур: Дэма вела себя... как-то не так. Юлька боялась слова «подозрительно» — подозревать подругу в нехороших намерениях на свой счёт не хотелось. Это уж слишком. Если так оно и случится, зачем ей вообще такой новый мир?

Стоп! Что значит: зачем? Юлька мысленно надавала себе пощёчин: а Севка, а Даян? Кирилл, в конце концов, которому она кое-что должна.

Летящая с ней бок о бок Вейра скосила на Повелительницу смерти глаз. Цвета тёмного золота. Она была спокойна, как скала, мимо которой пролетала.

«До, глянь: там у меня Гарути с Бу-Кааром в порядке?» — поинтересовалась Юлька у нехура.

«Оба спят и ничего не боятся», — довольно равнодушно поведал тот.

«А ты?»

«Я не сплю», — всё-таки удивился глиняный умник. — «Мы же беседуем»

«Ты ничего не боишься?» — уточнила Юлька, всеми печёнками чувствуя надвигавшуюся пакость.

«Я не умею бояться», — получила она без промедления вполне предсказуемый ответ.

Разговаривать со спутниками расхотелось. Падать надоело. Она закрыла глаза и погрузилась в воспоминания. О том дне, когда Севка впервые пошёл.

Даян вернулся с работы поздно. Поцеловал в дверях жену и буквально рухнул на старенький стул, который они подобрали на улице и отремонтировали.

— Есть будешь? — спросила Юлька, опустившись на коленки и стягивая с мужа кроссовки.

Его широколапые ноги подрагивали. На левом носке большой палец провертел дыру. Несмотря на педикюр, который заботливая жена лично делала мужу каждую неделю.

— Немного посижу, — обхватив её голову и притянув к себе, пробубнил Даян.

Уткнулся губами в макушку жены. Замер. И вдруг резко выпрямился, разворачивая её голову на девяносто градусов. Севка, неуверенно подволакивая ножки, брёл к ним боком. Руками цепляясь за стену: шаг, другой, третий. Сделал ровно девять шажков — они считали вслух — и шлёпнулся на попку.

Не заревел, а хмыкнул. После чего протянул к ним ручонку, в которой был зажат огрызок печенюшки.

— Ня, — чётко произнёс доселе молчавший сын.

Даян приподнялся со стула. Перегнулся через жену и взял это обмусоленное угощение.

— Спасибо сын, — выдавил глухим голосом мужчины, который давил нелицеприятное желание прослезиться.

— Паршивый подарок, — зальбившись, внезапно произнёс Севка низким мурчащим голосом. — И пускай вообще забудет, что у него был жена. Он и сам уже обзавёлся новой супругой.

«Так! Стоп!» — поняла Юлька, что в её воспоминания нагло впёрлись немытыми ногами.

«Причём тут мои ноги?» — удивился наглец. — «И зачем их мыть?»

Лучший способ отделаться от любителя тобой поманипулировать: сделать вид, будто его вообще нет. Старый испытанный трюк, который Юлька немедля применила. Чтобы настырный любитель копать в чужих мыслях не смог достать её и оттуда, завела спасительную шарманку:

«У попа была собака — он её любил»

«Думаешь, если я не знаю твоего языка, то...»

«Она съела кусок мяса — он её убил. Вырыл ямку, закопал и на камне написал...»

«Не думаю, что тебе выгодно со мной ссориться, женщина»

«У попа была собака — он её любил...»

Манипулятор ещё чуток поприседал и плюнул. Пропал, как не бывало, а тут и полёт подошёл к концу. Не попрощавшись с «пассажирами», «экипаж» вышвырнул их на твёрдую землю. На дно гигантского колодца, куда они свалились. А свалившись, обнаружили над головами каменный свод: где-то высоко, но точно не глюк. Словно кастрюлю, в которую они рухнули, накрыли крышкой: попались, голубчики!

Всё происходящее подвластно только Богам — давно сообразила Юлька, приготовившись заполучить любую очередную пакость. Стопроцентно приготовленную им — других кандидатов не наблюдалось.

Укрепившись на разъезжающих лапах, Повелительница смерти вопросительно уставилась на золотую ящерицу. Не ответив ей взглядом, Повелительница жизни преспокойно потопала... на первый взгляд, в произвольном направлении. Ибо все направления тут были одинаковы.

Колоссальная пещера, из которой во все стороны уходили тоннели: дыры в скале сплошной чередой с мизерными промежутками. Будто центр велосипедного колеса, из которого торчат спицы.

Дэма размеренно шагала по выбранному ею тоннелю, не приглашая подругу к разговору. Будто Юлька не достойна знать: кто, что и где с ней пытается сделать? С другой стороны бурятская красавица большая умница — прекрасно помнила она. И весьма достойный человек, пытавшийся там, дома им помочь. А после ни разу не попрекнувший паразитов, заразивших её неведомой напастью.

Словом, топя за ней, Юлька твёрдо решила не цепляться, пока не просят. Смотреть в оба и убивать всех, кто попытается убить их. Она внимательно ощупывала взглядом самые обычные каменные стены тоннеля — их даже выровнять не озаботились. Убедилась, что тоннель постепенно расширяется. Что в нём восхитительно свежий воздух. И пахнет... огурцом.

Тут она заметила, что один из золотых хвостов впереди дотянулся до стены. Еле-еле достал и что-то сковырнул острым кончиком. После чего сунул добычу хозяйке в пасть. Та шумно сглотнула, и хвост вновь полетел ковырять стену. Восемь раз Вейра отправляла в рот невидимое что-то, пока не закончился тоннель. Восемь раз Юлька пыталась, но так и не решилась спросить: что именно?

Поход сквозь каменную кишку был столь же неисчислимо долгим, как и полёт. Порой Юльке казалось, что они бродят по замкнутому кругу. Вейра молчит, нехур молчит, остальные спят беспробудным сном. Ей одной так хреново? Или это сделано для того, чтобы хреново было ей одной? Всё указывало на второе. А после и подтвердилось.

Прямо перед носом шагавшей впереди Вейры лопнул воздух, выпустив пухлые тучи тумана. Они оказались в необозримо огромной пещере: стены далеко на горизонте, потолок высоко в небе. Вместо пола сплошная чёрная вода, в которой отражались несуществующие звёзды.

Из конца в конец пещеры воду перечёркивали прямые ленты каменных дорог. Для усугубления эффекта бреда эти каменные ленты двигались в произвольном порядке. Юлька заметила птицу, похожую на гуся. Та сидела на одной из дорог и чистила клювом перья, когда каменная лента развернулась вокруг своей оси градусов на тридцать. При этом пёс, возникший на месте гуся, продолжал вылизывать шерсть. На том же левом боку.

Не будь Юлька озабочена проблемой выживания, подивилась бы чуду — даже поаплодировала невидимому фокуснику. Но аплодировать в ловушке — простите! Ищи дурака — мысленно пожелала она удачи факиру и прыгнула вслед за Дэма. Приземлилась на дорогу, что как раз отчаливала от берега.

Ну, самодвижущимися лентами их не удивить. А вот способ передвижения затейливый — одобрила Юлька, когда после прыжка на дорогу оказалась в другой пещере. Не такой громадной и мокрой. По сути, обычное почти круглое жилое помещение напоминало гигантскую юрту.

Толстые ковры на полу и стенах сдержанно переливались, не терзая глаза. Вдоль неровного периметра стен тахта на тахте. Словно они попали в общагу гномов-рудокопов. Правда, очень зажиточных жлобов: ни одного стола, накрытого к пиру. Ни единого кресла или хотя бы табурета для гостей.

«Угощать не будут», — машинально схохмила Юлька, оглядевшись и усевшись прямо там, где стояла.

А вот Дэма прошлёпала в центр этой каменной юрты. Где внезапно поднялась на задние ноги и требовательно ударила передними в пол. Ударила и отскочила — сквозь ковровые пласты в ответ ударила мощная струя песка. Настолько, что выросла метров этак на десять. Выросла, распухла и оборотилась живым колоссом. Само собой, обнажённым — здешние Боги большие бесстыдники.

Лица Юлька спервоначалу даже не разглядела: лень задирать голову. Зато уставилась на его ноги атлета. Знакомые такие ноги, сексапильные. Между тем Дэма аккуратно сняла с себя нехура и обернулась человеком. Встала, расставив ноги в духе героев боевиков. Упёрла руки в боки и объявила:

— Я выполнила обещание: привела Нанку. Моя соплеменница в твоём гнезде. Теперь мы в расчёте.

К удивлению Юльки, она и тут не поверила, будто Дэма её предала. Мне душа говорит: невозможное не превозмочь — пришёл на ум давно забытый стих Рабиндраната Тагора. Невозможно, и всё тут. Хоть стреляйте в неё!

Она сняла с себя спящую парочку, превратилась юной девой и деловито уточнила по-русски:

— Что теперь? Разнесём эту халабуду?

— Не выйдет, — разочарованно промяукала Дэма. — Он же Бог.

«Воссуществовавший откуда-то там» сдулся до размеров нормального мужика. При этом недовольно куксился и шарил взглядом по девятисущим стервам. Его бесила невозможность проникнуть в иностранный язык.

— Кстати, кто он такой? — поинтересовалась Юлька, разглядывая голого качка.

В принципе, практически двойник Зура — констатировала она. Волосатый мускулистый обладатель неземной красоты — будто все они поочерёдно носят одно и то же тело. То ли дело Шот! Сразу видать умного человека.

Дэма улыбнулась невыразимо гаденькой улыбочкой и представила хозяина дома опять-таки на русском:

— Перед тобой ни кто иной, как Цур. Кстати, сын твоего покровителя, Всемогущего надзирателя за хаосом.

— Зура? — слегка обалдела от неожиданности Юлька и поспешила уточнить: — А кто мать этого образчика... нечеловеческого выпендрёжа?

— Ты не поверишь, — пообещала Вейра.

— Неужели одна из жён самого Несотворённого? — дурашливо округлила глаза Нанка.

— Сахти, — презрительно выплюнула Дэма явно ненавистное имя. — Думаю, ты не удивишься тому, что у этой пары получился весьма паршивый отпрыск. Бог лжи, песка, омутов и всякого такого же дерьма. Само собой, Бог обмана. Да! Ещё пожаров. Думаю, ты уже знаешь, что с логикой у них туго.

— Ты хочешь сказать, что песчаные столбы и бомбардировка его рук дело?

— А так же ямы, омуты, водовороты и... воздуховороты.

— То есть, — начала прозревать Юлька, — там, в саду это он?

— Он.

Богу лжи и пожаров надоело слушать непонятное мяуканье, чувствуя себя идиотом. Лишь высококачественный УАТ, вложенный в девятисущих заботливыми Творцами, не позволила их подловить. Он без предупреждения вывернул Юльку наизнанку, выпустив на свободу Нанку. Хвосты которой без приказа успели подцепить спящих людей, когда пол под ними исчез.

Новый полёт был кратким, но впечатляющим. Обоим никогда ещё не приходилось лететь сквозь жерло извергающегося вулкана. Хотя Цур вроде не имел к стихии огня никакого отношения.

«Значит, и Сахти где-то здесь», — сделала вывод Дэма, поймав хвост подруги.

Ей в лицо бросилась возникшая из воздуха летучая тварь. Сплошные зубы, когти и немного чешуи.

«Миражи?» — правильно поняла намёк Юлька, машинально хлестнув по твари хвостом.

Дешёвка — оценила она творчество пятиглазой Богини, проследив, как хвост пролетел сквозь урода. Когда на неё спикировал второй — покрупней да позубастей — даже напрягаться не стала. Только на инстинкте прикрыла глаза, когда призрак пролетел сквозь голову.

«Её рук дело», — подтвердила Дэма. — «Если на голову будет падать каменный храм, игнорируй»

И тут же огненное жерло пропало, а они остались висеть в воздухе. По-прежнему в «коврово-диванной» пещере.

— Я же говорила, что её трудно испугать, — недовольно промурлыкала красноволосая пятиглазка. — Этот глиняный болван всё напутал. Или сознательно наврал. Как неудобно, — зафыркала Сахти, — что до мыслей неживых не добраться!

Её слова больно задели Юльку: неужели До их предал? Тут же здравый смысл внёс поправку: не предал, а выполнил задание своего Творца. Даже она — продукт иной цивилизации — попав в тело Нанки, испытывает огромную привязанность к неведомой Богине Нанкеште. И это не полу призрачные ощущения — Юлька чётко осознавала, что преклоняется перед своим Творцом.

Так, за что винить бедного глиняного нехура? Не за что — сделала она утешительный вывод, разглядывая красноволосую стерву.

На этот раз Богиня всего изменчивого и недолговечного соизволила прикрыть наготу. Длинная красная туника переливалась на картинно разлёгшейся даме в подражание коврам, что висели над тахтой. Переливчатое на переливчатом оставляло от экстравагантной тётки лишь конечности с лицом. Смотрелось уморительно и отвратительно одновременно.

— Сама попробуй! — зашипел на мать непочтительный сын, валяясь на соседней

тахте. — Твоя идея с предательством тоже провалилась. Нанка либо её простила, либо дура! Не верит, что её предали.

— К сожалению, не дура, — досадливо мяукала Сахти, о чём-то напряжённо раздумывая.

— Можно попробовать иначе.

Спина Юльки ощутила облегчение: с неё пропал груз. Хвосты ощупали место пропажи: так и есть. Покосилась на Вейру.

«Шантаж», — подтвердила Дэма её догадку.

Два тела спящих людей повисли под далёким потолком вниз головой. Вместо верёвок, их ноги опутывало нечто вроде живой лианы. На которой сидели некие птицы с длинными клювами и долбили путы. Многозначительно так. Дескать, сейчас дотюкаем, и людишки свалятся вниз — только мозги вразбрызг.

«Бъём мы в золотые колокольца, — завела молитву «дотюканная» до предела Вейра, — для услаждения слуха твоего, о, Владычица наших жизней. Танцуем для услаждения взора твоего. Велика сила твоя, о, Владычица жизни. Превозносим мы силу твою»

При первых словах молитвы дятлы подуняли прыть, кромсая лиану через пень колоду. И

— как показалось Юльке — косились вниз на парочку неадекватных Богов с неприкрытой укоризной. Она решила подпустить в ситуацию задору и воодушевлённо подхватила:

«Велик гнев твой, о, Владычица разума Вейра. Трепещем мы пред гневом твоим»

Лучше бы не выпячивалась.

— Не дура?! — подскочив с тахты, громогласно зашипел Цур.

Ей, богу: это всепроникающее шипение ворвалось в мозг Нанки и попыталось его разбомбить. Юлька не сразу поняла, что сама шипит, болтая в воздухе всеми конечностями. Рядом извивалась Вейра, презрительно таращась на голого истязателя.

Который вдруг превратился в гигантскую короткую жирную змею с получеловеческим ликом. Скорей с безобразной маской, искажённой гневом — фу ты, ну ты! Цур взвился под самый потолок, обвинил тела Бу-Каара с Гарути и был таков. Улизнул — гад ползучий — в какую-то дыру под потолком. А обе ящерицы рухнули спиной вниз — едва успели вывернуться и упасть на лапы.

Не стовариваясь, они понеслись штурмовать стену. Но едва взбежали по ней до середины, стена исчезла. Обе вновь продолжили болтаться в воздухе. Где-то под ними громко хмыкнула Сахти. Опустив взгляд, Юлька вознегодовала: эта сучка ещё и ржёт!

«О, мой Повелитель хаоса и разрушений!» — скорей из мстительной вредности, чем осознанно, воззвала Нанка к своему покровителю.

Попт она ему или куча навоза?!

— Ну? — поразительно быстро откликнулся громовым раскатом невидимый Зур. — Говори быстрее: я занят».

«Обижают», — от неожиданности пискнула она несусветную чушь.

— Кто? — нетерпеливо осведомился Бог пустынь и белых цапель, но тотчас протянул: — А-а-а, это ты? — он вдохнул и поинтересовался: — Как успехи?

— Уходи! — мрачно буркнула Сахти, отчего у Юльки заложило уши.

— Дорогуша, она мой попт, — напомнил Зур с непередаваемой иронией старого мудреца.

И тут же Юльку швырнуло вверх — едва не вырвало хвосты, что намертво оплели Вейру.

Под потолком их с такой силой запульнуло в дыру, куда ускользнул Цур, что обе не слабо проехали на хвостах. И затормозили на самом краю натуральной, а не приглючившейся пропасти.

«Чума на оба ваших дома!» — мысленно прокляла Богов бывшая студентка-филолог.

И помчалась вниз по отвесной стене вслед за Нанкой. Несмотря на потерю времени, обе заметили мелькнувший внизу жирный, короткий змеиный хвост. Ну, погоди, зараза — пригрозила Юлька, почти срываясь со стены. Спасали хвосты: цеплялись за всё подряд. УАТ в отличие от неё соблюдал технику безопасности при спуске с отвесных объектов.

Они с Дема ещё не достигли дна, как навстречу выросли столбы из песка, земли, мелких камней и прочей дряни. Ящерицы увильнули в сторону, но там уже лезли навстречу новые выросты. Вейра жалобно взвизгнула: один из столбов задел её бок — кажется, треснуло ребро.

И тут Юлька рассвирепела. Она приземлилась на пол очередной безразмерной пещеры и включила сразу две циркулярки. Острые, как бритва, хвосты, резали вырастающие навстречу столбы — довольно прочно спрессованные. Повелительница смерти прорезала себе путь, игнорируя стучащий по башке дождь из камней. Вейра пёрла за ней бронетранспортёром, умудряясь на ходу заживлять мелкие травмы.

Вся эта свистопляска начинала доставать.

Наконец, они достигли противоположной стены пещеры. Огляделись и никого не обнаружили. Гоняться за Богом страшная морока — досадливо пожаловалась Юлька неведомо кому.

Вейра же проигнорировала её душевные муки. Уткнув нос в землю, она сипло втягивала воздух: натурально брала след. И таки взяла! Когда таскаешь за собой обычных людей из крови и плоти, нужно быть аккуратней. Бережно обращаться с теми, кто может оставить на камнях капли этой самой крови.

«Нам туда», — озадаченно ткнула Вейра в скалу запылённой мордой.

«Сквозь стену?» — нехотя уточнила Юлька, понимая, что конец этому бреду предвидится нескоро.

«А как?» — не менее устало отозвалась Дэма.

«О, мой Повелитель хаоса и разрушений!» — тяжело вздохнув, затянула Нанка.

«Ну?» — тут же взорвалось в её голове. — «Говори быстрее: я же занят»

Юлька погорячилась, обозвав свистопляской их приключения до стены. До этой стены. Потому что реальная пляска со свистом ожидала за ней.

«Держись!» — только и успела квакнуть она, когда скала перед ними внезапно хлынула куда-то вперёд.

То есть, в прямом смысле: как могла бы хлынуть вода во время потопа. Жидкий камень, в котором они с трудом держались на плаву, нёсся потоком мимо приевшихся скальных стен широченного тоннеля. Честно говоря, обе страшились дышать.

Вдруг камень вернётся в своё нормальное состояние? Их же просто замурует по самое горло — и хвосты не помогут. Хотя Юлька и старалась держать их как можно выше над потоком.

Зря боялись. Нет, каменный поток и впрямь превратился в обычную лаву оползня. Но плавчих сила инерции швырнула вперёд. Прямо в тоннель, который встал на попа, едва принял их в своё лоно. Влетели в тоннель, а рухнули в колодец.

«Это уже... Ой! Не мираж», — констатировала Юлька, несколько раз основательно

приложившись к торчащим из стенок колодца валунам.

УАТ хладнокровно гасил скорость падения, цепляясь хвостами за всё подряд. Вейре с хвостами повезло меньше, так что Нанка практически старалась за двоих. Полёт был скоротечным и, так сказать, «искро мётным» — из глаз их вышибало просто феерично. Закончился он, к счастью, не на торчащих вверх сталагмитах, а в воде.

Верней, в каком-то густом липком киселе, где бронированные ящерицы тотчас пошли на дно. Благо, хоть успели глотнуть побольше воздуха. Всплывать даже не пытались, сберегая силы и воздух. За что и были вознаграждены, выехав из киселя в снежный сугроб. Господи! Ну, снег-то здесь каким боком?

Тем более в таком пекле — даже не сразу ощутила Юлька нестерпимый зной, стоя по самое горло в холодной талой воде, где ещё горбатились остатки сугробов.

«Знаешь, что это мне напоминает?» — задумчиво осведомилась Вейра, прежде чем на них обрушилась гора песка.

И буквально распластала ящериц в жиге мигом замешенной грязи.

«Знаю, — хмыкнула Юлька, чихая и отплёвываясь, — лично мне это напоминает самый натуральный хаос»

«Помощь Зура просто неоценима», — хихикнула в ответ Дэма, выбираясь из грязи на какой-то громадный валун.

Она втянула Юльку на этот чистый надёжный пяточок тверди, который тут же лопнул под ними воздушным шаром. Из которого взрывной волной выбросило миллионы мелких белых перьев. Перья в широких носопырках при таких когтях на пальцах — это чистейшей воды пытка. Страшно представить, куда достанут их сабли, если попытаться прочистить нос пальцами.

«Думаю, мой покровитель... перестарался», — пыталась Нанка быть дипломатичной.

«Думаю... Ой! Ай!»

Перья осыпались вниз белой галькой, щёлкая их по чешуе. Стены колодца съезжались, обещая сделать из ящериц кусок золотой фольги и клочок белой кожи.

Потирая хвостами темечко, Юлька вдруг вспомнила один не прояснённый момент:

«Если воздуховороты в саду вертел Цур, то причём здесь духи Птута?»

«Это были не птутаки?» — озадаченно косилась Дэма на стены каменного пресса. — «Теперь я в этом уверена. Глиняный паразит нас обманул. Сахти права: иметь дело с духами жутко неудобно. Совершенно невозможно их распознать. Только догадаться»

«Тогда, кто это был?»

«Сахута́ки. Двоесущие творения Сахти. Ты что, не знала, что она тоже Творец?»

На этих словах колодец таки схлопнулся. Не причинив им физического вреда: лишь ветерком повеяло да что-то где-то грохнуло. Очередное состояние «подвешенности» в непроглядном тумане вызвало всплеск острой злобы: ну, сколько можно?!

«У сахутаков помимо УОТ есть лишь Кат», — невозмутимо продолжала ликбез Дэма, покрепче сплетаясь с Нанкой хвостами. — «Неразрывная приверженность друг другу. Она им даже в именах отказала. Вот сахутаков ты и уничтожала. А Птут тут совершенно не причём»

Влажная взвесь тумана осыпалась мелким белым песком. Они рухнули вниз на облака — под животом Вейры вспыхнуло солнце. И ни одного блика от золотой чешуи — полный игнор законов физики про отражение света и всё такое.

Юлька встряхнулась и задрала голову: небо обросло зелёной травой. Яркие цветы

торчали вниз головками и покачивались, покачивались.

«Зачем вся эта чехарда?» — устало пробормотала она, прикрывая глаза. — «Достали»

«Именно для этого самого», — насмешливо прокомментировала Дэма божьи старания. — «Если тебя такие фокусы не пугают, нужно хотя бы довести тебя до умопомрачения»

«Манипуляции?»

«Они самые. Пока не убедятся, что так тебя не сломать, не успокоятся. Меня три года назад так же доставали. Я даже психовать начала. Нужно бежать вас искать, а меня маринуют в каком-то дурацком калейдоскопе. Зато потом отцепились. Нужно просто дотерпеть до конца»

«А цель?» — честно говоря, так и не поняла Юлька, любясь, как поросшая травой земля обрушивается вниз на облачное небо.

В образовавшейся полутьме закружили тучи каких-то мелких уродцев. Юлька даже высматривать не стала: что же им такое транслируют? Кто-то щёлкал акульими зубами перед самым носом. Кто-то тянулся к морде когтями. Цирк с конями.

Глава 25

Отдам всё, что смогу

УАТ машинально отреагировал на первые атаки нематериальных уродцев и успокоился: ни один хвост не дёргался отбивать нападение.

«Тебя нужно сломать, а иначе не всучить абибу», — пренебрежительно поведала Дэма, усевшись на хвосты и равнодушно разглядывая витийствующую нечисть. — «Тот наверняка где-то здесь. Готовится обзавестись супругой»

«А ты им для чего?»

«Уже не для чего. Я теперь в невесты не гожусь: ты более выигрышный вариант! — деланно возмутилась подруга. — «От меня требовалось лишь притащить тебя в ловушку»

Монстры вокруг всё росли и росли. Тёрлись боками, путались в хвостах и крыльях. Где-то какая-то мелочь уже проваливалась в распяленные пасти более крупных коллег.

«Зачем?»

«Ты чем слушаешь?» — укорила Дэма.

И ушла с головой в грязную трясику. Аборигенов бы от подобного путешествия давно кондратий хватил. Но они-то с Дэма не местные — недоумевала Юлька — как меня сломать подобной чепухой? Боги же могут быть дураками — даже такая идиотка, как Сахти.

Утонув в болоте, снова попали в бушующее пламя: не припекало, зато глаза ещё как слепило.

«Да нет, ты не поняла», — зажмурившись, досадливо прошипела Юлька и занавесила морду хвостами: — «Зачем ты согласилась тащить меня в ловушку?»

«Чтобы поскорей найти», — удивилась Дэма непонятливости подруги. — «Я вообще на севере обреталась у аргатанов. Там не так жарко. Ну, когда вы, наконец, явились, Цур меня сюда и отправил. Без предательства я бы долго о вас не знала»

Языки разгулявшегося вокруг пламени всё вытягивались, вытягивались, пока не превратились в огненные канаты. Те потухли, обернулись гигантскими змеями и принялись обвивать ящериц, сжимая кольца.

«Да уж, — позавидовала подруге Юлька, — я бы не додумалась. Так просто, эффективно...»

И рухнула на пол покинутой пещеры с диванами.

— Ты меня предала! — кипятился в центре помещения Цур, гневно тыча пальцем в поднимавшуюся на лапы Вейру.

Та обернулась золотоволосой атлеткой и зазывно потянулась:

— Я только и делаю, что всех предаю.

Юлька не торопилась очеловечиваться. Обозрев окружающую обстановку, она убедилась, что Дэма попала в яблочко: абиб был «где-то здесь». Сидел на тахте с прямой спиной и жутко серьёзной физиономией. «Обладатель двух жезлов» неприкрыто трусил. Глазами так и стрелял: то в Бога, то в Повелительницу смерти.

Ещё бы ты не сдрейфил — позлорадствовала Юлька, улёгшись в привольной позе могучей львицы. Бог лжи, песка и прочих радостей не может убить человека: ему не положено. Не его профессия. Зато Повелительница смерти прикончит надоевшего жениха, и не почешется. В данный конкретный момент страшнее Нанки тут зверя нет.

В пещере грохнуло, сверкнуло, и рядом с кипящимся Цуром объявился новый персонаж: незнакомая Богиня. Невысокая, тонкокостная, но такая ладная, спортивная, что залюбуешься. Вместо человеческой головы вновь прибывшая носила белый череп то ли ящерицы, то ли змеи. Что над белоснежной целомудренной туникой в пол смотрелось чертовски несуразно.

Правда, Богиня вдруг спохватилась и сменила голову. Обзавелась человеческой, женской, с обычными чёрными распущенными волосами и тремя глазами.

Нитú — узнав её, обмерла Нахера и попыталась удрать. Нанка вскочила, но Юлька взяла за горло УАТ и заставила засранца погасить истерику. После чего она приняла человеческий облик: если уж припрут к стенке, так сделают это в любом виде. А разговаривать удобней в привычном формате: ртом.

Богиня охоты. Блюстительница умной войны — что бы сие не значило. Повелительница горячей любовной страсти. Защитница женщин. Хранительница брака и семьи. Юное хрупкое создание из всего списка ассоциировалось лишь с любовными страстями — войной там и не пахло. Однако при виде коллеги Цур сдулся.

— Жених и невеста здесь, — тоном страшно занятого человека констатировала Богиня. — А где Ахарта? Странно, — вдруг повернулась она к Юльке и вытаращилась на неё двумя глазами.

Третий, что во лбу, косился на переминавшегося Цура.

— Что странно? — глухо промяукал тот, нервически оглядываясь по сторонам.

Выглядел Бог нашкодившим дворовым пацаном, в паническом темпе сочинявшим отмазку.

— Ты не сказал, что Нахеры в этом теле уже нет, — прокурорским тоном обличила засранца Ниту.

— Но, тело-то принадлежит Нахере, — возразили правдолюбике мягким мурлыканьем искушающей женщины.

Сахти — на этот раз в золотистой тунике до колен — нарисовалась рядом с балбесом-сыном. Который так и не смог довести невесту до состояния невменяемого соглашательства. Что создавало определённые трудности при заключении брака между человеком и девятисушим.

— Моя дочь дала своё согласие на брак! — для пушей убедительности, пролаяла ещё одна дамочка, явившись по следам Богини.

Тут уж Юлька ощутила прямо-таки жгучий интерес к происходящему. Всё-таки

родственница — хотя и наполовину. Судя по ослепительной ненависти к ней дочери, та когда-то любила маму. Беспредельно и безусловно — как и все нормальные дети. Мама была выше Богов и чище самой вселенской справедливости.

А потом заносчивая идиотка низвергла себя в глазах дочери ниже самых заклятых врагов: Сахти, Цура, женишка этого...

И ещё кого-то особо омерзительного — гнездились где-то очень глубоко в издёрганной настороженной памяти Нахеры. Юлька впервые почувствовала присутствие этого «кого-то»: девушка ненавидела его лютей лютого. Он был источником всех её бед — неожиданно вскрылось, едва тело Нахеры отреагировало на появление матери.

— Инициатива с женитьбой на этом... падишахе исходит не от присутствующих, — пробормотала Юлька на родном языке. — Они всего лишь исполнители. Но этот участок памяти пока заблокирован.

— Я догадывалась, — промурлыкала Дэма. — Но ты не отвлекайся. Кажется, у тебя есть шанс решить проблему с женитьбой. Навсегда.

— Как?

— Стоит убедить... ну, ты поняла кого. Не стану называть её имя.

— Э-э... Заведующую божественным ЗАГСом?

— Угу, — хмыкнула Дэма, стараясь не смотреть на упомянутую Богиню. — Нужно убедить её, что ваш брак невозможен. И тогда он реально станет невозможным. Через волю... заведующей никто не посмеет переступить. Даже её Несотворённый отец.

Пока инопланетянки болтали, остальные присутствующие, как обычно, напряжённо прислушивались к незнакомой речи — едва ли не принохивались.

— Дочь Ахарты, может, и дала согласие на брак, — взялась Дэма за работу адвоката. — Но перед вами не подлинная Нахёра. Это моя соплеменница, явившаяся, как и я, из другого мира. Вы достаточно долго изучали меня...

— И ещё двоих наших соплеменников, — встряла Юлька.

— Их тоже, — приняла поправку Дэма. — Так что прекрасно понимаете: перед вами совершенно другой человек. Вы же согласились, что я другой человек? А не умершая в этом теле Фахути. Так, в чём разница?

Ух, ты — подумалось Юльке — а у неё непростое имя: Фахути, значит, честная, правдивая. Таким на пустом месте не обзовут. Видимо, репутация у прежней хозяйки тела Дэма была безупречной.

— К тому же, — торопилась та, пока не заткнули, — моя сестра много лет замужем. Её сыну уже шестнадцать лет. А вы, — демонстративно уставился оратор на Богиню, охранявшую незыблемость брака, — собираетесь попать установленные вами же правила.

— У неё и сын есть? — нахмурилась Ниту, скрестив руки на груди.

Сахти с сынком разом поскучнели божественными ликами. Эту часть правды решили не демонстрировать публике — злорадно отметила Юлька. А билеты уже проданы. Ну-ну.

— О, Хранительница семьи, к тебе обращаю я беды свои. Внемли матери, Справедливейшая! — внезапно проснулась мамочка и поклонилась Богине. — Нахера моя дочь. И я дала слово Простирающему крылья, Воссиявшему двумя жезлами Могучему Непобедимому абибу Этат-Хуш-Кар-Ути. Я поклялась именем своего Творца, что Нахера станет его женой.

— Поэтому она себя убила?! — не выдержав, нагавкала на мамашу Юлька. — От

великого непереносимого счастья?

— Это меня не касается, — внезапно равнодушно отбрила её Ниту́. — Это между вами и вашим Творцом. Меня же позвали скрепить или не скрепить брак. И я пока не приняла решение.

— О том, кто перед тобой? — уточнила Дэма. — Нахера или всё-таки Юлия?

— Юлия, — просмаковала Ниту незнакомое имя из другого мира. — Что оно означает?

Юлька нехотя мякнула:

— Пушистая.

— С твоим именем поторопились! — язвительно прошипела Саhti с тахты, где вновь возлежала в своей излюбленной позе вульгарной шлюхи. — Я бы назвала тебя: Уйх́ити.

То есть, колючкой — машинально перевела Юлька и одарила Богиню предательства откровенно хамской ухмылкой. За что немедля получила. Её так скрутило, что завывли-застонали все косточки. Невидимые лезвия полосовали мышцы снаружи и потроха внутри. Впрочем, казнь была скоротечной.

Внезапно всё закончилось. Скрючившись на полу, жертва собственного языка поелозила ногами. Пыталась определить: подгузник мокрый или обошлось? Дэма присела над ней и приложила руку ко лбу. Кивнула: дескать, потерпи, и я тебя полечу.

— Ещё раз тронешь моего пóпта, станешь одноглазой, — пригрозил где-то за спиной знакомый мужской голос.

— Она меня оскорбила! — попыталась качать права Саhti.

— Ещё раз тронешь моего пóпта, останешься слепой, — предложил Зур второй вариант развития событий. — Ниту, Ослепительная мучительница моего сердца, что ты решила с этой дурочкой?

— Не знаю, — вдруг совсем по-девчоночьи пожаловалась ему Богиня охоты и даже войны. — Она такая же Нахера, как и чужачка. Как их разделить?

Юльке вновь поплохело: кошки на душе не скребли, а раздирали её в клочья. Дожила, что называется, до светлого денёчка! Эти недоразвитые упыри ещё делить её надумают — тогда она точно Даяшу никогда не увидит.

— Ну, судя по тому, что даже в страхе она думает о муже, перед тобой чужачка, — резонно заметил последовательный специалист по хаосу и прочим разрушениям.

— О, Сокрушающий! — довольно патетично возвала к нему Ахарта. — Перед тобой моя дочь! Я родила её, значит, это Нахера. У неё лишь временное помрачение.

Поскольку прения устроили за её спиной, Юлька перевернулась на другой бок и уставилась на «квалификационную комиссию». Решила прежде времени не подниматься с пола. Наверняка же снова выведут её из себя. Она им обязательно нахамит и получит взбучку.

Картина перед ней предстала презабавная. Зур нависал над стоящей рядом Вейрой. Живописно выпятив грудь и подбоченясь. Норовил приобнять Дэма правой рукой, но та демонстративно ускользала.

Малютка Ниту наоборот клеилась к сексапильному мужчине. Ещё и голому — как не надоест? Богиня войны висела на левой руке Бога мёртвых песков и буйных катаклизмов. Её третий глаз буквально светился, косясь на объект обожания. Юлька старалась не пялиться на то, что её похотливые пальцы проделывали с пенисом Зура.

Что они в нём находят — недоумевала она, вспомнив, что и у Саhti с ним «было».

— Он совершенен, — тоном врача, констатирующего диагноз, уведомила её Богиня

горячей любовной страсти.

Между тем Повелительница смерти Ахарта уставилась на Юльку белыми от ярости глазами. Её реально прекрасное лицо исказила гримаса, которая тётку совсем не портила. Мамашу так и подмывало высказаться насчёт залётной узурпаторши тела дочери. Но тут уж ничего не поделать: попт Зура — это не какой-то королевский фаворит. Здешние Боги терпеть не могут, когда трогают их вещи.

Не успела Юлька себя обнадёжить, как поплатилась. Пока Зур был занят Дэма, а Ниту им, Богиня воздуха, ветров и миражей решила воплотить в жизнь ещё один провокационный план обуздания строптивой Нанки. Юльку опять вышвырнуло из пещеры диванов — на этот раз в одиночку.

И зашвырнуло на спину огромного... то ли гуся, то ли лебедя. Тот был размером с Боинг и шпарил куда-то в поднебесье по своим делам. Скорость имел приличную, однако пассажиров с его спины не сдувало: ни единый волосок на головах не ворохнулся.

Хотя, нет: ворохнулся. Когда заметно воодушевившийся абиб тряхнул своей роскошной гривой. Естественно, неопишимо сексуально — как и полагается обнажённому мужчине, возлежащему напротив в соблазнительной позе.

Идеально скроенная мускулистая загорелая рука протянулась к невинной деве — чёрные глаза ели поедом недотрогу, обещая неизведанное ею наслаждение. А как он дышал! Будто уже взобрался на неё. И всюду трудился над вколачиванием в девичье тело пресловутого наслаждения.

— Ты забыл, — намеренно брезгливо отведя его руку, промяукала Юлька.

— О чём? — на низких нотах промурчал он, подтянувшись ближе.

— Я же не девственница. Меня твоими ужимками не смутить. И уж тем более не возбудить. Очнись! Моему сыну шестнадцать. У меня муж и любовник.

— Какой любовник? — настолько опешил Ути-кар, что брякнул: — Мне о нём не говорили.

— Говорю, — слегка зевнув, мяукнула распутная девственница.

— Кто он?! — прорычал абиб, напружинившись и сжав кулаки. — Как посмел?!

— Не волнуйся, — едва не расхохотавшись, утешила Юлька. — Это было в нашей прошлой жизни. А тут пока ещё никто не посмел. Слушай, давай начистоту: зачем тебе жена Нанка?

— Ты мне обещана, — отбрехался опытный политик, мигом взяв себя в руки.

— А всё-таки. И кстати, — впервые пришло ей в голову, — что у тебя за это потребовали? Ведь задарма девятисушью никогда не отдадут обычному смертному.

— Я не обычный смертный! — искренне оскорбился абиб и сел, расставив ноги: — Я Простирающий крылья, Воссиявший двумя жезлами, Могучий Непобедимый Этат-Хуш-Кар-Ути!

— Не стоит так орать, — сочувственно промурлыкала Юлька, тоже заняв вертикальное положение. — Вообще-то, я могу тебя прикончить в одно мгновение.

— Не посмеешь, — настораживающе уверенно отверг подобную возможность Ути-Кар.

Вот он и подтвердил: красноволосая мартышка Сахти не является его «крышей»: она Зуру не соперница. Тут замешан кто-то повыше. А кто у нас могущественней Богини воздуха и солнечный лучей? Кто угодно — разочарованно откликнулась память Нахеры.

— Я?! — максимально натурально озверела Нанка. — Не посмею?! Творение самой Владычицы смерти и попт Повелителя хаоса? Ты сбрендил, человечик?

На этой бы тираде вырасти хотя бы вдвое. Нависнуть над придурком, пылая очами. Заодно сменить замызганную тунику на что-то побогаче — для пушего впечатления. Но перед истинным — как бы там ни было — правителем народов сидела всё та же худая обшарпанная девчонка. Ни капли не страшно.

Впрочем, это на взгляд человека её воспитания. Абиб видел в этом заморыше Повелительницу смерти под покровом любого обличья. Он так струхнул, что рефлекторно сжался. А потом их непрошеное уединение нарушил гость.

Гигантский Цур завис над гигантским лебедем, и Юльку опрокинуло на спину. Распяло на жёстких перьях, содрав с неё все тряпки. Голая и обалдевшая она таращилась на Бога манипуляторов и засранцев: что за номера тот откалывает?

Даже не пыталась брыкаться в попытке освободиться: это ж не наручники пилить. Сила, что её держала, везде и невидима — с чем тут бороться?

Цур цинично ухмыльнулся и заорал на обалдевшего абиба:

— Давай! Что ты застыл?! Возьми её!

— Нанку? — пролепетал Ути-Кар, отъезжая на заднице подальше от психа. — Силой? А кто меня от неё защитит потом? Когда твоя власть над ней закончится?

— Потом она станет твоей женой, — сбавив в тоне и росте, принялся уговаривать Бог.

Попутно трусливого жениха приподняло, протащило к невесте и уронило точно на неё.

— Идиот! — выскочило из Юльки вместе с воздухом.

Всё-таки жених был довольно крупным мужиком в неплохой физической форме. Правда, смотрел на неё почти с ужасом, что мешало по-настоящему испугаться: как-никак её собирались изнасиловать.

Понятно, что у бедолаги насильника сейчас проблема с потенцией: самого фактически насилуют. Однако это не повод терпеть над собой подобные похабные эксперименты.

— Только попробуй! — набрав в травмированную грудь побольше воздуха, прошипела Нанка в лицо женишка. — На лоскуты порежу.

Тот взвыл и попытался с неё скатиться. Его снова приподняло и швырнуло на стервозную девку. Тут уж Юлька заорала в голос — даже матюгнулась.

— Ну, давай, не бойся! — раздражённо подзуживал Цу, для чего-то встряхивая бедного вконец офонаревшего мужика. — Ничего она тебе не сделает. Иначе Ниту её накажет за твоё убийство.

В глазах Ути-Кара Юлька заметила проблеск воодушевления. Его безвольное тело заметно напряжилось. Опытный кобель машинально развёл даме ноги. Дать бы ему коленом в пах, чтобы не облизывался, да шевельнуться не получается. Ну, погодите у неё!

— Ещё как сделаю, — зловещей лаской в голосе Нанка мигом нейтрализовала робкие поползновения приободрённого абиба. — Забыл, что я не малютка Нахера? В моём мире женщина вправе убить насильника. Я не побоюсь никаких Богинь. Разделаю, как Бог черепаху. Нанкешта мне в том порукой, — брякнула она для пущей важности.

И жених взвыл. Скатился с неё, заполошно пополз по белой спине...

Нет, уже не по спине гуся-лебедя — обнаружила Юлька. Она валялась на полу всё той же проклятой пещеры. Абиб ещё немного прополз и пропал. Бедолагу вышвырнули прочь, как не справившегося с заданием.

Рядом с голой распластаной Нанкой возвышалась божественная парочка: Ниту и Зур. Первая гневно хмурилась. Ещё бы: у неё под носом чуть не изнасиловали девственницу, а Пылающей сердцем всё до фонаря. Защитница женщин нашлась!

Зур же довольно скалился, наслаждаясь нелепым видом своего попта.

— Рада, что ты повеселился, — проворчала Повелительница смерти.

И села, оглядываясь в поисках своей наволочки. Дэма подскочила к подруге, растерянно моргая: её здорово обморочили. Даже не заметила творящегося рядом надругательства. Подруга подобрала с пола тунику и протянула Юльке.

— Извращенцы, — пробормотала она по-русски, глядя исподлобья на потешавшегося Зура. — Ну, погодите.

Бог всего паршивого, кроме цапель, посерьёзнул и предупредил:

— Вейру звать не надо. Не серди меня. И не встречай между мной и моим поптом.

Дэма холодно усмехнулась: над своим поптом Бог властен — не поспоришь. Захотел подшутить — какой бы идиотской шутка не была — имеет право. Зато и защиту попту обязан обеспечить — тут ему не отвертеться.

— Я и не собирался, — пожав плечами, ответил Зур на мысли Вейры.

Отошёл от Ниту и вдруг обернулся чем-то громадным, чёрным, искрящимся и бесформенным. Тучей, из которой били молнии и раздался ужасающе громкий глас:

— Ты, моя Остроглазая, Справедливейшая, Пылающая сердцем, Суровая, Ведущая в бой сестра Ниту!

Оконфуженная миражами Цура Хранительница женщин тоже выросла под стать Богу хаоса. Тучей не стала, но голову на давешний череп сменила. Материализовала в руках колоссальный топор и тряхнула им: дескать, слушаю тебя.

— Уходи, — без громогласных заявлений потребовала грозовая туча. — Она тебе не подвластна.

— Докажи, — прогрохотало из черепа Ниту.

— Какие доказательства тебе требуются? — невозмутимо замурлыкал Бог разрушений, вернув себе человеческий облик.

Богиня призадумалась. Она сбавила в росте, но череп на голову менять не торопилась. Видать, это какой-то важный атрибут её божественной власти. Ниту уставилась его пустыми глазницами на предмет общего раздора — Юлька так и сидела на полу, страшно занятая важным делом.

Обшаривала взглядом все доступные уголки пещеры в поисках Бу-Каара и Гарути. С одной стороны, как-то не верилось, что их могут погубить. Зачем? Какая с того выгода? С другой стороны, с них станется — покосилась Юлька на флиртующего с Дэма голого бабника — это ж всего лишь человечки, каких миллионы.

Боги всё больше казались ей странными формами овеществлённых функций и явлений. Пожалуй, следует получше их изучить. Дабы лавировать между их способностями и тем, что входит в круг их возможностей.

— Тебе кровь моя, о Пылающая сердцем Ниту. Стань защитой для меня малой против всех, кто задумал бы против меня, — потекли из Юльки слова весьма древней и вроде бы действенной молитвы-залога. — Тебе сила моя, о Справедливейшая Ниту.

Богиня явно удивилась: эту формулу самопожертвования редко кто отваживался произносить. Тут словами не отделаться: придётся выдать обещанное. Она покачала черепушкой и заявила:

— Что ты можешь предложить?

— Отдам всё, что смогу, — без паузы пообещала Юлька, махнув рукой на этикет.

Для одной она творение, для другого попт — и ни от Зура, ни от Нанкешты реальной

помощи не дождёшься.

Повелитель пустынь и прочих неудобств что-то недовольно заворчал. Прожёт чуток приборзевшую Богиню войны и супружества предостерегающим взглядом. Это его попт, так что руки прочь, подруга! В ответ где-то внутри черепа Ниту недобро заалело пламя. Всё-таки для Богов все подобные обещания круто важны, раз они так распетушились. Вот-вот друг на друга накинута.

Ну, что ты будешь делать — уныло подумала Юлька, сообразив, что встряла между ними и завязла. Теперь куда не кинь, всюду клин. Одному из них точно станет врагом.

И тут её выручила подруга:

— Я отдам тебе, о Суровая Ниту, всё, что смогу. Если ты рассудишь Нахеру с матерью по справедливости.

Внезапно огонь внутри черепа погас. Богиня удовлетворённо кивнула: жертва принята.

Ну, слава Богам — выдохнула Юлька, вновь зашарив глазами по сторонам.

— С ними всё в порядке, — раздражённо пробухтел Зур и укорил своего неразборчивого попта: — Тебе следует больше следить за языком. И меньше беспокоится о тех, кто этого не стоит.

— За неверные слова прости, — легко покаялась Юлька, — а эти двое для меня важнее многих прочих вещей.

— Важнее мужа и сына? — тотчас встряла Ниту, придираясь, как народ в очереди, для которого «тебя тут не стояло».

— Это несравнимо, — сухо буркнула Юлька, кляня себя за неосторожность. — За мужа и сына я отдам всё, что имею. Включая жизнь.

— Да, это несравнимо, — легко согласилась Богиня множества разных вещей, которые плохо вяжутся друг с другом.

Тем временем Зур, видимо, решил побаловать своего попта. А заодно порадовать себя. Ибо Бу-Каар, возникнув из воздуха, обрушился прямо на ничего не подозревавшую Нанку. Всей массой своего крепкого тела, облачённого в «бронезилет».

УАТ, понятно, не позволил раздавить свою девятисузную оболочку, лишив его пристанища. В последнюю секунду под воином оказалась белая чешуйчатая спина — хвосты поддержали ошарашенного мужика, чуть не скатившегося на пол.

— О, Пылающая сердцем! — верещала пойманная хвостами Гарути, восторженно плясая на черепушку Богини. — О, Несравненная Хранительница женщин! Да вознесётся имя твоё до высот!..

— Я слышу тебя, девушка, — благодушно отмахнулась Ниту. — И благословляю.

Юльке показалось, что в глазах Гарути блеснул хитренький огонёк. Что ж молодчина: вовремя подсуетилась и схлопотала благословение одной из самых могущественных Богинь. А это не просто брошенные на ветер слова — теперь Гарути может воззвать к Ниту в тяжёлый час, и та явится на помощь.

— Всесильная, ты жива, — между тем ощупывал белую спину распластавшийся на ней Бу-Каар. — Да пребудет в моей вечной бесконечной благодарности Воссуществовавший из ничего Хуш, которому я возносил мольбы.

— Вообще-то она мой попт. Это я её защищаю! — опять взревновал Зур, гневно хмурясь.

И генерируя в глазах мощный заряд, готовый кого-нибудь прикончить.

— Тебе кровь моя, о Пылающая сердцем Ниту! — внезапно завопила подзабытая всеми

Ахарта, злобно покосившись на Юльку. — Стань защитой для меня малой! Против всех, кто задумал бы против меня!

Приехали.

— Я могу представить доказательства неверности чужака, что был её мужем в своём мире, — зачастила мамаша торжествующим голосом женщины, имевшей в рукаве целую колоду козырей. — В нашем у него другая жена. Значит, являясь в наш мир, чужаки не считают себя прежними людьми. Они становятся теми, в ком воплотились. Тогда и эта... чужачка стала моей дочерью. Я властна над ней! Пускай мою власть и оспаривают.

У Юльки обмерло сердце. Неужели и тут судят не по закону, а по наличию прецедентов? Час от часу не легче! Даяша, похотливый ты подлец. Блудодей и дебил! Неужели нельзя было просто ограничиться любовницей? Да хоть сотней!

Нет, надо было обязательно узаконить отношения. Чтоб, тебя...

— Покажите мне его! — не терпящим возражений голосом потребовала Ниту.

— Пожалуйста, — преспокойно мурлыкнул Зур.

Эпилог

Юлька не поверила своим ушам. Юлька насторожилась. Юлька уставилась на Бога, среди ипостасей которого вроде не замечалось ни одной подлой.

Зур благосклонно кивнул своему встопорщенному попту, ответив на его щенячий взгляд укоризненной усмешкой.

И посреди пещеры открылся кусок совершенно иного пространства. О чём свидетельствовал поистине величавый лес неподалёку: кроны гигантских ветвистых деревьев, казалось, закрывали небо. Подобных колоссов в тутошних краях точно не водилось. Как и зверей в таких длинношёрстных шкурах, как у экземпляра, что важно прошествовал по опушке.

— Земля, откуда пришли аргатаны, — кивнула Ниту. — А он что там делает? — вытянулся пальчик Богини в сторону голого жирного карлика с задницей вместо лица.

Тот сидел на поваленном дереве, ковырялся в ухе и болтал ножками.

— Не знаю, — весело скаля зубы, признался Зур. — По-моему, они беседуют.

Шот и вправду беседовал с парой Любров. Крупноватых даже для их великанского племени. Один из них — пониже и постройней — сидел на том же стволе, что-то рассеянно выглядывая на горизонте. Его длинные распущенные волосы покрывали обнажённую спину почти до пояса. Короткая аккуратная бородка и усы были светлей тёмно-бронзовой шевелюры, что бросалось в глаза.

Впрочем, в его облике в глаза бросалось всё: Любр был слишком красив для оборотней его породы. Прямо рекламная картинка — отчего-то родилась в голове Юльки неодобрительная оценка. Хотя он ни в малейшей степени не выглядел любителем покрасоваться. Уж больно суровым было его лицо — уж больно умным и цепким взгляд.

Второй — натуральный гигант — лежал на земле, оглаживая высокую волнующуюся на лёгком ветерке траву. Он заплёл волосы в косу, заправив её за пояс штанов. Красотой не блистал, но взгляд притягивал. Лицо тоже слишком умное для этих обломов Любров — решила Юлька — потому и привлекательное.

Усов и бороды сей персонаж не носил, что редкость для оборотней. Предпочёл небритость средней степени тяжести, что некоторым дамам кажется сексуальным. А её всегда раздражало.

— Потому что на сей раз вы передумаете, — насмешливо предрёк Бог балаганных

плясунов и предсказателей, пнув сидящего рядом красавца.

— Уверен? — без малейшего намёка на неуважительность, уточнил тот.

— Я же Бог, — укоризненно протянул Шот. — И всегда знаю, когда пора.

— Несомненно, — согласился гигант с косой. — И мы воистину твои почитатели, готовые служить Владыке смеха. Однако стать твоим поптом... — он покачал головой и четко признался: — Опасно. Повелитель игры слов играет не только словами, но и тем, что за ними следует. Мы же стремимся жить в покое.

— Смешно, — одобрил Бог оваций и театральных премий. — Я уже слышал о последних плодах вашего покойного существования. Кое-кто вами недоволен.

Гарути прокралась к Юльке, задышала в ухо:

— Всесильная, который твой супруг? Тот красивый да? Красивый?

Всесильная досадливо отмахнулась, стараясь не упустить ни единого слова. Ибо в ней зрело ощущение, будто ей ребят разводят, как лохов.

— А ну цыц! — оттаскивая Гарути, шёпотом приказал Бу-Каар. — Чего пристала?

— Меня всё не покидает чувство, — проорчал тем временем красавчик, — что ты принёс нам какую-то вестью. Крайне важную.

— С чего ты взял? — удивлённо выкатились наружу утопавшие в складках глаза-бусины Шота. — Если бы принёс, с чего бы стал молчать?

— С того, что Злой шутник обязательно должен покуражиться над парой бедных бестолковых Любров.

Шот задумчиво постучал пяткой по стволу и решил:

— Нет, сегодня неохота.

— Воистину благословенный день, — хмыкнув, почтительно поблагодарил за щедрость гигант с косой.

— Итак, — одарил его Бог розыгрышей воистину ядовитой улыбочкой, — решено: теперь вы оба мои попты.

Оба Любра недовольно нахмурились. Их расслабленные плечи набрякли, скулы набухли. Ребята злились, на что Шоту было откровенно плевать. Он снисходительно хмыкнул и выдал в продолжение прежней фразы:

— Как и Севкья. Который, в отличие от таких неуважительных долдонов, как вы, знает, что я лучший.

Оба Любра вытаращились на него, как на кита, что обзавёлся пропеллером и взлетел.

— Вы не ослышались, — продолжал играть на их нервах Бог музицирования и провокаций. — Он уже здесь. И так же носит бронзовую шкуру.

Красавчик сполз с дерева на землю. Выдрал пук влажной травы и отёр лицо. Поперхал, прочищая горло, и хрипло выдавил:

— А его мать?

— Эта склочная особа? — с деланным пренебрежением уточнил паразит Шот. — Тоже явилась. Даже обзавелась УАТ. Хотя это вас вряд ли обрадует.

— Нанка? — качая головой, проворчал гигант.

— С тобой неинтересно, — насупился Шот, но тут же отошёл сердцем в собственных интересах: — Так, что скажете?

— Не вздумайте! — завопила Юлька, забыв, что всё происходящее за тридевять земель от неё.

— Я твой, — прохрипел красавчик, тяжело поднимаясь с земли.

— Вот же мерзавец! — восхитился Зур.

И связь оборвалась.

— Куда?! — вскинулась Юлька.

Но тут же опомнилась. Выдохнула, взяла себя в руки и уточнила:

— Когда я с ними встречу?

— Я всё увидела и услышала, — деловито объявила Ниту, уставившись на спорную невесту. — Это действительно твой муж. Ваша связь нерушима, так что и спорить тут не о чем.

— Справедливейшая! — простонала Ахарта, повалившись на пол. — Смилуйся!

— Ах, оставь! — негодуяще прикрикнула Ниту.

И пропала с глаз. Унеслась по своим делам: этот вопрос для неё решён раз и навсегда.

— Когда я их увижу?! — напирала Юлька на Зура, позабыв, что называется, и страх, и стыд.

— Это не мои попты, — разочарованно отмахнулся «пролетевший» с полезным пополнением Бог. — Разбирайся сама.

И улетучился вслед за обделённой его вниманием подругой.

— В этом мире они поменялись местами, — обняв расстроенную подругу, констатировала Дэма. — Даян красивей, а Кирилл сексуальней.

— Положила глаз на моего Даяшу? — уныло пошутила Юлька, чувствуя себя обманутой Пенелопой.

— Прости, но нет, — загадочным тоном промурлыкала Вейра.

— Кирилл тоже из породы дрессировщиков, — предупредила Юлька, наблюдая, как с пола поднимается на лапы Повелительница смерти с несколькими обрубками хвостов. — Ахарта, даже не думай! — раздражённо предупредила она. — Если тебя нельзя убить, то искалечить мне тут никто не запретит. Уходи и не попадайся на глаза.

— Не торопись с громкими обещаниями, — посоветовала ей Сахти, вспорхнув с тахты.

Как ни странно, эта попрыгунья просидела весь киносеанс тише мыши. Надо полагать, мотала на ус.

— Она сделает, — возразила Богине лживых советов Дэма. — Полагаю, вы не успокоитесь?

Сахти не удостоила ответом какую-то смертную ящерицу. Просто испарилась, унося с собой шипящую от ярости Нанку.

— Я так и знала, что её супруг тот, что красивей, — горячо бухтела в сторонке Гарути. — Так и знала. Я видючая.

— Видючая, — как-то непривычно ласково поддакнул ей Бу-Каар.

Девятисущие обернулись и дружно хмыкнули. Воин прижимал к себе девчонку, которую считал несносной особой. Нежно гладил её по спине и улыбался, глядя поверх её головы.

— Как будем выбираться? — спохватилась Юлька, окидывая взглядом каменные стены- скалы пещеры, которая осточертела ей до колик.

— Выберемся, — уверенно заявила Дэма.

И вывернулась наизнанку, обернувшись золотой Вейрой. Юлька тоже приняла облик Нанки, посадив на спину занятую собой парочку. Не успела она сделать и десятка шагов, как под одним из диванов продудели:

— Всесильная! А я?!

— У, предатель! — возмущённо промяукала Гарути, потрясая кулачком.

Юлька подумала-подумала и протянула нехуру один из хвостов. Обернувшись Вейра одобрительно кивнула и пошлёпала дальше. Оставалось надеяться, что она действительно знает, где выход.

Больше книг на сайте - Knigoed.net